

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

IX

1922

ПАРИЖЪ

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ,

издаваемый при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
А. И. Гуковского и В. В. Руднева.

IX

ПАРИЖЪ.

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S 14 DRESDNERSTRASSE 82-83

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. В. Г. Короленко. — ШЕСТЬ ПИСЕМЪ КЪ ЛУНАЧАРСКОМУ.	3
2. М. Алдановъ. — В. Г. КОРОЛЕНКО	50
3. Георгій Гребенщиковъ. — ЧУРАЕВЫ. (Романъ) Продолженіе.	55
4. Алексій Ремизовъ. — РУСАЛІЯ	88
5. Гр. Алексій Толстой. — Н. Н. БУРОВЪ И ЕГО НАСТРОЕНІЯ	116
6. М. А. Алдановъ. — ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА (Продолженіе) .	129
7. К. Бальмонтъ. — СТИХОТВОРЕНІЯ	180
8. Владимиръ Познеръ. БАЛЛАДА О НОЧНОМЪ ОБЫСКЪ . .	187
8. Левъ Шестовъ. — ПРЕОДОЛЪНІЕ САМООЧЕВИДНОСТЕЙ (Къ столѣтію рожденія Ф. М. Достоевскаго) Продолженіе . . .	190
10. А. А. Чупровъ. — ИНФЛЯЦІЯ — ДЕФЛЯЦІЯ	216
11. И. И. Бунаковъ. — ПУТИ РОССІИ (Статья третья)	244
12. А. Ф. Керенскій. — ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ	269
13. КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. В. И. Талинъ: ПО ПЕРЕПИСИ (Изъ записокъ совѣтскаго статистика (Окончаніе). Андрей Левинсонъ — ГУМИЛЕВЪ. В. Рудневъ — АРМІЯ И РЕВОЛЮЦІЯ М. Цетлинъ. — АСТАРТА (Новое о Байронъ.)	294
14. М. В. Вишнякъ. — НА РОДИНЪ. I Большевицкая власть и Европа — Уходъ Россіи изъ Европы — Отъ стараго Врестъ-Литовска къ новому — Итоги „новаго курса“ въ экономикѣ — Демонинація совѣтскаго строя — Живой левъ или мертвый левъ? — II Европа и большевицкая власть — Уходъ Европы изъ Россіи. — Послѣвоенная дезорганизация и европейскія противорѣчія — Отъ „санитарнаго кордона“ къ мирной конференціи — Экономическое возстановленіе — Кэйнсъ, Радекъ, Штиннесъ — Возвращеніе въ Россію. — III Каннская революція — Ея противорѣчія, лицензіе, непрактичность — Интервенція — безъ интервенціи — Соглашенія безъ признанія — Позиція російской демократіи — Признаніе большевицкой власти есть не признаніе русской революціи, а ея отрицаніе! Нешокожебленное убъжденіе	347

15. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Прив. доц. Сергей Карцевский. Творчество Тургенева Ст. Ивановича. Архивъ русской революціи. Е. Лунцъ. А. Фин-Енотаевский. Современное положеніе мирового хозяйства. М. В. К. Kautsky, Von der Demokratie zur Staats-Sklaverei. Eine Auseinandersetzung mit Trotzki

Перечень содержанія предыдущихъ книжекъ журнала „Современныя записки“ 392

Объявленія о подпискѣ.

Объявленія.

25 Декабря 1921 года
въ г. Полтавѣ

скончался

Владиміръ Галактіоновичъ
Короленко

ШЕСТЬ ПИСЕМЪ В. Г. КОРОЛЕНКО КЪ ЛУНАЧАРСКОМУ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.*)

Анатолій Васильевичъ.

Я, конечно, не забылъ своего обѣщанія написать обстоятельное письмо тѣмъ болѣе, что это было и мое искреннее желаніе. Высказывать откровенно свои взгляды о важнѣйшихъ мотивахъ общественной жизни давно стало для меня, какъ и для многихъ искреннихъ писателей, насущнѣйшей потребностью. Благодаря установившейся нынѣ «свободѣ слова», этой потребности нѣтъ удовлетворенія. Намъ, инако мыслящимъ, приходится писать не статьи, а докладныя записки. Мнѣ казалось, что съ Вами мнѣ это будетъ легче. Впечатлѣніе отъ Вашего посѣщенія укрѣпило во мнѣ это намѣреніе, и я ждалъ времени, когда я сяду за столъ, чтобы обмѣняться мнѣніями съ товарищемъ писателемъ о болящихъ вопросахъ современности.

Но вотъ кошмарный эпизодъ съ разстрѣлами во время Вашего прѣзда какъ будто легъ между нами такой преградой, что я не могу говорить ни о чемъ, пока не раздѣлюсь съ нимъ. Мнѣ невольно приходится начинать съ этого эпизода.

Уже приступая къ разговору съ Вами (вѣрнѣе къ ходатайству) передъ митингомъ, я нервничалъ, смутно чувствуя, что мнѣ придется говорить напрасныя слова надъ

*) Письма В. Г. Короленко доставлены въ редакцію «Современныхъ Записокъ» лицами, прибывшими изъ Совѣтской Россіи, при слѣдующемъ сообщеніи:

«Лѣтомъ прошлаго года (т. е. 1920-го) Луначарскій былъ въ Полтавѣ и тамъ имѣлъ встрѣчу съ Короленко, который указалъ на лишеніе возможности свободно высказаться. Въ концѣ концовъ между ними состоялось соглашеніе, въ силу котораго Короленко обѣщалъ обращаться къ Луначарскому личными письмами, а послѣдній обѣщался напечатать ихъ въ «Правдѣ» съ собственными комментаріями. Письма были Короленко написаны и отправлены адресату, но само собою въ «Правдѣ» не появились.»

только что зарытой могилкой. Но — такъ хотѣлось повѣрить, что слова начальника Чрезвычайной Комиссiи имѣютъ же какое нибудь основанiе и пять жизней еще можно спасти. Правда, уже и по общему тону Вашей рѣчи чувствовалось, что даже Вы считали бы этотъ кошмаръ въ порядкѣ вещей... но... человѣку свойственно надѣяться...

И вотъ на слѣдующiй день, еще до получения Вашей записки, я узналъ, что мое смутное предчувствiе есть фактъ: пять безсудныхъ разстрѣловъ, пять труповъ лежали между моими тогдашними впечатлѣнiями и той минутой, когда я съ стѣсненнымъ сердцемъ берусь за перо. Только два-три дня назадъ мы узнали изъ мѣстныхъ «Извѣстiй» имена жертвъ. Передъ свиданiемъ съ Вами я видѣлъ родныхъ Аронова и Миркина, и это кинуло отблескъ личнаго драматизма на эти безвѣстныя для меня тѣни. Я привезъ тогда на митингъ во-первыхъ копию официальной заключенiя лица, вѣдающаго продовольствiемъ. Въ немъ значилось, что въ дѣянiяхъ Аронова продовольственные власти не усмотрѣли нарушенiя декретовъ. Во-вторыхъ, я привезъ ходатайство мельничныхъ рабочихъ, доказывающее, что рабочiе не считали его грубымъ эксплуататоромъ и спекулянтомъ. Такимъ образомъ, по вопросу объ этихъ двухъ лизняхъ были разныя, даже официальные мнѣнiя, требовавшiя во всякомъ случаѣ осторожности и провѣрки. И дѣйствительно, за полторы недѣли до этого въ Чрезвычайную Комиссiю поступило предложенiе Губисполкома согласно заключенiю юрисконсульта, освободить Аронова или передать его дѣло въ революцiонный Трибуналъ.

Вмѣсто этого онъ растрѣлянъ въ административномъ порядкѣ.

Вы знаете, что въ теченiе своей литературной жизни я «сѣялъ не однѣ розы»^{*)}. При царской власти я много писалъ о смертной казни и даже отвоевалъ себѣ право говорить о ней печатно много больше, чѣмъ это вообще было дозволено цензурой. Порой мнѣ удавалось даже спасать уже обре-

^{*)} Выраженiе Ваше въ одной изъ статей обо мнѣ.

ченныя жертвы военныхъ судовъ, и были случаи, когда послѣ приостановленія казни получались доказательства невинности, и жертвы освобождались (напр. въ дѣлѣ Юсупова), хотя бывало, что эти доказательства приходили слишкомъ поздно (въ дѣлѣ Глускера и другихъ).

Но казни безъ суда. Казни въ административномъ порядкѣ. Это бывало величайшей рѣдкостью даже и тогда. Я помню только одинъ случай, когда озвѣрѣвшій Скалонъ (Варшавскій генераль-губернаторъ) разстрѣлялъ безъ суда двухъ юношей. Но это возбудило такое негодование даже въ военно-судныхъ сферахъ, что только «одобреніе» послѣ факта неумнаго царя спасло Скалона отъ преданія суду. И даже члены главнаго военного суда увѣряли меня, что повтореніе этого болѣе невозможно.

Много и въ то время, и послѣ этого творилось невѣроятныхъ безобразій, но прямого признанія, что позволительно соединять въ одно слѣдственную власть и власть, постановляющую приговоры (къ смертной казни) даже тогда не бывало. Дѣятельность большевистскихъ чрезвычай. слѣдственныхъ комиссій представляетъ примѣръ — можетъ быть единственный въ исторіи культурныхъ народовъ. Однажды одинъ изъ видныхъ членовъ Всеукраинской Ч. К. встрѣтивъ меня въ Подгавской Чрезвычай. Ком., куда я часто приходилъ и тогда съ разными ходатайствами, спросилъ меня о моихъ впечатлѣніяхъ. Я отвѣтилъ: если бы при царской власти окружныя жандармскія правленія получили право не только ссылатъ въ Сибирь, но и казнить смертью, то это было бы то самое, что мы видимъ теперь

На это мой собесѣдникъ отвѣтилъ:

— Но вѣдь это для блага народа.

Я думаю, что не всякія средства могутъ дѣйствительно обращаться на благо народа, и для меня несомнѣнно, что административные разстрѣлы, возведенные въ систему и продолжающіеся уже второй годъ, не принадлежатъ къ ихъ числу. Однажды въ прошломъ году мнѣ пришлось описать въ письмѣ къ Христ. Георг. Раковскому одинъ эпизодъ, когда на улицѣ чекисты разстрѣляли нѣсколько такъ па-

зываемых «контръ-революціонеровъ». Ихъ уже вели темной ночью на кладбище, гдѣ тогда ставили разстрѣливаемыхъ надъ открытой могилой, и разстрѣливали въ затылокъ безъ дальнихъ церемоній. Можетъ быть, они дѣйствительно пытались бѣжать (немудрено), и ихъ пристрѣлили тутъ же на улицѣ изъ ручныхъ пулеметовъ. Какъ бы то ни было, народъ, съѣзжавшійся утромъ на базаръ, видѣлъ еще лужи крови, которую лизали собаки, и слушалъ въ толпѣ рассказы окрестныхъ жителей о ночномъ происшествіи. Я тогда спрашивалъ у Х.Г. Раковского: считаетъ ли онъ, что эти нѣсколько человекъ, будь они даже дѣятельнѣйшіе агитаторы, могли бы рассказать толпѣ что-нибудь болѣе яркое и болѣе возбуждающее, чѣмъ эта картина. Долженъ сказать, что тогда и мѣстный Губисполкомъ и центральная Кіевская власть немедленно прекращали (два раза) попытки такихъ коллективныхъ разстрѣловъ и требовала передачи дѣла Революціонному Трибуналу. Судъ одного изъ обреченныхъ Чрезвычайной Комиссіей къ разстрѣлу оправдалъ и этотъ приговоръ былъ встрѣченъ рукоплесканіями всей публики. Аплодировали даже часовые красноармейцы, отложивъ ружья. Послѣ, когда пришли денкинцы, они вытаскивали изъ общей ямы 16 разлагающихся труповъ и положили ихъ напоказъ. Впечатленіе было ужасное, но — къ тому времени они сами разстрѣляли ужъ безъ суда нѣсколько человекъ, и я спрашивалъ у ихъ приверженцевъ: думаютъ ли они, что трупы разстрѣлянныхъ ими, извлеченные изъ ямы, имѣли бы болѣе привлекательный видъ. Да, обоюдное озвѣреніе достигло уже крайнихъ предѣловъ, и мнѣ горько думать, что историку придется отмѣтить эту страницу «административной дѣятельности» Ч. К. въ исторіи первой Россійской Республики и притомъ не въ XVIII, а въ XX столѣтіи.

Не говорите, что революція имѣетъ свои законы. Были, конечно, взрывы страстей революціонной толпы, обогравшей улицы кровью даже въ XIX столѣтіи. Но это были вспышки стихійной, а не систематизированной ярости. И онѣ надолго оставались (какъ разстрѣлъ заложниковъ ком-

мунарами) кровавыми маяками, вызывавшими не только лицемерное негодование версальцевъ, которые далеко преузошли въ жестокости коммунаровъ, но и самихъ рабочихъ и ихъ друзей.... надолго это кидало омрачающую и заглушающую тѣнь и на само социалистическое движеніе.

Въ сообщеніи по поводу разстрѣла Аронова и Миркина, появившемся, наконецъ, 11 и 12 іюня въ «Извѣстіяхъ», говорится, что они казнены за хлѣбную спекуляцію. Пусть даже такъ (хотя все-таки невольно вспоминается, что продовольственные власти не усмотрѣли нарушенія декрета, и это разногласіе заслуживало хотя судебной провѣрки). Вообще все это мрачное происшествіе напоминаетъ общественный эпизодъ великой французской революціи. Тогда тоже была дороговизна. Объяснялось это также самымъ близорукимъ образомъ — происками аристократовъ и спекулянтовъ, и возбуждало слѣпую ярость толпы. Конвентъ «пошелъ на встрѣчу народному чувству», и головы тогдашнихъ Ароновыхъ и Миркиныхъ летѣли десятками подъ ножомъ гильотины. Ничто, однако, не помогало, дороговизна только росла. Наконецъ, парижскіе рабочіе пербые очнулись отъ рокового угара. Они обратились къ Конвенту съ петиціей, въ которой говорили: «Мы просимъ хлѣба, а вы думаете накормить насъ казнями». По мнѣнію Мишле, историка-соціалиста, изъ этого утомленія казнями въ С.-Антуанскомъ предмѣстьѣ взметнулись первые взрывы контръ-революціи.

Можно ли думать, что разстрѣлы въ административномъ порядкѣ могутъ лучше нормировать цѣны, чѣмъ гильотина?

Въ сообщеніи официальной газеты приведены только четыре имени разстрѣлянныхъ 30 іюня, тогда какъ опредѣленно говорилось о пяти. Изъ этого встревоженное воображеніе населенія дѣлаетъ заключеніе, что списокъ неполонъ. Называютъ еще другія имена... Между тѣмъ, если есть что нибудь, гдѣ гласность всего важнѣе, то это именно въ вопросахъ человѣческой жизни. Здѣсь каждый шагъ долженъ быть освѣщенъ. Всѣ имѣютъ право знать, кто

лишень жизни, если ужъ это признано необходимымъ, за что именно, по чьему приговору. Это самое меньшее, что можно требовать отъ власти. Теперь населеніе живетъ годъ давленіемъ кошмара. Говорятъ, будто только часть казенныхъ приводится въ спискѣ. Доходить до чудовищныхъ слуховъ, будто даже прежняя процедура еще упрощается до невозможнаго отсутствія всякихъ формъ, говорить, что теперь можно обходиться даже безъ допроса подсудимаго. Думаю, что это только испуганный бредъ... Но — какъ выбить изъ головъ населенія мысль, что теперь бредить порой и сама дѣйствительность...

Мнѣ горько думать, что и Вы, Анатолій Васильевичъ, вмѣсто призыва къ отрезвленію, напоминанія о справедливости, бережнаго отношенія къ человѣческой жизни, которая стала теперь такъ дешева, — въ своей рѣчи высказали какъ будто солидарность съ этими «административными разстрѣлами». Въ передачѣ мѣстныхъ газетъ это звучитъ именно такъ. Отъ души желаю, чтобы въ Вашемъ сердцѣ зазвучали опять отголоски настроенія, которое когда то родило насъ въ главныхъ вопросахъ, когда мы оба считали, что движеніе къ социализму должно опираться на лучшія стороны человѣческой природы, предполагая мужество въ прямой борьбѣ и человѣчность даже къ противникамъ. Пусть звѣрство и слѣпая несправедливость остается цѣликомъ на долю прошлаго, отжившаго, не проникая въ будущее...

Вотъ, я теперь высказалъ все, что камнемъ лежало на моемъ сознаніи и теперь, думаю, моя мысль освободилась отъ мрачной завѣсы, которая мѣшала мнѣ исполнить свое желаніе — высказаться объ общихъ вопросахъ.

До слѣдующаго письма.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Это второе письмо я начну съ конкретнаго примѣра. Такъ мнѣ легче. Я не политикъ, не экономистъ. Я только

человѣкъ, много присматривавшійся къ народной жизни и выработавшій нѣкоторое чутье къ ея явленіямъ.

Въ 1893 году я былъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. Приготовленія къ выставкѣ и сама выставка привлекли въ Чикаго массу рабочаго люда. Послѣ выставки вспыхнули крупныя волненія, вызванныя наступившей безработицей, и одно время пульмановскій городокъ, недалека отъ Чикаго, и самый городъ Чикаго оказались во власти возставшихъ рабочихъ. Въ предвидѣніи этого тяжелаго положенія губернаторъ штата Иллинойсъ, по фамиліи Алтгелджъ, человѣкъ своеобразный и прямо замѣчательный по смѣлости мысли и дѣйствій, одинъ изъ лучшихъ представителей американской демократіи, самъ сталъ еще до конца выставки призывать рабочихъ къ тому, чтобы они заранѣе обдумали свое положеніе и старались организоваться для взаимопомощи.

И вотъ, однажды, на огромной площади у такъ называемаго «дворца искусства» недалека отъ берега Мичигана, собрался митингъ безработныхъ. Онъ былъ грандіозенъ, какъ все въ Америкѣ. Огромная площадь оказалась залитой цѣлымъ моремъ людскихъ головъ. Число участниковъ, по предварительному подсчету полиціи, далеко превысило двѣсти тысячъ еще задолго до часа, назначеннаго для открытія митинга.

Я тоже пошелъ туда. Картина была своеобразная: надъ моремъ людскихъ головъ возвышались «платформы», каждая на двухъ очень высокихъ колесахъ и съ каждой платформы къ толпѣ обращался отдѣльный ораторъ. Я слышалъ тутъ знаменитаго Генри-Джорджа, проповѣдывавшаго свой «единный налогъ», который долженъ былъ сразу разрѣшить социальный вопросъ уничтоженіемъ земельной ренты. Соціалистъ Морганъ, простой кузнецъ въ блузѣ съ засученными рукавами, взывалъ къ силѣ рабочаго класса. Указывая на огромные дома, окружавшіе обширную площадь, онъ говорилъ: «Вы голодаете, а вѣдь все это ваше». Съ третьей платформы щебетала молоденькая миссъ, въ то время довольно популярная и усиленно реко-

медовавшая... справочныя конторы, какъ лѣкарство отъ безработицы. Былъ и такой ораторъ-рабочій, который горячо доказывалъ, что капиталъ, организуя производство, служить одновременно интересамъ рабочихъ, и что между этими двумя классами, капиталистами и рабочими — должно установиться прочное дружеское сотрудничество.

Ораторы на платформахъ смѣнялись, но съ каждой говорили люди единомышленныя, звучали однородныя призывы. Въ публикѣ все время происходило соответственное движеніе: переходя отъ платформы къ платформѣ, каждый имѣлъ возможность ознакомиться со взглядами всѣхъ партій. Все это, очевидно, тяготѣло не къ тому, чтобы въ результатѣ митинга получилось единое мнѣніе, а лишь къ тому, чтобы каждый могъ получить разностороннія данныя для собственнаго вывода. Остальное предоставлялось за тѣмъ агитаціи каждой партіи въ отдѣльности.

Около меня послышался глубокой вздохъ. Вздыхалъ человекъ въ поношенномъ костюмѣ рабочаго, можетъ быть безработный.

— Эхъ... все это не то. — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Надо было бы имъ всѣмъ сначала сговориться, а сюда притти съ однимъ выводомъ. Вотъ тогда былъ бы толкъ.

Въ говорившемъ мы узнали соотечественника, русскаго еврея. Въ компаніи, съ которой я пришелъ на митингъ, былъ очень интересный человекъ, тоже русскій по происхожденію. Но онъ пріѣхалъ въ Америку ребенкомъ, и хотя понималъ по-русски (по семейной традиціи), но самъ говорилъ уже съ трудомъ. Звали его мистеръ Стонъ. Онъ былъ, помнится, ремесленникъ, но уже обратилъ на себя вниманіе статьями по рабочему вопросу и поэтому съ одной стороны, игралъ видную роль въ социалистической партіи Чикаго, а съ другой, губернаторъ Алтгелдъжъ напелъ возможнымъ предложить ему мѣсто одного изъ фабричныхъ инспекторовъ для официальной охраны интересовъ фабричныхъ рабочихъ. Въ Америкѣ такіе парадоксы не рѣдкость.

Я обратился къ нему съ вопросомъ:

— А вы какъ думаете, мистеръ Стоунъ. Хотѣли бы вы, чтобы желаніе нашего соотечественника исполнилось?

— То есть, спросилъ мистеръ Стоунъ, добиваясь болѣе точной формулы, а можетъ быть и не разобрать значенія словъ говорившаго.

— То есть, желали ли бы вы, чтобы во всѣхъ этихъ головахъ повернулась сразу какая-то логическая машинка, и они, да не одни они, а, пожалуй, весь народъ обратился бы къ вамъ, социалистамъ, и сказалъ бы: мы въ вашей власти. Устраивайте нашу жизнь.

— Сохрани Богъ — отвѣтилъ американскій социалистъ рѣшительно.

— Почему же?

— Ни мы, ни эта толпа, ни учрежденія Америки еще къ этому не готовы. Я — марксистъ. По нашему мнѣнію, капитализмъ еще не окончилъ своего дѣла. Недавно здѣсь былъ Энгельсъ. Онъ говорилъ: нашъ капиталъ отлично исполняетъ свою роль. Всѣ эти дома-монстры отлично послужатъ будущему обществу. Но роль его еще далеко не закончена. И это правда. Америка могла бы націонализировать пока только одно желѣзно-дорожное хозяйство. Оно уже и теперь сосредоточено въ рукахъ нѣсколькихъ милліардеровъ. Но уже топливо... Придумать сразу отношенія между желѣзно-дорожными рабочими и рабочими по топливу — это предметъ болѣе сложный, хотя еще возможный. Что же касается всесторонней организаціи народнаго хозяйства огромной страны на социалистическихъ началахъ, то эта задача для нашей партіи еще не по силамъ. Напримѣръ — отношенія между рабочими квалифицированными и чернымъ трудомъ могли бы повести къ огромнымъ столкновеніямъ. Это легко устраивается только на бумагѣ, въ «Утопіяхъ». Но мы, марксисты, отлично понимаемъ, что намъ придется имѣть дѣло не съ людьми, сразу превратившимися въ ангеловъ, а съ милліонами отдѣльныхъ, скажемъ даже — здоровыхъ эгоизмовъ, для примиренія ко-

торыхъ потребуется трудная выработка и душъ. и переходныхъ учреждений... Америка даетъ для этого отличную свободную почву, но пока и только.

Послѣ митинга въ нашей небольшой компаніи продолжалось обсужденіе этого предмета, и я выяснилъ точку зрѣнія американскаго социалиста, которую и постараюсь теперь возстановить «своими словами».

Общество не есть организмъ, но въ обществѣ есть много органическаго, развивающагося по своимъ законамъ. Новыя формы назрѣваютъ въ немъ такъ же, какъ растутъ на днѣ океана коралловые рифы. Какъ извѣстно, такой рифъ есть сплетеніе отдѣльныхъ животныхъ, развивающихся по законамъ собственной жизни. Сплетаясь, они образуютъ гряды, которая все растетъ. То, что можно бы сравнить съ социальной революціей — это тотъ моментъ, когда рифъ поднялся надъ поверхностью океана. Въ это время онъ подвергается свирѣпымъ ударамъ океанскихъ волнъ, стремящихся снести неожиданную преграду, съ одной стороны. Съ другой, вліяніе атмосферы стремится зародить жизнь на этой новой основѣ. Нужна была долгая органическая работа подъ водою, чтобы дать для этого устойчивое основаніе.

Не то ли и въ обществѣ? Нужно много условій, какъ политическая свобода, просвѣщеніе, нужна выработка новыхъ общественныхъ сплетеній на прежней почвѣ, нужны растущія перемѣны въ учрежденіяхъ и въ человѣческихъ нравахъ. Словомъ, нужно то, что одицъ мой близкій знакомый и другъ, основатель румынскаго социализма, истинный марксистъ, Геря-Доброжану, назвалъ «объективными и субъективными условіями социальнаго переворота».

На мой взглядъ, это основа философіи Маркса. И вотъ, почему Энгельсъ въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія говорилъ, что даже Америка еще не готова для социальнаго переворота.

У Доброжану нашлись возражатели, которые говорятъ, что напр. Румынія уже готова. Правда, въ ней дѣйствительно нѣтъ ни объективныхъ, ни субъективныхъ условій для социализма. Но развѣ мы не видимъ, что какъ

разъ тѣ страны, гдѣ есть наиболѣе развитыя объективныя и субъективныя условія, какъ Англія, Франція, Америка отказываются примкнуть къ социальной революціи, тогда какъ, наоборотъ, Венгрія уже объявила у себя совѣтскую республику*). Не передовая въ развитіи социализма Германія, гдѣ социалистическія организаціи развиты болѣе всѣхъ странъ, а отсталая Россія, которая до февральской революціи не знала совсѣмъ легальныхъ социалистическихъ организацій — выкинула знамя социальной революціи. Изъ этого румынскіе возражатели Доброджану дѣлали какъ будто выводъ: чѣмъ меньше «объективныхъ и субъективныхъ условій» въ странѣ, тѣмъ она больше готова къ социальному перевороту. Эту аргументацію можно назвать чѣмъ угодно, но только не марксизмомъ.

Теперь эти возражатели могутъ прибавить еще примѣры.

Пріѣздъ делегаціи англійскихъ рабочихъ закончился горькимъ письмомъ къ нимъ Ленина, которое звучитъ охлажденіемъ и разочарованіемъ. Зато съ востока совѣтская республика получаетъ горячія привѣтствія. Но — слѣдуетъ только вдуматься, что знаменуетъ эта холодность англійскихъ рабочихъ социалистовъ и привѣты фанатическаго востока, чтобы представить себѣ ясно ихъ значеніе.

На дняхъ я прочиталъ въ одной изъ совѣтскихъ газетъ возмущенное возраженіе турецкому «социалисту» Баліеву, статьи котораго по армянскому вопросу отзываются прямыми призывами къ армянской рѣзнѣ. Таковъ этотъ восточный социализмъ даже въ европейской Турціи. Когда же Вы захотите ясно представить себѣ картину этихъ своеобразныхъ восточныхъ митинговъ на площадяхъ передъ мечетями, гдѣ странствующие дервиши призываютъ сидящихъ на корточкахъ слушателей къ священной войнѣ съ европейцами и вмѣстѣ — къ привѣтствію русской совѣтской республикѣ, то едва ли Вы скажете, что тутъ рѣчь идетъ о прогрессѣ въ смыслѣ Маркса и Энгельса...

*) Эта полемика велась въ то время, когда въ Венгріи существовала, хотя и кратковременная, совѣтская республика.

Скорѣе наоборотъ: Азія отзывается на то, что чувствуетъ въ насъ родного азіатскаго.

До слѣдующаго письма.

11 іюля 1920 г.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Въ моихъ письмахъ къ Вамъ опять произошелъ значительный перерывъ. Отчасти это случилось потому, что я былъ нездоровъ, но только отчасти. Главная же причина въ томъ, что я былъ занятъ другимъ. Опять «конкретные случаи» не оставляли времени для общихъ вопросовъ. Вы легко догадываетесь, какіе это конкретные случаи. Безсудные разстрѣлы происходятъ у насъ десятками, и — опять мои залоздалыя или безуспѣшныя ходатайства. Вы скажете: вольно же во время междоусобія проповѣдывать кротость. Нѣтъ, это не то. Я никогда не думалъ, что мои протесты противъ смертной казни, начавшіеся съ «Бытового явленія» еще при царской власти, когда нибудь сведутся на скромные протесты противъ казней безсудныхъ или противъ дѣтубійства. Вотъ мое письмо къ председателю нашего губисполкома, товарищу Порайко, изъ котораго Вы увидите, какіе конкретные случаи отвлекли меня отъ обсуждения общихъ вопросовъ.

«Товарищъ Порайко.

Я получилъ отъ Васъ любезный отвѣтъ на свое письмо. Очевидно, заботясь о моемъ душевномъ спокойствіи, Вы сообщили, что дѣло, о которомъ я писалъ, «передано въ Харьковъ». Благодарю Васъ за эту любезность по отношенію ко мнѣ лично, но я узналъ, что 9 человѣкъ разстрѣляны уже наканунѣ*), въ томъ числѣ одна дѣвушка 17 лѣтъ и еще двое малолѣтнихъ. Теперь мнѣ извѣстно, что Чрезвычайная Комиссія «судить» другихъ миргородчанъ,

*) Совершенно такъ же, замѣчу для Васъ, Анатолій Васильевичъ, какъ во время Вашего пріѣзда.

и опять является возможность безсудныхъ казней. Я называю ихъ «безсудными» потому, что ни въ одной странѣ въ мірѣ роль слѣдственныхъ комиссій не соединяется съ правомъ постановлять приговоры, да еще къ смертной казни. Всюду дѣйствія слѣдственной комиссіи провѣряются судомъ, при участіи защиты. Это было даже при царяхъ.

Чтобы не запоздать, какъ въ тотъ разъ, я заранѣе заявляю свой протестъ. Насколько мой слабый голосъ будетъ въ силахъ, я до послѣдняго издыханія не перестану протестовать противъ безсудныхъ разстрѣловъ и противъ дѣтубійства».

Въ тотъ же день (7 іюля) вечеромъ мнѣ пришлось послать тому же лицу дополнительное письмо:

«Въ дополненіе къ моему утреннему письму спѣшу сообщить Вамъ важное свѣдѣніе, которое достовѣрно узнать только сегодня.

«Послѣ подавленія проплогодняго возстанія, когда 14 человекъ было разстрѣляно въ Миргородѣ (карательнымъ отрядомъ), большевистская власть сочла себя удовлетворенной, и на улицахъ было расклеено объявленіе объ амнистіи по этому дѣлу. Теперь Губчека опять судить тѣхъ же лицъ, которыя, надѣясь на вѣрность слову совѣтскаго правительства, довѣрились обѣщанной амнистіи. Это обстоятельство извѣстно всѣмъ миргородчанамъ. Хорошо извѣстно оно и одному изъ членовъ Полтавской Чрезвычайной Комиссіи, тов. Литвину.

«Неужели возможны казни даже при этихъ обстоятельствахъ. Это было бы настоящимъ позоромъ для совѣтской власти».

По такому же поводу мнѣ пришлось еще писать къ Христіану Георгіевичу Раковскому и предѣдателю Всеукраинскаго Центр. Исполнительнаго Комитета тов. Петровскому. Послѣднее письмо считаю тоже не лишнимъ привести здѣсь.

«Многоуважаемый товарищ Петровский.

«Я уже обращался по этому дѣлу къ тов. Раковскому. Теперь рѣшаюсь обратиться къ Вамъ. Дѣло это — ходатайство относительно малолѣтней дочери крестьянина Евдокии Пицалки, приговоренной Полтавской Ч. К. къ разстрѣлу. Двѣнадцать человѣкъ по этому дѣлу уже разстрѣляны *). Пицалка пока оставлена до рѣшенія ея участи въ харьковскихъ центральныхъ учрежденіяхъ. Я не могу повѣрить, чтобы въ этихъ высшихъ инстанціяхъ могли одобрить разстрѣлъ малолѣтней, въ чемъ уже усомнилась даже здѣшняя Чрезвычайная Комиссія. Сестра Пицалки ѣдетъ къ Вамъ съ послѣдней надеждой. Неужели возможно, что она вернется безъ успѣха, и эта дѣвочка **), пережившая уже ужасъ близкой казни и агонію нѣсколькихъ дней ожиданія — будетъ всетаки разстрѣляна.

«Пользуюсь случаемъ, чтобы сообщить еще слѣдующее: теперь рѣшается судьба людей, привлеченныхъ къ дѣлу о прошлогоднемъ миргородскомъ возстаніи, по которому уже была объявлена амнистія. Говорятъ это ошибка Миргородской Чрезвычайной Комиссіи, которая не имѣла права объявлять амнистіи. Какъ бы то ни было, она была объявлена и о ней были расклеены официальные объявленія на улицахъ Миргорода послѣ того, какъ карательный отрядъ разстрѣлялъ 14 человѣкъ. Это было сдѣлано официально, отъ имени совѣтской власти. Можетъ ли быть, чтобы люди, довѣрившіеся слову совѣтской власти, были разстрѣляны въ прямое нарушеніе обѣщанія?».

Тов. Петровскій далъ телеграмму въ Полтаву — не приводить приговора надъ малолѣтней въ исполненіе, и Пицалка, какъ говорятъ, отправлена въ Харьковъ. Но такъ какъ «отправить въ Харьковъ» — это формула, которая у насъ равносильна «отправить на тотъ свѣтъ» (такъ въ справочномъ бюро отвѣчаютъ роднымъ о разстрѣлянныхъ), то въ глазахъ населенія судьба Пицалки остается

*) Кажется ошибка. Въ официальной газетѣ приведено 9 фамилій.

***) Ея недавно исполнилось 17 лѣтъ.

мрачно сомнительной. Также, повидимому, не казнили до сихъ поръ амнистированныхъ, и они пока содержатся въ заключеніи. Надо замѣтить, что послѣ амністіи нѣкоторые изъ нихъ находились даже на совѣтской службѣ и, повидимому, въ новыхъ проступкахъ не обвиняются.»

Какъ разъ на этомъ мѣстѣ моего письма мнѣ сообщили, что ко мнѣ пришла какая то дѣвочка. Я вышелъ и узналъ, что эта дѣвочка и есть Пицалка. Она вернулась изъ Харькова свободной. Это доставило мнѣ глубокую радость за нее и за ея семью. Но — я не могу радоваться за нашу родину, гдѣ могла итти рѣчь о разстрѣлѣ этого ребенка, и гдѣ ее уже вывели изъ арестанскихъ ротъ вмѣстѣ съ другими, которые назадъ не вернулись.

Знаю, что наше время доставляетъ много такихъ «конкретныхъ случаевъ», даже болѣе потрясающихъ и трагическихъ. Но я счелъ излишнимъ привести ихъ здѣсь, какъ фонъ, на которомъ мы съ Вами ведемъ теперь обсужденіе общихъ вопросовъ *).

Возвращаясь къ параллели, поставленной въ предыдущемъ письмѣ.

Надъ Россіей ходъ историческихъ судебъ совершилъ почти волшебную и очень злую шутку. Въ миллионѣхъ русскихъ головъ въ какихъ нибудь два-три года повернулся внезапно какой то логическій винтикъ, и отъ слѣпого преклоненія передъ самодержавіемъ, отъ полного равнодушія къ политикѣ нашъ народъ сразу перешелъ... къ коммунизму, по крайней мѣрѣ къ коммунистическому правительству.

Нравы остались прежніе, укладъ жизни тоже. Уровень просвѣщенія за время войны сильно подняться не могъ, однако, выводы стали радикально противоположные. Отъ

*) Послѣ отправки этого письма, въ концѣ августа, освободили по распоряженію изъ Харькова также амнистированныхъ ранѣ миргородцевъ.

диктатуры дворянства («совѣтъ объединеннаго дворянства»), мы перешли къ «диктатурѣ пролетаріата». Вы, партія большевиковъ, провозгласили ее, и пародъ прямо отъ самодержавія пришелъ къ вамъ и сказалъ: «устраняйте нацѣ жизнь».

Народъ повѣрилъ, что вы можете это сдѣлать. Вы не отказались. Вамъ это казалось легко, и вы непосредственно послѣ политическаго переворота начали социальную революцію.

Извѣстный Вамъ англійскій историкъ Карлейль говорилъ, что правительства чаще всего погибають отъ лжи. Я знаю, теперь такія категоріи, какъ истина или ложь, правда или неправда, менѣе всего въ ходу и кажутся «отвлеченностями». На историческіе процессы вліяетъ только «игра эгоизмовъ». Карлейль былъ убѣжденъ и доказывалъ, что вопросы правды или лжи отражаются въ концѣ концовъ на самыхъ реальныхъ результатахъ этой «игры эгоизмовъ», и я думаю, что онъ правъ. Вашей диктатурѣ предшествовала диктатура дворянства. Она покоилась на огромной лжи, долго тяготѣвшей надъ Россіей. Отчего у насъ послѣ крестьянской реформы богатство страны не растетъ, а идетъ на убыль, и страна впадаетъ во все растущія голодовки? Дворянская диктатура отвѣчала: отъ мужицкой лѣни и пьянства. Голодовки растутъ не отъ того, что у насъ воцарился мертвящій застой, что наша главная сила, земледѣліе, сковано дурными земельными порядками, а исключительно отъ недостатка опеки надъ народомъ лѣнтяевъ и пьяницъ. Миѣ съ товарищами въ голодные годы приходилось много бороться въ литературѣ и въ собраніяхъ съ этой чудовищной ложью. Что у насъ пьянства было много, это было правда, но правда только частичная. Основная же сущность крестьянства, какъ класса, состояла не въ пьянствѣ, а въ трудѣ и притомъ трудѣ, плохо вознаграждаемомъ и не дававшемъ надежды на прочное улучшеніе положенія. Вся политика послѣднихъ десятилѣтій царизма была основана на этой лжи. Отсюда всевластіе земскаго начальника и преобладаніе дворянства во всемъ гражданскомъ строѣ и въ земствѣ.

Эта вопиющая ложь, проникала всю нашу жизнь... Обращенное общество пыталось съ нею бороться, и въ этой «оппозиціи» участвовали даже лучшіе элементы самого дворянства. Но народныя массы вѣрили только царямъ и помогали имъ подавлять всякое свободолобное движеніе. У самодержавнаго строя не было умныхъ людей, которые поняли бы, какъ эта ложь, поддерживаемая слѣпой силой, самымъ реальнымъ образомъ ведетъ строй къ гибели.

Формула Карлейля, какъ видите, пригодна, пожалуй, для опредѣленія причины гибели самодержавія. Въмѣсто того, чтобы внять истинѣ и остановиться, оно только усиливало ложь, дойдя, наконецъ, до чудовищной нелѣпости «самодержавной конституціи», т. е. до мечты обманомъ сохранить сущность абсолютизма въ конституціонной формѣ.

И строй рухнулъ.

Теперь я ставлю вопросъ: все ли правда и въ нашемъ строѣ. Нѣтъ ли слѣдовъ такой же лжи въ томъ, что мы успѣли теперь внушить народу?

По моему глубокому убѣжденію такая ложь есть и даже страннымъ образомъ она носить такой же широкій «классовой» характеръ. Вы внушили возставшему и возбужденному народу, что такъ называемая буржуазія («буржуй») представляетъ только классъ тунядцевъ, грабителей, стригущихъ купоны, и—ничего больше.

Правда ли это. Можете ли вы искренно говорить это?

Въ особенности, можете ли вы говорить, вы — марксисты?

Вы, Анатолій Васильевичъ, конечно, отлично еще помните то недавнее время, когда вы—марксисты—вели ожесточенную полемику съ народниками. Вы доказывали, что Россіи необходимо и благодѣтельно пройти черезъ «стадію капитализма». Что же Вы разумѣли тогда подъ этой благодѣтельной стадіей. Неужели только тунядство, буржуевъ и «стрижку купоновъ».

Очевидно, тогда вы разумѣли другое. Капиталистическій классъ Вамъ тогда представлялся классомъ, худо ли, хорошо ли, организующимъ производство.

Несмотря на всё его недостатки, вы считали, совершенно согласно съ учениемъ Маркса, что такая организація благотѣтельна для отсталыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, каковы, папримѣръ, Румынія, Венгрія и . . . Россія.

Почему же теперь иностранное слово «буржуа»—цѣлое огромное и сложное понятіе, съ вашей легкой руки превратилось въ глазахъ нашего темнаго народа, до тѣхъ поръ его не знавшаго, въ упрощенное представленіе о «буржуѣ», исключительно тунеядцѣ, грабителѣ, ничѣмъ не занятомъ, кромѣ стрижки купоновъ.

Совершенно такъ же, какъ ложь дворянской диктатуры, подмѣнившая классовое значеніе крестьянства представленіемъ о тунеядцѣ и пьяницѣ, ваша формула подмѣнила роль организатора производства — пускай и плохого организатора—представленіемъ исключительно грабителя. И посмотрите опять, насколько правъ Карлейль съ своей формулой. Грабительскіе инстинкты были раздуты у насъ войной и потомъ безпорядками, неизбѣжными при всякой революціи. Борьбѣ съ ними необходимо было всякому революціонному правительству. Къ этому же побуждало и чувство правды, которая обязывала васъ, марксистовъ, разъяснить искренно и честно ваше представленіе о роли капитализма въ отсталыхъ странахъ. Вы этого не сдѣлали. Тактическимъ соображеніямъ вы пожертвовали долгомъ передъ истиной. Тактически вамъ было выгодно раздуть народную ненависть къ капитализму и натравить народныя массы на русскій капитализмъ, какъ натравляютъ боевой отрядъ на крѣпость. И вы не остановились передъ извращеніемъ истины. Частичную истину вы выдали за всю истину (вѣдь и пьянство тоже было). И теперь это принесло плоды. Крѣпость вами взята и отдана на потокъ и разграбленіе. Вы забыли только, что эта крѣпость—народное достояніе, добытое «благотѣтельнымъ процессомъ», что въ аппаратъ, созданномъ русскимъ капитализмомъ, есть многое, подлежащее усовершенствованію, дальнѣйшему развитію, а не уничтоженію. Вы внушили народу, что все это—только

плодъ грабежа, подлежащій разграбленію въ свою очередь. Говоря это я имѣю въ виду не одни матеріальныя цѣнности въ видѣ созданныхъ капитализмомъ фабрикъ и заводовъ, машинъ, желѣзныхъ дорогъ, но и тѣ новые процессы и навѣски, ту новую социальную структуру, которую вы, марксисты, сами имѣли въ виду, когда доказывали благотѣльность «капиталистической стадіи».

Въ 1902 году разыгрались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полтавской и смежной Харьковской губерніи широкіе аграрные беспорядки.

Крестьяне вдругъ кинулись грабить помѣщичьи экономіи и затѣмъ, по прибытіи властей, покорно становились на колѣни и также покорно ложились подъ розги. Когда ихъ, вдобавокъ, стали судить, то мнѣ пришлось одно время служить посредникомъ между ними и организовавшейся защитой. Въ это время въ моемъ кабинетѣ въ Полтавѣ крестьяне собирались порой въ значительномъ количествѣ, и я старался присмотрѣться къ ихъ взглядамъ на происшедшее. Сами они были о немъ не очень высокаго мнѣнія. Они называли все движеніе «грабижкой» и, самые благоразумные изъ нихъ объясняли возникновеніе этой «грабижки» по-своему: «якъ дитина не плаче, то и мати не баче». Они понимали, что грабежъ не подходящій приступъ для какихъ бы то ни было улучшеній, но, доведенные до отчаянія, старались хоть чѣмъ нибудь обратить вниманіе благотѣтеля-царя на свое положеніе. Остальное сдѣлала слѣпая жадность, и движеніе приняло широкіе размѣры. Но царское правительство было слѣпо и глухо. Оно знало только необходимость дальнѣйшей опеки и «вѣчность незыблемыхъ основъ» и изъ внезапно и грозно прокинувшейся грабижки не сумѣло сдѣлать вывода. Попытка (довольно разумная) аграрной реформы первой думы была задушена, а побужденія, двигавшія крестьянскими массами во время грабижки, остались до времени революціи. Вы, большевики, отлили ихъ въ окончательную форму. Своимъ лозунгомъ «грабь награбленное» вы сдѣлали то, что деревенская «грабижка», погубившая огромныя количества сельско-хозяй-

ственного имущества безъ всякой пользы для вашего коммунизма, перекинулась и въ города, гдѣ быстро стали разрушаться созданный капиталистическимъ строемъ производственный аппаратъ.

Борьба съ этимъ строемъ приняла характеръ какой то осады непріятельской крѣпости. Всякое разрушеніе осаждаемой крѣпости, всякій пожаръ въ ней, всякое уничтоженіе ея запасовъ выгодно для осаждающихъ. И вы тоже считали своими успѣхами всякое разрушеніе, наносимое капиталистическому строю, забывая, что истинная побѣда социальной революціи, если бы ей суждено было совершиться, состояла бы не въ разрушеніи капиталистическаго производственнаго аппарата, а въ овладѣніи имъ и въ его работѣ на новыхъ началахъ.

Теперь вы спохватились, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, когда страна стоитъ въ страшной опасности передъ однимъ забытымъ вами фронтомъ. Фронтъ этотъ—враждебныя силы природы.

До слѣдующаго письма.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

На этотъ разъ можно, кажется, обойтись безъ конкретныхъ случаевъ, и я попытаюсь сразу перейти къ общимъ вопросамъ, пока событія не завладѣли еще моимъ настроеніемъ.

Начинаю это письмо подъ впечатлѣніемъ англійской делегации. Въ нашемъ мѣстномъ оффиціозѣ напечатана или перепечатана откуда-то статья «Наша скорбь», сопровождающая письмо Ленина къ англійскимъ рабочимъ. Въ ней прямо говорится, что, наряду съ гордостью нашимъ революціоннымъ первенствомъ, русскіе коммунисты переживаютъ «трагедію одиночества». Въ письмѣ Ленина звучитъ, по мнѣнію автора, недоумѣніе по поводу самой возможности въ нашу безпримѣрную эпоху такихъ «вождей» рабочихъ массъ, каковы большинство пріѣхавшихъ въ Россію англій-

скихъ делегатовъ»... «Англійскіе тредъ-юніонисты, ничему въ сущности не научившіеся, къ несчастью, все еще представляютъ огромныя массы англійскихъ рабочихъ».

Такъ какъ вы, партія коммунистовъ, являетесь только представителями «диктатуры русскаго пролетаріата», то отсюда слѣдуетъ выводъ, что вашъ пролетаріатъ въ своей массѣ шагнулъ далеко впередъ въ сравненіи съ англійскими тредъ-юніонистами, движеніе которыхъ представляетъ уже цѣлую исторію. Въ другихъ совѣтскихъ газетахъ не разъ уже повторялось, что вожди стараго нѣмецкаго социализма даже такіе, какъ Каутскій, являются презрѣнными соглашателями и даже продались буржуазіи.^{*)}

Отбросивъ то, что можно объяснить полемической несдержанностью и увлеченіемъ, остается всетаки фактъ: европейскій пролетаріатъ за вами не пошелъ, и его настроеніе въ массѣ является настроеніемъ того американскаго социалиста Стона, мнѣніе котораго я приводилъ во второмъ письмѣ. Они думаютъ, что капитализмъ даже въ Европѣ не завершилъ своего дѣла и что его работа еще можетъ быть полезной для будущаго. При переходѣ къ этому будущему стъ настоящаго не все подлежитъ уничтоженію и разгрому. Такія вещи, какъ свобода мысли, собраній, слова и печати для нихъ не простыя «буржуазныя предрассудки», а необходимое орудіе дальнѣйшаго будущаго, своего рода палладіумъ, который человѣчество добыло путемъ долгой и небезплодной борьбы и прогресса. Только мы, никогда не знавшіе вполнѣ этихъ свободъ и не научившіеся пользоваться ими совместно съ народомъ, объявляемъ ихъ «буржуазнымъ предрассудкомъ», лишь тормозящимъ дѣло справедливости.

Это огромная ваша ошибка, еще и еще разъ напоминающая славянофильскій мифъ о нашемъ «народѣ богоносцѣ» и еще болѣе—нашу національную сказку объ Иванушкѣ, который безъ науки всѣ науки произвелъ и которому все удается безъ труда, по щучьему велѣнію. Самая легкость, съ которой вамъ удалось повести за собой народныя массы,

^{*)} Полтавскій „Извѣстія“ (Вѣсти) 27 іюня 1920 г., № 24.

указывает не на нашу готовность къ социалистическому строю, а наоборотъ, на незрѣлость нашего народа.

Механика знаетъ полезное и вредное сопротивленіе. Вредное мѣшаетъ работѣ механизма и подлежитъ устраненію. Но безъ полезнаго сопротивленія механизмъ будетъ вращаться въ пустую, не производя нужной работы. Это именно случилось и у насъ. Вы выкинули самые максималистскіе лозунги, вы воюете во имя социализма, вы побуждаете его именемъ на поляхъ сраженія, но вся эта суета во имя коммунизма нисколько не знаменуетъ его побѣды.

Въ Румыніи, которая во многомъ напоминаетъ Россію, мнѣ рассказывали случай яркій, какъ нарочно придуманный анекдотъ, по тѣмъ не менѣе дѣйствительный. Тамъ сохранились еще крупныя помѣстья со всѣми признаками нашего стариннаго боярства. Даже зовутся владѣльцы боярами, несомнѣнно отъ славянскаго слова.

Порой такіе бояре, особенно изъ молодыхъ, склонны къ крайнимъ партіямъ и многіе изъ нихъ проходили школу социализма Доброджану-Гернъ. Какъ то одинъ изъ такихъ бояръ, путешествуя по Швейцаріи, заинтересовался анархизмомъ и познакомился съ ученымъ садовникомъ анархистомъ. Пили брудершафтъ и такъ понравились другъ другу, что бояринъ сталъ звать анархиста въ Румынію. У него на родинѣ огромныя имѣнія, въ томъ числѣ много земли подъ лѣсомъ, и онъ рѣшилъ часть этого лѣса обратить въ общественный паркъ. Это соответствовало взглядамъ анархиста: всѣ имѣнія боярина онъ охотно превратилъ бы въ общую собственность, и онъ честно предупредилъ объ этомъ пріятеля. Онъ предвидитъ, что румыны, у которыхъ есть такіе «бояре», очевидно, представляютъ молодой народъ, не зараженный еще, какъ швейцары, буржуазными предрассудками, и потому тамъ легче провести анархическія идеи. Онъ предупреждаетъ, что при первыхъ признакахъ революціи онъ не только не станетъ защищать частной собственности боярина, но, наоборотъ, сейчасъ же предоставитъ ее народу. Бояринъ согласился, можетъ быть, потому, что опасность не казалась ему такой близкой...

И вотъ, въ одномъ углу Румыніи ученый садовникъ-анархистъ на деньги и на землѣ боярина завелъ образцовый паркъ общественнаго пользованія. Вскорѣ, однако, раскрылись неудобства, истекающія изъ «молодости народа»: на столахъ, на скамьяхъ, на стѣнахъ появились скабрёзныя надписи, цвѣты безцеремонно срывались, вѣтви на невиданныхъ деревьяхъ обламывались, ретирады превратились въ клоаки. Анархистъ обратился съ краснорѣчивымъ возваніемъ, въ которомъ объяснилъ, что паркъ отдается въ распоряженіе и подѣ защиту населенія: не надо срывать цвѣтотъ, не надо обламывать вѣтви, не надо неприличныхъ надписей... Но «молодой народъ» отвѣтилъ на пафосъ анархиста-теоретика своеобразнымъ юморомъ: надписи появились уже вырѣзанными ножами, цвѣты и деревья уничтожались съ ожесточеніемъ, ретирады еще болѣе загажены. Тогда садовникъ пришелъ къ боярину и сказалъ:

— Я не могу жить въ вашей странѣ. Народъ, который не научился какъ вести себя въ публичныхъ мѣстахъ, еще слишкомъ далекъ отъ анархизма въ моемъ смыслѣ.

Этотъ случай объясняетъ суть моей мысли. Не всякое отсутствіе навыковъ буржуазнаго общества знаменуетъ готовность къ социализму. Когда-то нашъ анархистъ Бакунинъ написалъ: «намъ надо войти въ союзъ со всѣми ворами и разбойниками русской земли». Онъ былъ теоретикъ по преимуществу и анархистъ, отрицавшій собственность въ теоріи. Воръ отрицаетъ ее практически. Пусть практика сольется съ теоріей. Намъ теперь такое разсужденіе кажется великой наивностью: между отрицаніемъ собственности анархиста-философа, далеко заглянувшаго въ будущее, и такимъ же отрицаніемъ простого вора лежитъ цѣлая бездна. Вору нужно сначала вернуться назадъ, выработать въ себѣ честное отношеніе къ чужой собственности; т. е. то, чему учить «капиталистическая стадія», и уже затѣмъ не индивидуально, а вмѣстѣ со всѣмъ народомъ думать объ общественномъ отрицаніи собственности.

Вы скажете, что нашъ народъ не похожъ на тѣхъ румынъ, о какихъ мнѣ рассказывали. Я знаю, въ степени есть

разница даже и въ самой Румыніи. Но, — давайте честно и съ любовью къ истинѣ поговоримъ о томъ, что такое теперь представляетъ народъ.

Вы допустите, вѣроятно, что я не менѣе любого большевика люблю нашъ народъ; допустите и то, что я доказалъ это всей своей, приходящей къ концу, жизнью... Но я люблю его не слѣпо, какъ среду, удобную для тѣхъ или другихъ экспериментовъ, а такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Когда я путешествовалъ въ Америкѣ, напримѣръ, я съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что у насъ невозможны такіе суды Линча, какой около того времени разыгрался въ одномъ изъ южныхъ штатовъ: негръ изнасиловалъ бѣлую дѣвушку и, чтобы скрыть преступленіе, убилъ ее. Населеніе городка устроило судъ и сожгло его живымъ на кострѣ. Корреспонденты описывали шагъ за шагомъ такія подробности: веревки перегорѣли, и несчастный сползъ съ костра. Толпа предоставила отцу убитой особую честь: онъ взялъ негра на свои дюжія руки и опять бросилъ въ костеръ.

Я думаю, что даже и теперь, во время величайшаго озвѣренія, у насъ подобное явленіе невозможно. Славянская натура нашего народа мягче англосаксонской. У насъ даже смертная казнь введена только греками вмѣстѣ съ христіанствомъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ признать, что въ Америкѣ нравственная культура гораздо выше. Случай съ негромъ — явленіе настолько исключительное, что эта исключительность и вызвала такой звѣрскій судъ толпы. Въ обычное же время, въ среднемъ молоденькая дѣвушка можетъ безопасно путешествовать по всей странѣ, охраняемая твердостью общественныхъ нравовъ. Можно ли то же сказать о нашихъ нравахъ? У насъ такая путешественница можетъ на всякомъ шагу попасть въ сѣти общей нашей распущенности и развращенности. По натурѣ, по природнымъ задаткамъ нашъ народъ не уступаетъ лучшимъ народамъ міра, и это заставляетъ любить его. Но онъ далеко отсталъ въ воспитаніи нравственной культуры. У него нѣтъ того самоуваженія, которое заставляетъ воздерживаться отъ извѣстныхъ поступковъ, даже, когда этого никто не узнаетъ. Это

надо признать, и надо изъ этого вывести необходимыя слѣдствія.

Намъ надо пройти еще довольно долгую и суровую школу. Вы говорите о коммунизмѣ. Не говоря о томъ, что коммунизмъ есть еще нѣчто неоформленное и неопредѣленное, и вы до сихъ поръ не выяснили, что вы подъ нимъ разумѣете — для социальнаго переворота въ этомъ направленіи нужны другіе и ра вы. Изъ одного и того же вещества углерода получаютъ и чудные кристаллы алмаза и аморфный уголь. Значить есть какая то разница во внутреннемъ строеніи самихъ атомовъ. То же нужно сказать и о человѣческихъ атомахъ, изъ которыхъ составляется общество: не всякую форму можно немедленно скристаллизовать изъ даннаго общества. Во многихъ городахъ Швейцаріи уже теперь вы можете безопасно оставить любую вещь на бульварѣ и вернувшись застанете ее на томъ же мѣстѣ. А у насъ — будемъ говорить прямо... Точный учетъ въ такомъ вопросѣ, конечно, труденъ, но вы знаете, у насъ есть поговорка: не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ. И вы, вѣроятно, согласитесь, что на тысячу человѣкъ, которые прошли бы мимо какой нибудь плохо лежащей вещи, въ Европѣ процентъ соблазвившихся будетъ гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи. А вѣдь и такая разница уже имѣетъ огромное значеніе для кристалла. Прошлую осень я былъ въ украинской деревнѣ и много разговаривалъ съ крестьянами обо всемъ происходящемъ. Когда я рассказалъ о томъ, какъ въ Тулузѣ моя дочь съ мужемъ прожили годъ на квартирѣ, населенной рабочими, ни разу не запирая на ночь дверей, — это возбудило величайшее удивленіе.

— А у насъ—грустно сказалъ на это одинъ хорошій и разумный крестьянинъ — особенно въ нынѣшнее время, если хлопчикъ принесетъ матери чужое, то иная мать его даже похвалитъ: хорошо, что несешь въ домъ, а не изъ дому.

И это съ тѣхъ поръ, какъ вы провозгласили коммунизмъ, не ослабло, а усилилось въ огромной степени.

Маленькій, но многозначительный примѣръ: чтобы хоть нѣсколько ослабить недостатокъ въ продовольствіи,

городское управление Полтавы (еще «буржуазное») поощряло разработку всѣхъ свободныхъ участковъ земли. Такимъ образомъ участки передъ домами на улицахъ оказались засаженными картошкой, морковью и проч. Тоже и относительно свободныхъ мѣстъ въ городскомъ саду. Это уже нѣсколько лѣтъ стало традиціей.

Въ этотъ годъ картофель уродился прѣвосходный, но... его пришлось выкопать всюду задолго до того, какъ онъ поспѣлъ, потому что по ночамъ его просто крали. Кто красть — на этотъ разъ это не важно. Дѣло, однако, во томъ, что одни трудились, другіе пользовались.

Третью урожая погибла потому, что картофель не доросъ, запасовъ на зиму изъ остальной части сдѣлать не пришлось потому, что недоспѣвшій картофель сгнилъ. Я видѣлъ группу бѣдныхъ женщинъ, которыя утромъ стояли и плакали надъ раззоренными ночью грядками. Онѣ работали, сѣяли, окапывали, пололи. А пришли другіе, порвали кусты, многое затоптали, вырвали мелочь, которой еще надо было доходить два мѣсяца и сдѣлали это въ какой нибудь часъ.

Это примѣръ, указывающій, что такую вещь, какъ нравственные свойства народа, можно выразить въ цифрахъ. При одномъ уровнѣ нравственности урожай былъ такой то, и городское населеніе до известной степени было бы обеспечено отъ зимняго голода. У нашего народа «при коммунизмѣ» огромная часть урожая прямо погибла отъ нашихъ нравовъ. Еще большій ущербъ предстоитъ отъ того, что на будущій годъ многіе задумываются обрабатывать пустыя мѣста, никому не охота трудиться для воровъ... а никакими разстрѣлами вы съ этой стихіей не справитесь. Тутъ нужно нѣчто другое, и во всякомъ случаѣ до коммунизма еще далеко.

Я хотѣлъ въ этомъ письмѣ обойтись безъ конкретныхъ случаевъ. Но я едва закончилъ это письмо. У насъ продолжается прежнее. По временамъ ночью слышатся выстрѣлы. Если это въ юго-западной сторонѣ, значитъ подступаютъ повстанцы, если въ юго-восточной въ сторонѣ кладбища, значитъ кого нибудь, можетъ быть многихъ, разстрѣливаютъ.

Обѣ стороны соперничаютъ въ жестокости. Вся наша полтавщина похожа на пороховой погребъ, и теперь уже идетъ рѣчь о разстрѣлѣ заложниковъ, набранныхъ изъ мѣстъ, охваченныхъ повстаніемъ. Мѣра, если бы ее примѣнить, безмысленная, жестокая и только вредная для тѣхъ, кто ее примѣняетъ. Во время войны, особенно, когда я былъ во Франціи, я слѣдилъ за этимъ варварскимъ институтомъ, завѣщаннымъ намъ средними вѣками, и долженъ сказать, что даже во время войны дѣйствительныхъ разстрѣловъ заложниковъ кажется не было. Французы обвиняли въ этомъ нѣмцевъ, нѣмцы французовъ. Но кажется, что заложничество только и годилось для взаимныхъ обвиненій, а не для дѣйствительнаго употребленія. То же нужно сказать и о насъ: молодежи, скрывающейся теперь въ лѣсахъ, и Махно, насторожившемуся уже по близости, мало горя, если нѣсколько стариковъ будутъ разстрѣляны. Это только дастъ имъ нѣсколько новыхъ приверженцевъ и окончательно озлобитъ нейтральное населеніе. Въ виду, можетъ быть, этихъ соображеній, до сихъ поръ разстрѣловъ заложниковъ еще не было. Но достаточно и того, что тюрьмы ими полны*). Сколько горя это вноситъ въ семьи — это мнѣ видно ясно по тѣмъ, кто приходитъ ко мнѣ въ слезахъ. И сколько работниковъ отнято у этихъ семей въ самый разгаръ сбора урожая.

А Махно, называющій себя, кстати сказать, анархистомъ, уже выпустилъ въ мѣстностяхъ имъ занятыхъ, свои деньги. Мнѣ говорили, что на нихъ написано два двухстишія: «о, жинко, веселись, въ Махна гроши завелись». И другое: «кто цихъ грошей не братиме, того Махно драдиме».

Вообще эта фигура колоритна и до извѣстной степени замѣчательна. Махно — это средній выводъ украинскаго народа, а можетъ быть и шире. Ни одна изъ воюющихъ сторонъ безъ него не обходилась. Такъ онъ помогъ при взятіи донецкаго бассейна, потомъ помогаль добровольцамъ, хотя бы пассивно, очистивъ фронтъ. При послѣднемъ занятіи

*) Увы, послѣ этого о разстрѣлахъ заложниковъ сообщалось даже въ официальныхъ „Извѣстіяхъ“.

Полтавы махновцы опять помогали вамъ. А затѣмъ совѣтская власть объявила его внѣ закона. Но онъ падъ этимъ смѣется и этотъ смѣхъ напоминаетъ истинно мефистофельскую гримасу на лицѣ нашей революціи.

19 августа 1920 г.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Приходится задуматься о причинахъ явнаго разлада между западно-европейскими вожаками социализма и вами, вождями російскаго коммунизма. Ваша монополярная печать объясняетъ его тѣмъ, что вожди социализма въ Западной Европѣ продались буржуазіи. Но это, простите, такая же пошлость, какъ и то, когда васъ самихъ обвиняли въ подкупности со стороны Германіи.

Нѣтъ надобности искать низкихъ причинъ для объясненія факта этого разлада. Онъ коренится гораздо глубже — въ огромной разницѣ настроеній. Дѣло въ томъ, что вожди европейскаго социализма въ теченіе уже десятковъ лѣтъ руководили легально массовой борьбой своего пролетариата, давно проникли въ эти массы, создали мирную, стройную организацію, добились ея легальнаго признанія.

Вы никогда не были въ такомъ положеніи. Вы только конспирировали и самое большее — руководили конспираціей, пытавшейся проникнуть въ рабочую среду. Это создаетъ совершенно другое настроеніе, другую психологію.

Европейскіе руководители социализма, принимая то или другое рѣшеніе, рекомендуя его своимъ послѣдователямъ, привыкли взвѣшивать всѣ стороны этого шага. Когда, напримѣръ, объявлялась стачка, то вождямъ приходилось обдумывать не только ея агитаціонное значеніе, но и всестороннія ея послѣдствія для самой рабочей среды, въ томъ числѣ данное состояніе промышленности. Сможетъ ли масса выдержать стачку, въ состояніи ли капиталъ уступить безъ разстройства самого производства, которое отразится на тѣхъ же рабочихъ. Однимъ словомъ, они принимали отвѣт-

ственность не только за самую борьбу, но и за то, какъ отразится рекомендуемая имъ мѣра на благосостояніи рабочихъ. Они привыкли чувствовать взаимную зависимость между капиталомъ и трудомъ.

Вы въ такомъ положеніи никогда не были, потому что, благодаря безмысленному давленію самодержавія, никогда не выступали легально. Вамъ лично приходилось тоже рисковать, приходилось сидѣть въ тюрьмахъ за то, что во всей Европѣ уже было признано правомъ массы и правомъ ея вождей, и этотъ рискъ тюрьмы, ссылки, каторги замѣняли для васъ и въ вашихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ рабочихъ всякую иную отвѣтственность. Если отъ ошибки въ томъ или другомъ вашемъ планѣ рабочимъ и ихъ семьямъ приходилось напрасно голодать и терпѣть крайнюю нужду, то и вы получали свою долю страданія въ другой формѣ.

И вотъ почему вы привыкли звать всегда къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, къ послѣднему выводу и схемѣ, къ конечному результату. Вотъ почему вы не могли выработать чутья къ жизни, къ сложнымъ возможностямъ самой борьбы, и вотъ откуда у васъ одностороннее представленіе о капиталѣ, какъ исключительно о хищникѣ, безъ усложняющаго представленія объ его роли въ организаціи производства.

И отсюда же ваше разочарованіе и горечь по отношенію къ западно-европейскому социализму.

Рабочіе вначалѣ пошли за вами. Еще бы. Послѣ идиотскаго преслѣдованія всякихъ попытокъ къ борьбѣ съ капиталомъ, вы сразу провозгласили пролетарскую диктатуру. Рабочимъ это льстило и много обѣщало... они ринулись за вами, т. е. за мечтой немедленнаго осуществленія социализма.

Но дѣйствительность остается дѣйствительностью. Для рабочей массы тутъ всетаки не простая схема, не одинъ конечный результатъ, какъ для васъ, а вопросъ непосредственной жизни ихъ и ихъ семей. И рабочая масса прежде всѣхъ почувствовала на себѣ послѣдствія вашей схематич-

ности. Вы побѣдили капиталъ и онъ лежитъ теперь у вашихъ ногъ, изувѣченный и разбитый. Вы не замѣтили только, что онъ соединенъ еще съ производствомъ такими жирными нитями, что убивъ его вы убили также производство. Радуюсь своимъ побѣдамъ надъ денкипцами, надъ Колчакомъ, надъ Юденичемъ и поляками, вы не замѣтили, что потерпѣли полное поражение на гораздо болѣе обширномъ и важномъ фронтѣ. Это тотъ фронтъ, на протяженіи котораго на человѣка со всѣхъ сторонъ наступаютъ враждебныя силы природы. Увлеченные одностороннимъ разрушеніемъ капиталистическаго строя, не обращая вниманія ни на что другое въ преслѣдованіи этой своей схемы, вы довели страну до ужаснаго положенія. Когда то въ своей книгѣ «Въ голодный годъ» я пытался нарисовать то мрачное состояніе, къ которому вело самодержавіе: огромныя области хлѣбной Россіи голодали, и голодовки усиливались. Теперь гораздо хуже: голодомъ поражена вся Россія, начиная со столицы, гдѣ были случаи голодной смерти на улицахъ. Теперь, говорятъ, вы успѣли наладить питаніе въ Москвѣ и Петербургѣ (надолго ли и какой цѣной). Но зато голодь охватываетъ пространства, гораздо большія, чѣмъ въ 1891—2 году въ провинціи. И главное — вы разрушили то, что было органическаго въ отношеніяхъ города и деревни: естественную связь обмѣна. Вамъ приходится замѣнять ее искусственными мѣрами, «принудительнымъ отчужденіемъ», реквизиціей, при посредствѣ карательнаго отряда. Когда деревня не получаетъ не только сельско-хозяйственныхъ орудій, но за иголку вынуждена платить по 200 рублей и больше, — въ это время вы устанавливаете такія твердыя цѣны на хлѣбъ, которыя деревнѣ явно не выгодны. Вы обращаетесь въ своихъ газетахъ къ селянамъ со статьями, въ которыхъ доказываете, что деревнѣ выгодно васъ поддерживать. Но, устраняя пока вопросъ по существу, — вы говорите на рааныхъ языкахъ: народъ нашъ еще не привыкъ обобщать явленія. Каждый землевладелецъ видитъ только, что у него берутъ то, что онъ произвелъ, за вознагражденіе явно не эквивалентное его труду, и

дѣлаеть свой выводъ: прячетъ хлѣбъ въ ямы. Вы его находите, реквизируете, проходите по деревнямъ Россіи и Украины «каленнымъ желѣзомъ», сжигаете цѣлыя деревни и радуетесь успѣхамъ продовольственной политики. Если прибавить къ этому, что многія области въ Россіи тоже поражены голодомъ; что оттуда въ нашу Украину, напримеръ, слѣдно бѣгутъ толпы голодныхъ людей, при чемъ отцы семей курекіе и рязанскіе мужики, за неимѣніемъ скота, сами впрягаются въ оглобли и тащутъ телѣги съ дѣтьми и скарбомъ, — то картина выходитъ болѣе поразительная, чѣмъ все, что мнѣ приходилось отмѣчать въ голодномъ году... И все это не ограничивается мѣстностями, пораженными неурожаемъ.

Уже два мѣсяца назадъ у насъ въ Полтавѣ я видѣлъ человѣка, который уже шестой день «не видѣлъ хлѣба», пробиваясь кое-какъ картошкой и овощами... А теперь, вдобавокъ, идетъ зима и къ голоду присоединяется холодъ. За возъ дровъ, привезенныхъ изъ недалекихъ лѣсовъ, требуютъ 12.000. Это значитъ, что огромное большинство жителей, даже сравнительно лучше обеспеченныхъ, какъ ваши совѣтскіе служащіе, окажутся (за исключеніемъ развѣ коммунистовъ) совершенно беззащитными отъ холода. Въ квартирахъ будетъ почти то самое, что будетъ на дворѣ. На этомъ фронтѣ вы отдали все городское (а частью и сельское) населеніе на милость и немилость враждебнымъ силамъ природы, и это одинаково почувствуетъ какъ разоренный, заподозрѣнный, «неблагонадежный» человѣкъ въ сюртукѣ, такъ и человѣкъ въ рабочей блузѣ. Народъ нашелъ уже и формулу, въ которой кратко обобщилъ это положеніе. Одинъ крестьянинъ, давно живущій въ городѣ и занимающійся ломовымъ извозомъ, сказалъ мнѣ какъ-то съ горькой и злой улыбкой:

Якъ бувъ у насъ Микола дурачокъ,
То хлѣбъ бувъ пятачокъ,
А якъ прийшли розумни комуністи,
То нічого людямъ стало істи,
Хлѣба ні за які гроши не достанеш . . .

Этого не выдумаете нарочно; это то, что само рождается из воздуха, из непосредственного ощущения, из очевидных фактов.

И вот рабочая среда начинает чувствовать вашу основную ошибку, и в ней является настроение, которое вы так осуждаете в огромном большинстве западно-европейских социалистов; в ней явно усиливается меньшевизм, т. е. социализм, но не максималистического типа. Он не признает немедленного полного социального переворота, начинающегося с разрушением капитализма, как неприятельской крепости. Он признает, что некоторые достижения буржуазного строя представляют общенародное достояние. Вы боретесь с этим настроением. Когда то признавалось, что Россіей самодержавно править воля царя. Но едва гдѣ-нибудь проявлялась воля этого бѣднаго самодержца, неполнѣ согласная съ намѣреніями правившей бюрократіи, у послѣдней были тысячи способовъ привести самодержца къ повиновенію. Не то же ли съ такимъ же бѣднягой, нынѣшнимъ «диктаторомъ»? Какъ вы унаете и какъ вы выражаете его волю? Свободной печати у насъ нѣтъ, свободы голосованія также. Свободная печать, по вашему, только буржуазный предрасудокъ. Между тѣмъ отсутствіе свободной печати дѣлаетъ насъ глухими и слѣпыми на явленія жизни. Въ вашихъ офиціозахъ царствуетъ внутреннее благополучіе въ то время, когда люди слѣпо «бредутъ врозь» (старое русское выраженіе) отъ голоду. Провозглашаются побѣды коммунизма въ украинской деревнѣ въ то время, когда сельская Украина кипитъ ненавистью и гнѣвомъ и чрезвычайки уже подумываютъ о разстрѣлѣ деревенскихъ заложниковъ. Въ городахъ начался голодъ, идетъ грозная зима, а вы заботитесь только о фальсификаціи мнѣнія пролетаріата. Чуть гдѣ-нибудь начинаетъ проявляться самостоятельная мысль въ средѣ рабочихъ, неполнѣ согласная съ направленіемъ вашей политики, коммунисты тотчасъ же принимаютъ свои мѣры. Данное правленіе профессиональнаго союза получаетъ наименование бѣлаго или желтаго, члены его арестуются, са-

мо правленіе распускается, а затѣмъ является торжествующая статья въ вашемъ оффиціозѣ: «Дорогу красному печатнику», или иной красной группѣ рабочихъ, которые до сихъ поръ были въ меньшинствѣ. Изъ суммы такихъ явленій и слогается то, что вызовете «диктатурой пролетаріата». Теперь и въ Полтавѣ мы видимъ то же: чрезвычайная Комиссія, на этотъ разъ въ полномъ согласіи съ другими учрежденіями, производитъ сплошные аресты меньшевиковъ. Все болѣе или менѣе выдающееся изъ «неблагонадежной» социалистической оппозиціи сидитъ въ тюрьмѣ, для чего многихъ пришлось оторвать отъ необходимой текущей работы (безъ помощи «неблагонадежныхъ» меньшевиковъ вы все-таки съ ней справляться не можете) и такимъ образомъ является новое «торжество коммунизма»^{*)}.

Торжество ли это? Когда то еще при самодержавіи, въ одинъ изъ періодовъ поперемяннаго усиленія то цензуры, то освобождавшей своими усиліями печати, въ одномъ юмористическомъ органѣ былъ изображенъ самодержецъ, сидящій на штыкахъ. Подпись: «неудобное положеніе», или что-то въ этомъ родѣ. Въ такомъ же неудобномъ положеніи находится теперь ваша коммунистическая правящая партія. Положеніе ея въ деревнѣ прямо трагическое. То и дѣло оттуда приносятъ коммунистовъ и комиссаровъ изувѣченныхъ и убитыхъ. Оффиціозы пишутъ пышные некрологи, и ваша партія утѣшаетъ себя тѣмъ, что это только куркули (деревенскіе богачи), что не мѣшаетъ вамъ выжигать цѣлыя деревни сплошь — и богачей, и бѣдныхъ одинаково. Но и въ городахъ вы держитесь только военной силой, иначе ваше представительство быстро измѣнилось бы. Ближайшіе ваши союзники, социалисты меньшевики сидятъ въ тюрьмахъ. Мнѣ приходится то и дѣло наблюдать такія явленія. И въ 1905 году, когда я былъ здоровъ и болѣе дѣятеленъ, мнѣ приходилось одно время бороться съ нарастающимъ настроеніемъ еврейскихъ погромовъ, которое, несомнѣнно, имѣло въ виду не однихъ евреевъ, но и

^{*)} Теперь много меньшевиковъ административно высланы въ Грузію.

забастовавшихъ рабочихъ. Въ это время наборщики мѣстныхъ типографій, нарушая забастовку, печатали воззванія газеты «Полтавщина» и мои. Это невольно сблизило меня съ средой наборщиковъ. Помню одного, онъ былъ, несомнѣнно, лѣвый по направленію и очень горячій по темпераменту. Его выступленія навлекли на него вниманіе жандармскихъ властей, и съ началомъ реакціи онъ былъ высланъ сначала въ Вологду, а потомъ въ Усть-Сысольскъ. Фамилія его Навроцкій. Теперь онъ въ Полтавѣ и... арестованъ вашей чрезвычайкой за одно изъ выступленій на собраніи печатниковъ *). Когда теперь я читаю о «желтыхъ печатникахъ» Москвы и Петербурга, то мнѣ невольно приходитъ на мысль, — сколько такихъ Навроцкихъ, доказавшихъ въ борьбѣ съ царской реакціей свою преданность дѣйствительному освобожденію рабочихъ, арестуются коммунистами чрезвычайекъ, подъ видомъ «желтыхъ», т. е. «неблагонадежныхъ» социалистовъ... Одно время шелъ вопросъ даже о разстрѣлѣ Навроцкаго за его рѣчь противъ новыхъ притѣсненій свободы мнѣній въ рабочей средѣ. Чего добраго — это легко могло случиться, и тогда была бы ярко подчеркнута разница чрезвычайекъ и прежнихъ жандармскихъ управленій. Послѣднія не имѣли права разстрѣливать... Ваши чрезвычайки имѣютъ это право и пользуются имъ съ ужасающей свободой и легкостью.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Въ чемъ вы разошлись съ вождями европейскаго социализма и начинаете все больше и больше расходиться съ собственной рабочей средой? Отвѣтъ на этотъ вопросъ я далъ выше: онъ въ вашемъ максимализмѣ.

*) Въ октябрѣ Навроцкій былъ высланъ по рѣшенію Ч. К. въ сѣверныя губерніи. Мнѣ пришлось писать по этому поводу въ Харьковъ. Мои „докладныя записки“ по начальству не имѣли успѣха. Теперь Навроцкій свободенъ, но зато высланъ въ сѣв. губерніи его сынъ, уже разъ еще въ дѣтствѣ бывший въ ссылкѣ вмѣстѣ съ отцомъ. Очевидно „исторія повторяется“

Логически это положеніе самое легкое: требуй всего сразу, или всёхъ, кто остапавливается сразу передъ сложностью и порой неисполнимостью задачи, называя непослѣдовательнымъ, глупымъ, а порой и измѣнникомъ дѣлу социализма, соглашателемъ, колчаковцемъ, денкинцемъ, вообще измѣнникомъ...

Неудобство этого приѣма состоитъ въ томъ, что и вы сами не можете осуществить всего сразу. Вы, напримѣръ, допустили денежную систему. Это, конечно, только на «первое время», пока «наладится новый аппаратъ обмѣна», напримѣръ, общественное снабженіе. Но вѣдь ждать этого долго, и какой нибудь еще большій максималистъ, нарисовавъ послѣдствія денежной системы, которая, дѣйствительно, является одной изъ характернѣйшихъ чертъ капиталистическаго строя, можетъ логически сдѣлать и вамъ упрекъ: вы допустили эту черту, значить, принимайте ея слѣдствія, а затѣмъ нѣсколько логическихъ ступеней, и вы колчаковецъ, денкинецъ, измѣнникъ дѣлу социализма. И не говорите, что это для васъ только временный этапъ: весь вопросъ состоитъ именно въ той мѣрѣ компромисса идеала съ дѣйствительностью, который «временно» принимаютъ западно-европейскіе социалисты и вы. Вы схематики, максималисты, а они ищутъ мѣру революціонныхъ возможностей. Для васъ не оказалось возможнымъ упразднить сразу денежную систему, они видятъ еще много другихъ невозможностей «сразу».

Логика одно изъ могучихъ средствъ мысли, но далеко не единственное. Есть еще воображеніе, дающее возможность охватывать сложность конкретныхъ явленій. Это свойство необходимо для такого дѣла, какъ управление огромной страной. У васъ схема совершенно подавила воображеніе. Вы не представляете себѣ ясно сложность дѣйствительности. Математикъ рассчитываетъ, напримѣръ, во сколько времени ядро, пущенное съ такой то скоростью, прилетитъ на луну, но уже физикъ ясно представляетъ себѣ всю невозможность задачи, по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ уровнѣ техники. Вы только математики социа-

лизма, его логики и схематики. Вы говорите: мы бы уже всего достигли, если бы намъ не мѣшали всемірные буржуи и если бы вожди европейскаго социализма, а за ними большинство рабочихъ, не измѣнили. Они не дѣлають у себя того, что мы дѣлаемъ у насъ — не разрушаютъ капитализма.

Но прежде всего вы сдѣляли у себя самое легкое дѣло: уничтожили русскаго буржуа, не организованнаго, неразумнаго и слабаго. Намъ извѣстно, что европейскій буржуа гораздо сильнѣе, а европейскій рабочій не такое слѣпое стадо, чтобы его возможно было кинуть въ максимализмъ по первому зову. Онъ понимаетъ, что разрушить любой аппаратъ не долго, но измѣнить его въ данномъ случаѣ приходится на ходу, чтобы не разрушить производства, которымъ человекъ только и защищается отъ вѣчно враждебной природы. У западно-европейскихъ рабочихъ болѣе сознанія дѣйствительности, чѣмъ у насъ, вождей коммунизма, и оттого они не максималисты. Послѣ перениски Сегрю и Ленина, дѣло ясно: европейская рабочая масса въ общемъ не поддержитъ васъ въ максимализмѣ. Она остается нейтральной въ предѣлахъ компромисса.

У насъ въ Полтавѣ тотчасъ послѣ революціи смѣнилось городское самоуправленіе. Оно стало демократическимъ и вмѣшалось въ ходъ прежняго снабженія. Между прочимъ, оно основало городской складъ и, когда торговцы слишкомъ вздували цѣны, городское управленіе усилило свою продажу, и цѣны падали. Тогда кричали, что и это социализмъ. Правовѣрные приверженцы капитала предпочитаютъ вполнѣ «свободную торговлю», безъ всякаго вмѣшательства. Вамъ это показалось бы слишкомъ скромно... но Полтава была защищена отъ вѣшней стужи.

Это, конечно, мелочь, но она ясно намѣчаетъ мою мысль. Только такъ можно вмѣшиваться въ снабженіе на ходу, не нарушая и не уничтожая его. Затѣмъ, по мѣрѣ опыта это вмѣшательство можно усиливать, вводя его во все болѣе широкія области, пока наконецъ общество перейдетъ къ социализму. Это путь медленный, но единственно

возможный. Вы же сразу прекратили буржуазные способы доставки предметов первѣйшей необходимости, и нынѣ Полтава, центр хлѣбородной мѣстности, окруженная близкими лѣсами, стоитъ передъ голодомъ и передъ лицомъ близкой зимы вполне беззащитная. И такъ всюду, во всѣхъ областяхъ снабженія. Ваши газеты сообщаютъ съ торжествомъ, что въ Крыму у Врангеля хлѣбъ продается по 150 рублей за фунтъ, но у насъ (т. е. у васъ) въ Полтавѣ, среди житницы Россіи, онъ стоитъ уже 450 рублей за фунтъ, т. е. втрое дороже. И такъ же все остальное.

Я уже говорилъ о томъ, что въ Полтавѣ создавалась традиція: жители обращаются ко мнѣ, какъ къ писателю, который умѣлъ порой прорывать цензурныя рамки. Прежде ко мнѣ приходили люди, притѣсненные царскими властями. Теперь идутъ родные арестуемыхъ вами. Среди этихъ послѣднихъ есть много кожевниковъ. Жизнь беретъ свое: не смотря на вашъ запретъ, кожевники кустари то и дѣло принимаются дѣлать кожу, удовлетворяя такимъ образомъ настоятельнѣйшей потребности въ обуви въ виду зимы. Порой волостные исполкомы даютъ на это свою санкцію и понемногу кожа начинаетъ выдѣлываться, пока... не узнаютъ объ этомъ преступленіи ваши власти и не прекратятъ его. Вамъ надо, чтобы «сразу» производство стало на почву социалистическую, даже коммунистическую, и вы превращаете компромиссы въ соглашательство съ буржуазными формами производства. Конечно, вы можете сказать, что у васъ уже есть кое-гдѣ «совѣтскіе кожевники», но что значатъ эти показныя бюрократическія затѣи въ сравненіи съ огромной, какъ океанъ, потребностью. И въ результатѣ, посмотрите, въ чемъ ходятъ ваши же красноармейцы и служащая у васъ интеллигенція: красноармейца нѣрѣдко встрѣтить въ лаптяхъ, а служилая интеллигенція въ кое-какъ сдѣланныхъ сандаляхъ. Это напоминаетъ классическую древность, но очень уже неудобно теперь къ зимѣ. На вопросъ, что будетъ зимой, отвѣтомъ порой служатъ только слезы. Вообще, сердце сжимается при мысли о судьбѣ того слоя русскаго общества, который принято называть

интеллигенціей. Рассмотрите ставки вашихъ жалованій и сравните ихъ съ цѣнами хотя бы на хлѣбъ. Вы увидите, какое тутъ смѣшное, вѣрнѣе трагическое, несоотвѣтствіе. И все-таки живутъ... Да, живутъ, но чѣмъ — проживаютъ остатки прежняго имущества: скатерти, платочки, кофты, пальто, пиджаки, брюки. Если перевести это на образный языкъ, то окажется, что они проѣдаютъ все, заготовленное при прежнемъ буржуазномъ строѣ, который приготовилъ нѣкоторые излишки. Теперь не хватаетъ необходимаго, и это растетъ какъ лавина. Вы убили буржуазную промышленность, ничего не создали взамѣнъ, и ваша коммуна является огромнымъ паразитомъ, питающимся отъ этого трупа. Все разрушается: дома, отнятые у прошлыхъ владѣльцевъ и никѣмъ не реставрируемые, разваливаются, заборы разбираются на топливо, однимъ словомъ, идетъ общій развалъ.

Ясно, что дальше такъ идти не можетъ, и странѣ грозятъ неслыханныя бѣдствія. Первой жертвой ихъ явится интеллигенція. Потомъ городскіе рабочіе. Дольше всѣхъ будутъ держаться хорошо устроившіеся коммунисты и красная армія. Но уже и въ этой средѣ среди добросовѣстныхъ людей замѣтны признаки обнищанія. Лучшее всего живется всякаго рода грабителямъ, и это естественно: вы строите все на эгоизмѣ, а сами требуете самоотверженія. Докажите же, что вооруженному человѣку выгодно умереть съ голоду, воздерживаясь отъ грабежа человѣка безоружнаго. Я говорилъ выше объ одной характерной мелочи чисто бытового свойства, о грабежѣ огородовъ, принявшемъ такіе размѣры, что это лишаетъ на будущее время побужденія къ труду, не говоря только какую роль при этомъ играли красноармейцы. Порой хозяева огородовъ дѣлали засаду на воровъ; когда они застигали при этомъ людей штатскаго званія, тѣ конфузились и убѣгали. Только красноармейцы отвѣчали просто: что же, намъ сидѣть голодомъ? И продолжали грабить, развѣ переходя съ даннаго участка на участокъ сосѣда. Теперь еще одна такая же мелочь. Не далѣе двухъ недѣль тому назадъ изъ Полтавы уходилъ на

фронтъ красноармейскій полкъ. Штабъ его помѣщался рядомъ съ моею квартирой и потому съ утра вдоль нашей улицы выстроились ряды солдатъ. Во дворѣ дома, гдѣ я живу, есть нѣсколько орѣховыхъ деревьевъ. Это привлекло солдатъ и въ ожиданіи отправки нашъ дворъ переполнился красноармейцами. Трудно описать, что тутъ происходило. Валѣзали на деревья, ломали вѣтки и, постепенно входя въ какое то торопливое ожесточеніе и торопясь какъ дѣти, солдаты стали хватать полѣнья дровъ, кирпичи, камни и швырять все это на деревья съ опасностью попасть въ сидящихъ на деревьяхъ и въ окна нашего дома. Нѣсколько разъ полѣнья попадали въ рамы, къ счастью не въ стекла. Вы вѣдь знаете, что значить теперь разбить стекло. Пришлось обратиться къ начальству, но и начальство могло прекратить это на самое короткое время. Черезъ минуту дворъ опять былъ полонъ солдатъ, и мнѣ едва удалось уговорить, чтобы не кидали полѣнья и камней съ опасностью побить окна. Всѣ деревья были оборваны и только тогда красноармейцы ушли, послѣ торжественной рѣчи командира, въ которой говорилось, что красная армія идетъ строить новое общество... А я съ печалью думалъ о близкомъ бѣдствіи, когда нужда не въ орѣхахъ, а въ хлѣбѣ, топливѣ, въ одеждѣ, обуви заставитъ этихъ людей, съ опаснымъ простодушіемъ дѣтей кидającychся теперь на орѣхи, такъ же кинуться на предметы первой необходимости. Тогда можетъ оказаться, что вмѣсто социализма мы ввели только грубую солдатчину. вродѣ янычарства.

Мнѣ пришлось уже говорить при личномъ свиданіи съ вами о томъ, какая разница была при занятіи Полтавы красной арміей и добровольцами. Послѣдніе болѣе трехъ дней откровенно грабили городъ «съ разрѣшенія начальства». Красноармейцы заняли Полтаву, какъ дисциплинированная армія, и грабежи производимые разными бандами тотчасъ же прекратились. Только впоследствии, когда вы приступили къ безсуднымъ разстрѣламъ, реквизиціямъ квартиръ (постигавшимъ перѣдко и трудовые классы), это впечатлѣніе замѣнялось другимъ чувствомъ. «Вы умѣете

занимать новыя мѣстности лучше добровольцевъ, но удержать ихъ не умѣете какъ и они»,—закончилъ я тогда. Теперь прїѣзжіе изъ Кіева рассказываютъ, что красной арміи было предложено передъ выступленіемъ въ походъ «одѣться на счетъ буржуазіи». Если это подтвердится (а извѣстіе носитъ всѣ признаки достовѣрности), то это будетъ значить, что опасный симптомъ уже начинается: вы кончаете тѣмъ, чѣмъ начинали деникинцы. Прїѣзжіе говорятъ, что на этотъ разъ грабежъ продолжался болѣе недѣли, и это можетъ быть указываетъ на начало послѣдняго дѣйствія нашей трагедіи.

Чувствую, что мои письма надо кончать. Они слишкомъ затянулись и мѣшаютъ мнѣ отдаться другой работѣ. Къ тому же объ этомъ предметѣ надо бы сказать гораздо больше и съ большимъ изученіемъ, а для этого у меня нѣтъ ни времени, ни здоровья. Поэтому закончу кратко: вы съ легкимъ сердцемъ приступили къ своему схематическому эксперименту въ надеждѣ, что это будетъ только сигналомъ для всемірной максималистской революціи. Вы должны уже сами видѣть, что въ этомъ вы ошиблись: послѣ прїѣзда иностранной рабочей делегаціи, послѣ письма Сагрю и отвѣта Ленина, эта мечта исчезаетъ даже для вашего оптимизма. Вамъ приходится довольствоваться легкой побѣдой послѣдовательнаго схематическаго оптимизма надъ «соглашателями», но уже ясно, что въ общемъ рабочая Европа не пойдетъ вашимъ путемъ, и Россія, привыкшая подчиняться всякому угнетенію, не выработавшая формъ для выраженія своего истиннаго мнѣнія, вынуждена идти этимъ печальнымъ, мрачнымъ путемъ въ полномъ одиночествѣ.

Куда? Что представляетъ вашъ фантастическій коммунизмъ?

Извѣстно, что еще въ прошедшемъ столѣтіи являлись попытки перевести коммунистическую мечту въ дѣйствительность. Вы знаете, чѣмъ они кончились. Робертъ Оуэнъ, фурьеристы, сен-симонисты, кабетисты — таковъ длин-

ный ряд коммунистических опытовъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Всѣ они кончались печальной неудачей, раздорами, трагедіями для инициаторовъ, вродѣ трагедіи Кабе. И всѣ эти благородные мечтатели кончали сознаниемъ, что человечество должно переродиться прежде, чѣмъ уничтожить собственность и переходить къ коммун. формамъ жизни (если вообще коммуна осуществима). Соціалистъ-историкъ Ренаръ говоритъ, что Кабе и коммунисты его пошиба прибѣгли къ слишкомъ упрощенному рѣшенію вопроса. «Среди предметовъ окружающихъ насъ есть такіе, которые могутъ и должны остаться въ индивидуальномъ владѣніи, и другіе, которые должны перейти въ коллективную собственность». Вообще процессъ этого распредѣленія, за который вы взялись съ такимъ легкимъ сердцемъ, представляетъ процессъ долгой и трудной подготовки «объективныхъ и субъективныхъ условий», для котораго необходимо все напряженіе общей самодѣятельности, и, главное, свободы. Только такая самодѣятельность, только свобода всякихъ опытовъ могутъ указать, что выдержать критику практической жизни и что обращено нагибель. «Кабе,—говоритъ Ренаръ (и другіе утописты, прибавляю я), не сумѣли еще найти принципа, который установилъ бы эту раздѣльную линію. Онъ удѣлялъ слишкомъ много мѣста власти и единству. Государство — община, о которой онъ мечталъ, напоминаетъ пансіонъ, гдѣ молодымъ людямъ обезпечиваютъ здоровую умѣренную пищу, гдѣ одѣваютъ въ мундиры ихъ умъ, какъ и тѣло, приучаютъ ихъ работать, ѣсть, вставать по звонку. Однообразіе этой суровой дисциплины порождаетъ скуку и отвращеніе. Этотъ монастырскій интернатъ слишкомъ тѣсенъ, чтобы человечество могло въ немъ двигаться, не разбивъ его.» Вы вмѣсто монастырскаго интерната ввели свой коммунизмъ въ казарму (достаточно вспомнить «милитаризацію труда»). По обыкновенію самоувѣренно, недолго раздумывая надъ разграничительной чертой, вы нарушили неприкосновенность и свободу частной жизни, ворвались въ жилье («мой домъ, моя крѣпость») — говорить англичапе), стали производить немедленный дѣ-

лежь необходимыхъ вещей, какъ интимныхъ проявленій вкуса и интеллекта, вложили руку на частныя коллекціи картинъ и книгъ... Не создавъ почти ничего, вы разрушили очень многое, иначе сказать, введя немедленный коммунизмъ, вы надолго отбили охоту даже отъ простого социализма, введеніе котораго составляетъ насущаѣйшую задачу современности.

Очевидецъ рассказывалъ мнѣ слѣдующую бытовую картину: съ одного изъ сѣздовъ возвращались уполномоченные волостныхъ комитетовъ. На этомъ сѣздѣ, по обыкновенію, были приняты резолюціи въ самомъ коммунистическомъ духѣ. Среди крестьянъ, подписавшихъ эти резолюціи, царило угрюмое настроеніе. Они ѣхали въ свои деревни, а тамъ, какъ извѣстно, настроеніе — далеко не коммунистическое. Въ этой компаніи ѣхалъ горячій и, повидимому, убѣжденный коммунистъ, доказывавшій преимущества коммунистическаго строя. Отвѣтомъ на его горячія тирады было угрюмое молчаніе. Тогда онъ рѣшилъ пробить этотъ ледъ и прямо обратился къ одному изъ собесѣдниковъ, умному солидному мужику, въ упоръ предложивъ вопросъ: почему вы молчите и что думаете о томъ, что я говорилъ вамъ.

— Ось бачите — отвѣтилъ мужикъ серьезно — все это можетъ быть правда... да бѣда въ томъ, что руки у чловѣка такъ устроены, что ему легче горнуть до себѣ, а не видъ себѣ (загребать къ себѣ, а не отъ себя).

Какъ видите, это какъ разъ то самое, къ чему въ концѣ опыта приходятъ мечтатели утопическаго коммунизма. Дѣло, конечно, не въ рукахъ, а въ душахъ. Души должны переродиться. А для этого нужно, чтобы сначала переродились учрежденія. А это въ свою очередь требуетъ свободы мысли и начинанія для творчества новыхъ формъ жизни. Силой задерживать эту самодѣятельность въ обществѣ и въ народѣ, это преступленіе, которое совершало наше недавнее павшее правительство. Но^е есть и другое, пожалуй, не меньшее — это силой навязывать новыя формы жизни, удобства которыхъ народъ еще не созналъ и съ ко-

торами не могъ еще ознакомиться на творческомъ опытѣ. И вы въ этомъ виновны. Инстинктъ вы замѣнили приказомъ и ждете, что по вашему приказу измѣнится природа чело-вѣка. За это посягательство на свободу самоопредѣленія на-рода васъ ждетъ расплата.

Соціальная справедливость дѣло очень важное, и вы справедливо указываете, что безъ нея нѣтъ и полной свобо-ды. Но и безъ свободы невозможно достигнуть справедли-вости. Корабль будущаго приходится провести между Сциллой рабства и Харибдой несправедливости, никогда не теряя изъ виду обѣихъ вмѣстѣ. Сколько бы вы ни утвер-ждали, что буржуазная свобода является только обманомъ, закрѣпощающемъ рабочій классъ, въ этомъ вамъ не удаст-ся убѣдить европейскихъ рабочихъ. Англійскіе рабочіе, надѣющіеся теперь провести ваши опыты (если бы, конечно, они оказались удачны) черезъ парламентъ, не могутъ забыть, что буржуа Гладстонъ, дѣйствующій подъ знаме-немъ самодовлѣющей свободы, чуть не всю жизнь боролся за расширеніе избирательныхъ правъ. И всякое политиче-ское преобразование въ этомъ духѣ вело къ возможности борьбы за соціальную справедливость, а всякая политиче-ская реакція давала обратные результаты. Политическихъ революцій было много, соціальной не было еще ни одной. Вы являете первый опытъ введенія социализма посред-ствомъ подавленія свободы.

Что изъ этого можетъ выйти? Не желалъ бы быть про-рокомъ, но сердце у меня сжимается предчувствіемъ, что мы только еще у порога такихъ бѣдствій, передъ которыми померкнетъ все то, что мы испытываемъ теперь. Россія представляетъ собой колоссъ, который постепенно слабѣ-етъ отъ долгой внутренней лихорадки, отъ голода и лише-ній. Антантъ не придется, пожалуй, долго воевать съ на-ми, чтобы насъ усмирить. Это сдѣлаетъ за нее наша внут-ренняя разруха. Настанетъ время, когда изнуренный ко-лоссъ будетъ просить помочь ему, не спрашивая объ усло-віяхъ... И условія, конечно, будутъ тяжелыя.

Я кончаю. Гдѣ же исходъ? Въ прошломъ 1919 году ко мнѣ прѣзжалъ корреспондентъ вашего правительственнаго телеграфнаго агентства, чтобы предложить мнѣ нѣсколько вопросовъ о томъ, что я думаю о происходящемъ. Я люблю такихъ интервью. Помимо того, что я писатель и могъ бы самъ формулировать свои мысли, — эти интервью почти всегда бываютъ не точны. Но опять таки, я писатель, т. е. человѣкъ, стремящійся къ тому, чтобы его мысли стали извѣстны. А вы убили свободную печать. И я согласился отвѣтить корреспонденту, выразивъ только сомнѣніе, чтобы мои мысли нашли мѣсто въ большевистской печати. Онъ отвѣтилъ, что за это онъ не ручается, но агентство разошлетъ это интервью руководителямъ совѣтской власти.

Интервью въ печати не появилось. Не знаю, было ли оно прислано вамъ и нашли ли вы время, чтобы съ нимъ ознакомиться. Я тогда говорилъ въ общемъ то же, что повторяю теперь. Вы умѣете занимать новыя мѣста, но удерживать ихъ не умѣете, и я чувствую, что Вы на Украинѣ потеряли уже почву. Событія это мое предчувствіе оправдали: мѣсяца черезъ полтора вамъ пришлось оставить Украину подъ напоромъ денякинцевъ. Теперь тучи надъ вашимъ господствомъ на Украинѣ опять сгущаются...

Тотъ румынскій анархистъ, о которомъ я говорилъ раньше, пришелъ къ заключенію, что народъ, который до такой степени не умѣетъ вести себя въ публичныхъ мѣстахъ, еще очень далекъ отъ идеальнаго строя. Я скажу иначе: народъ, который еще не научился владѣть аппаратомъ голосованія, который не умѣетъ формулировать преобладающее въ немъ мнѣніе, который приступаетъ къ устройству социальной справедливости черезъ индивидуальныя грабежи (ваше: грабъ награбленное), который начинаетъ царство справедливости допущеніемъ массовыхъ безсудныхъ расстрѣловъ, длящихся уже годы, такой народъ еще далекъ отъ того, чтобы стать во главѣ лучшихъ стремленій человѣчества. Ему нужно еще учиться самому, а не учить другихъ.

Вы побѣдили добровольцевъ, Деникина, побѣдили Юденича, Колчака, поляковъ, вѣроятно, побѣдите и Врангеля. Возможно, что вооруженное вмѣшательство Антанты тоже окончилось бы вашей побѣдой: оно пробудило бы въ народѣ духъ патриотизма, который напрасно старались убить во имя интернаціонализма, забывая, что идея отечества до сихъ поръ еще является наибольшимъ достиженіемъ на пути человѣчества къ единству, которое, навѣрно, будетъ достигнуто только объединеніемъ отечествъ. Однимъ словомъ, па всѣхъ фронтахъ вы являетесь побѣдителями, не замѣчая внутренняго недуга, дѣлающаго васъ безсильными передъ фронтомъ природы...

Вы видите изъ этого, что я не жду ни вмѣшательства Антанты, ни побѣды генераловъ. Россія стоитъ въ раздумьи между двумя утопіями: утопіей прошлаго и утопіей будущаго, выбирая, въ какую утопію ей ринуться. Вмѣшное вмѣшательство только затемнило бы опытъ, а генералы, вѣроятно, предводительствуютъ элементами, вздыхающими о прошломъ и готовыми въ пользу прошлаго такъ же злоупотреблять властью, какъ вы въ пользу будущаго. По мнѣнію многихъ, положеніе Россіи теперь таково, что остается надежда только на чудо. Въ разговорѣ съ корреспондентомъ, о которомъ я говорилъ выше, я закончилъ призывомъ къ вамъ, вожакамъ скороспѣлаго коммунизма, отказаться отъ эксперимента и самимъ взять въ руки здоровую реакцію, чтобы имѣть возможность овладѣть ею и обуздать реакцію нездоровую, свирѣпую и неразумную. Мнѣ говорить, что это значило бы рассчитывать на чудо. Можетъ быть это и правда. Конечно, для этого понадобилось бы все напряженіе честности и добросовѣстности для того, чтобы признать свою огромную ошибку. Подавить свое самолюбіе и свернуть на иную дорогу, на дорогу, которую вы называете соглашательствомъ.

Сознаю, что въ такомъ предположеніи много наивности. Но я оптимистъ и художникъ, а этотъ путь представляется мнѣ единственно дающимъ Россіи достойный выходъ изъ настоящаго невозможнаго положенія. Къ тому же дав-

но сказано, что всякій народъ заслуживаетъ того правительства, которое имѣетъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Россія вась заслужила... Вы являетесь только настоящимъ выраженіемъ ея прошлаго, съ рабской покорностью передъ самодержавіемъ даже въ то время, когда, истощивъ всѣ творческія силы въ крестьянской реформѣ и еще нѣсколькихъ, за ней послѣдовавшихъ, оно перешло къ слѣпой реакціи и много лѣтъ подавляло органическій ростъ страны. Въ это время народъ былъ на его сторонѣ, а Россія была обречена на гниль и разложене. Нормально, чтобы въ странѣ были представлены всѣ отбѣнки мысли, даже самыя крайніе, даже порой неразумныя. Живая борьба препятствуетъ гніенію и претворяетъ даже неразумныя стремленія въ своего рода прививку: то, что неразумно и вредно для даннаго времени, часто сохраняетъ силу для будущаго.

Но подъ вліяніемъ упорно ретрограднаго правительства у насъ было не то. Общественная мысль прекращалась и насильно подгонялась подъ ранжиръ. Въ земледѣліи воцарился безнадежный застой, нарастающіе слои промышленныхъ рабочихъ оставались внѣ возможности борьбы за улучшеніе своего положенія. Дружественная трудящемуся народу интеллигенція загонялась въ подполье, въ Сибирь, нѣ эмиграцію и вела мечтательно озлобленную жизнь внѣ сткрытыхъ связей съ родной дѣйствительностью. А это въ свою очередь извращало интеллигентскую мысль, направляя ея на путь схематизма и максимализма.

Затѣмъ случайности исторіи внезапно разрушили эту перегородку между народомъ, жившимъ такъ долго безъ политической мысли, и интеллигенціей, жившей безъ народа, т. е. безъ связи съ дѣйствительностью. И вотъ, когда перегородка внезапно рухнула, смѣсь чуждыхъ такъ долго, что мѣшало нормальному развитію страны, а глубоко тотъ плодотворный взрывъ, который разрушаетъ только іс элементовъ выпшла ядовитой, произошелъ взрывъ, но не задѣвший живыя ткани общественнаго организма. И вы явились естественными представителями русскаго народа

съ его привычкой къ произволу, съ его наивными ожида-
ніями «всего сразу», съ отсутвіемъ даже начатковъ ра-
зумной организаціи и творчества. Не мудрепо, что взрывъ
только разрушалъ, не созидая.

И вотъ истинное благотворное чудо состояло бы въ
томъ, чтобы вы наконецъ сознали свое одиночество не толь-
ко среди европейскаго социализма, но начавшійся уже
уходъ отъ васъ вашей собственной рабочей среды, не гово-
ря уже о положительной ненависти деревни къ вашему
коммунизму, — сознали бы и отказались бы отъ гибель-
наго пути насилія. Но это надо дѣлать честно и полно. Мо-
жетъ быть у васъ еще достаточно власти, чтобы повернуть
на новый путь. Вы должны прямо признать свои ошибки,
которыя вы совершили вмѣстѣ съ вашимъ народомъ. И
главная изъ нихъ та, что многое въ капиталистическомъ
строѣ вы устранили преждевременно и что возможная мѣра
соціализма можетъ войти только въ свободную
страну.

Правительства погибають отъ лжи... можетъ быть еще
время вернуться къ правдѣ, и я увѣренъ, что народъ, слѣ-
по слѣдовавшій по пути насилія, съ радостью просыпаю-
щагося сознанія пойдетъ по пути возвращенія къ свободѣ.
Если не для васъ и не для вашего правительства, то это бу-
детъ благодѣтельно для страны и для роста въ ней соціа-
листическаго сознанія.

Но возможно ли это для васъ. Не поздно ли, если бы
вы даже захотѣли это сдѣлать?

22 сентября 1920 г.

Владимиръ Короленко.

В. Г. КОРОЛЕНКО.

— Зачѣмъ ты это, Яковъ, стучишь? Кто тебя слышитъ? Вѣдь никого нѣтъ! — сказалъ я...

Яковъ вскинулъ на меня своими большими глазами и въ голосѣ его, какъ онъ отвѣчалъ, слышалась какая-то обрядная важность.

— Стою за Бога, за великаго Государя, за Христовъ законъ, за святое крещеніе, за все отечество и за всѣхъ людей... Обличаю начальниковъ, начальниковъ неправедныхъ обличаю... Стучу. *)

Такъ говорилъ старый арестантъ Яшка, отправляемый начальствомъ въ домъ умалишенныхъ.

Я цитирую бытовую сцену, списанную когда-то Владиміромъ Галактіоновичемъ съ природы. Разсказъ «Въ послѣдственномъ отдѣленіи» не имѣлъ символическаго смысла, да въ сущности не могъ имѣть. Но теперь, оглядываясь на закончившуюся жизнь Короленко, мы едва ли не вынуждены повторить тѣ же слова:

... «Кто тебя слышитъ? Вѣдь никого нѣтъ» ...

Ибо (если говорить о прямомъ результатѣ), развѣ не было одинаково безнадежнымъ дѣломъ, — обличая неправедныхъ на-

*) В. Г. Короленко. „Въ послѣдственномъ отдѣленіи.“

чальниковъ, «за все отечество» стучать на Департаментъ Полиціи; и «за Христовъ законъ» стучать на чрезвычайку. Людей усердно казнили послѣ статьи «Бытовое явленіе», какъ казнили до нея, а письма Владиміра Галактіоновича къ Луначарскому даже не были опубликованы въ Совѣтской прессѣ.

Всѣ слова сказаны о положеніи, которое занималъ скончавшійся знаменитый писатель въ томъ, что называютъ русской «общественностью». Такого положенія не занималъ у насъ никто со дня смерти Н. К. Михайловскаго. Толстой стоялъ особнякомъ. Онъ былъ для «общественности» слишкомъ с о л и с т ь и слишкомъ огромный человекъ. Владиміра Галактіоновича называли часто совѣстью русскаго народа. Незачѣмъ себя обманывать: народъ его не зналъ, не знаетъ и, вѣроятно, не скоро будетъ знать. Короленко весь цѣликомъ принадлежалъ русской демократической интеллигенціи, тому, что въ отчетахъ Государственныхъ Думъ имѣло общее названіе «лѣваго сектора». Въ былыя, далекія, давно минувшія времена — нѣсколько лѣтъ тому назадъ — «лѣвый секторъ» составлялъ девять десятыхъ образованной Россіи. Здѣсь имя Короленко стояло на огромной, недосягаемой высотѣ.

Этотъ человекъ, такъ справедливо считавшійся символомъ гражданской чести и литературнаго достоинства, не былъ, разумѣется, политическимъ дѣятелемъ. Онъ не состоялъ ни въ какой партіи, хотя приближался по взглядамъ къ народнымъ социалистамъ. Въ 1917 году нѣкоторые круги Петербурга выдвигали его кандидатуру на постъ президента Россійской Республики, — вѣдь и передовая Германія ещѣ совсѣмъ недавно лелѣяла мысль объ аналогичной кандидатурѣ Гергарта Гауптмана. Можетъ быть, въ другой исторической обстановкѣ, «черезъ 200-300 лѣтъ», будутъ возможны такіе президенты республикъ. Въ нашъ вѣкъ Людендорфовъ, Ллойдъ-Джорджей и Лениныхъ мысль о государствѣ Короленко способна вызвать усмѣшку. Такъ далекъ былъ внутренне Владиміръ Галактіоновичъ отъ всего того, что произошло въ мірѣ за послѣдніе восемь лѣтъ. Великая война съ двойной перспективой — Дарданеллъ и солдатскаго бунта — его совершенно оглушила; изъ двухъ возможностей знаменитой Столыпинской дилеммы его нисколько не

привлекала ни одна: ему не нужны были ни «великія потрясенія» въ духѣ 1918 года, ни «великая Россія» въ духѣ 1914-го. Но, оглушенный событіями, онъ всетаки повторялъ — безъ прежней, впрочемъ, увѣренности — свое страстно любимое «чудесное двустушіе»:

«На святой Руси пѣтухи кричатъ,
Скоро будетъ день на святой Руси».

* * *

Въ его искусствѣ — большое очарованіе, секретъ котораго трудно уловить, а опредѣлить еще труднѣе. Художникъ онъ былъ неровный — при всемъ своемъ выдающемся талантѣ. Нѣкоторыя его произведенія — подлинныя шедевры литературы; другія, какъ прославленный рассказъ «Чудная», очень слабы. Въ «Исторіи моего современника» есть поистинѣ превосходныя главы; но есть и такія, которыя можно было бы опустить безъ всякаго ущерба для книги. Искусству Короленко вредили достоинства его души и недостатки его школы. Онъ былъ слишкомъ мягокъ, слишкомъ любилъ и уважалъ людей для того, чтобы стать великимъ писателемъ: настоящіе цари литературы, какъ великіе историческіе цари, должны быть суровы. Толстой въ очень многихъ главахъ «Воскресенья» и «Хаджи-Мурата» (не говоря о болѣе раннихъ его твореніяхъ) совершенно забывалъ свои христіанскія чувства: онъ прокладывалъ свою дорогу огнемъ и мечемъ. Короленко, который никогда не выступалъ съ проповѣдью противленія злу добромъ, былъ неизмѣримо мягче Толстого. А зла онъ, пожалуй, могъ видѣть на своемъ вѣку больше, чѣмъ Левъ Николаевичъ. Въ его произведеніяхъ есть вору, каторжники, убійцы, но нѣтъ ни одного подлеца. Даже въ самыхъ меланхолическихъ его рассказахъ чувствуется та «скорбь безъ мученій», которой, если вѣрить Данте, дышитъ первый, самый пріятный, кругъ Ада. Да, въ сущности, и «скорби безъ мученій» у Короленко немного. Вѣдь въ концѣ его рассказовъ неизмѣнно появляются «огоньки» или, какъ говоритъ его Сократъ: «Другъ, свѣтъ уже мелькаетъ». Это, впрочемъ, особенность той школы, къ которой принадлежалъ Короленко, поль-

ской литературы, которой онъ очень многимъ обязанъ. Но благодаря его большому таланту, однообразіе «мягкихъ, теплыхъ тоновъ» у него утомляетъ меньше, чѣмъ у Пруса, Ожешко, даже чѣмъ у Сенкевича народныхъ рассказовъ.

Въ традиціи русскаго искусства онъ занимаетъ особое мѣсто. Онъ вышелъ изъ Гоголя — изъ Гоголя перваго періода — и нѣкоторые его рассказы сдѣлали бы большую честь «Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки». Но Толстой прошелъ для Короленко безслѣдно, быть можетъ, для него одного изъ всѣхъ новыхъ русскихъ писателей. Онъ не пользовался тѣми художественными приемами, которые ввелъ въ мировую литературу авторъ «Войны и Мира». Не соблазняли его и особенности Чеховскаго творчества. Какъ Гоголь, онъ не любилъ краткости. Чеховъ и изъ «Сна Макара» выпустилъ бы не одну страницу. Съ другой стороны, нѣкоторыя черты старомоднаго искусства Короленко дѣлаютъ его родоначальникомъ новой школы, — первымъ русскимъ писателемъ двадцатаго столѣтія. Какъ «пейзажистъ», на примѣръ, этотъ наслѣдникъ Гоголя — прямой предшественникъ Бунина. Казалось бы, трудно было по новому описывать русскую природу послѣ Гончарова и Тургенева — Короленко описывалъ ее чрезвычайно своеобразно. Онъ превосходно сочеталъ ритмическую музыкальную фразу Гоголевскихъ картинъ съ тѣмъ приемомъ выдѣленія и точнаго вырисовыванія деталей, которому новѣйшее русское искусство придало исключительную важность. Короленко описывалъ только то, что видѣлъ, и потому никогда не попадалъ въ просакъ, какъ это случалось съ величайшими мастерами слова. Древняя музыка пушкинскихъ стиховъ: «Ночной зефиръ струитъ эфиръ, ш у м и т ь , б ѣ - ж и т ь Г в а д а л к в и в и р ь» — вызываетъ невольную улыбку у тѣхъ, кто видѣлъ своими глазами рѣчку-лужу, именуемую Гвадалквивиромъ. То же самое относится къ знаменитому двустишію Лермонтова: «у водъ ли ч и с т ы х ь Иордана востока лучъ тебя ласкалъ»: узенькая лента прелестной Палестинской рѣчки на самомъ дѣлѣ илисто-желтаго, мутно-золотога цвѣта. Лермонтовъ не видѣлъ Иордана, а Пушкинъ не бывалъ въ Испаніи. Короленко зналъ превосходно малороссійскую и сибирскую природу.

Прекрасенъ былъ его стиль, одинаково чуждый фокусовъ модернистской литературы и непремѣнной погони за столѣтней древностью каждаго слова. Это совершенно простой, какъ будто обыкновенный разговорный языкъ, почти всегда свободный, однако, отъ избитыхъ и неправильныхъ выражений интеллигентскаго жаргона. Очень трудно теперь охранять простоту отъ банальности, когда читаешь ежедневно по нѣсколько газетныхъ передовыхъ. А онъ не только читалъ, но и писалъ газетныя передовыя — и писалъ ихъ прекрасно.

* * *

Что сказать объ его шести письмахъ къ Луначарскому, печатаемыхъ въ настоящей книгѣ «Современныхъ Записокъ»? Очень незлобивую душу, очень большую вѣру въ силу и спасительность слова нужно было имѣть для того, чтобы вступить въ подобную переписку съ Луначарскимъ!.. Въ этихъ письмахъ Короленко мы видимъ обликъ прекраснаго человѣка, уже стоящаго надъ краемъ могилы и не желающаго уходить изъ міра со словами ненависти на устахъ...

Большевики устроили ему пышныя похороны, — почти такія же пышныя, какъ Свердлову, Урицкому или Володарскому. Луначарскій написалъ некрологъ; Демьянъ Бѣдный — лирическое стихотвореніе; Зиновьевъ произнесъ соотвѣтствующую рѣчь; вѣроятно какому-нибудь передовому скульптору, кубисту или имажинисту (кажется есть такіе?), будетъ заказанъ памятникъ. Недостааетъ только надгробнаго парада Вохры... Недавно выпущенный изъ тюрьмы «смертникъ» В. Я. Мякотинъ и другіе ближайшіе друзья покойнаго писателя, разумѣется, не принимаютъ участія въ этомъ издѣвательствѣ надъ чистой могилой. Они лишены возможности отдать послѣдній долгъ Владиміру Галактіоновичу, и не выйдетъ книга «Русскаго Богатства», посвященная памяти стараго редактора...

М. Алдановъ.

ЧУРАЕВЫ.

РОМАНЪ

(Продолженіе.) *)

Часть 3-я.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Августъ золотою поступью настойчиво прогуливался по горамъ и жирной кистью разукрашивалъ косогоры и поляны, берега рѣки и мелкіе кустарники въ лугахъ.

Все чаще стали раздаваться любовныя пѣсни мараловъ. Черезъ горы перекинулись первыя станицы журавлей, высматривая дальній путь.

Василій явно заскучалъ въ родномъ гнѣздѣ.

Много нелѣлаго скопилось у него въ душѣ. Нелѣпѣе всего было смутное, но непреодолимое влеченіе къ Наденькѣ, а между тѣмъ отъ Наденьки онъ все время бѣжалъ, стараясь не встрѣчаться съ ней, не разговаривать и даже не глядѣть въ верхній этажъ, откуда — онъ это зналъ и чувствовалъ — она искала и звала его затосковавшими глазами, несмотря на то, что Викуль ревновалъ, слѣдилъ за нею и мучился.

Надо было какъ-нибудь рѣшить задачу: что же будетъ дальше?

Не о себѣ Василій беспокоился и думалъ, и даже не о Наденькѣ, хотя она тоскливою струной звучала въ его сердцѣ дни и ночи... Надо было найти выходъ для себя, для Наденьки,

*) «Совр. Зап.», № 5—8.

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

для брата Викула, для сестры Груни и для всего Чураевского дома, попавшаго въ какой-то крѣпкій узелъ изъ противорѣчій... Нельзя было только уйти изъ дома и успокоиться.

Кромѣ того, тревожило и волновало самое главное: совѣсть... Та большая совѣсть, которая впервые шевельнулась еще тамъ, на кладбищѣ былыхъ Московскихъ преступленій.

А тутъ еще это личное, волнующее, тайное, почти преступное, преслѣдовавшее его съ того солнечнаго полудня на берегу рѣки, когда онъ увидѣлъ, какъ воплощеніе земнаго божества, прекрасное и полное одуряющихъ чаръ женское тѣло.

Много накопилось у Василя въ душѣ. Такъ много, что, ему казалось, онъ не сможетъ долѣе носить все это въ себѣ, и вотъ-вотъ прольетъ, какъ огромный, могущій все затопить потокъ горячей лавы, и тогда все то, во что онъ вѣрилъ и къ чему стремился, сразу вспыхнетъ пламенемъ и рухнетъ и неслѣпо похоронитъ подъ развалинами всѣхъ безъ разбора.

Надо было найти выходъ. Надо было мучительно подумать и не поддаваться окружающимъ его темнымъ призракамъ.

И вотъ Василій захотѣлъ уединиться.

Въ одинъ изъ погожихъ дней онъ осѣдлалъ коня, взялъ винтовку и припасы и, къ удивленію Наденьки, переодѣлся въ самое плохое мужицкое платье и уѣхалъ въ верховья рѣки на неопредѣленный срокъ.

Какъ только онъ проѣхалъ крутой обрывъ, на которомъ въ первую ночь по приѣздѣ столкнулся съ горемъ Груни, у него непривычно закружилась голова при взглядѣ внизъ, гдѣ въ каменной постели бѣшено металась бирюзовая рѣка.

Вихремъ закружились надъ нимъ мысли, похожія на тѣ желтые и оранжевые листья березы и осины, которые медленно и беспорядочно срывались съ увядающихъ деревьевъ и летѣли, летѣли внизъ, какъ обрѣзки золотой парчи.

Напрасно онъ хотѣлъ ихъ привести въ порядокъ и построить мостъ для перехода черезъ зіяющую пропасть, которая открывалась передъ нимъ.

Онъ видѣлъ одно, что къ своей цѣли, давно для него ясной и заманчиво-красивой, онъ идетъ не прямой дорогой, а какими-то уступами и закоулками. Такъ-же, какъ эта узкая тропинка,

ЧУРАЕВЫ

полушкая по отвѣсному скадистому карнизу, путь его висить надъ пропастью, и неизвѣстно, что ждетъ его впереди, какія тамъ стоять еще препятствія и искушенія, какіе заклятые пути-дороги.

Кромѣ того, онъ презиралъ себя за то, что слишкомъ много приобрѣлъ въ Москвѣ разсудочнаго, книжнаго, интеллигентскаго, всего того, что ограничило его порывы, притупило искренность. Онъ сталъ похожъ на хорошо воспитаннаго юношу, въ которомъ недостаточно тверды моральные устои. И онъ нерѣдко въ минуты угрызенія совѣсти скрежеталъ зубами и мысленно кричалъ себѣ съ презрѣніемъ:

— Худосочный бѣлоручка!.. Слизнякъ!

Еще въ Москвѣ онъ какъ-то, съ плохо скрытою сектантской яростью, заспорилъ съ Никитинымъ, забрасывая его дерзкими словами:

— Не могу я выносить этихъ вашихъ честнѣйшихъ публицистовъ!.. Это какіе-то все жалкіе оплѣшивѣвшіе младенцы. Въ статьяхъ своихъ скучнѣйшіе, а въ жизни—циники и лицемеры. И молодежь ваша обсахаренная лѣнива и тупа, и потому такъ часто со студенческой скамьи она хватается за теплыя доходныя мѣста и за розгу.

Теперь наединѣ съ природою Василій былъ трезвѣе и спокойнѣе, и все-таки, вспоминая удивительно-корректныя, великодушныя слова Никитина о неумолимости историческихъ законовъ, проворчалъ, сердито натягивая поводъ лошади:

— Ахъ, ужъ это мнѣ благовоспитанное рабство!

Дорожка стала извиваться густымъ лѣсомъ. Солнце никогда не проникало сюда, въ тѣни тропинка была грязная, съ глубокими наполненными водою ямками, въ которыхъ засасывались копыта, и лошадь шла съ трудомъ, скользя и запинаясь за обнаженныя корни пихтъ. Мѣстами иглистыя вѣтви били по лицу Василія, и ему казалось, что его бьетъ его мохнатою звѣриной лапою сама природа.

Когда-же выѣзжалъ онъ изъ прохладной и сырой тѣни густого лѣса и снова видѣлъ темно-зеленые, золотистые, пунцовые, лиловые и пѣгіе участки безпорядочно нагроможденной горной панорамы, залитой яркимъ солнцемъ Августа, —

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

ему хотѣлось пѣть всей грудью какую-нибудь сильную, простую пѣсню. И снова вспомнилась Наденька.

— Удивительная женщина!.. — повторялъ онъ тихо и съ глубокимъ вдохомъ и, помолчавъ, не то съ ехидствомъ, не то съ горечью прибавилъ громко: — Искательница приключеній!..

— Путемъ тебѣ дорожкой!... — раздалось позади Василия суровое привѣтствіе.

Василій оглянулся. За нимъ, почти у хвоста его лошади, шель человекъ съ винтовкой и мѣшкомъ черезъ плечо, очевидно только-что вышедшій изъ густого лѣса. Изъ черной широкой бороды сверкали бѣлые зубы, обнаженные насмѣшливой улыбкой, а изъ тѣни надвинутой на брови войлочной шляпы смотрѣли пытливые и острые глаза.

— Откуда, кто такой? — не дожидаясь отвѣта, спросилъ охотникъ.

— Божій! — уклончиво и непривѣтливо отвѣтилъ Василий.

— Вижу, што Божій, обшитый кожей! — сурово отозвался человекъ. — Да по обличью-то видать не нашенскій... Чей ты?..

Василій зналъ объ этихъ людяхъ много жуткаго и все-таки не уступалъ:

— Ты сперва скажись!

— А у тебя шапка не свалится?

— Что такое?

— Глаза у те не выскочать на лобъ?

— Что ты за богатырь такой? — вызывающе остановился Василий.

— Богатырь не богатырь, а залетной птицей не побрезгуемъ!.. Про Мясника Еремку не слыхалъ?.. Чего за винтовку-то схватился? Испужался!

Василій почувствовалъ, что годось у него осѣкся, и языкъ не двигается какъ въ тяжеломъ снѣ.

А Мясникъ схватилъ его за ногу выше колѣна и протянулъ съ презрительной усмѣшкой:

ЧУРАЕВЫ

— Ху-у, какой жиденькой! Покурить найдется? — вдруг спросил онъ съ искривленною усмѣшкой.

Василій выпустилъ изъ груди воздухъ и сказалъ негромко:

— Не курю

— Ну, можетъ, што перекусить достанешь? — и Еремка хлопнулъ заскорузлою рукой по кожаному выюку Василя.

— Достану, — послушно и сурово протянулъ Василій и спросилъ: — Когда-же ты здѣсь появился?

— Давай, сворачивай туда вонъ, подъ лѣсину! — приказалъ Еремка и увѣренный, что Василій не ослушается, пошелъ впереди въ густой лѣсокъ.

Василій ѣхалъ за нимъ, чувствуя, что цѣпенѣеть, но все-таки сурово хмурился и не выказывалъ боязни.

Еремка самъ развьючилъ сумы, снялъ ихъ съ лошади и, сбросивъ свой мѣшокъ, винтовку и сѣрый арестантскаго сукна залатанный вепунъ, сѣлъ подъ пихту и скомандовалъ, оскаливъ зубы:

— Ну, угощай! — и терпѣливо ждалъ, пока Василій досталъ куски жареной говядины, соль, хлѣбъ и туясочекъ съ медомъ.

Когда Василій подаль ему мясо, онъ по звѣриному рванулъ его и, блуждая глазами по сторонамъ, сталъ жадно ѣсть, глотая недожеванные куски и не произнося ни слова.

Не зная Василя, за что былъ сосланъ на каторгу Еремка, но еще въ дѣтствѣ слышалъ, что Мясникомъ его прозвали за многократныя убійства, и Парасковья Филатьевна не разъ пугала маленькую Груню: — «Вотъ онъ, Еремка-то сейчасъ придетъ», — и украдкой барабанила по стѣнкѣ пальцами, будто Еремка уже стучится, желая взять и сѣсть прижавшюся въ уголь Грунюшку.

Василій подкладывалъ куски Еремкѣ, молчалъ, ловилъ его короткіе увертливые взгляды и изрѣдка посматривалъ на свою лошадь, осѣдланную дорогимъ сѣдломъ, обложеннымъ чешуйчатымъ китайскимъ серебромъ.

Вдругъ острый взглядъ Еремки впился въ его сѣдло, а челюсти перестали жевать. Потомъ Еремка пристально уперся

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

въ лицо Васи́лія и съ переполненнымъ ѣдою ртомъ хрипло спросилъ:

— Да ты не Фирса сынъ?

— Фирсъ Платоныча!.. — поправилъ Васи́лій, напоминая о непочтительности бродяги.

— Хымъ!.. Еще Платоныча! — передразнилъ Еремка и, даваясь непережеванной пищей, глотнулъ ее, какъ селезень глотаеъ крупное зерно, и ткнулъ по направленію къ сѣдлу кускомъ хлѣба: — Сѣдло-то мы съ Анашкой вмѣстѣ добывали.

Васи́лій вопросительно глядѣлъ на волосатое четырехугольное лицо Еремки и вспомнилъ о крѣпкомъ съ желѣзной дверью амбарѣ, въ которомъ у Ананія лежать еще болѣе дорогія сѣдла.

А Еремка еще разъ посмотрѣлъ на сѣдло и вдругъ заерзала по травѣ, какъ-бы желая поплотнѣ опереться на землю.

— Анашкѣ-то бы тоже надо сгнить въ острогѣ... Вывернулся!.. Откупился! — и Еремка скидно пошарилъ по лицу Васи́лія своими проросшими красными жилками глазами.

— Какъ это такъ? — не выдерживая взгляда Мясника, слабо спросилъ Васи́лій и часто заморгалъ, какъ маленькій попавшійся воришка.

— А такъ! — давулъ Еремка голосомъ и взглядомъ и, отвернувшись, снова сталъ жевать уже лѣниво и сосредоточенно.

У Васи́лія пошли зеленые и желтые и красные круги передъ глазами, а отъ усилія воли надъ собою зазвѣло въ ухахъ, и всегда нѣжное румяное лицо Васи́лія стало багровымъ, почти синимъ.

Наконецъ онъ быстро передернулъ плечами, какъ-бы стряхивая съ себя кошмарный сонъ, и потянулся за винтовкой.

— Не балуй! — самоувѣренно спокойно проговорилъ Еремка, и потому, что онъ не шевелился съ мѣста, не готовился къ защитѣ, Васи́лій окончательно потерялъ волю.

— Досказывай... все... — глухо попросилъ Васи́лій, спускаясь на землю.

— Чего досказывать-то?.. — презрительно сказала Еремка. — Не на одномъ китайцѣ съ нимъ винтовки-то пристрѣ-

ЧУРАЕВЫ

ливали!.. Да не въ томъ обида! — опять заерзала Еремка. — А въ томъ, что я вотъ, какъ медвѣдь, четвертый годъ брожу по Камню, мѣста не найду... Да въ каторгѣ семь лѣтъ провель!.. А онъ въ водѣ сухой, мараловъ расплодилъ! Домъ новый выстроилъ!.. Къ Бо-огу живымъ на небо лѣзеть!.. — Еремка закрѣпилъ свои слова тяжелой скверной руганью и, придвинувъ къ себѣ туясочекъ, сталъ медленно тянуть прямо черезъ край загустѣвшій крѣпкій медъ.

Василій сквозь туманъ догадокъ видѣлъ ясно и отчетливо одно, что каторжникъ не лжетъ. Напротивъ, видно было, что Еремка многого не договариваетъ. Въ черныхъ лохматыхъ волосахъ Еремки серебрилась сѣдина, Еремкѣ давно за сорокъ, Еремкѣ не до оправданій, не до клеветы. Ярмо преступника въѣлось въ его душу тяжелыми веригами, черезъ могучія плечи проржавѣло, до самаго нутра. Какъ старый волкъ, бѣжавшій изъ капкана съ переломленнымъ хребтомъ, онъ все-таки прибрелъ въ родныя дебри, чтобы издохнуть по близости отъ той норы, возлѣ которой онъ видалъ свои нехитрыя утѣхи...

Еремка, выпивъ меду и не утирая усовъ, легъ на спину въ тѣни пихты и глухо крикнулъ, какъ будто застоналъ.

Василію теперь онъ показался обезсиленнымъ, безвреднымъ. Онъ подождалъ немного, придвинулся къ Еремкѣ и, забывъ объ оскорбительныхъ словахъ, тихимъ голосомъ спросилъ укрощеннаго ѣдою злодѣя:

— Скажи, а совѣсть мучаетъ тебя когда-нибудь?

Еремка не отвѣтилъ. Казалось, что онъ спалъ, ровно дыша скользившимъ черезъ дырявую холщевую рубаху чирьеватымъ животомъ.

— Совѣсть — ты сказалъ?.. — вдругъ подскочилъ Еремка, какъ-будто вопросъ Василія прожегъ его до сердца не сразу, а спустя двѣ-три минуты. — Нѣтъ, ты сперва скажи мнѣ, какая она, совѣсть? Какъ такъ она другихъ не мучаетъ? Вонъ Данилко Анкудиновъ со мной убилъ кожевника Авдѣя Саватѣича... Старуху-то всю ночь душилъ въ подпольѣ, все денегъ домогался... А какъ показала, гдѣ корчага, убилъ, да пятки ей ножомъ истыкалъ... А теперь вѣру новую, слышать, открылъ, богородицу свою зоветъ!.. Гдѣ совѣсть-то?

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

Аль вправду онъ всю ее сожралъ, когда старухъ Авдѣевой, убитой, съ пятюкъ кровь слизывалъ?

Василій наклонился къ Мяснику и блѣдный, неподвижный, спрашивалъ глухимъ, потускшимъ голосомъ:

— Пятки?.. Языкомъ?.. Зачѣмъ?!

— Штобы не блазила!.. Штобы совѣсть эту самую сгло- нуть!.. — авторитетно и между прочимъ объяснилъ Еремка и продолжалъ, еще сильнѣй повысивъ хриплый страшный го- лось:

— А твой-то батюшка святой?.. Изъ-за кого моя мать съ утеса въ рѣчку бросилась?.. Изъ-за кого!?.. Кто ей ребенка прижилъ да покинулъ? — Еремка ринулся къ Василию съ ножами вмѣсто глазъ, и у Василя совсѣмъ поблекло небо, горы, лѣсъ... Лицо Василя мучительно задергалось, от- цвѣтшія блѣсыя брови оцетинились, а рѣдкую клокастую бородку онъ съ силой дергалъ и все таки не могъ притти въ себя, не могъ проснуться отъ кошмарнаго, чудовищнаго сна.

Онъ понялъ наконецъ, что завершился темный кругъ его догадокъ и стягивался вокругъ мертвой петлей. И не было изъ него выхода. Не было просвѣта.

Вотъ оно какъ все оказалось просто: матерью Еремки была та самая бросившаяся съ утеса Оксютка, вслѣдъ за которой на дняхъ хотѣла броситься и Грунюшка... А этотъ каторжникъ; Еремка, кровавый страшный душегубъ, не кто иной, какъ самый старшій братъ его, законнорожденнаго Василя Чурае- ва. Все спуталось, переплелось, поймало душу Василя, какъ маленькую птичку въ сѣти, и бросило подъ пятау безо- щадной истины.

Еремка чувствовалъ, что вышибъ умъ у меньшака Чура- ева, глотнулъ еще пьянаго меду и растянулся на травѣ, снова равнодушный ко всему, что будетъ завтра, черезъ мѣсяць или черезъ годы...

Василій тоже легъ и долго не хотѣлъ открывать глазъ и посмотрѣть на небо съ тихо плывущими по нему барашковыми облаками, какъ будто задрѣвавшими верхушки неподвижныхъ лихтъ.

Такъ лежали они оба, нѣмые, разные, по разному живущіе

ЧУРАЕВЫ

и думающіе, но взятые отъ одного сѣмени и снова брошенные вѣтромъ жизни, какъ плевелы бесплодныя, въ родную ниву — рядомъ.

— «Брать?.. Да, братъ!» — въ полубреду или дремотѣ думалъ Василій и вдругъ услышалъ тяжелый и могучій храпъ Еремки. Услышалъ и вздрогнулъ и въ неуловимо-короткій мигъ много-много передумалъ. — «Нѣтъ, онъ не братъ, онъ врагъ мнѣ, онъ преступникъ. Онъ меня теперь, какъ предателя, долженъ опасаться. Нѣтъ, онъ убьетъ, онъ мнѣ не дастъ уйти. — И обожгло Василю одно горячее желаніе, казавшееся несбыточнымъ и свѣтлымъ, какъ никогда еще не испытанное счастье: — «Бѣжать!»

Но ни одинъ мускуль не повиновался. Василю казалось, что если онъ пошевелится, Мясникъ проснется и убьетъ однимъ короткимъ неуловимо-злымъ движеніемъ. Василю казалось даже, что Еремка все равно долженъ проснуться отъ своего громкаго храпа.

— «Все равно проснется и убьетъ!..» — отчаянно и жалко билась мысль Василю и робко, страстно требовала: «Жить! Жить!.. Бѣжать!..»

Василій какъ лежалъ, такъ и подался всѣмъ тѣломъ внизъ подъ косогорь, съ повернутымъ подъ туловище подоломъ вепуна, сжимая въ одной рукѣ винтовку, а въ другой ненужный сухой березовый сучекъ.

Вотъ онъ сползъ на тропинку и, радуясь, что бросилъ лошадей, на которой трудно спрятаться въ горахъ, скользнулъ съ тропинки внизъ и затрещалъ въ долину прямо черезъ заросли густыхъ кустарниковъ, какъ перепуганный медвѣдь.

Потомъ онъ затянулся, какъ лисица, въ самое глухое, дикое и жуткое убѣжище среди прибрежныхъ скалъ, въ пахучій верескъ и залежь, казалось на всю жизнь, безъ памяти, безъ стыда за трусость и безъ всякихъ думъ, какъ трупъ.

Закатилось солнце. Посинѣли, потемнѣли горы. Отчетливѣе снизу доносился несмолкаемый, вѣчный споръ воды съ камнями. Надвинулась на землю ночь. Раскинулось надъ нею небо, обрызганное звѣздами, мерцающими тихо и спокойно,

Г. ГРЕВЕНЩИКОВЪ

И только тутъ, далеко за полночь, къ Василию пришла первая законченная мысль:

— «Ахъ, звѣзды, звѣзды. Безопасно тамъ, у васъ, или и васъ населяютъ звѣри и страшные преслѣдующіе другъ друга люди?»

Теперь онъ успокоился, но не потому, что опасность миновала, а потому что успѣлъ привыкнуть къ ней и даже какъ будто переступилъ какую-то грань, за которой жажда жизни потеряла острогу и цѣнность.

Онъ лежалъ не шевелясь, на спинѣ, какъ распятый на камняхъ, въ густомъ верескѣ, какъ въ нагробныхъ вѣнкахъ, и совсѣмъ не думалъ о завтрашнемъ днѣ и о томъ, куда пойдетъ, что будетъ дѣлать и какъ жить.

Такъ лежащимъ неподвижно и покорно на спинѣ и овладевъ имъ крѣпкой, все загородившей мягкими прохладными крылами, сонъ.

Надъ горами рѣялъ предосенній вѣтеръ, поглаживалъ плѣшивыя высоты горъ, проваливался въ долины и ущелья и, нутаясь въ лѣсахъ и скалахъ, вдыхалъ раздумчиво, какъ загрустившій надъ землею Богъ.

Холодное безмолвіе околдовало горы, припало чуткимъ ухомъ къ каменной груди прибрежныхъ скалъ и вмѣстѣ съ тьмою ночи слушало одну неумолкающую повѣсть бѣгущей въ далекій путь рѣчной воды.

О чемъ говорить эта прозрачная альпійская вода? О чемъ она поетъ, о чемъ безъ умолку, часы и дни и годы, торопится мимоходомъ рассказать прибрежнымъ скаламъ и безмолвнымъ камнямъ, устлавшимъ ея путь? Здоровается или прощается съ ними, или дѣлится радостью, что побѣжала къ морю, или тоскуетъ, что разсталась съ бѣлоснѣжной высотой ледниковъ? Или рассказываетъ все, что видѣла и слышала, странствуя по небу на легкихъ крыльяхъ облаковъ, или въ узорчатыхъ кружевахъ снѣжинокъ? А не расскажетъ-ли тамъ зыбучей морской волнѣ о томъ, что мимоходомъ видѣла въ верховьяхъ рѣкъ, у маленькихъ новорожденныхъ ихъ источниковъ, какъ грустная и блѣдная подвижница-черничка, поморскаго толку,

ЧУРАЕВЫ

по имени Ненила, приходит рано поутру къ ручью и, роняя слезы изъ большихъ печальныхъ глазъ, наказываетъ имъ:

— Плывите слезы, плывите горькія,
Несите горе мое, несите тяжкое
Ко тому-ли морю синему,
Ко тому-ли берегу родимому...

Не расскажетъ-ли кристальная новорожденная вода, что темной ночью къ берегу рѣки подводилъ и напоилъ богато-убранную лошадь оборванный бродяга и, обнявшись съ нею, плакалъ, какъ обиженное малое дитя?..

Расскажетъ-ли бирюзовая дочь синихъ горъ, что на прибрежномъ утесѣ въ ползучемъ верескѣ лежитъ, безъ думъ и безъ сознанія, объятый соннымъ оцѣпенѣніемъ юный человѣкъ, еще недавно полный силъ, какъ чаша наполненная искрящимся драгоценнымъ виномъ, какъ золотая крабица съ самоцвѣтными волшебными каменьями, какъ клѣтка, переполненная рвущимися во всѣ дальніе цвѣтушіе края земли жаръ-птицами, знающими и о днѣ морскомъ и о надзвѣдныхъ царствахъ?!

Ахъ, не расскажетъ, не споетъ болтливая безпечная струя ни о блѣдной и больной черничкѣ, ни о плачущемъ бродягѣ, ни о юномъ человѣкѣ, и ни о томъ, что онъ, какъ звѣрь отъ звѣря, спрятался отъ брата, и лежитъ теперь безчувственнымъ живымъ комкомъ, завернутымъ въ лохмотья. Не расскажетъ, нѣтъ! И хорошо, что не расскажетъ!..

Стыдливо выдвигало изъ-за синихъ горъ ясное и непорочное чело свое оранжевое утро. Какъ будто не хотѣло захватить врасплохъ беспомощность и слабость человѣка и врепеди себя послало предутренній холодный леденящій вѣтеръ. Онъ поскакалъ съ горы на гору, прыгнулъ въ глубину ущелій, зашуршалъ вершинами пихтъ, березъ, кустарниковъ, стряхнулъ съ пахучихъ вѣтокъ вереска серебряную пыль инея и бросилъ ее въ блѣдное, худое, грустное лицо Василія.

Василій медленно открылъ глаза и, чувствуя, что не въ силахъ двинуть ни однимъ мускуломъ, не могъ сразу понять, гдѣ онъ, и почему такъ страшно холодно. Или, можетъ быть, онъ умеръ и лежитъ въ могилѣ?

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

И взглядъ его совсѣмъ нечаянно нащупалъ въ темно-синей высотѣ медленными кругами плавающего орла. Тамъ, гдѣ онъ парилъ, уже поблескивало, должно быть, на перьяхъ птицы, утреннее солнце, и Василию вдругъ показалось, что орелъ слѣдитъ за нимъ, Василиемъ, какъ за своей добычею.

Онъ съ трудомъ поднялся, упрямо преодолевая слабость и охватывая памятью все, что пережилъ за эту ночь.

И задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, чувствуя, какъ затекла спина, и не слушаются одеревенѣвшія руки и ноги.

Стараясь согрѣться, онъ растиралъ руки и ноги и, сгорбленный, осунувшійся, блѣдно-синій, печальными глазами осматривался вокругъ, какъ-бы жалуясь:

— «Вотъ какъ встрѣтила ты меня, мать-природа!»

Потомъ онъ вдругъ нахмурился, всталъ на ноги, послѣшно взявъ винтовку и зашагалъ по каменнымъ ступенямъ внизъ, къ рѣкѣ. Кровь скоро разогрѣлась въ немъ, онъ освѣжилъ лицо водою и опять порозовѣвшій, бодрый, не боясь внезапной встрѣчи съ Мясницкомъ, пошелъ вверхъ, безъ дороги, берегомъ, не зная, куда и не думая, зачѣмъ.

Шелъ онъ разсѣянно и не спѣша, укладывая въ душѣ новые, сложные вопросы и догадки и примиряя ихъ съ тою неизбѣжностью, которая впервые притупила въ немъ горячую и задорную самоувѣренность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ-то далеко, какъ-бы за предѣлами сознанія, намѣчался путь къ тому невѣдомому выходу, за которымъ есть-таки успокоеніе для мятущейся и протестующей души.

— Какъ это странно! — грустно размышлялъ Василій. — Когда я думаю о томъ, что уйду изъ жизни самъ по доброй волѣ — смерть мнѣ кажется прекрасной. Почему-же такъ унизили я себя вчера, позорно испугавшись смерти?..

Потомъ онъ окинулъ любовнымъ взглядомъ уже согрѣтыя лучами солнца горы и примиренно согласился самъ съ собою:

— Да, это хорошо, что человѣкъ всегда, свободно можетъ распрощаться съ жизнью.

Но вдругъ его опять кольнула мысль, нечаянно и больно:

— «А Наденька?..»

Василій зашагалъ быстро, прыгая съ камня на камень,

ЧУРАЕВЫ

какъ-бы убѣгая отъ своихъ думъ и наконецъ, безсильный убѣжать отъ нихъ, остановился надъ преградившей его путь водой у каменнаго яра и простоналъ:

— Господи, зачѣмъ ты далъ мнѣ умъ и сердце?..

Потомъ онъ поднялся на ярь и оттуда увидалъ передъ собой въ уютномъ горномъ уголкѣ, въ долину шумной небольшой рѣчки, совсѣмъ новую маленькую часовенку.

По берегу къ ней шла тропинка, и Василий, чувствуя голодъ, обрадовался, что пришелъ въ жилое мѣсто.

Но часовенка была закрыта и пуста, а отъ нея вилась тропинка вдоль по косогору въ темный перелѣсокъ, сквозь который скоро застрѣлъ раскрашеннымъ крылечкомъ новый домикъ съ крутой двускатной крышей.

За домикомъ на открытой, ровной полянкѣ, разбрелись уши, и какъ старый грибъ стоялъ омшанникъ съ черной впадиной открытой двери.

Василій постоялъ, ожидая, что кто-нибудь его замѣтитъ, но никто не выходилъ ему навстрѣчу. Только старая собака, забившись подъ крыльцо, поблескивала огоньками глазъ и хрипло лаяла давно изжитымъ голосомъ.

Откуда-то изъ подъ горы, какъ будто съ берега рѣки, послышался еще собачій лай, но звонкій, молодой, и цѣлымъ хоромъ.

Василій, возвращаясь, заглянулъ въ часовенку. Тамъ на стѣнкѣ висѣлъ потемнѣвшій мѣдный складень, а передъ нимъ на новой лавочкѣ лежала книга съ деревянными крышками и мѣдными застежками, а подъ книгою лежало что-то шелковое разноцвѣтное, похожее на женскій нарукавникъ или вѣнчальный покровъ.

Печалью одиночества пахнула на Василя часовенка. Онъ пошелъ на лай собакъ, поднялся на вершину холма и съ каменнаго яра внизу на берегу рѣки увидѣлъ цѣлую толпу людей. Они, сосредоточенно и безшумно окруживъ сколоченный изъ новыхъ бревенъ небольшой плотъ, совсѣмъ не поворачивались къ берегу и не замѣчали, что всѣ собаки, убѣжавъ на ярь, готовы были разорвать Василя.

Василій, отбиваясь ружьемъ, спустился внизъ и, подни-

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

няясь мѣстному обычаю, снялъ шапку, разгладилъ волосы на лобъ и уши и протянулъ, какъ настоящій старовѣръ, степенно и пѣвуче:

— Богъ въ помощь, старички! Здорово живете!

Первымъ оглянулся на него благообразный, какъ святой, Марковой Егорычъ, а потомъ, сверкая лысиной, снялъ шляпу и его всегдашній другъ и спутникъ — Флоръ Лукичъ.

— Подитко, жалуй, милый человѣкъ! — сказали они въ голосъ и стали помогать другимъ нести на плоть какую-то, должно быть, цѣнную живую тяжесть.

Василій подошелъ поближе, заглянулъ въ тѣсный кружокъ, замкнутый озабоченными стариками, и увидѣлъ на носилкахъ изъ жердей мертвенно блѣдное, какъ воскъ, лицо женщины съ огромными, печально-строгими глазами. Она лизнула тонкія сухія губы, повернула голову къ Василю и слабымъ грубоватымъ голосомъ произнесла:

— И не введи насъ во искушенье... — И стала повторять, отвернувъ лицо къ журчащей, сверкающей въ лучахъ утренняго солнца, водѣ: — Во искушеніе... Во искушеніе...

День разгорался ясный, красочный и теплый. Василій видѣлъ блѣдныя, обтянутыя тонкой кожей кисти рукъ у женщины и, не надѣвая шапки, притихъ, какъ на молитвѣ.

А старики уложили носилки на маленькое возвышеніе изъ обрубковъ бревень и, окруживъ больную, стали на плоту, такъ что онъ отъ тяжести погрузился въ воду.

На берегу остались только три старухи и Фроль Лукичъ, лепетавшій сокрушенно и благоговѣнно:

— Угодница... Угодница благочестивая! Ужъ тутъ чего-же: прямо въ мѣсто злачное!

А старики на плоту, по почину сухого, блѣднаго и молодого мужика, въ которомъ Василій не могъ еще признать Самойлу, запѣли надтреснутыми, нестройно и слабо звучащими надъ бурной рѣкою, голосами:

— А-ай все-е-пѣ-ѣ-тая ма-а-ати-и

Бѣ-о-огоро-о-о-о-о...

Только тутъ Василій догадался, что попалъ въ скитъ Анкудиныча. И вспомнилъ вчерашнія слова Еремки-Мясника:

ЧУРАЕВЫ

— «Богородицу свою завель»...

Онъ отыскалъ въ толпѣ самого Анкудиныча, который ближе всѣхъ былъ около Ненилы и то и дѣло наклонялся къ ней, кивая обнаженной головой и что-то бормоча. Вотъ онъ отдѣлился отъ толпы, молодо прыгнулъ съ плота и побѣжалъ на берегъ, не замѣчая Василия и мимоходомъ бросивъ Лукичу:

— А кадилаицу-то и забыли. Надо вѣдь кадилаицу!..

Василій видѣлъ, какъ бѣлая холщевая рубаха замелькала среди жидкихъ кустарниковъ возлѣ часовенки и изумленно спрашивалъ себя:

— «Что это? Опять въ оперѣ? Хованщина какая-то!»

Анкудинычъ между тѣмъ спустился съ горки и, поравнявшись съ Лукичемъ, азартно и угрожающе сказалъ:

Вотъ мы теперича и поглядимъ: чья возьметъ!.. Пускай посмотрятъ православные: чья святѣе. Его-ли сучка меделянская али моя... — Данило притворно всхлипнулъ и договорилъ: — Мученица непорочная!

Потомъ Данило невзначай останоилъ острые глаза на лицѣ Василия и, не узнавши въ немъ Чураевского сына, мелко захихикалъ и еще запальчивѣе сказалъ:

— Вотъ мы и посмотримъ: кто праведнѣе?.. Хе-хе... — и, раздувая кадилаицу, пошелъ на плоть.

Василій какъ-то весь осѣлъ, точно его придавили каменною глыбой, и снова вспомнилъ Мясника, который показался ему воплощеніемъ самой истины, и подумалъ: — «Каторжникъ Еремка все-таки свѣтлѣе и безхитростнѣе этого безбожнаго сектанта!»

— «Ну, да! Ну, да! Еремка не оклеветалъ его. Еремка правду мнѣ сказалъ о немъ: «Убилъ да пятки ей ножомъ истыкалъ». Боже мой Господи! — взмолимся наконецъ Василій и пошелъ на горку, безразлично наблюдая, какъ Данило и Самойло, провожаемые пѣніемъ оставшихся на берегу стариковъ, отчалили отъ берега и быстро понеслисьвнизъ по рѣкѣ, съ блѣднолицей умирающею женщиной.

Когда всѣ поднялись къ часовенкѣ, старая хозяйка позаала всѣхъ въ домъ попитаться. чѣмъ Богъ послалъ, а Фроль Лукичъ отшатнулся отъ толпы и подошелъ къ Василию:

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

— А что, милъ человекъ, не родственникъ-ли ты Фирсу Платонычу?

— А ты какъ думаешь? — спросилъ Василій строго.

— Хе-хе... Видать, што ты сурьезнаго родителя сынокъ!.. — совсѣмъ узналъ Василія Лукичъ. — Ишь, и одежду приодѣлъ такую. Говори-ка прямо: тятка-то тебя, небось, за нами доглядѣть прислалъ?

Василій разсмѣялся и презрительно взглянулъ въ лукавые глаза старика:

— А вы что-же, воровское дѣло тутъ вершите, что-ли?

— Хе-хе, — да какъ тебѣ сказать? Оно почти што воровское! — И Фроль Лукичъ отвелъ Василія подальше отъ часовенки: — По истинѣ тебѣ сказать — твой батюшка не Анкудинычу чета... Старикъ путевый, самосильный. Правильный. А только-што... — Лукичъ засмѣялся и забѣгалъ глазами.

— Ну, что?

— Да ишь, къ Данилѣ быдто всѣ теперь невѣдываются. Ну, и мы съ Егорычемъ... Знаешь, — дѣло сусѣдское... Заимки нашу тутъ вотъ, недалеко...

— Такъ что-же ты забеспokoился?.. Какъ будто испугался?

— Дакъ не охота старика-то вашего гнѣвать... — Лукичъ опять забѣгалъ глазами мимо Василія и шепотомъ прибавилъ: — Замучили они бабеночку-то бѣдную!.. Заморили голодомъ, и все она молилась, все молилась день и ночь. Я дакъ прямо сердцемъ изболѣлъ о ней. Ужъ думаю: пусть-бы поскорѣе Богъ прибралъ ее!

— Это для чего-же мучили?..

— Да ишь, въ угодницы, слышь, приготавлиали... Теперь повезъ, видишь въ Чураевку. Соборъ опять собираеть... — И Лукичъ совсѣмъ беззвучно прибавилъ: Фирса-то, вишь, все хочеть одолѣть.

Василій вновь кольнулъ старика презрительной усмѣшкой и спросилъ:

— А вы, значить, пойдете на ту сторону, которая одолѣеть?

Фроль Лукичъ озабоченно развелъ руками и съ просто-душной искренностью произнесъ:

ЧУРАЕВЫ

— А какъ намъ, милачекъ, супротивъ людей перечить? Куда, слышь люди, туда и мы!..

Василій молча посмотрѣлъ на старика, хотѣлъ что-то сказать, но отвернулся и зашагалъ прочь отъ часовенки, не оборачиваясь къ озадаченному Лукичу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Спустя три дня въ полдень Василій, потный и оборванный, усталый вошелъ въ ограду родительскаго дома и первое, что онъ услышалъ, былъ облегченный выкрикъ Наденьки:

— Ну, слава Богу! — Она сбѣжала съ крыльца навстрѣчу ему и, всплеснувъ руками, лепетала: А я то... Я то тутъ... — и не досказала. Василій на глазахъ ея замѣтилъ слезы, которыя она не умѣла скрыть подъ радостной улыбкой.

— Но почему вы что-то думали, — удивился Василій.

— На-вотъ! — закричала на него вышедшая изъ хоромины Варвара, какъ на виновника семейнаго скандала. — Савраску то еще вчера нашли: привязанъ за маральникъ за рѣкой, отошала, какъ ровно мѣсяцъ его не кормили...

— И въ сѣдлѣ?.. И сумы цѣлы? — спросилъ Василій.

— Со всѣмъ... Да ладно што никто, должно, не видѣлъ... А то бы этакое-то сѣдло... Полторы сотни либо болѣ стоитъ! — выпенивала деверю Варвара.

— Ничего оно не стоитъ! — злобно бросилъ ей Василій. — Не кричи, пожалуйста.

— Наденька взглянула на Василія и удивилась: онъ никогда такимъ при ней не былъ. А Варвара цокнула языкомъ и за-качала головой:

— Да и тебя никто не испужался! Хозяинъ новый! Не больно наживать-то мастеръ, а проживать дакъ тутъ и былъ... Запру теперь и близко къ сѣдламъ не пушу.

Василій посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, не снимая рванаго простаго платья, молча и устало сѣлъ на нижнія ступени новаго крыльца. Наденька стояла наверху крыльца и ждала, не скажетъ-ли онъ что-нибудь. Василій поднялъ къ ней лицо

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

и только теперь замѣтили, что она была одѣта въ свой обычный костюмъ, темную юбку, бѣлую кофточку съ открытой шеей, и волосы были закручены въ тяжелый узелъ на затылкѣ, и вся она теперь опять стала ему родной и близкой. Василій вдругъ забылъ о грубости Варвары и спросилъ, впервые ласково и просто смотря Наденькѣ въ лицо:

— А Викуль гдѣ?

— А онъ поѣхалъ васъ разыскивать. — Вѣдь мы всѣ думали, что васъ убили, или вы свалились въ пропасть.

— Я и свалился, — сказалъ Василій, грустно улыбаясь.

— Правда?

Василій помолчалъ, смотря на нее снизу вверхъ, какъ будто умоляя или прося прощенія. Потомъ тихо, однѣми губами спросилъ ее, но такъ, что она хорошо слышала:

— Ты пожалѣла бы меня?

— Ш-што?.. — какъ будто задыхаясь уронила Наденька и, переполненная внезапнымъ волненіемъ и испугомъ отъ этого «ты», она закрыла рукой глаза и быстро ускользнула наверхъ, въ свою комнату.

Василій неподвижно остался на ступеняхъ крыльца и съ опущенной, обнаженной головою, съ простою палкою въ рукахъ, въ изорванномъ кустарникомъ мужицкомъ зипунѣ, напоминалъ ожидающаго милостыни нищаго. Потомъ, какъ-бы почуявъ это, онъ быстро всталъ и оглянулся. Наденька опять стояла наверху крыльца и глядѣла на него строго и рѣшительно.

— Вы презираете меня? — спросилъ Василій, нервно дернувъ себя за бородку.

— А вы меня? — скорбно поднявъ брови, прошептала Наденька.

Василій не успѣлъ отвѣтить: изъ моленной вышелъ Фирсъ Платонычъ и, опираясь лѣвой рукою на костыль, изъ правой сдѣлалъ козырекъ и съ полукрытымъ ртомъ присматривался къ оборванцу.

— Это я, батюшка! Я — Василій! — весело пропѣлъ Василій.

— Отыскался! — громко огласилъ ограду Фирсъ Плато-

ЧУРАЕВЫ

нычъ и подошелъ поближе: — Да ты пошто въ бродягу-то оборотился? Съ коня-то упалъ, што-ли? И на конѣ-то ѣздить разучился!

Василій вспомнилъ про Еремку и, втайнѣ изумленный тѣмъ, что каторжникъ вернулъ коня съ сѣдломъ и сумами, не отвѣтилъ старику.

— Гдѣ прападалъ-то, говорю? — повысилъ голосъ Фирсъ Платонычъ.

— Въ скитахъ былъ, батюшка, — насмѣшливо сказала Василій.

Фирсъ оперся бородой съ руками на костыль и протянулъ:

— Въ скита-ахъ?.. — И, тоже замѣтивъ на снوخъ городское платье, двинулъ густыми бровями въ ея сторону и спросилъ: — А ты что это, Сергѣевна, выщелкнулась эдакъ?

Наденька сразу не нашла отвѣта и не могла не улыбнуться на упрекъ всегда благоволившаго къ ней свекра, и солгала:

— Въ стирку, батюшка, сарафанъ сдала.

— Да у тебя онъ што одинъ, што-ли? — Вотъ горькая сиротка, и перемыться не въ чемъ... — Потомъ онъ быстро поглядѣлъ на сына и коротко, негромко приказалъ ему:

— А ты переодѣнься да иди-ка поскорѣй ко мнѣ! — и повернулъ опять въ моленную.

Въ оградѣ было буднично и пусто. Ананій былъ въ маральникѣ. Гарасковья Филатьевна съ Грунюшкой и Стешкою на пасѣкѣ, Викуль въ поискахъ за братомъ, а Анна Фирсовна и Кондря за калиной и за хмелемъ съ ранняго утра уѣхали верхами. Филиппъ безсмѣнно сидѣлъ въ пустой лавкѣ и изрѣдка поглядывалъ на берегъ, къ отцвѣтшему мотору, который Наденькою былъ поручень его попеченію. Ни толпы около лодки, ни дѣтей на берегу. А въ оградѣ находился одинъ Пестря. Меланхолически слѣдя за тѣнью охорашивавшихся на крышѣ моленной голубей, онъ притворно позѣвывалъ и перемѣщался съ мѣсто на мѣсто, подыскивая для старой своей шкуры поудобнѣе.

Василій снялъ въ новомъ амбарѣ, гдѣ онъ жилъ и спалъ, старую одежду, перемѣнилъ сапоги, вышелъ въ одной рубашкѣ въ ограду къ рукомоинику, остановился подъ лучами не горя-

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

чаго, но ласковаго солнца, и показалось ему все здѣсь нена-
рушимымъ и прочнымъ, какъ сто лѣтъ назадъ, и только На-
денька была совсѣмъ чужая всей этой тихой, старой дѣдовской
оградѣ съ муравой травой и темной изъ столѣтнихъ кедровъ
моленною. Да еще его собственныя мысли показались здѣсь
ненужными и слишкомъ тонкими, какъ случайно полавшая
въ толстую старопечатную закапанную желтымъ воскомъ
книгу страничка изъ какой-нибудь послѣдней модной повѣсти.

На душѣ его стало покойнѣе, и даже захотѣлось съ кѣмъ
нибудь переброситься ласковымъ словомъ.

Утираясь полотенцемъ, онъ подошелъ къ собакѣ и спро-
силъ ее:

— Ну, что, Пестря, состарился?

Но Пестря снялся съ мѣста и, недружелюбно покосившись
на Василія, беззвучно ощерилъ зубы и медленно ушелъ на
другое мѣсто.

— Даже у собаки потерялъ довѣріе... — вздохнувъ, ска-
зала Василій и ушелъ въ амбаръ.

Несмотря на ожиданіе отца, онъ почему-то не спѣшилъ,
какъ-бы готовясь къ важному отвѣтственному шагу.

Освѣженный и причесанный, въ новой дорогой поддевкѣ,
чувствуя свою молодость и легкость, онъ бодро прошелъ по
мелкотравчатой зелени въ моленную и тамъ не сразу въ сумра-
кѣ нашель слившуюся съ темными стѣнами фигуру отца.

— Ну, сынъ, — торжественно и сразу началъ Фирсъ, —
въ рожденіе Богородицы будетъ соборъ!..

Чураевъ, пріоткрывши ротъ, глядѣлъ на сына испытующе
и строго, ожидая отъ него отвѣта.

Но Василій не отвѣтилъ. Онъ смотрѣлъ въ открытое и
осабоченное лицо отца и думалъ:

— «Ну, развѣ можно его сравнивать съ Данилой?»

— Приготовимся для пренія достойно и праведно! Ты
«слышишь?»

— Какъ же, батюшка, какъ же! — сказала Василій, не
отводя своихъ ясныхъ строгихъ глазъ отъ лица родителя, и
все, что собирался сказать важнаго, какъ-то потускло, от-
ступило.

ЧУРАЕВЫ

— «Только кто изъ сыновей достоинъ продолжать его духовныя завѣты?» И у Василя по счету вышло сыновей — четыре, а не три... И ни одинъ не подходилъ для продолженія достойнаго наслѣдства. А память о Еремкѣ и Ананіи кольнула въ мозгъ Василя, какъ жало змѣи. У Василя невольно опустились вѣки. Онъ виновато моргнулъ три раза и отвелъ глаза.

Старикъ замѣтилъ это и спросилъ съ тревогой въ голосъ:

— Небойсь не поддадимся?.. Рыломъ въ грязь меня не ткнешь? — Послѣднія слова Чураевъ громко, почти приказывающе выкрикнулъ.

Василій снова поднялъ на родителя глаза и, подчиненный его власти, твердо произнесъ:

— Постараюсь, батюшка!

И такъ какъ Фирсъ Платонычъ вдругъ обмякъ и сталъ почти упрасивать сына не посрамить Чураевского рода, Василій еще тверже повторилъ, не въ силахъ допустить родительскаго униженія:

— Постараюсь! Не тревожься, батюшка!

И Фирсъ, повѣривъ сыну, успокоенно заговорилъ:

— Ну, вотъ и слава Богу! Иди запись въ хоромину и не теряй время... Я велю штобы не мѣшали тебѣ. А самъ я здѣсь буду читать. Время у насъ двѣнадцать дней. Ананія и Викула пошлю въ уѣздъ народъ скликать надежный. — И Фирсъ Платонычъ, вставши передъ божницей, молча помолился. Василій стоялъ сзади, опустивши голову и не крестясь.

И вотъ Василій сѣлъ за свои книги, но не въ хороминѣ, въ которой сѣлъ самъ Фирсъ Платонычъ, а въ моленной, гдѣ живѣй вставала старина передъ Василюмъ, и гдѣ какъ будто рѣже, навѣшали искушенія и лукаво притаившіяся гдѣ-то за порогомъ саркастическія мысли.

Василій отдался работѣ искренно, какъ истинный ученый, не давая воли критическимъ догадкамъ. Въ работѣ его рѣзко проходила полемическая искра, находившая для своей пищи слишкомъ много горячаго матеріала, и въ концѣ концовъ Василій съ злораднымъ нетерпѣніемъ сталъ ждать дня своего выступленія передъ соборомъ. Онъ предвкушалъ, какъ хорошо тренированный кулачникъ, съ какою ловкостью онъ опроки-

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

нетъ своихъ противниковъ, и даже немножко скучаль, что среди нихъ, пожалуй, не найдется сколько-нибудь равнаго, достойнаго.

Ананій съ Викуломъ уѣхали въ противоположные концы Камня. По всему краю въ пять-шесть дней узнали о соборѣ: все встало на ноги, зашевелились. Ни о чемъ рѣчей больше не слышно было. Всѣ, даже иновѣрцы, ранѣе не любопытно относившіеся къ самодуровскимъ соборамъ, насторожились и напряженно ждали дня рожденія Богородицы — 8-го сентября.

Василій похудѣлъ, осунулся и чаще сталъ дергать бѣлокурую свою бородку. Онъ позабылъ на это время обо всемъ, что ранѣе такъ волновало, мучило сомнѣньями и опрокидывало самую устойчивую логику. Онъ даже позабылъ о Наденькѣ

Какъ истинный актеръ, у котораго въ домѣ покойникъ, онъ приготовился торжествовать и притворно хохотать на сценѣ, зная хорошо, что это только сцена, а не жизнь.

И потому, что его душевное состоянье было обостреннымъ и настроеннымъ на стариковскій ладъ начетчика, Василій даже плохо ѣлъ, какъ-бы постясь передъ священнымъ днемъ торжества Истины.

Дня за два до собора, когда онъ въ сумеркахъ сидѣлъ въ моленной безъ свѣта и наизусть произносилъ наиболѣе громовыя мѣста своей рѣчи, дверь въ моленную тихо отворилась и въ нее беззвучно вошла Наденька.

— Василій! — просительно и грустно произнесла она.

— Зачѣмъ вы сюда?..

— Василій... — какъ-бы не слыша его, приблизилась къ нему Наденька. — У меня послѣдняя надежда ускользаетъ.. Я думала, что, пока Викула нѣтъ, вы мнѣ поможете. Я совершенно не могу одна во всемъ этомъ разобраться... — И она схватила его за плечо. — Ну, пойми же: ради Бога!..

— Я прошу васъ: уходите отсюда, — глухо крикнулъ Василій, и Наденька не въ силахъ была послушаться этого приказанія, внутренне чувствуя, что такъ, должно-быть, надо. Но все-таки опять шагнула къ Василію, и онъ услышалъ запахъ ея ситцеваго сарафана, смѣшаннаго съ запахомъ ея

ЧУРАЕВЫ

волось. А вмѣстѣ съ этимъ тонкимъ, чистымъ, какъ сирень, запахомъ память его распахнула дверь въ то прошлое, еще недавнее, когда онъ былъ по-настоящему, безопасно, безудержно счастливъ, и когда ничего не хотѣлось болѣе, какъ только прикоснуться къ этимъ волосамъ и чувствовать ихъ ласкающей шелкъ у себя на щекѣ.

— Ну, вспомни... Вспомни наше чистое, ничѣмъ не омраченное! — молила его Наденька и совсѣмъ прикинула грудью къ его рукѣ, но Василій подсознательно, почти неуловимо вспомнилъ, что Наденька уже не дѣвушка а женщина, быть можетъ грубо, жадно униженная непристойной ласкою мужчины, и осторожно, но рѣшительно отстранилъ ее фигуру отъ себя:

— Вы захотѣли испытать звѣриные инстинкты... И вы ихъ испытали. Наслаждайтесь въ томъ-же духѣ!..

— Какъ это грубо слышать отъ тебя! Ужели и ты не въ состояніи понять?..

— Что тутъ понимать! — рѣзко перебилъ ее Василій. — Вы отлично знали, что дѣлали... Надо же нести отвѣтъ за свои поступки.

— Но ты не поддержалъ меня, когда я падала! — тоже рѣзко заговорила Наденька. — А ты вѣдь зналъ, ты видѣлъ, какъ я за тебя цѣплялась. У тебя такъ много было силы, и ты не хотѣлъ со мною подѣлиться ею.

— Я видѣлъ, что тебѣ нужна была другая, животная сила...

— Василій!..

— Ну да, ну да! Уходи отсюда! — задыхаясь говорилъ Василій. — Теперь ты мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ чужая!..

Наденька отступила отъ него покорная, униженная, и Василій видѣлъ, что она дрожить, какъ въ лихорадкѣ.

— Но ты хоть научи!.. — сквозь придушенные рыданья говорила Наденька, — что мнѣ дѣлать?.. Вѣдь я же... — Она не выдержала и зарыдала, договаривая чуть внятно: — совсѣмъ не люблю его!

Василій помолчалъ, какъ будто ему теперь было совершен-

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

но безразлично все, что онъ слышитъ, видитъ и переживаетъ, и потомъ ровнымъ голосомъ сказалъ:

— Уѣзжайте въ Москву... Лучшій выходъ.

Наденька еще разъ подошла къ нему, еще разъ тронула его за руку и прошептала еле внятно:

— Но я уже... Не одна!..

Василій отшатнулся отъ нея и видѣлъ въ темнотѣ, что голова ея опущена, а восковые пальцы ненужно и беспомощно хватаются за нарукавникъ сарафана, показавшагося Василию безобразнымъ, изуродовавшимъ женщину и отвратительно пахнувшимъ ситцевою краской.

— Вотъ какъ!.. — сказалъ онъ наконецъ и, чувствуя, что ему стало вдругъ до боли въ сердцѣ жаль не то ее, не то себя, прибавилъ такъ-же рѣзко, какъ вначалѣ: — Поздравляю: будетъ красивое и сильное потомство.

— Ну, зачѣмъ вы... такъ?.. — еле выдавила изъ себя Наденька, и захлебнулась обидой отъ жестокости единственнаго близкаго ей челоѣка.

А въ моленную, межъ тѣмъ, едва влѣзая въ дверь, входилъ вернувшійся изъ поѣздки Викуль и, остановившись у порога, старался подавить въ могучихъ легкихъ тяжелое дыханіе.

— Нашли таки мѣстечко!.. — сипло и придушено сказали онъ.

Потомъ, пропустивъ мимо себя перепуганную, тихо проскользнувшую жену, долго еще безъ словъ стоялъ въ моленной, какъ-бы ожидая, не скажетъ-ли что-нибудь въ свое оправданіе младшій похититель братняго семейнаго благополучія.

Но Василій былъ, какъ камень, неподвиженъ и безмолвенъ.

— Спасибо, братъ!.. — стономъ вырвалось у Викула, и онъ, шатаясь, вышелъ изъ моленной.

Василій посидѣлъ еще немного, потомъ, уступая требованію внутренней тревоги, быстро вышелъ изъ моленной и направился къ большому дому. На крыльцѣ онъ ухватился за перила и оцѣпенѣлъ отъ приглушеннаго стѣнами пронзительнаго крика:

— «Ты не смѣешь!.. Ты не смѣешь!»

— «Бьетъ!» — ударила по головѣ Василия догадка, и онъ

ЧУРАЕВЫ

однимъ прыжкомъ былъ у двери въ комнату Викула и Наденьки и изо всѣхъ силъ застучалъ въ нее костлявымъ кулакомъ.

Въ комнатѣ въ отвѣтъ все смолкло. Василій долго еще слушалъ, усомнившись, есть-ли тамъ кто-нибудь. Но комната была заперта изнутри.

— Стыдно стало... — проворчалъ Василій и съ глубокой грустью спросилъ себя: — Зачѣмъ я лѣзу?.. — Спустившись на нижнія ступени, онъ сѣлъ на нихъ и сталъ прислушиваться къ шорохамъ вверху и во всей усадьбѣ, какъ вѣрная, стерегущая чужой покой собака...

А передъ нимъ опять, какъ грозный и властный хозяинъ, стояла Совѣсть и приказывала подчиниться ея безмолвному требованью:

— «За грѣхи отцовъ твоихъ и братьевъ ты будешь терзаемъ муками, которыхъ не вѣдаютъ животныя, и оскорбленный и униженный предстанешь для отвѣта передъ судомъ неумолимаго Возмездія... Тебѣ говорю: встань, иди и очисти поканиемъ путь свой къ Истинѣ!..»

Василій не понималъ, взять-ли этотъ текстъ изъ писанія или складывался самъ собою, но онъ звучалъ въ немъ, какъ клятва, какъ молитва, какъ Судьба.

Но изъ чувства ли упрямства, или по инерціи, Василій подчинился другимъ требованіямъ — событіямъ послѣднихъ дней. Да и трудно было-бы направить путь противъ теченія. Рѣка выходила изъ береговъ, бурлила и все затопляла собою, какъ въ половодье. И Василій плылъ до первой отмели.

Ограда Чураевыхъ кишмя кишѣла пріѣзжими гостями-старовѣрами, среди которыхъ слишкомъ было повышено вниманіе ко всему, что могутъ дать Чураевы, и что творится въ домѣ и оградѣ у Даниила Анкудиныча, гдѣ собралось народу даже больше, чѣмъ у Фирса. Василій чутко прислушивался къ тому, что слышно о пріѣхавшихъ къ Данилѣ начетчикахъ, замѣтно волновался, но въ народъ не лѣзъ, держась все время въ сторонѣ, какъ за кулисами актеръ передъ выходомъ въ значительной роли.

Онъ не скрывалъ тревоги передъ сложностью задачи и

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

пряталъ злорадство, когда услышалъ, что Ненила умерла три дня назадъ. Это значило, что она не будетъ фигурировать въ нелѣпой роли угодницы, а Василию дастъ поводъ уличить противника въ явное злодѣяніе.

Онъ уже не философствовалъ, не анализировалъ событія и не являлся постороннимъ наблюдателемъ. Онъ превратился въ кровь и плоть тѣхъ самыхъ бородатыхъ и сѣдыхъ угрюмыхъ и надменныхъ стариковцевъ, которые, пріѣхавъ издалека, крѣпко полагались на Чураевскую Истину. Василій кровно былъ задѣтъ и придавалъ собору то значеніе, какое дѣятельный гражданинъ приписывалъ-бы государству въ тяжелый моментъ рѣшенія его судьбы.

Да и всѣ въ семьѣ Фирса Платоныча были захвачены грядущимъ днемъ, потому что слишкомъ хорошо знали Анкудиныча, который, рѣшивъ вести борьбу не на животь, а на смерть, не остановится ни передъ чѣмъ, и за которымъ уже много увязалось недавнихъ прихожанъ Чураева.

Парасковья Филатьевна и Анна Фирсовна, кромѣ всѣхъ тревогъ, были завалены работой по приготовленіямъ пышнаго на двѣсти человекъ обѣда. Онѣ съ утра до ночи, съ помощью Груни, Стешки и сосѣдскихъ дочекъ Насти и Маринки, бѣгали изъ дома въ домъ, изъ кухни въ погребъ, изъ амбара въ амбаръ, и не могли справиться со всей огромной и прожорливой толпой гостей, которыхъ надо было не одинъ разъ накормить, привѣтить, пріютить.

И въ этой сутолокѣ въ ночь на самое восьмое сентября внезапно безъ слѣда исчезла Груня.

Сперва отсутствія ея никто не замѣчалъ, кромѣ подругъ, которыя все время ускользали изъ-подъ начала Анны Фирсовны и гдѣ-то долго перешептывались. Но утромъ спохватилась и сама Парасковья Филатьевна. А Анна Фирсовна въ раскачку утицей обѣжала всѣ закоулки и заглянула къ Наденькѣ.

— Да Грунька-то не у тебя-ли?

Наденька, укрывшись съ головой, сказала слабымъ голосомъ, не открывая лица, что ей нездоровится, и Анна Фирсовна съ сокрушеніемъ простонала, уходя отъ Наденьки:

ЧУРАЕВЫ

— Вотъ еще горе-то... И время-то вѣдь выбрала какое!..

Но всё, какъ сговорились, ни словомъ не промолвились другъ другу. Страшно было и подумать, если-бы теперь, въ такой-то важный день, увеналъ объ этомъ Фирсъ Платонычъ.

Анна Фирсовна даже Василию не намекнула, хотъ и догадывалась изъ ежидныхъ словъ Ананія: — «Грунькѣ и Антошкѣ Васенька дорожку топчетъ» — что Груня убѣжала за табачника...

Василій мелькомъ въ оградѣ увидѣлъ Викула, который показался ему въ этотъ разъ особенно высокимъ и породнымъ. Ему было поручено встрѣчать, устраивать и угощать гостей. Въ черной поддевкѣ, съ открытой черноволосой головою, съ окладистой бородкой въ кольцахъ, Викуль замѣтно любовался соимъ ростомъ, красотой и голосомъ, который у него звучалъ преувеличенно любезно.

Ананій хлопоталъ съ устройствомъ помѣщенія для бесѣды во дворѣ Прохора Карпыча, по прежнему миролюбиваго посредника между враждующими сектами.

Въ избѣ устраивать бесѣду было невозможно слишкомъ тѣсно для огромнаго собора. Только для однихъ Чураевскихъ старопечатныхъ книгъ, открытыхъ и готовыхъ для извлеченія нужныхъ текстовъ, требовалось нѣсколько столовъ. Не безъ того будутъ и супротивники. Да надо, чтобы все народу было слышно. И Ананій съ Прохоромъ Карпычемъ разобрали стѣну у завозни, сдѣлали изъ нея большой открытый въ сторону ограды сарай съ возвышеніемъ для стариковъ и съ временными скамьями для умудренныхъ и старѣйшихъ соборянъ. А для народа на оградѣ полукругомъ наложили бревень, наставили телѣгъ, нагромоздили опрокинутыхъ дровней. Чтобы всѣмъ хватило мѣста и чтобы старымъ людямъ не пришлось слушать стоя на ногахъ.

Когда было все готово, Прохоръ Карпычъ пошелъ дать знать Данилѣ, а Ананій родителю.

Фирсъ Платонычъ, замѣтно блѣдный, чуть-чуть трясущейся веснушчатой рукой широко перекрестился и громко произнесъ:

Г. ГРЕВЕНЩИКОВЪ

— На Тя, Господи, уповаю, да не постыжуся во вѣкъ! — и властно прибавилъ — Василій, подойди!..

Василій тоже блѣдный, съ запавшими глазами, сверкающими внутреннимъ огнемъ, одѣтый въ роскошную изъ чернаго сукна свою поддевку, подошелъ къ отцу и поклонился вмѣстѣ съ нимъ въ передній уголь горницы.

— Благослови тебя Господь! — сказали Чураевъ и перекрестилъ Василія. Во имя силы всечестныя и животворящаго Креста. Аминь!

Крыльцо хоромины вдругъ почернѣло отъ вышедшихъ на него одѣтыхъ во все черное Чураевыхъ. Вокругъ крыльца плотнымъ кольцомъ стояли гости, прихожане и старѣйшіе, единомышленники.

Филиппъ и Кондря, подгибаясь подъ огромными въ тяжельхъ переплетахъ книгами, открыли шествіе. За ними гордой поступью, съ открытой головой, опираясь на «высокій» посохъ, направился Чураевъ, а за нимъ Ананій, Викуль и Василій. Длинная пестрая цѣпь стариковъ, старухъ и молодежи потянулась по примятой муравѣ къ воротамъ.

И вотъ мгновенно у Василія мелькнула мысль: взглянуть мимоходомъ на окно большого дома. Но тутъ-же онъ подумалъ о тайномъ искушеніи и приказалъ себѣ: — «Не надо». Но время быстро уходило, и до воротъ осталось нѣсколько шаговъ.

— «Будетъ она на бесѣдѣ или нѣтъ?.. Если будетъ — удачнѣе-ли выйдетъ мое выступленіе, или я провалю все?..» — быстро летѣли мысли и торопили-торопили: «взгляни: взгляни: смотреть-ли она, интересуется-ли всѣмъ, что такъ стихійно захватило тебя самого?»

И въ двухъ шагахъ отъ выхода изъ воротъ Василій, противъ воли и внутренняго угрызенія совѣсти, быстро обернулся, поднялъ голову и посмотрѣлъ въ полураскрытое окно.

И вдругъ Василій позабылъ, куда онъ идетъ и зачѣмъ... У него остановился вобранный въ грудь воздухъ, глаза широко открылись, но не видѣли ярко освѣщенныхъ горъ и чистаго свѣтло-голубого неба и гудящей, топающей сотнями сапогъ толпы. Передъ нимъ стояло блѣдное нѣжное личико съ непо-

ЧУРАЕВЫ

мѣрно большимъ и темнымъ лѣвымъ глазомъ, плохо укрытымъ бѣлою косынкой...

— «Такъ вотъ почему она не показывается!..» — и взгляды Василия упали на огромную, спокойно качавшуюся передъ нимъ у бедра Викула руку. — «Вотъ этой звѣриной лапою!.. По лицу!.. По ея лицу!..»

Василию казалось, что онъ изступленно кричитъ и бьется въ припадкѣ ненависти и негодованія, и все-таки не можетъ, не въ силахъ поколебать спокойнаго шага шедшаго передъ нимъ Викула.

Потомъ онъ обогналъ Викула и, заглянувъ ему въ лицо, сказалъ, захлебываясь злобой и дрожа отъ неестественнаго смѣха:

— Ты — хамъ!..

Викуль задержалъ шагъ, наткнулся на кого-то, поблѣднѣлъ, обнажилъ бѣлые крѣпкіе зубы, какъ будто собираясь укусить Василия. И не могъ отвѣтить брату. Смѣшавшійся съ толпою стариковъ Василий сильно дернулъ себя за бородку и, подавивъ въ себѣ негодование, съ усиліемъ припоминалъ: куда-же все таки идетъ толпа, и почему такъ празднично одѣтъ отецъ, Ананій, Кондря и все множество сѣдобородыхъ стариковъ?..

Недавнее горячее желаніе что-то отстаивать, съ кѣмъ-то бороться, кого-то защищать, потухло и остыло, а на его мѣсто выросло другое, острое, холодное, почти слѣпое, которое сверлило мозгъ Василия однимъ лишь словомъ, безпощаднымъ и беззвучнымъ, какъ ядъ, уже вошедшій въ кровь:

— «Местъ!»

Потомъ оно оформилось въ мозгу Василия, какъ право, какъ законъ, и вылилось въ другое болѣе внушительное:

— «Возмездіе».

Потомъ все снова стерлось, растворилось внѣ сознанія, и Василий, войдя вслѣдъ за отцомъ въ ограду Прохора Карпыча, безучастно сталъ въ сараѣ возлѣ груды старыхъ книгъ. Передъ нимъ въ оградѣ на дровняхъ и бревнахъ размѣщались люди, все больше старые, степенные, съ суровыми, жадно ожидающими взглядами.

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

— «Зачѣмъ пришли они сюда? Чего ждуть? Чего хотятъ?»
— толпились надъ Василиемъ вопросы.

И неожиданно его сознание освѣтило, какъ молнія, отвѣтъ:
— «Истины!»

У Василія захолонуло въ сердцѣ отъ ясности и величія той Истины, къ которой онъ всегда стремился, которую искалъ и во имя которой изранилъ свою душу, истерзалъ свой разумъ.

Василій посмотрѣлъ на блѣдное лицо отца, и Фирсъ Платонычъ показался ему не такимъ значительнымъ и важнымъ, какъ всегда, но какъ и всѣ трепещущимъ и неувѣреннымъ передъ Истиной, которая еще не явлена собравшимся и безмолвствуетъ.

Но вотъ въ ограду, такъ же чинно, какъ Чураевы, вошли во главѣ съ Прохоромъ Карпычемъ начетчики Данилы Анкудиныча.

Они степенно и съ достоинствомъ поклонились Фирсу и размѣстились возлѣ своей кафедры.

Фирсъ Платонычъ отнял бороду отъ рукоятки костыля, пристально поочередно оглядѣлъ начетчиковъ и всѣхъ, кто пришли съ ними, и, подозвавъ къ себѣ Василія, сказалъ ему своимъ обычнымъ зычнымъ голосомъ:

— Не позабудь измѣнниковъ посѣчь! — и онъ сурово поглядѣлъ на прятавшихся за толпу Марковей Егорыча и Фрола Лукича. — Ишь, прячутся... Глаза-то стыдно показать!

Но Василій вяло отошелъ отъ отца и казался совершенно равнодушнымъ ко всему, что такъ волнуетъ всѣхъ. Это спокойствіе его замѣтили начетчики и тихо перемолвились между собой. По ихъ степеннымъ замкнутымъ взглядамъ нельзя было понять, о чемъ они сказали, но было ясно, что на молодого противника они посматривали съ любопытствомъ и почтеніемъ.

Ананій посмотрѣлъ въ ихъ сторону и съ тоненькимъ смѣшкомъ спросилъ:

— Ну, а гдѣ ваши святители?.. Апостолы Данило и Самойло?.. Долго што-то они чешутся!..

Одинъ изъ начетчиковъ молча укололъ глазами Ананія, а другой, съ бѣлокуроыми кудрями, учтиво протянулъ:

ЧУРАЕВЫ

— Солнышко-то еще рано. Успѣемъ вдосталь нагрѣшить!..

Въ это время отъ усадьбы Анкудиныча отдѣлилась новая толпа, въ которой красными нарядами ярко выдѣлялись женщины, и съ пѣніемъ стариннаго печальнаго мотива медленно направились къ мѣсту собора.

Въ срединѣ толпы шли Данило и Самойло, и на плечахъ ихъ плавно покачивался новый гробъ.

Вся огромная толпа собравшихся въ оградѣ Прохора Карпыча встала на ноги и повернулась лицомъ къ процессіи, съ удивленіемъ и суевѣрнымъ страхомъ повторяя:

— Сюда несутъ?..

— Сюда?!.

— О, Господи помилуй!..

Фирсь Платонычъ всталъ и, поднявъ полусѣдую бороду, пристально смотрѣлъ впередъ, и его крупная фигура, обтянутая лоснящимся нанбуковымъ кафтаномъ, затряслась, какъ отъ жестокой зубной боли.

Впервые въ жизни совершенно растерялся Фирсь Чураевъ.

Даже начетчики застыли въ неподвижномъ изумленіи, не понимая, что такое затѣваетъ Анкудинычъ. Пріѣхавши вчера, они слышали, что сноха Данилы умерла три дня назадъ, и что ее вчера похоронили передъ ихъ пріѣздомъ, почему-то ночью, и почему-то въ оградѣ, за дворомъ усадьбы... Но для чего несутъ теперь покойницу, почему объ этомъ имъ не сказано ни слова — начетчики не понимали. И всѣ трое стройные, нарядные въ своихъ безукоризненныхъ поддевахъ, они сурово, почти зло смотрѣли умными глазами на процессію.

Въ толпѣ, притихшей и подавленной, прошелъ, какъ вѣтеръ по сухимъ осеннимъ листьямъ, шелестъ:

— Неужто чудо совершится?.. Господи, неужто воскреснетъ?..

Одни, что помоложе и побойчѣе, тихонько прыскали въ рукавъ, но другіе, что постарше, истово крестились и за собой увлекали третьихъ, что попроще и довѣрчивѣй.

Пѣніе прекратилось, и гробъ поставили какъ разъ передъ сараемъ напротивъ возвышенія, сдѣланнаго для Чураевыхъ, и

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

вся большая пестрая толпа неподвижно замерла на своихъ мѣстахъ.

Викуль испуганно и суевѣрно глядѣлъ на отца, а Василій, больно прикусивши губы и подавляя въ себѣ клочущее негодованіе, съ ненавистью всматривался въ лицо Анкудиныча и Самойлы, которые смиренно стояли у концовъ гроба и явно наслаждались произведеннымъ на толпу впечатлѣніемъ.

Лицо покойницы было закрыто тонкимъ дмотканнымъ холстомъ, и Анкудинычъ, медленно поднявъ его съ лица Ненилы, слезливымъ голосомъ притворно всхлипнулъ и сказалъ, поклонившись всѣмъ старѣйшимъ соборьянамъ:

— Не дикуйте, старички!.. Мы не похотѣли послушаться воли праведницы Божіей: безпремѣнно пожелала она быть при нашемъ спорѣ... — Данило, какъ ребенокъ, притянулъ къ лицу сухой кулакъ и, ковырнулъ имъ въ запавшихъ глазахъ своихъ, вытирая слезы: — Господу, говорить, расскажу все... Посвидѣтельству, говорить...

У Василя запрыгаль подбородокъ отъ внезапнаго и крѣпкаго, какъ отрезвляющій напитокъ, смѣха: не въ силахъ поборотъ его, онъ опустилъ лицо и снова укусивши себѣ губы, сказалъ чуть слышно:

— Какой же онъ мерзавецъ!..

И передъ Василюмъ опять предстала Совѣсть и властно потребовала, чтобы Василій немедленно явилъ ее этой толпѣ.

— «Сейчасъ-же или никогда». — какъ клятву прошепталъ Василій, и глаза его уже блуждали по толпѣ, уже остановилось въ груди дыханіе, чтобы выпустить первое слово.

Рука невольно потянулась къ бородачъ, чтобы дернуть ее и привести въ порядокъ мысли, сразу затопившія взволнованную душу.

— «Только все безъ утайки, безъ боязни, не шаяя никого!.. — безмолвно убѣждалъ себя Василій.

Но время шло, минуты слишкомъ накалялись. Данило Анкудинычъ уже пылалъ, какъ смолеватое полѣно, и кричалъ, подступая къ ненавистному и гордому врагу Фирсу Чураеву:

— А ты понюхай, подойди!.. Понюхай!.. Четвертый день лежитъ, а пахнетъ благодатью!..

ЧУРАЕВЫ

Плѣшивая голова Данилы тряслась и кланялась толпѣ, призывая всѣхъ понюхать, подойти къ покойницѣ. Онъ даже самъ неоднократно припадалъ къ гробу и всклипывая сильно втягивалъ въ себя воздухъ носомъ.

— Благодатью, старички!.. Понюхайте, Христа ради!..

Василій выпрямился и собралъ всѣ силы духа и спокойствія. Онъ вдругъ почувствовалъ себя пророкомъ, котораго сейчасъ побьютъ камнями, но который все таки произнесетъ свое могучее, не знающее никакихъ препятствій слово Истины.

Но въ этотъ мигъ случилось то, чего не ожидалъ никто... О чемъ не могъ-бы помыслить даже самъ преступно-дерзкій дьявольски-кошунственный хитрецъ Данило Анкудинычъ...

Медленно, какъ звѣрькъ добычѣ, подкрался къ гробу Ананій и визгливо крикнулъ:

— Не благодать это, а падло!.. — И опрокинулъ гробъ...

Опрокинулъ и подъ общій вскрикъ толпы отпрянулъ отъ Ненилы и присѣлъ, хватаясь за лицо, какъ сумасшедшій.

Ненила слабо простонала и медленно тянула руку съ крѣпко-сложеннымъ двуперстнымъ крестомъ къ восковому лицу, скорбному, съ огромными, широко-открытыми глазами.

Ужась и восторгъ и безумный вопль набросился на весь соборъ. Не растерялись только Анкудинычъ и Самойло.

— Аллилуйя... Аллилуйя... — кричали они разными голосами и, подхвативъ больную на руки, торжественно направились къ дому, увлекая за собою густую шумную лавину потрясеннаго событiемъ народа.

Не поднимая глазъ отъ земли, ушли и начетчики.

Чураевы остались возлѣ своихъ книгъ и покинутаго гроба одни, безмолвные и черные, какъ вороны на разоренномъ кладбищѣ.

Георгій Гребенщиковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

РУСАЛІЯ

АЛАЛЕЙ-И-ЛЕЙЛА

Русаліями въ велесову старь русскую назывались религиозные обряды, пріуроченные къ срокамъ посолоннымъ. Эти обряды справлялись пародомъ, ну какъ позже двадцатые праздники.

Съ водвореніемъ на Руси христіанской вѣры, когда пизвергнутые боги разбрелись кто куда—кто въ лѣсь, кто въ рѣчку, а кто къ ребятишкамъ игрушкой, русальный обрядъ превратился въ полумірское, въ полу-религиозное игрище-гульбище

съ пляской—пѣсней—музыкой.

И стала русалія плясовымъ музыкальнымъ вседѣйствіемъ.

А разыгрывалась русалія веселыми людьми — скомо-рохамъ

со всей землей
хороводной.

А потворствовалъ русаліи вдохновитель пляски-пѣсни
Алазіонъ князь бѣсовскій.

Такой толкъ нашелъ я въ словѣ прешодобнаго Нифонта въ книгѣ Измаргдѣ, что значить камень-самоцвѣтъ.

ПРОЛОГЪ

1

Судьба — рѣшитель любви и смерти сводитъ на разрѣчь рѣкъ двѣ предназначенныхъ души — двухъ странниковъ, вышедшихъ на землю въ ихъ первый день.

Они не помнятъ, когда и гдѣ встрѣчались, они ничего не знаютъ другъ о другѣ, а какъ завѣтно прозвучало :

— Лейла.

— Алалей.

Судьба — рѣшитель любви и смерти рѣшила долю.

— Вѣлая горлица Лейла, будемъ любить другъ друга !

— Я съ тобой и вездѣ, Алалей !

И передъ ними открылся путь — одна дорога.

2

Наречлица парскаетъ странникамъ долю.

Доля ихъ — счастье, но путь къ счастью — тѣсень.

— Поведу васъ лѣсами, рѣчками, полемъ. Поведу въ непроходимыя земли черезъ огонь и дальше дыбучимъ болотомъ — мышинными порами — змѣиными тропами къ Морю-Океану. Тамъ у Моря-Океана найдете долю, тамъ у Моря-Океана я свяжу вашу нить съ нитью счастливой доли, я скую ее съ вашей, сварю ее съ вашей нераздѣльно въ одной брачной долѣ на вѣкъ.

Лейла беретъ за руку Алалея.

И рука съ рукой они идутъ въ трудный свой путь за своей долей къ Морю-Океану.

КОРОЧУНОВО ЦАРСТВО

1

Заполдень. Зимнія сумерки.

Въ мертвое поле вихремъ врывается вѣтренникъ.

— Дѣдь Корочунъ! Дѣдь Корочунъ обходить дозоромъ свое бѣлое царство!

Буря, вьюга, метель — сестры вихря и семь братьевъ вѣтровъ откликнулись и несутся по мертвому полю.

Дремавшіе снѣжные духи пробуждаются: встаютъ снѣжницы-поморозницы, морозы трескнуты, вѣтранницы, летитъ жемчужная лютъ, падаетъ иней.

И завыла вьюга, вьется вихрь, замела метель-поземелица, закуделила.

2

Алалей и Лейла, застигнутые непогодой, заблудились. Подъ драковитымъ дубомъ ищутъ пріютъ.

А метель идетъ на нихъ, гонитъ, раздѣляетъ.

Разогнанные, они снова сходятся, жалуясь на свою злую долю.

Но корочунова сила глуха на ихъ жалобы, еще злѣе бросается — не миновать!!

Алалей и Лейла вырываются и бѣгутъ на огонекъ.

Приоткрыта дверь землянки, выглядываетъ Лѣсавка-ворогуша.

Лѣсавка скрываетъ ихъ въ землянкѣ.

3

А дѣдь Корочунъ тутъ-какъ-тутъ.

Разсѣдаетъ земля отъ мороза.

Тяжки и плящи морозы.

Царствуетъ дѣдь Корочунъ.

Бѣлые, черные — ночью,
будемъ пѣть и летать, не замолкнемъ.
Серебромъ затканы одежды,
горячь самоцвѣты.

Вольные, чистые, цѣпкіе,
нагонимъ, мы хлещемъ и бьемъ,
а встрѣтимъ — берегись!
Срока намъ нѣтъ,
и съ обреченныхъ не снимемъ проклятья.
Сердце растравимъ:
будеть сердце биться
безвыходно,
безрадостно,
безнадежно.

Холодна зима —
бѣлый снѣгъ.

Не черные, не бѣлые,
тепломъ не повѣемъ,
мечемся, мечемъ печаль.
Острые зубы, цѣпкіе когти.
Свищемъ, горкуемъ, не знаемъ дороги.
Кому жизнь не красна, насъ зови
горевать свое горе —
горе не заплачетъ.

Холодна зима —
бѣлый снѣгъ.

А. РЕМИЗОВЪ

Не бѣлые, не черные —
 колянныя.
 Не боимся ни пытокъ, ни муки —
 сами пытаемъ.
 Нѣтъ непогоды на насъ,
 насъ не унять.
 Встрѣтимъ — бросимъ на горе,
 встрѣтимъ — разлучимъ,
 пустимъ по полю.
 Люди, вы люди — безлюдье,
 безудалое.

*
 Холодна зима —
 бѣлый снѣгъ.

*
 Какъ огонь, лютѣ огня,
 не дрогнемъ въ огнѣ.
 Разгонимъ невзгону, призаримъ,

Запоемъ въ три звонкихъ, въ три голоса,
 Заведемъ короводъ,
 полстимъ по приволью.
 Съ нами, Смерть —
 машеть костлявой, косовой рукой, —
 Стукъ-да-постукъ!
 властница смерть.
 Намъ своя воля гулять.

*
 Царствуетъ дѣдъ Корочунъ.

Въ бѣлой шубѣ, потряхивая бѣлыми лохмами, тряся
 сивой большой бородой, дѣдъ ударяетъ дубиною въ пенъ.

И звенять зюзи-морозы, скребутъ коготками, ажъ
 воздухъ трещить и ломается.

Снѣжные духи жалуются на Лѣсавку: она приютила
человѣчые отродье, нарушила ихъ хороводъ.

— Это она не даетъ намъ гулять!

Гнѣвнень дѣдь Корочунъ.

— Онъ коротитъ дни — и дней не видать, только ве-
черь и ночь: не попадайся!

— Непокорнаго палкой, такъ что сѣкнетъ на-двое кожа.

— На измѣнника семихвостая плетка, семь подхвостни-
ковъ: разъ хлестнетъ — семь рубцовъ, другой — четыр-
нацать.

4

Приоткрыта дверь землянки, выглядываетъ Лѣсавка-
ворогуша.

Лѣсавка заступается за Алалея и Лейлу.

— Оставь ихъ, — проситъ она дѣда, — твою силу нель-
зя пересмѣтить: тебѣ послушны и вѣтеръ и метель и буря.
А они одни, они отсюда — съ небесныхъ полей, странны и
непохожи, не тронь ихъ!

Хмурится дѣдь и идетъ —

Разсѣдаетъ земля отъ мороза.

Звенять зюзи-морозы.

Уносясь, снѣжные духи вьются и воютъ.

Вьюга валить — разворотила, нелегкая, дубья-колодыя,
хоронить дорогу.

Выходи — выходи —

будемъ пѣть, полетимъ на свободѣ!

У васъ свѣта нѣтъ —

Здѣсь огонь!

и, пылая, бѣлоснѣжные, вьемся безъ сна —

Выходи, выходи —

будемъ пѣть, сторимъ на синемъ огнѣ!

Всѣ, кто летаетъ,
 всѣ собирайтесь,
 снѣгомъ засыплемъ,
 вѣтромъ завѣемъ,
 умчимся далеко - далеко - далеко — —

5

Вспыхиваютъ звѣзды.
 Звѣздная крѣпкая ночь.
 Ясно и видно.
 Алалей и Лейла выходятъ изъ землянки.
 — Звѣзды—сестрицы!
 — Серебряныя.
 — Я буду звѣзды считать, Алалей.
 — Ты видишь, тянутся гуси: они несутъ стужу.
 — Небесные гуси. Какъ много!
 — Семизвѣздье.
 — — —
 — А твоя звѣзда, Лейла?
 — А вонъ, эта вонъ — самая серебряная.
 Звѣздная крѣпкая ночь.
 Лѣсавка слѣдомъ за ними.
 — Путь вашъ трудный, не близкій. Надо медвѣжью
 силу, волчьи зубы, соколиныя крылья, рыбью быстрь,
 рысьи когти, чтобы дойти до Моря-Океана. Заставы, за-
 торы. Страшной вѣдьмы Яги не миновать.
 И даетъ имъ гребень:
 — Бросишь гребень и станеть лѣсъ.
 Даетъ полотенце:
 — Бросишь полотенце, протечеть рѣка.
 Даетъ огниво:
 — Бросишь огниво — горы загорятся.
 Алалей и Лейла благодарятъ Лѣсавку за волшебный
 подарокъ.
 И по звѣздамъ идутъ въ свой незнаемый путь.

ВЕРТИМЫЙ ВЕЛИКЪ-ДЕНЬ

†

Зиму шли Алалей и Лейла по бѣлымъ дорогамъ. За-
ставы, заторы — трудень былъ путь.

Вотъ по синимъ проталинамъ съ первымъ вѣемъ весен-
нимъ завела ихъ дорога — не миновать! — заманила къ
себѣ Баба-Яга въ темную ночь огонькомъ-самоцвѣтомъ.

Баба-Яга — она, какъ мѣсяць, то старѣеть, то моло-
дѣеть.

Вчера она старая кваша и не посмотришь, а завтра по-
смотреть и сдѣлаетъ пьянымъ —

горька, какъ сажа,
сладка, какъ медь,
надменна, какъ вебрь,
извительна, какъ слѣпень.

— Разрываетъ оковы, что нитку, захочеть, скоропита
уйметъ, его ярое жало.

— Захочеть, суше вѣтра засушить, суше вихря, суше
подкошенной травы.

Коловертышь — подрушный Яги: трусикъ не трусикъ,
кургузый, съ просторнымъ обвислымъ зобомъ, подслѣ-
поватый.

— Въ зобъ собираетъ вѣдьмину добычу.

— А спать въ старой ступѣ — изъ ступы потому и тор-
читъ заячьимъ ухомъ залежаный войлокъ.

Коловертышь — стража Алалея и Лейлы.

— Безъ него ни на шагъ, безъ него не дыхни, — коло-
вертышь!

У Яги много всякихъ диковинъ :

мечъ-самосѣкъ,
топоръ-саморубъ,
палка-самобойка,
гусли-самогуды,
скатерть-самобранка,
шапка-невидимка.

У Яги много горницъ и тѣсныхъ клѣтушекъ.

— Есть горница — золото — со всѣхъ концовъ тащуть къ Ягѣ муравьи червонное золото.

— Есть горница — столъ — за столомъ сидятъ семеро, сини, синѣ котла, и всѣ, какъ одинъ, безъ головъ.

А въ другія закрытыя горницы не водилъ коловертышъ : небывалому страшно.

— Тамъ жарь, огни горять —

— Мигуны тамъ помигиваютъ.

— Свистуны тамъ посвистываютъ.

— Стукъ, брякотня, безурядица.

— Говоръ, гуль, шипъ —

— И покрикъ нежеланные.

Прижились у Яги два пріятеля, два лисатые — Гадъ и Дадъ, два наушника.

— Носъ крючкомъ, голова сучкомъ, брюшко ящичкомъ, а все само жилиное и толкачикомъ.

Такіе эти были Гадъ и Дадъ.

— Мороками бродятъ, все трогаютъ, все нюхаютъ.

— Подсматриваютъ, подслушиваютъ.

— А то въ игры свои играть примутся дикія : либо угощаютъ другъ дружку головой о лавку, либо въ окошко выбрасываются.

— Вихрастые, зубатые, страсть и взглянуть.

Такіе эти были Гадъ и Дадъ.

Приглянулся Ягѣ заревой Алалей.

Околдовала дикое сердце лисатыхъ бѣло-алая Лейла.

Вертимый великъ-день — праздникъ Ягиный.

Алалей и Лейла просятъ Ягу отпустить ихъ.

— Волчье время прошло, йтти намъ будетъ нестрашно.
Какими путями, не знаемъ, но мы дойдемъ до Моря-Океана.

— Мы дойдемъ до Моря-Океана. Тамъ наша доля.

Лейла беретъ за руку Алалей.

— Мы дойдемъ до Моря-Океана.

— Море-Океанъ! — захохотала Яга, — ни рыба тамъ не живетъ, ни птица не садится, а по ночамъ только синіе оуфы кунаются.

— Къ Морию-Океану никто еще путно не добирался. А если который и доберется, плохо приходилось. Затѣя пустая! — поддакиваютъ Ягѣ Гадъ съ Дадомъ

— И думать нечего.

Яга стоитъ на своемъ.

Еще бы: такъ Алалея она не отпустить!

А лисатымъ безъ Лейлы жизни не надо.

Яга сажаетъ Алалей рядомъ съ собой въ Скоропитовъ уголь.

Гадъ и Дадъ у трона Яги.

И съ ними Лейла.

А у ногъ Яги коловертыши.

2

Скоропитовъ уголь—скоропитовъ черепъ, вокругъ черепа ожерелье: сушенныя змѣи, кузнечики, песьи кости, ящерца, окулье перо, рога оленя.

— Вертимый великъ-день!

— По подземнымъ дорогамъ вышелъ Вындрикъ-звѣрь, отмыкаетъ ключи.

— По небеснымъ путямъ идетъ солнце на землю.

— Въ пѣдрахъ земли пробудился первоцвѣтъ, снеглазый.

— Воля лѣсу, полямъ и лугамъ.

Велитъ Яга коловертышу освободить Чучелу-чумичелу, держала его Яга зиму въ отдушникѣ.

— Чучела-чумичела! — выкликаеть коловертышъ Чучелу изъ отдушника.

Чучела—чумичела,
гороховая куличина,
подай челнокъ,
заметай шестокъ!

Изъ отдушника показывается мышинная головка.

— Чучела свернулъ себѣ шею въ отдушникѣ: мазался мышиною мазью, у него и выросла мышинная головка!

Покручивая мышинной головкой, вылѣзаетъ и самъ Чучела.

Радости Чучелы нѣтъ и конца: онъ ходитъ на головѣ и вывертываетъ всякіе выверты.

Радости Яги нѣтъ и конца: съ ней Алалей, зачаруетъ она Алалея — будетъ навѣки съ ней Алалей.

Яга даетъ Алалейю золотую цѣпь — на цѣпи семицвѣт-ный медвѣжій глазъ.

— Станетъ страшно, надѣнь и страха какъ не бывало. Тѣшитя Чучела.

Не отстаютъ за чумичелой въ острыхъ хохолкахъ пери и мери, шуды и луды — шуты и шутихи ягинные: спѣли-лись куцые ногами и руками, катаются клубкомъ, какъ гаденыши.

Не терпится Гаду и Даду: то-то бѣ показать имъ свое передъ Лейлюю. — всѣхъ заткнуть за поясъ.

3

На вертимый пиръ собираются гости.

Прибѣгаютъ кикиморы —

звонко тонкій звенить голосокъ.

А за ними Аука.

— Ау-ау!

— Тепла изба у Ауки — золотой мохъ.

— Круглый годъ вода отъ весенняго льда.

Помело лапа медвѣжья.

— Много знаетъ онъ сказокъ, колесомъ перевернется.

— И охочь поугать

— Ау-ау!

Съ свистомъ листьевъ осеннихъ въ кругѣ лѣса вокъ
идеть Лѣсовой —

шурша и свистя.

Съ ними Листинь-слѣпышка.

А вотъ и самъ Болибошка —

— Изъ-за озера, изъ-за черничнаго бора.

— Весь измодѣлый, востренькій носикъ, рукастый.

— Заведетъ онъ въ зыбель-болото, гдѣ самъ лѣшій
ощупью ходить.

— Не видали ли, гдѣ я сумку потерялъ? — Поищите!
— жалобно кличетъ.

— А сумки у него отродясь никакой и не было, это на-
рошно.

— Вотъ ты нагнешься искать, а онъ тутъ-какъ-тутъ.
да на шею къ тебѣ, да петлей и стянетъ.

— Не видали ль, гдѣ я сумку потерялъ? — Поищите!

Двѣнадцатиглазый Ховала —

плывмя плыветь.

— Любо ему душкою ночью полыхать каменнымъ гла-
зомъ въ тяжелыхъ склоненныхъ колосьяхъ.

Калечина скачетъ —

одна рука, одна нога, одинъ глазъ.

Не покличетъ ли кто Калечину
погадать о вечерѣ?

Упырь-царевичъ —

Болотняники съ огоньками —

Вѣдьма Рогана —

изъ-за дикой степи, ковылевая.

Вѣдьма Летавица —

въ чаровыхъ красныхъ сапожкахъ.

— Если у нея ихъ отнять, будетъ она для того человѣ-
ка все дѣлать, только бѣ вернуть.

— Они ей, что птицѣ легкое крылье.

Гадъ и Дадъ такъ и взарились на красные сапожки.

— Эхъ, стянуть бы да Лейлѣ подарокъ, вотъ такъ сапожки!

Вѣдьма Лобаста —

сть болота.

— Бѣлая, что заячій пухъ, не попадись: защекочетъ до смерти!

Вѣдьма Коца —

— Она на всѣ руки.

— Крадетъ языкъ.

вся въ языкахъ.

Какъ сукъ не ворочается,
какъ безымянному имени нѣтъ,
такъ и языкъ не ворочайся во рту —

— Скажетъ и станетъ нѣмымъ человекъ.

За вѣдьмами Нежить —

колыбаются сивыя космы.

— Нежить — безъ души, безъ обличья.

— То медвѣдемъ переступить, то утишитъ тише тихой скотины.

— То перскинетъ въ кустъ, то огнемъ прожигаетъ.

— То какъ старикъ сухоногій, то разудалымъ мальцомъ.

— И опять какъ доска — безъ души, безъ обличья.

А за Нежитомъ нежить и нечисть —

изъ трущобъ, пропастей и разсѣлинъ —

рѣчные, луговые, озерные,

домовые и домихи,

гуменные, листотрасы, корневые.

душляные, моховые, полевые,

чужаки, наброжіе,

обломъ, костоломъ, кожедеръ,

тяжкунъ, шатунъ, хитникъ.
 лядащикъ, голохвость,
 ярунъ, шыня, куреха.
 шандыръ-шентунъ и шентуха.

Одни пыжились, словно куры при сноскѣ — и топорились и тарацились.

Другіе въ припрыжку — и тряслись и качались —
 чернокровные, черномазые.
 захлыщевные, забубенные.
 игрунки, скакунки, хороходники.

Третьи тихіе, тихоногіе.

И подземные изъ глубинныхъ ямъ и норъ. изъ сырой
 холодной страны.

А за нечистью вѣметъ вѣдьмина дочка Зовутка.

Стала Зовутка —

звѣздою разсыпалась завивная коса.

И словно громомъ ударило.

Восхикала лебедью алая, раскинула крылья зарей —
 не угнать ее въ печь!

неугасимая, разжигаетъ, знобитъ она кровь. истомленное
 сердце.

Ей откликнулась нечисть.

Загудѣль — —

щелкъ и ахъ и ау!

Застрекоталъ стрекозой.

И попеть хороходъ, завергѣлся —

въ схватку.

стѣнкой.

кораблемъ.

противъ солнца.

посолонь

— Вступимъ въ кругъ, Алалей! — манить Яга.

Не идетъ.

Онъ одинъ — хороводъ раздѣлилъ его съ Лейлой — и глазами не можетъ найти.

— Лейла! Лейла!

— Лейла, съ нами! Пойдемъ въ хороводъ! — Гадъ и Дадъ неотступно.

— Алалей! — ищетъ Лейла.

— Лейла, хочешь, для тебя мы влѣземъ въ отдушникъ.

— Лейла, три зимы просидимъ.

— И пускай обмышатимъ.

— Пусть выростутъ у насъ мышинныя головки.

Вихры еще больше взвихрились.

А въ глазахъ — все готовы.

А въ голосѣ — слезы.

— Лейла! Лейла!

— Алалей, часъ насталъ — въ хороводъ!

Яга внѣ себя: что ей дѣлать, чѣмъ заставить, какъ привлечь къ себѣ Алалея —

изнобилась кровь, истомилось сердце.

— Алалей! — вдругъ воскликнула Лейлой Яга.

И бросивъ въ глаза Алалея спрыгъ-траву—цвѣтъ купальскій — отводитъ глаза.

И кукуя и клича, одна идетъ въ хороводъ.

Хороводъ завился, завертѣлся —

попылъ кораблемъ.

А изъ плавн вертимой въ хмельномъ хороводѣ всполыхнулось чаровое видѣніе.

4

Запалили костры —

. Кипятъ костры.

Изступленно, разрѣзая другъ друга, мечутся кровавыя сполохи — души казненныхъ и убитенныхъ.

На сине́мъ ледяно́мъ тронѣ Найнясь — повелитель
сполоховъ.

Передъ Найнясомъ пляшетъ Лейла — не Лейла, Яга!—
пляшетъ Лейла въ глазахъ Алалея.

— Лейла! Лейла!

И сердце отъ радости бьется — какъ тогда, въ корочу-
нову ночь, разлученный, онъ нашель ее —

Но —

— Бѣлая Лейла передъ кровавымъ Найнясомъ!

Не дышетъ, глазъ не спускаетъ, — и вѣритъ не вѣритъ.

Нѣтъ, это она — пляшетъ Лейла передъ кровавымъ
Найнясомъ : наливаются кровью сплошь глаза.

— Лейла! Лейла!

Все его сердце истерзано.

Обернувшись Лейлой, пляшетъ Яга —

то къ Найнясу, дразни Алалея,

то къ Алалею — всю душу измучила.

Алалей шагъ ступилъ и другой ступилъ —

— Алалей, Алалей ! — кличетъ Лейла.

Да ужъ гдѣ, не услышитъ.

— Вернись, Алалей !

Все ея сердце истерзано.

Вдругъ вспоминаетъ: накидываетъ на себя цѣпь съ
медвѣжьимъ глазомъ —

«Станетъ страшно, надѣнь и страха какъ не бывало!»

И безстрашно — черезъ плывъ хороводную — черезъ
гамъ, черезъ визгъ — къ Алалею.

— Алалей, я твоя Лейла ! — беретъ его за руку.

И какъ отъ сна Алалей:

тамъ не Лейла, тамъ Яга пляшетъ

и нѣтъ никакого Найняса,

здѣсь его Лейла.

И рука съ рукой — черезъ гамъ, черезъ визгъ — вопъ
изъ ягиной избушки.

А за ними и Гадъ и Дадъ.
 Что Лисатымъ съ Ягой?
 За Лейлой попользуть и въ огонь и въ воду

5

Все лежитъ въ лежку — измученное, истерзанное отъ
 утара неистоваго верченія.

Одна Яга пляшетъ.

Сама Яга пляшетъ — —

у! какою купальскою жутью завѣяна пляска.

Но гдѣ же Алалей?

— Алалей!

Яга остолбенѣла.

Оглянулась.

Спохватилась Яга — догадалась! — рветъ на себѣ свои
 золотыя дыбучія космы —

да къ ступѣ.

-- Просто мѣсто!

ЛѢСЪ — ВОДА — ОГОНЬ

1

Алалей и Лейла: въ рукахъ гребень, полотенце.
огниво.

За Алалеемъ и Лейлой — Гадъ и Дадъ.

А за Гадомъ и Дадомъ въ ступѣ Яга.

И съ ней нежить и нечисть — изъ труппобъ, пропастей,
изъ разсѣлинъ, рѣчные, луговые, озерные, домовые и дома-
хи, гуменные, листотрясы, корневые, душляные, моховые,
полевые, чужаки, наброжіе, обломъ, костоломъ, кождедерь,
тяжкунъ, шатунъ, хищникъ, лядащикъ, голохвость, ярунъ,
цпынья, куруха, шандырь-шентунъ и шептуха.

Еще одинъ махъ —

еще одинъ скокъ —

настигнетъ Яга.

— И позабыть имъ о Морѣ-Океанѣ.

— Ёдетъ, ёдетъ и близко! — полошатася Гадъ съ
Дадомъ.

Лейла подняла гребень:

стань лѣсъ непроходимъ.

чтобы не было птицѣ пролету.

звѣрю проходу.

Ягѣ проѣзду.

И бросила гребень —

и стала лѣсъ.

Мчится въ ступѣ Яга —
 Ягѣ застава.
 — Не пройти, не проѣхать.
 Тутъ кто съ чѣмъ —
 и грызуть и сѣкутъ и рубятъ.
 Расчищаютъ дорогу.
 А Яга какъ махнетъ помеломъ:
 — Пусто мѣсто!
 И нѣтъ, ничего —
 ушелъ лѣсъ подь землю.

Мчится Яга —
 И съ ней нежить и нечисть.
 Еще одинъ махъ —
 еще одинъ скокъ —
 настѣгнетъ Яга.
 — И позабудешь о Морѣ-Океанѣ.
 — Ёдетъ, ёдетъ и близко! — полошатся Гадъ съ
 Дадомъ.
 Лейла взмахнула полотенцемъ:
 стань рѣка широка,
 потопаи Бабу-Ягу,
 всю ягиную силу.

И бросила полотенце —
 и открылась рѣка — быстротечная рѣка.

Мчится въ ступѣ Яга —
 Ягѣ застава.
 — Не переплывешь, не перескочишь!

Хлебнула Яга изъ рѣчки, махнула помеломъ:

— Пусто мѣсто!

И нѣтъ ничего —

изсякла рѣка — одни пески.

Мчится Яга —

И съ ней нежить и нечисть.

Еще одинъ махъ —

еще одинъ скокъ —

настигнетъ Яга.

— И позабудешь о Морѣ-Океанѣ.

— Ёдетъ, ёдетъ и близко! — полошатася Гадъ съ Дадомъ.

Лейла подняла огниво:

стань, гора, до неба,
загорись огнемъ-жаромъ,
чтобы не было птицѣ пролету,
звѣрю проходу,
Ягѣ проваду.

И бросила огниво —

и поднялись огненные горы.

4

Мчится въ ступѣ Яга —

Ягѣ застава.

Горять горы, шпарить огнемъ.

Разсвирѣпѣла Яга—съ огнемъ не попутишь!—и рветъ и мечетъ.

— Пусто мѣсто!

И повернула назадъ къ своей ягиной избушкѣ.

И съ ней нежить и нечисть — изъ труппобъ, пропастей, изъ разсѣлинь, рѣчные, луговые, озерные, домовые и до-

михи, гуменные, листотрясы, корневые, дупляные, моховые, полевые, чужаки, наброжіе, обломъ, костоломъ, кожедеръ, тяжкунъ, шатулъ, хищникъ, лядащикъ, голохвость, ярунъ, шпынья, куреха, шапдырь-шептунъ и шептуха.

И былъ слышенъ ихъ свистъ за семижды семь перевертовъ.

5

Нѣтъ Яги, погасаютъ горы.

Гадъ и Дадъ отъ радости, — цѣлы остались и Лейла съ ними! — наскакивали другъ на дружку.

— Это мы васъ спасли, — хвастали они Алалею и Лейлѣ, — не будь насъ, попали бъ въ лапы Ягѣ, не сдобровать!

— Мы переходящіе люди, мы бродимъ по свѣту отъ дерева до дерева, отъ камня до камня, мы идемъ за своей долей — къ Морю-Океану. Гдѣ лежитъ Море-Океанъ?

— Да отсюда рукой подать.

— За медвѣжьей берлогой.

— Вотъ хорошо! значить, скоро.

— Намъ всѣ дороги извѣстны: и къ Морю-Океану и за Море-Океанъ, куда никогда еще никто не проникалъ.

— Мы васъ доведемъ прямехонько.

И весело за Гадомъ и Дадомъ идутъ Алалей и Лейла въ свой послѣдній нетрудный путь.

ВЕСНЯНКА

1

На лѣсную весеннюю поляну слетѣлись лужанки —
золотыя кудряты ихъ кудри.

На полянѣ, на теплой вечерней зарѣ пѣжится сама Ко-
строма.

Лужанки заводять игру —
Величаютъ Кострому пѣсней.

.

Гаснетъ красный вечерній край неба.

Улетѣли лужанки купаться въ полою водѣ.

Убѣжала Костромушка къ ключику испить ключевой
воды.

Вышелъ мѣсяць и тихо поплыль —

Алалей и Лейла одни.

Держатся крѣпко — рука съ рукой.

Страшно и глухо, заказано мѣсто — зарочна поляна.

— Лѣсовикъ, лѣсовикъ, на тебѣ колокольчикъ, ты изъ
лѣса, мы въ лѣсъ !

Валежникъ и листьа хрустятъ.

Гадъ и Дадъ, пропадавшіе, опять нагоняють.

— Замыслили лисатые неладно.

— Выведуть они Алалей и Лейлу да совѣмъ не на ту
дорогу, а совѣмъ на другую.

— Не къ Морю-Океану, а въ свое лѣсное гнѣздо.

— Тамъ изведутъ они Алалей, а Лейлу у себя оставятъ
— въ гнѣздѣ.

Мѣсяць низко опустиль рога.
Нѣтъ, не до сна въ весеннюю ночь.
Закружило —

все манится.

Какъ хороша весенняя ночь!
Гадъ и Дадъ усѣлись подъ березу, заиграли на дудочкахъ.

Ясный Яръ отомкнулъ землю,
огненный, разбудилъ черную землю,
пришелъ май съ ясными днями,
поднялъ и слилъ яроводье.
И текутъ безумно гульливья рѣки —

Гуляй, поколь воля!

Днемъ и ночью заливаются—свищуть
пѣвчія птицы,
перелетныя, не обошли, не забыли
наши края.

Гуляй, поколь воля!

Падаютъ алой зарей тихія росы,
рано солнце играетъ,
соловьиные дни —

Гуляй, поколь воля!

Ночь обьмаетъ,
ночь загорѣлась,
затянули на буйвищахъ пѣсню,
вѣетъ съ жалъниковъ медомъ
и сыченной брагой —
разъярсилась пѣсня

Гуляй, поколь воля!

Тамъ за рѣкой старики стали
 въ кругъ,
 трогають землю :
 пусть провѣщаетъ Судина
 долю ярому сердцу !
 И жеребья кипуты —

Гулай, поколь воля !

Слышитъ ярое сердце,
 похолодѣло :
 рѣзвый жеребій выпаль —
 злая доля досталась
 ярому сердцу

Древяницы и травяницы, слышавъ весеннюю ду-
 дочку, вышли изъ травъ и дсревьевъ.
 И томнують по лугу.
 Глухо и грустно запумѣло въ лѣсу.

3

А тамъ росяники тихо серебромъ повисають.
 Древяницы и травяницы томнують.
 И Лейла, томная, тихо напѣваетъ колыбельную пѣсню.

Гадъ и Дадъ зачарованы пѣсней, сладко заснули.
 И снится имъ Лейла —

въ чаровныхъ красныхъ сапожкахъ.
 А займетса заря, проснутса, —
 Лейлы и нѣтъ !

И пойдуть одпи въ свое лѣсное гнѣздо.
 Или пусть никогда бѣ не проснутса !
 Древяницы и травяницы заняли всю поляну, заклика-
 ютъ въ своей хороводѣ.

Зеленый поплыль хороводъ — —

Къ намъ !
 торопитесь весенніе вѣтры !
 Грачи прилетѣли,
 пробилъ ледъ щука,
 вскрылись рѣки — текутъ говорливыя,
 и распушилася верба.

Эй, ты — весна !
 Ой, лелю, ой, лелю, весна !

Ужъ прошумѣли грозолетныя тучи,
 неразгонныя, дождемъ пролились
 студеницы,
 и ударило молотомъ въ камень —
 въ зеленый дубъ
 прямо подь корень.
 Эй, ты — весна !
 Ой, лелю, ой, лелю, весна !

По теплому небу алымъ развоемъ
 наливается роза-заря.
 Алыи вечеръ угасъ,
 темная Стрига тьму собираеть
 для ночи.
 Ночь кипить —
 распущены темныя косы.
 а куда ни взглянешь —
 звѣзды.
 Но моя душа полнѣй печали

Эй, ты — весна !
 Ой, лелю, ой, лелю, весна !

Къ намъ !
 торопитесь веселніе вѣтры !
 Ужь восходитъ изъ пѣдръ ночи
 красное солнце,
 разрываются тяжкія цѣпи —
 низвергается Стрига.
 И несутся весенніе вѣтры
 изъ вѣчнаго лѣта,
 несутъ, колыхая, на крыльяхъ
 сѣмена лѣсу и полю,
 а сердцу — любовь.
 И навѣвають горячую
 въ сердце.

Хороводъ вѣнчаетъ Алалея и Лейлу весеннимъ
 гѣнкомъ.

5

Идетъ Мара-Марена —
 изнимаетъ тоскою дорогу.
 Кукуетъ тихо и грустно,
 Клокочетъ кипучій ключъ.
 Шумятъ на шатучей осинѣ листья безъ вѣтра
 Завился хороводъ —
 вьется, какъ хмель.
 — Скоро, скоро забрежжитъ, легкой вѣтеръ ужъ вѣетъ !
 — Тамъ Моряна волны колышетъ.
 — И ровно колоколо бьетъ, море.
 — Непокорное, неробѣянное Море-Океанъ.
 Мара-Марена съ полпути оглянулась —
 заглядѣлись печальныя очи.
 И далеко звѣздой яросвѣтила.
 Алалей и Лейла выходятъ изъ хоровода.
 И идутъ по звѣздѣ —
 Росяники серебромъ повисають.
 Древяницы и травяницы, расплетаясь, томнуютъ.

Э П И Л О Г Ъ

1

Тихо идутъ по послѣдней тропинкѣ —
 Наречница, присудившая счастливую долю, звѣздою
 гедетъ Алалея и Лейлу.

По лунному ягелю поднялись они на вершину скалы.

Запимаясь, заря осыпается розами въ море.

— Море-Океанъ !

Туть найдутъ они свою долю.

Туть исполнится зарокъ любви.

— Я свяжу вашу нить съ нитью счастливой доли, я
 скую ее съ вашей, сварю ее съ вашей нераздѣльно въ одной
 брачной долѣ на вѣкъ.

И волшебною нитью Наречница вяжетъ руки.

2

— Алалей !

— Лейла !

Алалей горячо обнялъ Лейлу.

Такъ крылатое красное солнце обнимаетъ бѣлокрылую
 землю.

И сквозь зарю — зарѣе зари — ударило солнце —

Упали тяжкія цѣпи,
 низвергается темная Стрига,

— Златорукое, возносить руки надъ міромъ.

— Зарное, нѣтъ ему облака, чтобы закрыться.

— Золотымъ просомъ разсыпаетъ лучи.

— Захватить всю землю.

Радуйся, солнце,
цвѣтъ крылатый!

Бѣлокрылая путь-дорога — надземная — открывается
въ выси.

И легко, какъ на крыльяхъ, рука съ рукой ступаютъ
по ней Алалей и Лейла.

— Шумѣло море, какъ гусли —

— Со звономъ половодья звонко по литымъ серебря-
нымъ струнамъ била волна —

— Вѣжала говорливая, несла счастливую долю.

Радуйся, солнце!

Алексѣй Ремизовъ

Н. Н. БУРОВЪ И ЕГО НАСТРОЕНІЯ.

О-хохо-хопюпки!
Случно жить Афонюшкѣ,
На чужой сторонупшкѣ.
(Народная пѣсня).

— Николай Николаевичъ, можно вамъ теперь сказать два слова?..

Круглые часы надъ дверью конторы пробили шесть. Николай Николаевичъ Буровъ строго оглянулся на нихъ. снялъ очки, положилъ въ ящикъ бюро конторскія книги, шелкнулъ ключемъ, подошелъ къ стоячей въ углу вѣшалкѣ, надѣлъ канотье низко, на лобъ, взялъ зонть, и сухо, почти не шевеля губами прямого, твердаго рта, сказалъ Людмилѣ Ивановнѣ:

— Къ вашимъ услугамъ.

Людмила Ивановна стояла у своего стола, опустивъ голову. На ней была шапочка съ большимъ, муаровымъ, пыльнымъ бантомъ, и синій, старый жакетикъ. Слабая и узкая кисть ея руки сжимала, видимо изо всей силы, ремешокъ дешевенькой сумочки. Буровъ нахмурился, приотворилъ дверь въ кабинетъ хозяина конторы, Вячеслава Іосифовича, и сказалъ ему, что онъ и Людмила Ивановна уходятъ.

Вячеславъ Іосифовичъ сидѣлъ у дубоваго стола и, навалившись всѣмъ костлявымъ тѣломъ на локоть, прижималъ къ уху телефонную трубку. Стоячіе, похожіе на по-

ловикъ у наружныхъ дверей, рыжіе волосы его двигались надъ низецкимъ лбомъ, лихорадочныя пятна проступали на его скулахъ, почти прикрывающихъ глаза. Быстрой и страшной гримасой британго лица онъ изобразилъ привѣтливую улыбку, и сейчасъ же, захлебываясь, заговорилъ въ трубку:

— Ну, что, — прочли?.. Ну, да, лондонскія, трехчасовыя, съ аэропочтой... Революція чистый блефъ... Я говорю, что валюта...

Буровъ вышелъ на лѣстничную площадку и приостановился. Людмила Ивановна, сразу задохнувшись, сказала ему:

— Вы меня поймите, Николай Николаевичъ.. Вы поймите, что женщина не можетъ этого говорить...

Буровъ, поджавъ губы, взглянулъ на пляшущую въ рукѣ Людмилы Ивановны сумочку:—Пойдемте, всетаки,— сказалъ онъ, и они стали спускаться по деревянной, винтовой лѣстницѣ, — Буровъ — у стѣны, Людмила Ивановна — придерживаясь за перила. На площадкѣ, ниже этажемъ, она остановилась. Зрачки ея синеватыхъ глазъ въ волненіи, почти въ отчаяніи, торопливо искали хотя бы черточки участія на неподвижномъ, рѣзко-блѣдномъ лицѣ Николая Николаевича. Темные усы закрывали ему ротъ, и все же было видно, какъ губы его сжаты упрямо и брезгливо. У Людмилы Ивановны сразу озябли руки:

— Вы знаете, какъ я теперь одинока, — сказала она. — почему вы молчите?.. Николай Николаевичъ, вы не замѣчаете — вы цѣлыми днями молчите... Я не могу больше... Ради Бога...

— Я отишусь къ вамъ хорошо, Людмила Ивановна...

— Нѣтъ, нѣтъ,—крикнула она, сейчасъ же испуганно оглянулась и зашептала,—эти двѣ педѣли вы не сказали со мной ни слова... Что я вамъ сдѣлала?.. Вы меня точно каменной плитой придавили...

— Видите ли, Людмила Ивановна...

— Вижу, вижу... Вы всегда были добры со мной.. Теперь я особенно ждала... Ахъ, я ничего не ждала... Мнѣ

такъ мало нужно... Но, Господи, у меня же никого нѣтъ. Вы все думаете — я навязываюсь... Ну, что же я сдѣлаю... Вѣдь такъ, какъ это время вы со мной обращаетесь, — лучше смерть... Я знаю, что эрть разговоръ будетъ ужасный... Я вижу это!..

Она совсѣмъ запуталась. Взялась, для чего то, обѣими руками за шапочку и надвинула ее глубже... Буровъ глядѣлъ себѣ подъ ноги, только брови его сильно поднялись.

— Это все, что вы мнѣ хотѣли сказать?—спросилъ онъ, понимая, что сейчасъ будетъ. Людмила Ивановна коротко, глубоко вздохнула, даже голову откинула, и сейчасъ же пошла по лѣстницѣ внизъ. Она была худенькая и честная. Ея тоненькія ноги ступали прямо, юбка смялась отъ сидѣнія весь день за машинкой въ конторѣ. Въ особенности со спины сейчасъ Людмила Ивановна казалась пропозительно одинокой. Буровъ крѣпко держался за перила. Когда она скрылась, онъ подхватилъ лѣвой рукой портфель и сталъ спускаться на улицу...

...Въ этотъ часъ Итальянскій бульваръ былъ шуменъ и многолюденъ. Изъ магазиновъ и конторъ выходили служащіе, и тѣсной и шумной толпой двигались по широкому тротуару. Шло множество женщинъ. Однѣ на ходу пудрили носъ и щеки, смотрясь въ крошечныя зеркальца, — напудривъ, становились кране вдвое; иныя, найдя въ толпѣ поджидавшаго друга, касались уголкомъ губъ щеки его, — начинали птичій разговоръ; иныя шли, какъ неживыя, съ пустыми глазами, съ усталыми, длинными лицами; стайка подростковъ, одѣтыхъ, какъ попало, толкалась въ этомъ потокѣ, хохоча во все горло. Шли молодые люди съ прощаванными усиками, въ перетянутыхъ поженски пиджачкахъ. Вотъ, длинный, деревенскій паренъ въ ливреѣ, одурѣвъ отъ шума и множества женщинъ, шагаль, вытягивая шею изъ гугаперчеваго воротника; увидѣвъ его, подростки умерли со смѣху. Спѣшили съ набитымъ портфелемъ толстакъ, въ раздувающейся визиткѣ, на него наскочили друтой, — оба заговорили, надуваясь, поднимая локти. Негритенокъ съ коровьими губами, въ красной шапочкѣ, тащаль поло-

сатую картонку. У стѣны юноша съ перекошениымъ лицомъ грызъ ноготь. Падали съ грохотомъ желѣзныя шторы на окнахъ. Сплошной потокъ автомобилей двигался съ ревомъ и грохотомъ, удушаль прогорклымъ, какъ потъ, перегаромъ бензина. Подъ ногами шуршали обрывки газетъ, стояла тонкая пыль. Небо было блѣдное и тоже пыльное. Высокіе платаны, сожженные солнцемъ, простирали вдоль пепельныхъ стѣн голыя сучья. Со скрипомъ поднимались надъ кофейными огромныя маркизы. Надъ любителями аперитивовъ, надъ столиками, надъ цыганцами воздухъ былъ тяжелъ отъ запаха пота, духовъ и алкоголя.

Буровъ медленно шелъ въ толпѣ, и съ перегорѣвшимъ уже, спокойнымъ отчаяніемъ глядѣлъ на мелькающія мимо него лица, лица, взгляды, оскалы зубовъ, на плывущіе впереди него коленыя, волосатыя, лысыя, самодовольныя, унылыя, чужіе, чужіе затылки. Эта пестрота и шумъ бульвара были какъ галлюцинація. Николай Николаевичъ, словно очерченный магическимъ кругомъ, за который не проникла жизнь, брезгливо таскалъ свое ненужное тѣло, въ шляпѣ, надвинутой на брови, въ черномъ, люстриновомъ пиджакѣ, въ коричневыхъ штанахъ изъ парусины...

...Полъ года тому назадъ онъ такъ же вотъ шелъ по этому бульвару вмѣстѣ съ Людмилой Ивановной, только что тогда поступившей въ контору. Январскій вечеръ былъ тихъ и тепелъ. Въ лужахъ дрожалъ миллионъ огней. Буровъ говорилъ: «Вернемся въ Россію новыми людьми, — пострадались, научились многому... Видите — бѣгутъ домой: — веселые, усталые, — бѣгутъ каждый въ свой домъ... Богъ дастъ и мы съ вами скоро увидимъ свой домъ, свое окошечко на улицу, свое солнце надъ крышей... Нужно научиться ждать... Какъ жаль, что мы не унесли съ собой горсточку земли въ платочкѣ... Я бы клалъ ее на ночь подъ подушку... Какъ я завидую, какъ я завидую этимъ прохожимъ»...

Тогда онъ съ первыхъ же дней очень полюбилъ Людмилу Иванову. Она попала въ Парижъ, какъ перелетная птица: — уѣхала изъ Москвы въ Харьковъ къ сестрѣ въ 17 го-

ду, — такъ ее и несло вѣтромъ. Здѣсь она тосковала по Москвѣ, по роднымъ, по домику на церковномъ дворѣ между вторымъ и третьимъ Николо-Песковскимъ переулками. Въ особенности, Николая Николаевича трогала ея доверчивость къ нему, хотя она знала про него только то, что живетъ онъ здѣсь одиоко и бѣдно, что у него въ Россіи гдѣ то остались жена и дочь, что сынъ его убитъ въ Крыму.

Людмила Ивановна была застѣнчива и пемного безтолкова, — Бурову не разъ приходилось заступаться за нее передъ хозяиномъ конторы. Однажды случился пустякъ: Вячеславъ Юсифовичъ, ни съ того ни съ сего, подарилъ ей коробку конфектъ. Людмила Ивановна отъ удовольствія покраснѣла, но Буровъ помрачнѣлъ и разсердился. Весь день онъ былъ съ ней сухъ, и выходя изъ контры сказалъ: «Дѣло, конечно, ваше, но подарковъ отъ этого господина я бы принимать не сталъ... Прощайте, мнѣ на-лѣво»...

У Людмилы Ивановны дрогнуло сердце отъ испуга и радости. Дома, лежа въ постели, она плакала въ этотъ вечеръ. Она думала: — «Ну, что же, онъ хорошій человекъ... падо было этого ожидать... Женать... а гдѣ его жена? Господи, Господи, а гдѣ мои родные, — живы ли?.. Полюблю его конечно... Вернемся въ Россію... ахъ, тамъ — будетъ, что будетъ!.. Тамъ всѣ другъ другу простимъ»...

На слѣдующій день она стала ждать продолженія разговора со стороны Николая Николаевича, волновалась, когда онъ къ ней подходилъ съ дѣловымъ какимъ нибудь вопросомъ, но о вчерашнемъ онъ такъ и не заговорилъ. Она обидѣлась. Потомъ подумала, и опять стала ждать. Буровъ молчалъ. Прежняя дружеская простота въ ихъ отношеніяхъ нарушилась. Все это было непріятно и обидно. Людмила Ивановна раздражалась, и сама уже теперь не замѣчала, что думаетъ о Николаѣ Николаевичѣ цѣлыми днями.

Лѣтомъ Буровъ взялъ отпускъ и уѣхалъ изъ Парижа. Людмитъ Ивановнѣ было очень грустно въ отсутствіемъ

городѣ. Люди, какъ птицы, всѣ кто могъ, разлѣтълись, — кто на море, кто въ горы, кто въ деревню. По всей набережной Сены сидѣли рыболовы съ длинными удочками, — цѣлыми днями глядѣли на поплавки. На набережной, на мостахъ, на скамейкахъ дремали странная, Богъ знаетъ изъ какихъ угловъ вылѣзшая, личности. Въ мглистой городской пылью, душевные вечера было одиноко и тоскливо до слезъ.

Изъ Россіи этимъ лѣтомъ стали приходять страшныя вѣсти, — совсѣмъ, какъ передъ Страшнымъ Судомъ: — высыхали источники воды, треснула земля, брань, голодъ, морь, саранча изничтожали Россію. Людмила Ивановна каждый вечеръ съ горечью и тоской горичо молилась за родныхъ и за Россію, — все, чѣмъ могла она помочь. Иногда думала: — а вдругъ родныхъ уже нѣтъ на свѣтѣ и она любитъ и молится за мертвыхъ, какъ за живыхъ... Молясь за Россію, она силилась представить, что тамъ сейчасъ, и молилась всегда за одно и то же: — за какую то пустую, среди тусклага поля, маленькую желѣзнодорожную станцію съ выбитыми окошками.

Въ концѣ лѣта Буровъ появился въ конторѣ. Онъ очень осунулся, пожелтѣлъ, сталъ будто камешный. Онъ сказалъ, что ѣздилъ въ Финляндію, хотѣлъ пробраться въ Россію, но Россіи больше нѣтъ, а есть кладбище и страшные люди, не похожіе уже больше на людей, — всѣ сопли съ ума... Онъ привезъ Людмилѣ Ивановнѣ письмо отъ ея давнишней подруги, перебѣжавшей границу... Въ письмѣ было написано очень просто, чернильнымъ карандашемъ: ... «ты уже знаешь, очевидно, что бѣдная Марья Андреевна (матушка Людмилы Ивановны) умерла въ прошломъ году отъ воспаленія легкихъ, а гдѣ Митя (братъ Людмилы Ивановны) — никто не знаетъ»... Людмила Ивановна положила около пишущей машинки на столъ руки. опустила въ нихъ лицо и темное отчаяніе нашло на нее. Ей было такъ темно, тяжело и больно, что она не шевелилась. молчала. Буровъ побарабанилъ о край стола пальцами. потомъ кашлянулъ и сѣлъ на свое мѣсто.

На слѣдующій день, въ воскресенье, онъ зашелъ къ Людмилѣ Ивановнѣ. Она лежала одѣтая на постели. Глаза у нея покраснѣли и припухли, лицо осунулось, — выяснилось, что она ничего не ѣла со вчерашняго дня. Буровъ былъ добръ съ ней и, видимо, расторганъ. Онъ сходилъ, купилъ салату, яиць, хлѣба, вина, — накормилъ Людмилу Ивановну и настоялъ, чтобы она вышла съ нимъ на воздухъ.

Молча и, не спѣша, они шли по Марсову полю. Солнце садилось въ пыльную, тусклую мглу за страннымъ очертаніемъ Трокадеро. Воскресная толпа, все семейные, небогатые люди, молчаливые и не веселые, шли по домамъ. Мужчины несли на рукахъ маленькихъ дѣтей, заснувшихъ отъ усталости и духоты. Женщины, одѣтыя по праздничному, устало и равнодушно держали подъ руку мужей. У края газона старая старушка въ соломенной шляпѣ, какія надѣваютъ на лошадей, продавала орѣшки-какауэтъ, завернутые въ фунтики газетной бумаги. Иные изъ гулявшихъ останавливались и глядѣли на сквозную, до облаковъ, Эйфелеву башню — наверху ея лѣтливо развѣвался отъ лѣтняго вѣтра трехцвѣтный флагъ. Людмила Ивановна устала и присѣла на скамьѣ подъ нѣжно-зеленой, плакучей ивой у маленькаго озерца, — въ красноватой, темной водѣ его отражалась переилетчатая нога башни. Грустиѣ этого вечера и тише не было въ жизни Людмилы Ивановны.

Но на этомъ и окончилась забота и нѣжность къ ней Николая Николаевича. На слѣдующій день онъ пришелъ на службу угрюмѣ прежняго. Все, что хотѣла сказать ему Людмила Ивановна, — а она за этимъ и шла въ контору — поблагодарить его за вчерашнее, — застряло у нея въ горлѣ. Буровъ исполнилъ свой долгъ и опять задвинулся каменной крышкой.

Людмила Ивановна пыталась заговаривать съ нимъ о его настроеніи, — онъ пожималъ плечами: — «На какомъ основаніи я долженъ веселиться, прыгать?.. Основанія не вижу»... По безтолковости, однажды, она наговорила ему обидныхъ словъ о томъ, что онъ думаетъ только о себѣ. —

женщина можетъ умереть — онъ даже не удосужится оглянуться, и о томъ, что лучше бы онъ тогда къ ней не приходилъ, не утѣшалъ. Буровъ выслушалъ эти упреки молча, и она въ первый разъ увидала у него, полуприкрытую темными усами, брезгливую и злую усмѣшку. Съ этого дня ихъ отношенія совсѣмъ испортились: Буровъ говорилъ съ ней сквозь зубы, она совсѣмъ рѣшила ему не отвѣчать. Кончилось это сегодняшнимъ разговоромъ на лѣстничной площадкѣ...

...Но Людмила Ивановна ошибалась: Буровъ не былъ такъ равнодушенъ къ ея словамъ, какъ ей въ обидѣ показалось, — онъ едва удержался тамъ, на лѣстничной площадкѣ, чтобы не закричать отъ отчаянiя и боли. Сейчасъ, идя въ толпѣ, онъ повторялъ:

«Мало всего, такъ еще и это прибавилось»...

Онъ спустился въ гудящiе народомъ, прохладные, съ мыльнымъ запахомъ коридоры подземной дороги; стоялъ со всѣхъ сторонъ прижатый въ душномъ, свѣтломъ вагонѣ, бѣшено летящемъ по сѣрымъ подземельямъ; вышелъ вмѣстѣ съ потокомъ людей изъ подъ земли на бульваръ (въ небѣ раскинуты были красныя, какъ семга, перья облаковъ); дойдя до дома, пожелалъ добраго вечера консьержкѣ, которая сидѣла съ больной таксой на колѣняхъ, у дверей; поднялся къ себѣ въ комнату, бросилъ портфель на кровать и сѣлъ у окна. Накопецъ, день былъ оконченъ. Въ вискахъ послѣ подъема на лѣстницу стучала кровь. Волоча на каждой ногѣ по жернову, протащился Буровъ еще и черезъ этотъ день, отсверкавшiй и отшумѣвшiй, какъ длинный, томительный бредъ. Здѣсь у раскрытаго отъ полу до потолка окна, у желѣзной рѣшетки оконнаго балкона, повисшей въ голубоватыхъ сумеркахъ надъ глубокой улицей, было легче. Отсюда было ближе къ покою, или къ смерти...

...Со смертью у Бурова были сложные счеты. Было время, когда опьяняясь шумомъ битвы, вдыхая запахъ разрытой земли, дыму и крови, онъ по звѣриному наслаждался

борьбой со смертью. Глупѣйшее было время. Затѣмъ, онъ утомился за тысячу дней и ночей этими неотступными думами о смерти, и сталъ бояться ея: она казалась ему противуестественнымъ, мгновеннымъ, бессмысленнымъ превращеніемъ цѣлой вселенной, включенной въ коробкѣ его черепа, въ кучу падали. Смерть была трупной, изумрудной мухой съ подернутыми пылью, всевидящими глазами. Затѣмъ, было время, когда Буровъ жилъ однимъ чувствомъ. — дѣйственной, скупившейся ненавистью: въ эти года междоусобной войны онъ самъ былъ этой глазастой мухой. Въ мутной мглѣ этого прошлаго, въ одуре бессонницы, кипящихъ вшей и ягучаго алкоголя, — онъ помнилъ до сихъ поръ, какъ на желѣзнодорожныхъ путяхъ стояли три красные солдата, рослые мужики, одинъ былъ голый до пояса, у него на широкой, какъ дѣвичья, бѣлой груди темлѣли два горичневыхъ кружка сосцовъ. Буровъ шелъ мимо мѣста казни, спотыкаясь о ржавые рельсы. Онъ запомнилъ, что всѣ трое молча и внимательно глядѣли на руки стоявшаго передъ ними офицера, — у него въ винтовкѣ заѣлъ затворъ. Но вотъ онъ справился, отступилъ, поднялъ винтовку и, должно быть, тоже увидѣлъ эти соски...

И вотъ, наконецъ, у этого окна, въ сумеркахъ, Буровъ думаетъ, что лучшій часъ его будетъ часомъ освобожденія отъ невыносимой болѣе жизни: — вѣчный сонъ, покой, столь темный и столь глубокій, какъ безкопечная, ледяная бездна вселенной...

...Буровъ вытащилъ изъ кармана пиджака, купленную на бульварѣ, газету и развернулъ ее на страницѣ «извѣстій послѣдняго часа»: — все было тоже, — бессмыслица, злоба. трупы, трупы, трупы, вопли отчаянія...

— Да, проговорилъ онъ про себя, — да, да... Пройдетъ два, три года, — вымрутъ остатки... Придутъ иностранцы, разселятся по зеленому кладбищу... У папуаса — свой собственный шалашъ. А у меня — нѣтъ. Россіи — нѣтъ. Конечно. А вотъ, всетаки. — живу, сижу» . . .

Буровъ опустилъ на полъ газету, свернулъ изъ чернаго табаку папиросу, закурилъ, и глядѣлъ, какъ за окномъ въ тусклѣющей мглѣ таяли, растворялись очертанія города.

— Все это очень просто: — земля — безконечно малая величина во вселенной, человекъ — безконечно малая величина на землѣ, — какіе же съ нимъ могутъ быть счеты? Подъ микроскопомъ все человечество — просто плѣсень, грибная туманность... Вотъ, они тамъ и не церемонятся... А убить себя, вѣсело, не могу... Чортъ знаетъ что такое... Не могу, поди же ты...

Буровъ поднялся, чтобы вскипятить воду. Налилъ изъ подъ крана чайникъ, зажегъ газъ и опять сѣлъ къ окну.

— Удивительно, удивительно: — цѣпляться, жить... Здравствуйте Владиславъ Иосифовичъ, какъ сегодня ваше здоровье?.. Право, я бы совѣтовалъ вамъ обратить серьезное вниманіе на желудокъ... Кстати Владиславъ Иосифовичъ, вы не могли бы мнѣ въ счетъ жалованья...

Крышка на чайникѣ начала подпрыгивать. Буровъ заварилъ чаю, отломалъ отъ длинной, какъ дубина, булки кусокъ, и, стоя у стола, ѣлъ и прихлебывалъ.

— Тридцать чашекъ въ мѣсяць... Тамъ въ мѣсяць, въ среднемъ, умираетъ три милліона душъ собачьей смертью: — по сто тысячъ душъ на каждую мою чашку... По сто тысячъ душъ проглатываю ежедневно... Какая ерунда!..

Онъ швырнулъ недоѣденный хлѣбъ въ корзину, и въ третій разъ вернулся къ окну.

— Предположимъ, французы выберутъ меня президентомъ Французской республики... Французы! — всё на спасеніе братьевъ вашихъ!... Маленькія дѣти лежатъ у дорогъ, на сухой землѣ... ручки и ножки у нихъ, какъ спичечки... они же не виноваты... Вымираетъ цѣлая раса... Да... Не выберутъ, вѣдь, подлецы, президентомъ... Какое мнѣ дѣло... Спассти никакого не могу... Измѣнить ничего не могу... Перепахнуть черезъ рѣшетку... и — въ темноту, во вѣки вѣковъ, — не могу... Какъ это странно... не могу...

Буровъ перегнулся черезъ рѣшетку. Туманъ и сумракъ были такъ густы теперъ, что не видно было мостовой, и газовые фонари висѣли въ этой мглѣ, надвинувшейся съ далекаго моря, мутными сіяніями... Съ необыкновенной ясностью Буровъ почувствовалъ, что это,—переходъ въ ледяную темпоту, — будетъ, именно, сегодня.

Онъ быстро отошелъ отъ окна:

— Итакъ, что же можетъ еще удерживать?.. Обязанности? Семь лѣтъ жилъ обязанностями, могу на нѣсколько секундъ располагать собой... Что будетъ послѣ прыжка? ничего страшнаго: будетъ рѣзкій ударъ, смертная боль, ну. — пять секундъ... Потомъ?.. Вотъ, именно, это «потомъ» — неизвѣстно, замалчиво, засасывающе... Здѣсь — все извѣстно, тамъ — если даже тамъ — ничего: — прекрасно... Что же, всетаки, удерживаетъ?.. Не понимаю...

Буровъ остановился у стѣны, сжалъ ладонью лобъ. Онъ давно уже чувствовалъ, что какая то ниточка привязываетъ его опустѣвшее, полумертвое сознание... Вотъ и сегодня: — все давнымъ давно было пережито, — и отчаяніе и бѣшенная злоба на тѣхъ вивисекторовъ, научныхъ изслѣдователей, учениковъ Великаго Инквизитора, и омерзение къ себѣ, и твердое рѣшеніе прыгнуть изъ этой чужой, пестрой жизни въ таинственную бездну... Эту бездну онъ не разъ въ бессонныя ночи разыскивалъ среди звѣзднаго неба: — это была «угольная яма», черное мѣсто безъ единой звѣзды, провалъ въ вѣчную тьму... Все было рѣшено... А сегодня — снова оглядки. Такъ... что же это, — трусость? Нѣтъ...

— Проклинаю тѣхъ, кто возненавидѣлъ жизнь и задушилъ мою родину душнымъ и мертвымъ бредомъ... Фантазеры... Мечтатели... А я — лучше ихъ? Что я дѣлаю, — тоже — бредъ, бредъ, бредъ... Какія то проклятыя, мертвыя мысли. — Это Буровъ проговорилъ вполголоса. Затѣмъ, онъ долго стоялъ у стѣны. Глаза его были открыты. руки висѣли вдоль тѣла. Онъ затихъ и думалъ

И, вотъ, наконецъ, нестерпимая, пронзительная жалость къ муаровому, дешевенькому банту, къ худенькой

спинѣ, все ниже и ниже давеча уходившей по лѣстницѣ, живая, стиснувшая ему горло, жалость съ такой силой овладѣла имъ, что онъ почти задохнулся. Онъ отыскалъ въ темнотѣ шляпу и вышелъ на улицу. Плохонькій отель, гдѣ жила Людмила Ивановна, былъ неподалеку. Парадная дверь была открыта. Буровъ забѣжалъ на третій этажъ. У него дрожала челюсть отъ страха: онъ былъ почти увѣренъ, что «Людмила Ивановна ужъ навѣрное рѣшилась сегодня»...

Легонько, согнутымъ пальцемъ онъ постучалъ въ дверь. Оттуда не отвѣтили. Сквозь щель подъ дверью было видно, что тамъ — свѣтъ. Буровъ пошарилъ фарфоровую ручку дври, и вошелъ въ маленькую съ огромной кроватью, съ истертымъ коврикомъ на полу, комнату. Въ углу, у лампы, подъ абажуромъ, въ креслѣ спала Людмила Ивановна, поджавъ ноги. Щека ея была мокрая отъ слезъ. На полу валялась бумажка отъ шоколадной плитки.

Буровъ остановился около спящей и глядѣлъ на нее. Ея вѣки были крѣпко сжаты. Припухшій, какъ у дѣтей, ротъ сложенъ горько. Одна ея рука, сжатая въ кулачекъ, лежала на колѣняхъ, другой кулачекъ подсунуть подъ щеку.

Но вотъ, вѣки ея задрожали, раскрылись, и въ глазахъ еще бессмысленныхъ отъ сна, появилось недоумѣніе, испугъ...

— Дитя мое, — торопливо, шопотомъ, проговорилъ Буровъ, — бѣдное дитя мое... Ради Господа Бога простите меня...

Людмила Ивановна поднялась и стояла передъ нимъ. еще не понимая — зачѣмъ онъ пришелъ, о чемъ говорить. Тогда, послѣпно и несвязно, онъ сталъ рассказывать ей о долгихъ мѣсяцахъ смертельной тоски, когда душа его, какъ листъ, оторванный отъ дерева, крутилась, ослѣпшая, оглошшая, умирающая среди чужой жизни... О томъ, какъ онъ началъ ненавидѣть все живое, все радостное... О томъ, какъ онъ готовился къ смерти: это стало единственнымъ содержаніемъ его дней... О томъ, какъ она, Людмила Ивановна, мѣшала ему, связывала его, не давала освободиться...

— Поймите, я думалъ, что вынесу сегодняшній разговоръ съ вами... Нѣтъ... Жалость къ вамъ въ миллионъ миллионовъ разъ больше всего моего отчаянія, больше смерти... Теперь я ничего уже не понимаю... Можетъ быть, нужно это страданіе... Нужно что то еще понять... Можетъ быть Россія не погибнетъ... Не знаю, не понимаю... Но я знаю, — когда плачетъ ребенокъ, когда вы плачете отъ обиды, — это истинная правда... Господомъ Богомъ прошу, — простите меня...

Людмила Ивановна все время кивала головой, куда онъ говорилъ. Потомъ съѣла на край кресла Пблицу ея текли слезы. Она не могла совладать съ губами — сказать, и сказала только:

— Миленькій, я не сержусь...

гр. Алексѣй Н. Толстой.

Октябрь, 1921 г. Парижъ.

ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА.

(Отрывокъ изъ неизданной книги.)

IX.*)

День Екатерины, какъ всегда, начался рано. Ровно въ семь часовъ утра ее разбудила Марья Саввишна Перекусихина. Одновременно, изъ стоявшей въ спальнѣ корзинки медленно, съ достоинствомъ, выкарабкалась левретка, по имени Герцогиня Андерсонъ, подошла къ постели императрицы, потянулась, низко опустивъ голову, и, положивъ переднія лапки на край постели, умильно посмотрѣла на хозяйку. Какъ всѣ нѣмки, Екатерина обожала животныхъ. Она порывисто подняла къ себѣ собачку, съ наслажденіемъ ее поцѣловала, заговорила съ ней на томъ непонятномъ, сладкомъ парѣчн, на какомъ женщины говорятъ съ животными, и наконецъ положила ее къ себѣ подъ теплое одѣяло, вышустивъ изъ подъ послѣдняго только острую мордочку зачавкавшей отъ удовольствія Герцогини. Марія Саввишна гадливо отвернулась и демонстративно толкнула левретку черезъ одѣяло въ бокъ, подавая царицѣ тарелку съ гладко отшлифованнымъ кускомъ льда. Екатерина вытерла имъ свое лицо, мазнула льдомъ по носу Герцогиню Андерсонъ и покатила со смѣху. Пріятно вспомнила о красивомъ молодомъ человѣкѣ на среднемъ приѣмѣ; затѣмъ спросила Перекусихину, что князь, какъ почиваетъ и ниче-

*) „Совр. Зап.“, кн. 7 и 8.

го-ли съ нимъ не случилось дурного. Оказалось, что съ Зубовымъ ничего не случилось.

— Нипто ему: дрыхнетъ, матушка, усталъ видно вечеръ, — бойко отвѣтила Перекусихина.

Императрица радостно улыбнулась. Онѣ съ Перекусихиной очень любили другъ друга и никогда ни за что одна на другую не обижались.

Спустивъ осторожно на коверъ левретку, Екатерина отправилаcь умываться. Въ промежуткѣ между разными гритираніями, она говорила съ горничной, Катериной Ивановной, и убѣждала ее быть возможно аккуратнѣе въ домашнемъ быту, ибо мужъ, конечно, будетъ взыскивать съ нея строже, чѣмъ она, императрица. Екатерина на людяхъ органически не могла молчать; чесать языкъ было для нея одной изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей жизни.

— Ты будешь уже увидѣтъ, Катерина Ивановна. — сказала она и тотчасъ поправилась, — ты уже увидишь: мужъ тебя непременно будетъ бить съ кнутомъ. Это я васъ распустила. Я слишкомъ добрая...

— Ужъ такія добрыя... Вѣкъ за Ваше Величество Бога молимъ, — лѣниво отвѣчала для приличія горничная, очень впрочемъ довольная тѣмъ, что разговариваетъ о своихъ дѣлахъ съ императрицей.

Надѣвши бѣлый гродетуровый капотъ и бѣлый флеровый чепецъ, наклонный, какъ всегда, налѣво, Екатерина выпила огромную чашку необыкновенно крѣпкаго кофе, накормила изъ своей чашки сливками и сахаромъ Герцогиню Андерсонъ, затѣмъ перешла въ кабинетъ и сѣла за письменный столъ. Секретаря Храповицкаго еще не было. Не являлся пока съ докладомъ о спокойствіи въ городѣ и оберъ-полицеймейстеръ. Императрица посмотрѣла на часы и вздохнула. Ей очень хотѣлось послать за Зубовымъ, — безъ него всегда было неуютно и неспокойно. Но князь, конечно, еще спалъ, а будить его было жалко.

Императрица надѣла очки и, при видѣ лежавшихъ на столѣ мастерски очиненныхъ перьевъ и большихъ листовъ прекрасной гладкой бумаги, почувствовала хорошо ей зна-

комое, неопредѣленное безпокойство. Екатерина была такая-же графоманка, какъ и ея мать (только Юганна-Елизавета писала лучше). Императрица сочиняла басни, сказки, proverbы, стихи, комедіи, романы, философскія, педагогическія и политическія статьи. Писала она на разныхъ языкахъ, но всѣми языками владѣла довольно плохо: по нѣмецки нѣсколько разучилась, французскій знала не слишкомъ хорошо, а научиться русскому языку ей не было суждено. Въ это утро она не знала, на чемъ остановить выборъ. Нѣмецкій ромаль ея изъ восточной жизни «Обидагъ» былъ давно законченъ. Последнюю бытовую комедію изъ русской жизни спѣшно переводилъ съ нѣмецкаго языка Храповицкій (тайкомъ отъ всѣхъ придворныхъ и особливо отъ сочинителей, — ибо предполагалось, что императрица пишетъ по русски). Можно было заняться письмами. Екатерина принялась писать Гримму: но этотъ вѣчный корреспондентъ порядкомъ ей надоѣлъ... Вольтеръ давно умеръ. Съ нимъ въ свое время было пріятно переписываться. Правда, въ началѣ императрица нѣсколько боялась короля писателей — и стиль ея первыхъ писемъ къ нему выправлялъ Андрей Шуваловъ, въ совершенствѣ владѣвшій французскимъ языкомъ. Но потомъ страхъ прошелъ: любезнѣ Вольтера не существовало человѣка на свѣтѣ. Совершенно презирая людей, Вольтеръ, когда не было надобности въ противномъ, говорилъ имъ въ глаза только самыя пріятныя вещи. Онъ хладнокровно осыпалъ императрицу лестью, грубость которой граничила порою съ чудеснымъ. Вольтеръ былъ убѣжденъ въ томъ, что лесть никогда не бываетъ, да и не можетъ быть слишкомъ грубой, а въ обращеніи съ женщинами — всего менѣе. Онъ сравнивалъ императрицу съ Божьей матерью, млѣлъ отъ восторга передъ ея ученостью, которой она далеко превосходила, по его словамъ, всѣхъ философовъ міра, и выражалъ въ письмахъ скорбь по поводу того, что не умѣетъ писать по французски такъ хорошо, какъ она. И хотя почти въ каждомъ изъ подобныхъ писемъ онъ находилъ случай попросить императрицу о какомъ либо одолженіи, чаще всего

денежнаго характера. Екатерина, при всемъ своемъ умѣ и жизненномъ опытѣ, по настоящему наслаждалась его безстыдными похвалами. Вольтеръ въ свою очередь приходилъ въ самое веселое настроеніе духа, читая письма царицы и находя въ нихъ, кромѣ денежныхъ приложений, совершенно невозможныя парижскія фразы (Екатерина любила писать игриво, бойкимъ, развязнымъ слогомъ). Такими фразами онъ немедленно дѣлился съ пріятелями, вспоминая при случаѣ, по поводу императрицы, разныя ея *affaires de famille*, въ частности разумѣя подъ этимъ названіемъ убійство Петра III (о которомъ, во время его царствованія, онъ писалъ столь-же головокружительно лестно... Такимъ образомъ оба корреспондента—императрица и Вольтеръ—были почти всегда вполне довольны другъ другомъ.

Письмо Гримму не выходило. Императрица отложила его въ сторону и взяла другой листъ бумаги. Ей захотѣлось написать любовное стихотвореніе, непременно по русски, съ посвященіемъ Зубову. Довольно быстро она набросала нѣсколько строкъ, но остановилась на четвертомъ стихѣ: забыла, какого рода ландышъ, а нужно было употребить эпитетъ.

— «Серебряный ландышъ? Серебряная ландышъ? — спрашивала она себя. — Можетъ быть, выкинуть совсѣмъ «серебряный»?.. Нѣтъ, никакъ нельзя. Нужно будетъ узнавать у Гавриила Романовича. Пусть онъ потомъ посмотритъ стихи».

При этомъ она съ досадой вспомнила, что на тещу Гавриила Романовича Державина, за ея поборы съ просителей, опять поступили жалобы. Одна изъ нихъ какъ разъ лежала въ пачкѣ бумагъ, оставшихся со вчерашняго дня.

— «Всѣ, всѣ крадутъ! *Alle sind Diebe!*» — сердито подумала императрица.

Крали дѣйствительно очень многіе. Но это обстоятельство собственно не могло особенно тревожить Екатерину, ибо ей и фаворитамъ вполне хватало выпускаемыхъ ежегодно бумажныхъ ассигнацій. А въ государственной казнѣ она брала столько, сколько ей было нужно. Тѣмъ не менѣе

иногда воровство чиновниковъ и придворныхъ приводило императрицу въ чрезвычайное раздраженіе: она поднимала крикъ, прозвала всѣмъ тюрьмой и каторгой, заливалась слезами, не слушая трагическихъ утѣшеній фаворита, — а черезъ полчаса, успокоившись, посылала куда слѣдуетъ за толстыми пачками повешскихъ ассигнацій, чтобы утѣнить князя Зубова, который, бѣдный мальчикъ, такъ переносился изъ-за нея и изъ-за общей нечестности чиновниковъ.

Въ той-же пачкѣ оказались счета Гваренги. Императрица внимательно ихъ просмотрѣла и опять съ гнѣвомъ подумала, что ужь очень безстыдно сталъ Гваренги воровать. Надо-бы прогнать его. Такъ и въ прошломъ году заказалъ захватить въ Италіи мавзолею принцу Ангальтъ-Бернбургскому. Въ Россіи сдѣлали-бы такую-же мавзолею много дешевле...

Отогнавъ отъ себя на время эти мысли, Екатерина спрятала недоконченное стихотвореніе и принялась за бумаги, оставленные вчера фаворитомъ. Это были доклады и проекты, посланные на заключеніе князя Platона Александровича и возвращенные имъ съ его резолюціями.

«Бѣдный, сколько онъ работаетъ!».—подумала государыня, любовно поглядывая на почеркъ фаворита, и утвердила, не читая, всѣ его заключенія, написавъ на каждомъ: «быть по сему».

Среди писемъ было одно отъ ея сына, Бобринскаго, но оно не заключало въ себѣ ничего интереснаго: все жалобы на дѣла, на долги, на отсутствіе денегъ. Екатерина быстро и невнимательно его пробѣжала: она не любила своего вѣнчаннаго сына.

Небольшимъ серебрянымъ ключомъ императрица открыла потайной ящикъ, гдѣ лежали самыя интимныя бумаги, и аккуратно положила куда слѣдуетъ письмо Бобринскаго. Когда она раздвинула аккуратно распределенные го фаворитамъ, перевязанные шелковыми шнурочками, пакеты интимныхъ писемъ, ей вдругъ подъ руку попался лежащій особнякомъ измятый листъ сѣрой нечистой бумаги съ большими, кривыми, прыгающими буквами, написанны-

ми неумѣлой, пьяной рукой. Она вздрогнула, выронила бумагу и схватилась рукой за сердце, которое у нея давно пошаливало. Императрица посидѣла такъ съ полминуты; лицо ея поблѣднѣло, измѣнилось; рѣзко обозначился двойной подбородокъ и вся она сразу какъ будто состарилась лѣтъ на десять. Затѣмъ потянулась къ листу правой рукой, не отнимая лѣвой отъ сердца. Екатерина прочитывала это письмо всякій разъ, когда оно нечаянно попадалось ей подъ руку, хотя тридцать лѣтъ знала въ немъ каждое слово, очертанія каждой буквы. Это было присланное изъ Ропши въ шесть часовъ вечера, шестого іюля 1762 года, письмо, которымъ Алексѣй Орловъ извѣщалъ любовницу своего брата (и свою) объ убійствѣ Петра III.

«Матушка милосердная государыня. Какъ мне изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь вѣрному своему рабу. Но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка, готовъ идти на смерть, но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нѣтъ на свѣтѣ... Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Федоромъ. Не успѣли мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали; но всѣ до одинаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебѣ принесъ, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе скончить. Свѣтъ не милъ: прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ».

Морщины на лицѣ государыни сложились болѣзненно рѣзко. Она долго неподвижно сидѣла въ креслѣ, тяжело дыша и не сводя глазъ съ письма, выпавшаго изъ ея руки. Всѣ подробности петербургскаго дѣйства встали въ ея воображеніи. Но еще страшнѣе этихъ подробностей было то, что могло каждую минуту ее постигнуть. Кто знаетъ, можетъ быть, и противъ нея составленъ заговоръ? И ее могутъ задушить такъ же просто, какъ задушили мужа... Тѣ же самые люди... И безнаказанно!.. Павелъ еще, пожалуй, наградить убійцъ, какъ она осыпала наградами Орловыхъ...

Передъ ней встала въ памяти такъ хорошо знакомая ей, страшная фигура Алексѣя Орлова... Этотъ человѣкъ, который когда-то, угадавъ страстное невысказанное желаніе императрицы, задушилъ ее мужа, впослѣдствіи нерѣдко, многозначительно на нее поглядывая, загадочно говорилъ, что у него остались кое-какія связи въ гвардейскихъ частяхъ. И вспоминая во всѣхъ подробностяхъ мощную безстыдную фигуру своего любовника, вспоминая, какъ онъ задушилъ Петра (подробности этого убійства знала только она одна), вспоминая, какъ онъ заманилъ и предалъ на смерть соблазненную имъ, довѣрившуюся ему княжну Тараканову, вспоминая полускрытую угрозу письма «разыскивать нечего», Екатерина холодѣла отъ ужаса. Кто убережетъ ее? Потемкинъ умеръ... Прежде, за нимъ, было покойно. Онъ-то сумѣлъ-бы защитить ее отъ Орлова и отъ всякихъ заговорщиковъ. А Платонъ — какая отъ него защита?.. Да еще надеженъ-ли онъ самъ? Не измѣняетъ-ли съ другими женщинами?.. Кто бы только онъ, подлый?

Императрица позвала камердинера Захара Зотова, который, какъ вся прислуга, былъ съ ней въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, — Екатерина умѣла находить общіе интересы съ Захаромъ Зотовымъ и съ Вольтеромъ. Камердинеру было строго приказано зорко примѣчать за княземъ, — особенно куда ѣздитъ послѣ ужина, когда ужинаетъ не во дворцѣ. Зотовъ общалъ тщательно слѣдить, но клялся всеми святыми, что князь вѣрнень и никуда послѣ ужина не ѣздитъ.

Екатерина кивнула головой. Зотову она довѣряла, и его мнѣніе очень ее успокоило.

— Сама знаю, что князь мнѣ вѣрнень,—сказала она,—но я хочу, чтобы и ты и всѣ знали. У князя много враговъ...

— Матушка, Ваше Величество, да какъ же, чтобы враговъ не было! У солнышка-то у нашего... Всѣхъ онъ лучше и краше... Посмотрю, посмотрю, матушка, будьте покойны... Все узнаю... Тутъ, Ваше Величество, Александръ Васильевичъ съ дѣлами дожидается. И Нарышкинъ, Левъ Александровичъ. здѣсь, и полицеймейстеръ...

— Да, да, зови...

Приѣмъ происходилъ въ спальнѣ. Императрица усѣлась передъ выгнутымъ столикомъ и позвонила въ колокольчикъ. Оберъ-полицеймейстеру было сухо приказано усилить надзоръ въ городѣ, ибо времена безпокойныя. — «Небось, слышалъ, что во Франціи творится?». Затѣмъ были разомъ допущены секретарь Храповицкій и любимецъ Екатерины (тоже бывший когда-то, очень недолго, ея любовникомъ) оберъ-италмейстеръ Нарышкинъ который, когда хотѣлъ, присутствовалъ на докладахъ. Храповицкій вручилъ царицѣ новую ея провербу и русскую бытовую комедию, которая оная ночью переписалъ. Екатерина небрежно его поблагодарила, пошутила насчетъ его полноты и посоветывала ему принимать холодныя ванны, а противъ мозолей употреблять красный воскъ, тотъ самый, что ей рекомендовалъ графъ Дмитріевъ-Мамошовъ. Нарышкина спросила, не помирился-ли его братъ съ княгиней Даниковой — ихъ старинная ссора была вѣчнымъ предметомъ ея шутокъ — и добавила сама, что помирятся они въ тотъ день, когда ученые найдутъ квадратуру циркуля. Затѣмъ, пошутивши ровно столько, сколько нужно, императрица заговорила по французски, показывая этимъ, что пора заяться дѣлами. Храповицкій на томъ твердомъ, отчетливомъ, чуть неестественномъ французскомъ языкѣ, на которомъ говорятъ русскіе люди, хорошо этимъ языкомъ владѣющіе, ясно и толково доложилъ важнѣйшія дѣла. Екатерина, очень быстро все сообразивъ своимъ гибкимъ искусственнымъ умомъ, дала точныя, ясныя и толковыя инструкціи для отвѣтовъ. Затѣмъ, помолчавъ, спросила Храповицкаго съ нѣсколько принужденной улыбкой, зачѣмъ собственно пріѣхалъ изъ Москвы князь Прозоровскій. Храповицкій дипломатически уклонился отъ отвѣта, не желая при свидѣтеляхъ дурно отзываться о могущественномъ вельможѣ. Онъ отлично зналъ, что Прозоровскій пріѣхалъ просить для себя и для своихъ сотрудниковъ, Архарова, Шенковскаго и Нестеля, награды за истребленіе мартишстовъ. Храповицкій прекрасно понималъ также, что Ека-

терина это отлично знает сама — и непременно наградить князя, хотя дѣласть видѣть, будто онъ ей неприятенъ.

— Ты слышала-ли, матушка? — сказалъ по русски Нарышкинъ, показывая на Храповицкаго пальцемъ. — твой Александръ Васильевичъ самъ изъ мартышекъ, изъ мартинистовъ этихъ, — такъ ихъ, что-ли? Онъ съ Новиковымъ дружокъ, а Радипева грамотѣ учитъ, сй Богу!

— Грѣхъ такъ шутить, Левъ Александровичъ! — воскликнуть, поблѣднѣвъ, Храповицкій. — Матушка государыня и впрямь подумаетъ...

— *Voyons, voyons*, — сказала Екатерина. — Еще дѣла какія?

Спросила о томъ, послано-ли письмо Чернышеву въ Римъ, чтобъ и не думалъ заказывать мозаики. И нѣтъ-ли вѣстій о пріѣздѣ графа д'Артуа? И отдѣляется-ли для него домъ Василія Ивановича Левашева?

— Всѣ французшки къ тебѣ бѣгутъ, матушка. — сказалъ опять по русски Нарышкинъ. — Вѣрно въ Петербургѣ и въ Сарскомъ сланце жить, чѣмъ у нѣмца. Гнала-бы ты ихъ въ шею. Намедни заходила въ кофейню Анри, — французъ на французѣ сидитъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Ваше Величество, — подтвердилъ Храповицкій, — число французскихъ эмигрантовъ, желающихъ поступить на русскую службу, растетъ весьма быстро. Не угодно-ли взглянуть на эту панку? Здѣсь реестръ именъ и прошенія.

— Плюнь на нихъ, матушка, — упрямю по русски говорилъ Нарышкинъ. — Довольно съ насъ Ришелье, да Манжерона, да Вербуа, да Эстергази.

— Не вѣдаю, чѣмъ они мѣшаютъ господину оберъ-италмейстеру. — сердито сказалъ Храповицкій. — А гостепримство въ обычаѣ народа русскаго. Ласково принимать чужеземцевъ велятъ намъ и нравы древней Руси, и заветы Великаго Петра.

— Пародъ чахлый, топкій: какое тутъ гостепримство — ни поѣсть съ ними, ни выпить. — пояснилъ нѣсколько сконфуженный Нарышкинъ. — И все ноктъ: *L'exil! Chère*

patrie! И все у насъ не такъ... Ну, и пусть ѣдутъ въ свою шерпатри, къ жакобенамъ... А впрочемъ, твоя воля, матушка. Мнѣ что! По мнѣ пусть хоть совсѣмъ у насъ остаются.

Екатерина задумалась. Ей льстило, что на ея службѣ состоятъ представители знатнѣйшихъ французскихъ родовъ. Льстила и мысль — оказать у себя гостепрѣимство правнуку Людовика XIV. Но она понимала, что эмигранты хотятъ впутать ее въ трудныя и нисколько ей не нужныя предпріятія. Было-бы гораздо лучше, еслибъ помощь Франціи оказывали лишь Прусскій и Австрійскій дворы. Тогда и въ Польшѣ у нея освободились-бы руки.

— Нѣтъ, надо что либо сдѣлать для эмигрантовъ, — сказала она задумчиво. — Это вопросъ чести. Но въ Петербургѣ имъ всѣмъ безъ дѣла сидѣть, правда, незачѣмъ. Я посылала Ришелье къ принцу Конде: предлагаю ему и всей его арміи поселиться въ Россіи на восточномъ берегу Азовскаго моря. Пусть колонизируютъ нашу пустыню... И денегъ мы имъ на это отпустимъ... Много, правда, нелзя... Самой деньги нужны. А тысячь триста франковъ на первое обзаведеніе дать можно...

— Такъ къ тебѣ французишки и пойдутъ пустыню пахать, матушка, — сказалъ со смѣхомъ Нарышкинъ. — Держи карманъ.

— Не пойдутъ, не надо. Мы ихъ насильно не тащимъ. Много ихъ очень... Покажите-ка вашу пацку... Это все за послѣдніе мѣсяцы?

— Нѣтъ, Ваше Величество, — пояснилъ Храповицкій. — Есть много прошеній отъ 1791 года. Извольте взглянуть: гг. де-Буажеленъ, де-Везоть, де-Фортенъ. Есть и болѣе раннія. Извольте помнить, Гриммъ хлопоталъ за самого маркиза де-Булье... А иные просились на нашу службу еще до начала революціи. Вотъ, на примѣръ, просьба, вотъ еще, — черезъ генерала Заборовскаго хлопочеть о приѣмѣ въ Россійскую армію какой-то Наполеонъ Буонапарте... Экое имя, прости Господи! — вставилъ онъ по русски... — Резолюція — отказать: мальчишка просился сразу чуть не въ генера-

лы... Авось, обойдемся безъ него. А теперь такія прошенія поступають ежедневно десятками.

— Люди пригодятся, — сказала Екатерина. — Войны съ Франціей намъ, пожалуй, не миновать. Придется послать туда Суворова...

— Матушка! — воскликнулъ Нарышкинъ, хватаясь за карманъ и вытаскивая оттуда бумагу. — Какую я тебѣ штуку принесъ — и чуть не забылъ, старый дуракъ! Вотъ позабавлю! О Суворовѣ-то... Ты его жену, чай, Варвару Ивановну, знаешь? Не живетъ она съ нимъ, да и какъ съ нимъ, помѣшаннымъ, жить? Изволишь помнить, подаль оны, давнымъ давно, просьбу о разводѣ въ духовную консисторію. Анъ мнѣ намедни знакомый погѣ подарилъ списочекъ съ его просьбы. Послушай, животики надорвешь :

Нарышкинъ принялся читать, въ совершенствѣ подражая сиплону голосу Суворова:

«Бьетъ челомъ генераль-поручикъ Александръ Васильевичъ сынъ Суворовъ, а о чемъ моя челобитная, тому слѣдуютъ пункты:

1) Соединясь бракомъ 1774 года генваря 16 дня, въ городѣ Москвѣ, на дочери г-на генераль-аншефа и кавалера, князя Ивана Андреева сына Прозоровскаго, Варварѣ Ивановнѣ, жилъ я безъ нарушенія должности своей, честно почитая своей женой по 1779-й годъ, чрезъ все то время была плодомъ обременена три раза, и отъ перваго бремени только дочь осталась въ живыхъ нынѣ, а отъ прочихъ ради безвременнаго рожденія младенцы умерли.

2) Но когда, въ 1777 году, по болѣзни находился въ мѣстечкѣ Опашинѣ, сперва оная Варвара, отлучась своевольно отъ меня, употребляла тогда развратныя и соблазнительныя обхожденія, неприличныя чести ея, почему со всякой пристойностію отводилъ я отъ такихъ поступковъ напоминаніемъ страха Божія, закона и долга супружества; но не уважая сего, наконецъ, презрѣвъ законъ христіанскій и страхъ Божій, предалась неистовымъ беззаконіямъ явно съ двоюроднымъ племянникомъ моимъ, С.-Петербургъ-

скаго полка премьеръ-маіоромъ Николаемъ Сергѣевымъ сыномъ Суворовымъ, таскаясь днемъ и ночью, подъ видомъ якобы прогуливанія, безъ служителей, а съ однимъ означеннымъ племянникомъ одна, по броворамъ, пустымъ садамъ и по другимъ глухимъ мѣстамъ, какъ въ означенномъ мѣстечкѣ, равно и въ Крыму въ 1778 году, въ небытность мою на квартирѣ, тайно отъ нея быть пускаемъ въ спальню; а потомъ и сего года, по прѣѣздѣ ея въ Полтаву, онѣй племянникъ жилъ при ней до 24 дней непозволительно, о каковыхъ ея поступкахъ доказать и уличить свидѣтелями могу, а плѣш оная Варвара, за отѣѣдомъ изъ города Полтавы, пребываетъ въ Москвѣ.

3) И какъ таковымъ откровеннымъ безчиіемъ осквернила законное супружество, обезчестивъ бракъ позорно, напротивъ того я соблюдалъ и хранию честно ложе, будучи при желаемомъ здоровьѣ и силахъ своихъ, то по такимъ беззаконіямъ съ нею больше жить не желаю...

Екатерина, откинувшись на спинку бѣлаго штофнаго стула, вздрагивая полнымъ, здоровымъ тѣломъ, беззвучно и безудержно хохотала. Нарышкинъ прекратилъ чтеніе, опустилъ бумагу на колѣни и съ торжествомъ смотрѣлъ то на императрицу, то на ея секретаря.

Храновицкій хмуро молчалъ. Онъ не любилъ Суворова (кромѣ солдатъ, никто его не любилъ), но видѣлъ въ немъ національнаго героя, славу и гордость Россіи. И то, что этотъ великій полководецъ былъ посмѣищемъ для придворнаго шута, позорившаго знаменитое имя Нарышкиныхъ, и для нѣмки-императрицы, оскорбляло въ немъ патристическое чувство. «Правы мартинисты: стоитъ для нихъ проливать кровь!», угрюмо думалъ Храновицкій, вспоминая, что мальчишка Платонъ Зубовъ посылалъ Суворову и Румянцеву-Задунайскому всякія военныя наставленія и инструкціи, составленныя въ совершенно неприличномъ, пренебрежительномъ тонѣ. Секретарь старался не смотрѣть на хохотающую императрицу . .

Вдругъ дверь спальни неожиданно растворилась. Безъ доклада, безъ стука, въ комнату вошелъ князь Платонъ Зубовъ. Онъ былъ блѣденъ и разстроенъ. Фаворитъ держалъ въ рукѣ распечатанный пакетъ.

Императрица съ восклицаніемъ радости бросилась навстрѣчу вошедшему.

Нарышкинъ и Храповицкій встали и почтительно поклонились.

— Ваше Величество, — сказали по французски Зубовъ, зачѣмъ-то понижая голосъ, — изъ Европы получены очень дурныя вѣсти. 10-го января, въ 10 часовъ утра, въ Парижѣ казненъ король Людовикъ XVI...

Звонкій смѣхъ Екатерины осѣкъся.

Въ комнатѣ внезапно наступила мертвая тишина. Храповицкій перекрестился. Нарышкинъ поблѣднѣлъ и грузно опустился на стулъ.

Вдругъ истерическій крикъ вырвался изъ груди императрицы. Зубовъ бросился къ ней и поддержалъ ее за талию: ему показалось, будто она лишается чувствъ. Но это не былъ обморокъ. У Екатерины начался припадокъ истерики.

— Зовите врача! — вскрикнулъ князь

Въ спальнѣ произошла суматоха. Черезъ минуту горничныя раздѣвали царицу и укладывали ее въ постель. Марья Саввишна принесла тарелку со льдомъ. Прибѣжала, виляя хвостомъ, Герцогиня Андерсонъ, очень довольная суматохой. Появился лейбъ-медикъ Роджерсонъ, съ флакономъ солей. Императрица съ перекосившимся лицомъ истерически кричала что-то на разныхъ языкахъ. Кричала, что нужно истребить поголовно всѣхъ французовъ; что она пошлетъ на Парижъ Суворова *mit Kosaken*; что всѣ народы Европы должны принять православіе, которое одно можетъ ихъ уберечь отъ заразы, посѣянной проклятымъ

Вольтеромъ; что противъ ея жизни составленъ гнусный заговоръ; что ее хотятъ задушить, но она все видитъ, знаетъ всѣхъ заговорщиковъ и еще имъ себя покажетъ... Грозилъ казнями философамъ, мартинистамъ, Радищеву; вспоминала Потемкина и Григорія Орлова; приказывала усилить стражу во дворцѣ и пододвинуть поближе лучшія гвардейскія части.

Князь Зубовъ находился при императрицѣ безотлучно. Всѣ приемы и праздники были отмѣнены. Совершенно секретно князь вызвалъ къ себѣ оберъ-полицеймейстера и долго внимательно разспрашивалъ его о настроеніи умовъ въ городѣ Петербургѣ.

Х.

Въ придворныхъ и правительственныхъ кругахъ Петербурга извѣстіе о казни французскаго короля произвело сильное впечатлѣніе, главнымъ образомъ потому, что оно такъ потрясло государыню. Екатерина заперлась въ своихъ апартаментахъ и большую часть дня проводила въ постели. Допускались къ ней лишь самые близкіе люди. На вопросъ о томъ, какъ Ея Величество изволитъ себя чувствовать, императрица отвѣчала: «и з р я д н о» или «о т м ѣ н и о» (она любила такія слова и даже говорила иногда «л и х ъ», чѣмъ въ свое время крайне раздражала князя Потемкина, который немедленно, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, повторялъ чисто русскія выраженія государыни, удивительно передавая ея нѣмецкій акцентъ). Но видъ у государыни былъ дурной, лицо желтое, одутловатое, глаза заплаканные. Разсказывали по секрету, что въ одинъ изъ этихъ дней, спускаясь внизъ въ м ы л ь н ю, она внезапно лишилась чувствъ, упала и скатилась по лѣстницѣ. Съ близкими людьми Екатерина гово-

рила почти исключительно о казни короля и съ тупымъ упорствомъ, которое свойственно самымъ умнымъ женщинамъ, когда онѣ говорятъ о политикѣ, все повторяла одно и то же: „Il faut absolument exterminer jusqu'au nom des Français“. Очень поразила ее появившаяся въ какой-то иностранной газетѣ таблица, отмѣчавшая странную роль 21-го числа въ жизни Людовика XVI: 21 апрѣля 1770 г. состоялась его свадьба въ Вѣнѣ; 21 іюня того же года было свадебное торжество въ Парижѣ; 21 января 1782 г. праздновали рожденіе дофина; 21 іюня 1791 г. король бѣжалъ въ Вареннѣ; 21 сентября 1792 г. была уничтожена монархія во Франціи и 21 января 1793 г. послѣдовала кончина несчастнаго короля. Екатерина стала соображать, не было ли роковой даты въ ея собственной жизни, но ничего такого не нашла. Только Храповицкій обратилъ вниманіе государыни на одно куріозное стеченіе обстоятельствъ: казнь Емельки Пугачева состоялась также 10 (21) января — какъ разъ въ тотъ самый день, что и злодѣйское умерщвленіе французскаго монарха. Это куріозное стеченіе обстоятельствъ очень не понравилось императрицѣ.

Зубовъ во время нездоровья Екатерины совсѣмъ перенесся къ ней и почти не спускался въ малый этажъ, гдѣ находились его собственные апартаменты. Любимцы князя съ умиленіемъ говорили о той нѣжной преданности, которую обнаружилъ Платонъ Александровичъ въ эти тяжелые дни. По ихъ сіяющимъ лицамъ всѣмъ стало ясно, что положеніе князя крѣпче крѣпкаго. Да и въ самомъ дѣлѣ, принявъ въ расчетъ состояніе здоровья и настроеніе духа императрицы, трудно было ожидать появленія новаго фаворита. Холодокъ около Александра Андреевича Безбородко нѣсколько усилился. Графъ ходилъ чрезвычайно озабоченный и своимъ видомъ самъ какъ будто свидѣтельствовалъ о понесенномъ имъ пораженіи.

Въ дѣйствительности, мысли Александра Андреевича начинали принимать новый оборотъ. Послѣ извѣстія о

случаѣ на лестницѣ, графъ, немного подумавъ, завалялъ себя на обѣдъ лейбъ-медика Роджерсона. Передъ этимъ обѣдомъ, происходившимъ въ маленькой столовой, гдѣ были поставлены только два прибора, Александръ Андреевичъ самъ спустился съ ключами въ погребъ и принесъ оттуда, кряхтя, бутылку стараго каштелянскаго меда, отъ котораго, по украинской традици, въ свое время развязывался языкъ у самого Мазены, — хотя прославленный гетманъ выпить былъ мастеръ, а болтать зря не любилъ. Надежды графа, связанныя съ предательскими свойствами этого чудеснаго напитка, оправдались. Послѣ перваго стакана меда угрюмый Роджерсонъ повеселѣлъ, а послѣ второго — разстегнулъ жилетъ и сталъ называть Александра Андреевича «*dear, dear friend*». Тогда Безбородко налилъ ему третій стаканъ и вскользь незамѣтно павель разговоръ на тему о легкой болѣзни Ея Величества. Роджерсонъ, хлопавъ графа по колѣнкѣ, объявилъ, что здоровье государыни оставляетъ желать лучшаго. Природой посланъ, конечно, Ея Величеству превосходный организмъ. Но все же годы, заботы и... (Роджерсонъ замаялся, несмотря на дивъ рюмки меда)... и труды сильно подорвали ея крѣпкую натуру. Правда, эта тема съ давнихъ поръ объявлена совершенно запретной, но онъ, Роджерсонъ, можетъ сказать графу, какъ шотландскій джентльмэнъ русскому джентльмену, какъ лейбъ-медикъ императрицы министру Совѣта, — что съ Ея Величествомъ можетъ каждую минуту случиться несчастье.

Безбородко сильно призадумался послѣ разговора съ Роджерсономъ. Ему представилась маленькая фигурка Павла Петровича, его вздернутый носъ и бѣгающіе, безпкойные глазки. Вспомнилось и то, что великій князь въ свое время объяснилъ герцогу Тосканскому, какъ онъ намѣренъ поступить, по восшествіи на престолъ, съ фаворитами своей матери: «велю ихъ высѣчь, уничтожу и выгоню». Александру Андреевичу стало нехорошо; онъ подумалъ, что впутывается съ Штаалемъ въ очень опасную игру. Шансовъ выиграть ее противъ проклятаго Зубова бы-

ло теперь немного; а будущему императору эта новая история могла очень, очень не понравиться. Графъ все больше приходилъ къ мысли, что едва ли не настало время поне-много переставить свою карьеру на карту Павла Петровича. Рискъ былъ совершенно несоизмѣримъ: при Екатеринѣ Александръ Андреевичъ могъ въ худшемъ случаѣ потерять должность; при Павлѣ же легко было угодить въ Сибирь. Между тѣмъ графъ располагалъ вѣрнымъ способомъ заслужить милость наследника престола даже безъ посредства Федора Васильевича Ростопчина.

Какъ первый секретарь императрицы. Безбородко — одинъ изъ очень немногихъ сановниковъ — зналъ, гдѣ хранится въ ея бумагахъ пакетъ, перевитый черной лентой, съ надписью: «Вскрыть послѣ моей смерти въ сенатѣ». Александръ Андреевичъ имѣлъ основанія думать, что въ пакетѣ этомъ находится завѣщаніе Екатерины, содержащее въ себѣ актъ объ устраненіи Павла отъ престола и о передачѣ послѣдняго Александру. Безбородко не переоцѣнивалъ значенія этой бумаги: онъ думалъ, что устранить наследника путемъ секретнаго завѣщанія далеко не такъ просто: царей вообще лишаютъ престола иначе. И Александру Андреевичу приходило въ голову, что не худо бы въ день великаго несчастья, вмѣсто передачи пакета, перевитаго черной лентой, въ Сенатъ, вручить этотъ пакетъ самому Павлу Петровичу. Такимъ образомъ можно было бы заслужить не только прощеніе старыхъ грѣховъ, но и большую царскую милость. Обдумывая это дѣло, Александръ Андреевичъ пришелъ къ мысли, что надо пока занять очень осторожную, выжидательную позицію и отнюдь не раздражать Павла. Не мѣшало даже уѣхать въ продолжительный отпускъ — въ Москву или за границу. Во всякомъ случаѣ было ясно, что теперь, въ пору траура, съ отмѣной праздниковъ и пріемовъ, у больной, нервной государыни Штаалъ имѣлъ очень мало шансовъ на рѣшительный успѣхъ; а потому мозолить людямъ глаза въ Петербургѣ ему было незачѣмъ, — обо всей этой исторіи уже ходило много разговоровъ въ столицѣ. Съ другой стороны, на слу-

чай перемѣны настроенія, не мѣшало на запасъ имѣть противъ Зубова эту комбинацію; да и ссориться съ Зоричемъ Александру Андреевичу тоже не хотѣлось. Житейскій опытъ подсказалъ графу самый лучший выходъ изъ положенія. Нужно было милостиво и ласково отослать Штаала съ какой либо временной миссіей за границу; а Зоричу написать, что по нездоровью государыни ихъ дѣло откладывается на нѣкоторое время.

Разныхъ миссій въ чужіе края у Александра Андреевича было всегда достаточно. Въ царствованіе императрицы Екатерины иностранная коллегія то и дѣло посылала за границу небогатыхъ молодыхъ дворянъ — больше для того, чтобы дать имъ возможность посмотрѣть европейскія столицы и пріучиться къ серьезнымъ дѣламъ. Чаще всего отправлялись курьеры въ Лондонъ, особенно послѣ того, какъ русскій посолъ Воронцовъ установилъ съ Питтомъ прекрасныя отношенія, вмѣсто прежнихъ очень дурныхъ. Въ Лондонъ Безбородко надумалъ послать и Штаала: хотѣлъ при случаѣ напомнить о себѣ своему старинному сослуживцу Воронцову, съ которымъ, какъ и съ Ростопчинымъ, теперь слѣдовало поддерживать особенно хорошія отношенія. Генераль-поручикъ графъ Семень Романовичъ Воронцовъ, еще со времянь государственнаго переворота 1762 года, когда онъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ права Петра III, и въ продолженіи всего царствованія Екатерины, считался въ оппозиціи двору. Онъ имѣлъ такимъ образомъ большіе шансы на милость Павла Петровича.

Штааль съ восторгомъ принялъ предложеніе отправиться за границу. Правда, жизнь въ Петербургѣ очень ему нравилась; но его еще больше прельщали возможность посмотрѣть чужіе края и особенно секретная дипломатическая миссія, о которой министръ сказалъ ему нѣсколько словъ съ видомъ чрезвычайно важнымъ и таинственнымъ. Молодой человекъ чувствовалъ искреннюю благодарность къ судьбѣ: онъ явно шелъ по пути, указанному великимъ Декартомъ. Однако, безъ разрѣшенія Семена Гавриловича Штааль не считалъ возможнымъ уѣхать за границу. Но это

Александръ Андреевичъ взялъ на себя. Зоричу были немедленно посланы два письма: одно, умоляющее, отъ самаго Штаала, другое, политическое, отъ графа Безбородко. Очень скоро изъ Шклова припелъ благопріятный отвѣтъ. Семень Гавриловичъ, очень много выигравшій въ ту пору въ карты, соглашался съ доводами министра, поздравлялъ своего воспитанника съ началомъ карьеры, благословлялъ его въ дорогу и на скорое возвращеніе въ Петербургъ, да рѣдываюкъ посылалъ въ подарокъ немалую сумму денегъ, хотя молодой человекъ ѣхалъ на казенный счетъ. Безконечно обрадованный Штааль, оставшись наединѣ съ Безбородко, закрывши наглухо все двери, попросилъ графа сзаваномить его съ довѣряемой ему секретной миссіей и вручить соотвѣтствующую на этотъ счетъ инструкцію (это слово онъ выговорилъ съ особенной любовью). Александръ Андреевичъ, не моргнувъ глазомъ, тутъ же придумалъ секретную миссію. Онъ поручилъ Штаалу совершенно конфиденціально выяснить настроенія французскихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ, а также отношеніе къ нимъ Великобританскаго правительства. Письменной инструкціи, по словамъ Безбородко, для этого дѣла не требовалось: онъ всецѣло довѣрялъ уму и опыту Штаала. А впрочемъ предписывалъ ему во всемъ слушаться указаній Семена Романовича Воронцова. Александръ Андреевичъ снабдилъ молодого человека партикулярнымъ письмомъ къ русскому послу въ Лондонѣ. Другое партикулярное письмо къ Воронцову далъ Штаалу, по просьбѣ министра, Ростовчинъ, тоже хорошо рекомендовавшій юношу: Федоръ Васильевичъ любилъ покровительствовать очень молодымъ, еще не знающимъ жизни, людямъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда Штаала къ нему неожиданно явился весьма пеголоватый господинъ, не то грекъ, не то итальянецъ, по фамиліи Альтести, первый секретарь князя Зубова. Въ самыхъ любезныхъ, милостивыхъ выраженіяхъ онъ объявилъ молодому человеку, что Его Сіятельство вполнѣ одобряетъ выборъ дипломата, сдѣланный для столь важной и отвѣтственной миссіи графомъ Безбо-

родко. Съ своей стороны князь рекомендуетъ Штаалю не торопиться съ возвращеніемъ въ Петербургъ; совѣтуетъ очень тщательно изучить настроенія французской эмиграціи и прислать о нихъ подробнѣйшій письменный докладъ. Зубовъ разрѣшалъ даже молодому дипломату непосредственно обращаться съ докладами къ нему, минуя всѣ инстанціи. Съ своей стороны, онъ давалъ Штаалю письма къ Питту и къ лорду Гренвиллю, а также кое-какія горюченія съ инструкціей въ запечатанномъ пакетѣ. — «Вамъ извѣстно, милостивый государь, — добавилъ небрежно Альтести, — что Питтъ ни въ чемъ не можетъ отказать князю. *L'Angleterre fait tout ce que veut l'Impératrice.*»

Штааль былъ немало смущенъ и важностью тѣхъ знаменитыхъ людей, къ которымъ ему давались письма, и неожиданнымъ расположеніемъ Зубова: на вечерѣ въ Эрмитажѣ ему показалось, будто онъ не понравился князю. Молодой человекъ разсказалъ Александру Андреевичу о визитѣ Альтести и о порученіяхъ, которыя могутъ потребовать его болѣе продолжительнаго пребыванія въ Англии. Безбородко усмѣхнулся и тутъ же съ усмѣшкой продиктовалъ Штаалю отвѣтное письмо Зубову: въ немъ Штааль самымъ почтительнымъ образомъ благодарилъ князя за довѣріе, обязывался въ точности выполнить инструкцію, со всѣмъ требуемымъ службою рвеніемъ, въ возможно непродолжительный срокъ, и обѣщалъ немедленно по возвращеніи въ Петербургъ повергнуть къ стопамъ Ея Величества политическій докладъ, указанный мудрыми предначертаніями Его Сіятельства. Александръ Андреевичъ даже зачавкалъ губами отъ удовольствія, согнувъ этотъ схищенный отвѣтъ. Онъ самъ запечаталъ письмо и сказалъ, что отошлетъ его князю послѣ отвѣзда Штаалья.

Молодой дипломатъ былъ съ утра до ночи наверху блаженства. Еще никогда онъ не имѣлъ, въ своемъ распоряженіи такихъ огромныхъ денегъ, какъ теперь, и, преисполненный радостью жизни, ни въ чемъ не отказывалъ ни другимъ, ни себѣ. Иванчукъ перехватилъ у него до буду-

щаго четверга порядочную сумму; а раза два весь кружокъ веселящейся молодежи и кутилъ цѣлую ночь на его счетъ. Зато Штааль приобрѣлъ популярность, былъ на ты съ двумя камергерами и имѣлъ опытныхъ друзей, которые охотно давали ему самые полезные совѣты. Одинъ старый дипломатъ, Носковъ, извѣздившій всю Европу, послѣ второй бутылки шампанскаго, записалъ даже для Штааля весь маршрутъ его поѣздки — съ указаніемъ въ каждомъ городѣ лучшихъ гостинницъ, театровъ, ресторановъ и веселыхъ домовъ. Въ Парижѣ Штааль долженъ былъ остановиться въ *Hôtel des Trois Mylords*, завтракать въ *Café Foy*, сбѣдать въ *La Grotte Flamande*, любоваться мадемуазель Рокуръ въ *Méropé*, Ларивомъ въ *Hercule sur le Mont Etna*, а даму должнъ былъ искать, разумѣется, въ Палэ-Роялѣ, лучше всего въ *Variétés Amusantes*. Заговоривъ о Палэ-Роялѣ, Носковъ сильно расчувствовался и со слезами въ голосѣ пропѣлъ: . . . „Chacun y prend son régal, ce n'est qu'au Palais-Royal, ce n'est qu'au Palais-Royal“ . . . Только когда все уже было записано, онъ неожиданно вспомнилъ, что Парижа Штааль никакъ не увидитъ, ибо короля больше нѣтъ, во Франціи правятъ жакобэны и попасть туда совершенно невозможно. Дипломатъ залился слезами и проклялъ французскую революцію.

Штааль впрочемъ отнюдь не думалъ, что ему не придется побывать въ Парижѣ. Онъ просто не могъ себѣ этого представить. Правда, французская граница была закрыта, поѣздки въ революціонную страну строжайше запрещены императрицей, дипломатическія сношенія съ Франціей прерваны, а съ французовъ, оставшихся въ Россіи, даже взята торжественная подписка, въ которой они свидѣтельствовали свое отвращеніе къ революціи и вѣрность престолу Бурбоновъ. Тѣмъ не менѣе Штааль былъ въ душѣ увѣренъ, что попадетъ въ Парижъ, переживающій такое интересное историческое время, и попадетъ не какъ-нибудь, а съ шумомъ. Свою роль во Франціи онъ представлялъ себѣ различно. Иногда онъ былъ жакобэномъ, произносящимъ громовую рѣчь въ Конвентѣ (но это, вѣроятно,

слишкомъ бы огорчило императрицу и Зорича, а потому было неудобно). Иногда онъ, напротивъ, укрощалъ революцію мирнымъ способомъ и становился благодѣтелемъ всего міра. Иногда онъ, наконецъ, вмѣстѣ съ Суворовымъ (или даже вмѣсто него), грознымъ контръ-революционнымъ вождемъ вторгался въ Парижъ во главѣ доблестной русской арміи, спасалъ королеву, судилъ царевича и безопасно разстрѣлывалъ Марата. Но во всякомъ случаѣ въ Парижѣ онъ долженъ былъ себя показать. Никакая слава не установлена окончательно до ся признанія Парижемъ.

Штааль цѣлые дни дѣлалъ необходимыя покупки. Спшилъ себѣ много платья, по самой новой модѣ, привезенной недавно изъ за-границы извѣстнымъ щеголемъ, княземъ Борисомъ Голицынымъ; обзавелся и великолѣпными галстуками, закрывавшими шею до подбородка, — это тоже было послѣднее слово моды. Ѣхать онъ рѣшилъ съ удобствами, не въ перекладныхъ новозкахъ. Купилъ прекрасную дорожную карету съ модными круглыми стеклами и, разумѣется, серебрянный погребецъ. Дипломатъ Носковъ намѣтилъ ему списокъ папичковъ, которые подлежало имѣть въ погребѣ. Большинство этихъ папичковъ Штааль не зналъ, по ему правились ихъ звучныя названія. Купилъ онъ также въ Англійскомъ Магазиנѣ шкатулку съ потайнымъ замкомъ для секретныхъ бумагъ, пару пистолетовъ съ золотой насѣчкой, великолѣпную саблю съ дамасскимъ клинкомъ, дорогой толедскій фингалъ и много другихъ пужливыхъ въ дорогѣ вещей...

Рано утромъ къ подъѣзду почного ресторана Ліона подкатила собственная коляска Штаалья. Кончился поздній ужинъ. Молодой дипломатъ очень лихо, не хуже чѣмъ могъ бы это сдѣлать самъ Борисъ Голицынъ, расцѣловалъ на прощанье цыганку Настю, которая ему была счень противна (тогда цыгане какъ-разъ начинали входить въ моду), подарилъ ей на счастье пятьдесятъ рублей, слегка — впрочемъ, пожалѣвъ объ этихъ деньгахъ, и горячо простился съ друзьями. Вооруженный съ головы до ногъ, захвативъ дорогую доху, Штааль сѣлъ въ собственную ко-

ляску; еще разъ нащупалъ подъ дохой сумку съ деньгами и пистолеты; удостовѣрился въ цѣлости шкатулки съ секретнымъ замкомъ и закричалъ ямщику: «Съ Богомъ! Трогай!»—совершенно такъ, какъ это дѣлалъ, по слухамъ, отправляясь въ походъ, фельдмаршалъ Румянцевъ-Задубайскій.

XI.

«Вада на островъ любви, переводъ съ французскаго въ Гамбургѣ черезъ студента Василья Тредьяковскаго, съ прибавленіемъ стиховъ переводчика на разные случаи. Изданіе второе. Санктъ-Петербургъ».

Штааль захлопнулъ книгу. Теперь, при вѣздѣ въ Кенигсбергъ, читать было во всякомъ случаѣ поздно. Сочиненіе это, случайно захваченное съ «Жилбазомъ» и «Путеводителемъ къ счастью», регулярно вынималось изъ ручного чемодана на каждой станціи; но дальнѣе заглавія молодой путешественникъ не пошелъ. Читать ему не хотѣлось. Его предупреждали, что въ дорогѣ безъ общества должно быть скучно, — и онъ старался скучать. Но, точно на зло, въ теченіе всей поѣздки ему было чрезвычайно весело — отъ свободы, отъ секретной миссіи, отъ погребца, отъ девятнадцатилѣтней крови.

«Жаль только, что не было въ пути никакихъ случаевъ и происшествій... Вѣдь попали незално на Декарта разбойники... Славно онъ, у Байе, обнажилъ шпагу и укротилъ злодѣевъ... Кажется, и Юлію Цезарю случилось на морѣ что-то такое... Въ желтенькомъ учебникѣ исторіи это было на лѣвой страницѣ снизу... Скверный желтенькій учебникъ... И слава Богу, что больше никогда не будетъ экзаменовъ... Впрочемъ, той дѣтской ажитаціи и радости съ хорошихъ балловъ, право, жаль... Какой однако вздоръ лѣзетъ порою въ голову... А вѣдь это уже городъ Кенигсбергъ. Европа... Ну, худая Европа, а все-таки Европа... И правда, очень чистенькіе дома... А это что-же, улица вымощена камнями справа и слѣва — прохожіе идутъ

не посрединѣ, а только съ боковъ... Ахъ, это и есть отмѣнные нѣмецкіе тротуары, о которыхъ говорилъ Носковъ... Да, по всему видно, Европа... Теперь произпшетвій ждать нечего... Окая досада! Даже дорогой нигдѣ не прошибались, и со зрителями ничего ни разу не выходило... Носковъ говорилъ, что зрителей надо непременно бить по мордѣ. Какъ же я могъ ихъ бить по мордѣ, если они сразу давали лошадей! И вообще — съ какой стати бить людей по мордѣ?.. А все-таки противъ Невскаго эти узенькія улицы никуда... Сейчасъ, вѣрно, подѣдемъ къ гостинницѣ... Разумѣется, надо будетъ нумеръ занять самый лучший... Дипломату Ея Величества нельзя останавливаться въ нумерѣ средней руки: это роняетъ престижъ отечества... Потомъ баня, потомъ обѣдъ... Спросить паспортъ и подорожную. *Bitte sehr*... Русскій дипломатъ Штааль, такой паспортъ и безъ титловъ показать не стыдно... А могу ли я еще говорить нѣмецкимъ языкомъ? Едва ли, однако, все позабылъ... Въ гостинницѣ, вѣроятно, останавливаются тутешніе рыцари... Вѣдь въ Пруссіи еще сохранились рыцеры... Есть-ли придется пожить дня два, познакомлюсь, какіе-такіе нѣмецкіе рыцеры... Да, вотъ, кажется, и пріѣхали... Ну, да, пріѣхали... Нарядная гостинница»...

Гостинница оказалась почти такой, какой ее воображалъ Штааль. И передняя съ чучелами звѣрей, и отведенный ему большой номеръ необычной для русскихъ постоялыхъ дворовъ чистоты, и длинная низкая столовая съ огромнымъ каминомъ, гдѣ весело трещала огонь, — все было совершенно какъ слѣдуетъ. Рыцарей, правда, въ столовой, не оказалось: обѣдала только, за большимъ столомъ, компанія почтенныхъ нѣмецкихъ купцовъ. Штааль, немного недовольный тѣмъ, что у него никто не спросилъ подорожной, подошелъ къ длинной стойкѣ столовой. У стойки нарѣзывала разныя *belegte* и *illustrierte Brödchen* очень хорошенькая, совсѣмъ молоденькая блондинка, которая привѣтливо улыбнулась молодому человеку. Хотя Штаалю было довольно противно сочетаніе твер-

лыхъ разрыхленныхъ яицъ съ кильками, сыромъ и салатомъ, онъ попросилъ барышню дать ему иллюстрированный хлѣбецъ — и съ удовольствіемъ убѣдился въ томъ, что сравнительно легко составляетъ болѣе или менѣе сложныя нѣмецкія фразы. Затѣмъ молодой человекъ занялъ мѣсто за отдѣльнымъ круглымъ столикомъ, накрытымъ бѣлоснѣжной скатертью грубоватаго полотна, передъ приборомъ съ разными игривыми рисуночками и поучительными изреченіями. Барышня проводила его глазами и послѣдовала за нимъ къ столу.

— Was wünscht der gnädige Herr? — спросила она ласково.

Штааль немедленно потребовалъ бутылку замороженнаго шампанскаго. Заказъ этотъ произвелъ потрясающее дѣйствіе. Барышня широко раскрыла глаза и робко разъяснила, что французскаго Секта они не держатъ, но если gnädiger Herr 'у угодно подождать, то можно послать за Сектомъ въ лавку. У нихъ же въ погребѣ есть въ большомъ выборѣ самое лучшее, старое рейпское вино. Штааль согласился подождать и скоро дѣйствительно въ столовую принесли бутылку, завернутую въ чистую бѣлую бумажку и перевязанную розовой ленточкой. Черезъ нѣсколько минутъ вся гостиница знала, что пріѣхавшій изъ Петербурга въ собственной удивительной коляскѣ русскій, безъ всякаго радостнаго или торжественнаго повода, заказалъ къ Abendbrot 'у бутылку Секта. Къ концу вечера это зналъ весь кварталъ и съ почтительнымъ недоумѣніемъ повторялось: «Diese Russen!»

Хорошенькая барышня была дочь хозяина-вдовца. Ее звали Гертрудой. Она сама не подавала и не готовила блюдъ, а только принимала отъ гостей заказы, немедленно вписывала ихъ въ какую-то, лежавшую на стойкѣ, толстую гереплетенную книгу, и повидимому имѣла общее наблюденіе за хозяйствомъ: двѣ молодыя, краснощекія служанки часто дружелюбно съ ней шептались. Одна изъ нихъ, подавъ Штаалу заказанный имъ окровавленный ростбифъ, внезапно, безъ видимой причины, прысну-

ла со смѣху, закрыла голову передникомъ и убѣжала къ фройлейнъ Гертрудѣ. Обѣ залились у стойки сумасшедшимъ хохотомъ. Къ нимъ тотчасъ направилась прислуживавшая купцамъ вторая служанка, которая закрылась передникомъ и стала хохотать еще по дорогѣ. Купцы въ свою очередь развеселились, а затѣмъ потребовали разъясненія причины веселья; узнавъ же эту причину, оглянулись на Штааля, захохотали, сказали разомъ «Grossartig!» и сторяча потребовали шесть новыхъ кружекъ пива. Фройлейнъ Гертруда, очевидно опасаясь, какъ бы не обидѣлся русскій гость, опять подошла къ Штаалю и застѣнчиво объяснила ему, что общее веселье вызвалъ одинъ замѣчательный вицъ, который сказала эта глупая Маргарита. «Der gnädige Herr soll das nicht übel nehmen»... Но Штаалъ и не думалъ обижаться, — въ доказательство чего счелъ нужнымъ предложить фройлейнъ Гертрудѣ бокалъ или точнѣе кружку тепловатаго шампанскаго. Это предложеніе было принято съ почтительнымъ восторгомъ, въ равной мѣрѣ относившимся къ цѣнѣ вина и къ щедрости гостя. Начался разговоръ. Черезъ нѣсколько минутъ Штаалю было извѣстно, что фройлейнъ Гертрудѣ семнадцать лѣтъ и что она училась два года въ мѣстной Töchterschule. А фройлейнъ Гертруда узнала, что gnädiger Herr — русскій дипломатъ, имѣющій секретную миссію въ Лондонъ, и что ему двадцать четыре года. Последнее сообщеніе встрѣтило, впрочемъ, съ ея стороны нѣкоторое недоувѣріе. Къ концу обѣда они были друзьями. Подошелъ къ столу Штааля и отецъ фройлейнъ Герруды, тоже выпилъ съ почтительнымъ восторгомъ кружку тепловатаго Секта и очень мило поговорилъ съ русскимъ гостемъ: похвалилъ Россію за ея громадную величнцу и выразилъ удивленіе передъ мудростью императрицы Екатерины, которую маленькой дѣвочкой видѣла въ Цербстѣ двоюродная тетка его покойной жены.

Было сказано нѣсколько словъ и о войнѣ съ Франціей. По всему было видно, что въ этомъ дѣлѣ хозяинна волнуетъ главнымъ образомъ вопросъ о наборѣ рекрутовъ. Револу-

тней же онъ интересовался чрезвычайно мало и даже къ самому факту ея относился какъ будто нѣсколько недобрчиво. Затѣмъ Штааль спросилъ хозяина, не знаетъ ли онъ, когда уходитъ изъ ближайшаго порта первый корабль въ Англiю. Хозяинъ немедленно справился по какому-то листку, для вѣрности опросилъ еще купцовъ и сообщилъ, что первый корабль отойдетъ при благоприятной погодѣ черезъ четыре дня. Такимъ образомъ весь слѣдующій день можно было смѣло оставаться въ Кенигсбергѣ. Молодой человѣкъ, поглядывая на фройлейнъ Гертруду, принялъ не безъ удовольствiя это извѣстiе, какъ ни смѣшна была его секретная миссия и какъ ни неудобно было заставлять ждать Питта, Гренвилля и Воронцова. День былъ законченъ небольшою совмѣстной прогулкой съ фройлейнъ Гертрудой и посѣщенiемъ кофейной, гдѣ къ вѣпскому кофею подавались удивительныя *Apfelkuchen mit Schlagsahne*. За четвертымъ кухномъ фройлейнъ Гертруда уже не могла безъ слезъ думать о предстоящемъ отъѣздѣ русскаго дипломата, и, если что могло ее утѣшить, то развѣ только его обѣщанiе подарить ей передъ отъѣздомъ флаконъ настоящихъ французскихъ духовъ. А Штааль сообщалъ, удобно ли будетъ дипломату съ секретной миссiей тайно увезти съ собой изъ Кенигсберга хорошенькую дочку хозяина гостинницы. Ихъ петербургскiй кружокъ, навѣрное, отнесся бы къ этому вполне сочувственно. Но представлялись съ другой стороны нѣкоторыя служебныя и ныя неудобства. Кромѣ того можно было предположить, что въ Лондонѣ, а тѣмъ болѣе въ Парижѣ, тоже найдутся хорошенькiя дочки у хозяевъ гостинницъ. Штааль не знаетъ ни какъ поступилъ бы на его мѣстѣ Носковъ, ни какъ поступилъ бы Декартъ.

Онъ рѣшилъ обдумать все это толкомъ потомъ наединѣ съ самимъ собою. Нахмуренный поднялся опъ въ десять часовъ вечера въ свою комнату и принялся ходить по ней взадъ и впередъ. Въ спальнѣ было довольно холодно: окна открывались въ гостинницѣ надолго, независимо отъ времени года. Штааль, расхаживая отъ письмен-

наго стола къ двери, все чаще поглядывалъ на огромную, мягкую постель, покрытую толстымъ духовымъ одѣяломъ въ стеганномъ шелковомъ чехлѣ. Хотѣлъ было, чтобъ сосредоточиться, записать свои мысли въ дневникъ. Но, какъ на зло, съ любовью купленная въ Англійскомъ Магазиנѣ для ремарокъ дорогая тетрадь въ кожаномъ переплетѣ запропастилась куда-то на самое дно чемодана. Штааль поставилъ сосредоточиться уже въ постели, раздѣлся, легъ, накрылся стеганнымъ одѣяломъ — и даже не погасилъ свѣчи: мысли его смѣшались въ ту же минуту. Онъ заснулъ сномъ девятнадцатилѣтняго юноши, на новомъ мѣстѣ, послѣ долгой дороги и нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго. Ему снились странные сны, въ которыхъ Пигтъ, Носковъ, Декартъ и особенно фройленъ Гертруда принимали сложное и дѣятельное участіе.

На слѣдующій день, какъ было заранѣе условлено, фройлейнъ Гертруда немедленно послѣ завтрака освободилась отъ своихъ обязанностей по хозяйству. Она обѣщала Штаалю показать ему главныя достопримѣчательности Кенигсберга. Однако, на повѣрку, этихъ достопримѣчательностей оказалось немного. А веселый день, теплый, влажный и солнечный, былъ чудесный. Фройлейнъ Гертруда предложила почитать вмѣстѣ вслухъ одну хорошую книжку въ прелестномъ уединенномъ уголкѣ Королевскаго Сада. Штааль охотно согласился и они отправились въ садъ, купивъ по дорогѣ полдюжины куконь. Въ Королевскомъ Саду было очень мало народа. Они усѣлись на скамейкѣ; фройлейнъ Гертруда пригласила Штаалья полюбоваться уголкомъ и признать, что уголокъ этотъ — herrlich и entzückend. Столичному дипломату не подобало чрезмерно восторгаться провинціальной природой; Штааль тѣмъ не менѣе снисходительно похвалилъ мѣстоположеніе. Затѣмъ фройлейнъ Гертруда раскрыла шелковую сумочку съ ея инициалами и съ золотой надписью: «Скромность и цѣломудріе — лучшія украшенія нѣмецкой дѣвицы». Пояснивъ Штаалю, что сумочка эта, подаренная ей отцомъ въ день окончанія Töchter Schule, стоила три съ половиной талера,

она вынула из сумочки книжку въ веселенькомъ голубенькомъ переплетѣ. Книжка называлась „Die Leiden des jungen Werther“; авторъ, по словамъ фройлейнъ Гертруды, былъ очень извѣстный, но еще молодой и чрезвычайно красивый собою поэтъ Гете: его лично знаетъ одна ея подруга, переселившая изъ Келингсберга въ Веймаръ, — повидимому влюблена въ него страшно и пишетъ, что онъ herrlich и entzückend. Фройлейнъ Гертруда разказала нѣсколько сбивчиво начало романа и принялась проникновенно, читать со середины. Штааль первый десять минутъ слушалъ внимательно. Но онъ не имѣлъ врожденнаго литературнаго слуха, нужнаго для того, чтобы оцѣнить по достоинству Гетевскую прозу. Къ тому же нѣмецкій поэтический языкъ былъ ему не совсѣмъ понятенъ; нѣсколько раздражало его, что общій смыслъ каждой сложной фразы онъ узнавалъ лишь въ самомъ ея концѣ — съ появленіемъ сказуемаго, — да и то не всегда. Штааль рѣшилъ, что слишкомъ нетерпѣливъ для нѣмецкихъ литературныхъ произведеній, и пересталъ вдумываться въ разказъ, но зато съ удовольствіемъ слушалъ звукъ голоса фройлейнъ Гертруды, казавшійся ему чрезвычайно пріятнымъ. Очень понравилось ему также выраженіе ея лица, которое дѣлалось все печальнѣе по мѣрѣ того, какъ становились тяжелѣе душевныя переживанія героя. Ирѣдка она останавливалась и съ грустной улыбкой сѣдала кухню. Когда дѣло дошло до прощальнаго письма Вертера, начинавшагося словами: „Es ist beschlossen, Lotte, ich will sterben,“ — голосъ фройлейнъ Гертруды задрожалъ и на ея черныхъ глазкахъ появилась легкая влага. Штааль хотѣлъ было утѣшить фройлейнъ Гертруду, оглянулся по сторонамъ, но призналъ болѣе удобнымъ отложить утѣшеніе до самоубійства героя, которое, по его мнѣнію, теперь должно было послѣдовать въ самомъ близкомъ будущемъ. Онъ сталъ нетерпѣливо ждать, стараясь опредѣлить по толщинѣ отгнутой правой части книги, сколько еще могло оставаться непрочтенныхъ страницъ. Ждать ему пришлось довольно долго: Вертеръ писалъ второе прощальное письмо. Но его

содержаніе совершенно ускользнуло отъ Штаала. ибо вниманіе молодого человѣка внезапно сосредоточилось на пожкѣ фройлейнъ Гертруды. Онъ съ удивленіемъ констатировалъ, что ножка у его пріятельницы очень маленькая, тогда какъ въ ихъ петербургскомъ кружкѣ считалось общепризнаннымъ, что у всѣхъ нѣмокъ громадныя ноги. Штааль задумался надъ этимъ вопросомъ, какъ вдругъ въ голосѣ фройлейнъ Гертруды послышались сдержанныя рыданья. Вертеръ требовалъ въ третьемъ прощальномъ письмѣ, чтобы бантъ, подаренный ему Лоттой, былъ положенъ съ нимъ въ гробъ. „Sei ruhig! — читала прерывистымъ голосомъ фройлейнъ Гертуда. — Ich bitte dich, sei ruhig! Sie sind geladen. — Es schlägt zwölf! So sei's denn! — Lotte! Lotte, leb' wohl! Leb' wohl!“...

Молодой человѣкъ растроганно обнялъ фройлейнъ Гертруду и нѣжно ее поцѣловалъ. Напуганная самоубійствомъ Вертера, она не оказала никакого сопротивленія; напротивъ, Штаалу даже показалось, при всей его неопытности, что его смѣлый поступокъ не слишкомъ поразилъ фройлейнъ Гертруду. Поцѣлуй, вѣроятно, затянулся бы долго, если-бъ не произошло нѣчто неожиданное. Съ легкимъ крикомъ „Lieber Gott! Herr Professor!“ фройлейнъ Гертуда внезапно вырвалась изъ рукъ Штаала и сплелась бѣгствомъ. предварительно подобравъ свалившуюся съ нея кофѣнъ сумочку съ золотымъ изреченіемъ: «Скромность и цѣломудріе — лучшія украшенія нѣмецкой дѣвицы».

ХІІ.

Штааль свирѣпо оглянулся. Передъ нимъ стоялъ, кротко улыбаясь, очень маленькой, очень дряхлый, напудренный старичекъ въ чистенькомъ, но довольно бѣдномъ, застегнутомъ на двѣ пуговицы, тепломъ кафтанѣ, къ которому было страннымъ образомъ пристегнуто какое-то странное оружіе, не то шпага, не то кортикъ. Изъ подъ маленькой треугольной шляпы видѣлся перевязанный

сзади черной лепточкой парикъ. Правое плечо у старика было сильно приподнято и какъ будто вывихнуто. Самъ онъ былъ такъ дряхлъ и слабъ, что, казалось, его могъ опрокинуть первый порывъ вѣтра.

— Что вамъ угодно, сударь? — сердито спросилъ Штааль.

Старичекъ улыбнулся еще болѣе кротко и сѣлъ на скамейку.

— Какъ это хорошо! — сказала онъ тихо, старческиимъ, приятнымъ голосомъ.—Славное дитя! Какъ это хорошо! Право, я очень радъ тому, что милая дѣвушка нашла себѣ жениха... Я знаю фройлейнъ Гедвигу съ ея рожденія, ибо, отправляясь гулять по средамъ и воскресеньямъ къ *Steindammer Thor*, неизмѣнно захожу въ гостиницу ея отца. Это прелестная дѣвушка. Я сердечно поздравляю васъ, молодой человекъ. Увидите, вы будете съ ней очень, очень счастливы...

«Что за чучело!» — подумалъ Штааль.

— Да вы кто такой и что вамъ собственно отъ меня угодно?

Старичекъ посмотрѣлъ на него удивленно.

— Вы меня не знаете? — спросилъ онъ нѣсколько менѣе ласково. — Вы иностранецъ? Въ этомъ городѣ меня знаютъ всѣ. Я — здѣшній профессоръ Кантъ. Мое имя вамъ также неизвѣстно? — грустно спросилъ онъ и затѣмъ разсмѣялся не то саркастически, не то добродушно.— Скажу вамъ правду: я не очень честолюбивъ, но меня иногда огорчаетъ, что я не пользуюсь извѣстностью въ широкой публикѣ. Право, людямъ не мѣшало бы знать, что думаетъ въ Кенигсбергѣ, на *Prinzessinstrasse*, старый Иммапуэль Кантъ... Впрочемъ, это не важно. Такъ вы — иностранецъ? Здѣсь есть немало поляковъ и евреевъ. Вы не полякъ? Несчастные поляки... Можетъ быть, вы — еврей? Евреи Фридландеръ и Маркусъ Герцъ — мои добрые друзья. Вы ихъ не знаете? Ахъ, да, вы иностранецъ. Вы, вѣроятно, намѣрены поступить въ нашъ университетъ? Прекрасная мысль, молодой человекъ. Я

люблю молодыхъ людей, а ваше лицо мнѣ особенно нравит-ся. Если хотите, я самъ буду съ вами заниматься. *privatim* или даже *privatissime* бесплатно или лучше за небольшую плату, — въ зависимости отъ вашихъ средствъ. Я могу преподавать вамъ всѣ предметы, которыя я читалъ въ университетѣ: математику, астрономію, философію, физику, логику, мораль, натуральное богословіе, юриспруденцію, астрономію, физическую географію, фортификацію и пиротехнику. Кромѣ этого, я, къ сожалѣнію, знаю немного. И нѣкоторыя главы мнѣ придется даже предварительно возстановить въ памяти. Я кое-что забылъ, потому что я очень старъ...

Онъ опять просіялъ улыбкой и его чисто дѣтская улыбка невольно остановила вниманіе Штаала. Онъ взглянулъ въ старика и увидѣлъ, что лобъ у него какой-то необыкновенный. Изъ глубокихъ впадинъ, покрытыхъ сѣдыми бровями, лили мягкій свѣтъ голубые глаза.

— Васъ, можетъ быть, смущаетъ, — продолжалъ старикъ, — что студентамъ по общему правилу не разрѣшается жениться. Это ничего. Я выхлопочу вамъ разрѣшеніе. А послѣ окончанія университета вы легко найдете мѣсто учителя. Вы можете быть впоследствии профессоромъ у себя на родинѣ. Это хорошо оплачивается. Я въ началѣ своей карьеры получалъ всего 62 талера въ годъ; а въ этомъ году мнѣ вышло 725 талеровъ 62 гроша и 9 пфенниговъ. И за сочиненія свои я тоже получаю педурной по нораръ: за мою «Критику Чистаго Разума» я получилъ по четыре талера съ печатнаго листа. Вы скажете, что я эксплоатирую своего издателя? Это невѣрно, ибо моя книга можетъ выдержать нѣсколько изданій и, навѣрное, принесетъ доходъ. Но я, дѣйствительно, очень, очень хорошо устраиваю свои дѣла... Вѣроятно, я проживу еще лѣтъ двадцать, и тогда я оставлю послѣ себя не менѣе тридцати тысячъ талеровъ сбереженій. А главное, за всю свою жизнь я никому ни разу не былъ долженъ ни гроша. Когда ко мнѣ стучать въ дверь, я открываю совершенно спокойно, зная, что за дверью нѣтъ кредитора. Да, — повторилъ онъ очень

довольнымъ тономъ: „Jawohl, mein junger Freund, mit ruhigem und freudigem Herzen kann ich immer «Herein» rufen, wenn jemand an meine Tür klopft, denn ich bin gewiß, daß kein Gläubiger draußen steht“ ...

— Почему же вы думаете, что проживете еще двадцать лѣтъ? — сердито спросилъ Штааль, раздраженный до послѣдней степени сдѣланнымъ ему предложеніемъ сначала поступить въ университетъ, а потомъ стать учителемъ.

Старичокъ остановилъ на немъ долгій взглядъ, точно хотѣлъ понять, за что обидѣлся его собесѣдникъ. Но самый вопросъ показался ему вполне естественнымъ.

— Оттого, что я очень крѣпкій человекъ, — съ гордостью отвѣтилъ онъ. У меня отъ рожденія слабое сердце и дурная печень. Но я побѣдилъ силой воли эти недостатки тѣла. Я запретилъ себѣ думать о своихъ страданьяхъ — и теперь не обращаю на нихъ никакого вниманія. Точно также я очень легко излечиваюсь волею отъ насморка. А главное, я веду правильный образъ жизни и все дѣлаю какъ слѣдуетъ, по опредѣленной научной системѣ. Вы какъ дышите, когда гуляете? Ртомъ? Ну, вотъ видите, а я дышу носомъ. А, когда вы работаете за письменнымъ столомъ, гдѣ вы держите носовой платокъ? Вѣрно, у себя въ карманѣ? Правда? А я — на стулѣ въ сосѣдней комнатѣ. Таки образомъ, всякій разъ, когда я нюхаю табакъ, я долженъ поневолѣ сдѣлать нѣсколько шаговъ. Слѣдовательно, я не засиживаюсь долго на одномъ мѣстѣ и произвожу время отъ времени полезный моціонъ. — Онъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на молодого человека. — Я все дѣлаю обдуманно. Человекъ долженъ размышлять о каждомъ своемъ дѣйствіи.

— А вы женаты? — спросилъ Штааль.

— Я? — съ ужасомъ воскликнулъ старикъ. — О нѣтъ! Вообразите, меня еще совсѣмъ недавно хотѣлъ женить мѣстный пасторъ Беккеръ. Онъ даже написалъ для меня диалогъ о женитбѣ: «Рафаель и Тобіасъ или размышленіе о брачной жизни христіанина». — Старикъ расхохотался. —

Мы имѣли продолжительную бесѣду и я его опровергъ по всѣмъ пунктамъ... — продолжалъ онъ, кашляя отъ смѣха. — Разумѣется, я вернулъ ему расходы по выпуску этой брошюры, ибо онъ напечаталъ ее только для того, чтобы убѣдить меня жениться... Нѣтъ, нѣтъ, я вообще нахожу, что настоящій мужчина не долженъ вступать въ бракъ. Но такъ какъ большинство людей все-таки, къ сожалѣнiю, имѣеть это дурное обыкновение, то я съ радостью привѣтствую тѣ случаи брака, которые согласны съ требованiями разсудка. За женой непременно надо брать приданое... Не очень большое, но обеспечивающее независимость мужа. Ибо для размышленiя необходима матеріальная независимость. И вы можете быть увѣрены, что за Еленой получите порядочное приданое, не менѣе пяти тысячъ талеровъ. Гостинница сiя отца даетъ отличный доходъ. На эти деньги вы можете жить совершенно независимо. Если у васъ окажется способность къ отвлеченной мысли, это будетъ превосходно. Вы могли бы, на примѣръ, подъ моимъ руководствомъ разрабатывать онтологическую проблему. Это очень интересная проблема... Въ противномъ случаѣ, вы можете стать честнымъ купцомъ, какъ мой другъ Гринъ, или книгопродавцемъ, какъ мой другъ Николовиусъ, или директоромъ банка, какъ мой другъ Рвссманъ...

— У васъ много друзей, — замѣтилъ Штааль, чтобы что-нибудь сказать. Его ироническое настроенiе ослабло. Что-то въ этомъ старикѣ съ огромнымъ лбомъ и съ глазами свѣтящимися изъ подъ сѣдыхъ бровей, производило на него странное дѣйствiе.

— Да, у меня много друзей, — повторилъ торжественно старикъ. — Нѣкоторые, правда, умерли... Но я ихъ никогда не вспоминаю. Я запретилъ себѣ о нихъ думать... Не нужно никогда вспоминать о мертвыхъ. — сказалъ онъ вдругъ страннымъ, измѣнившимся голосомъ, въ которомъ Штаалю послышался ужасъ.

— У меня есть друзья, — заговорилъ онъ опять, — потому, что я предписалъ себѣ любить людей... Къ несчастью, въ наше злое, ужасное время есть не сто.

ощіе любви, вредные, роковые, опасные люди, которых постигнет вѣчное, тяжкое проклятіе потомства...

— Робеспьеръ? Дантонъ? — спросилъ Штааль.

— Дантонъ? — переспросилъ съ удивленіемъ Кантъ (онъ выговаривалъ Dantong съ удареніемъ на первомъ слогѣ). — Нѣтъ, какое же отношеніе имѣетъ сюда Дантонъ? Люди, о которыхъ я говорилъ, это консисторіальные совѣтники, бреславскій пасторъ Германъ Даниель Гермесъ и бывший учитель гимназіи Готтфридъ Фридрихъ Хилльнеръ... Впрочемъ, Богъ съ ними! Разумный, мыслящій человекъ не имѣетъ враговъ. Вы сказали — Робеспьеръ, Дантонъ... Я думаю, они не плохіе люди. Они заблуждаются, только и всего: почему-то вообразили себя революціонерами. Развѣ они революціонеры? Они такіе же политики, такіе же министры, какъ тѣ, что были до нихъ, при покойномъ королѣ Людовикѣ. Немного лучше или скорѣе немного хуже. И дѣлаютъ они почти то же самое, и хотятъ почти того же, и душа у нихъ почти такая же. Немного хуже или скорѣе немного лучше... Какіе они революціонеры?

— Кто же настоящіе революціонеры? — спросилъ озадаченный Штааль.

— Я, — сказалъ старикъ серьезно и равнодушно, какъ самую обыкновенную и само собой разумѣющуюся вещь.

«Сумасшедшій», — подумалъ Штааль.

— Это очень распространенное заблужденіе, будто во Франціи происходитъ революція, — продолжалъ старикъ. — Признаюсь вамъ, я самъ такъ думалъ нѣкоторое время и былъ увлеченъ французскими событіями. Но теперь мнѣ совершенно ясно обманъ, и я потерялъ къ нимъ интересъ. Во Франціи одна группа людей пришла на смѣну другой группѣ и отняла у нея власть. Конечно, можно называть такую смѣну революціей, но вѣдь это все таки не серьезно. Разумѣется, я и теперь желалъ бы, чтобы во Франціи создалось правовое государство, болѣе или менѣе соответствующее идеямъ Монтескье... Но, согласитесь, это все не то... Почему эти люди не напутъ революціи съ самихъ себя? И почему они считаютъ себя послѣдователями Руссо?..

Руссо,—сказалъ онъ съ уваженіемъ,—имѣлъ въ виду совершенно другое. Руссо былъ большой, но, къ сожалѣнію, недостаточно философскій умъ. Онъ былъ чересчуръ несчастенъ для того, чтобы правильно размышлять. Онъ ненавидѣлъ людей... Но все таки съ Руссо я могъ бы договориться. Мы бы поспорили и, навѣрное, къ чемунибудь пришли. Между тѣмъ я не увѣренъ, что мнѣ удалось бы переубѣдить Дантона или, скажемъ, Питта... Дантонъ и Питтъ, — вѣдь это одно и то же.

— Я на дняхъ увижу Питта, — скажу нужнымъ вставить Штаалъ, желая указать старику его настоящее мѣсто. — Если вамъ что нужно... У меня есть къ нему секретное порученіе отъ моего правительства...

Старикъ посмотрѣлъ на него разочарованно.

— Такъ вы дипломатъ? — сказалъ онъ. — Какъ жаль!.. Право, бросьте вы это дѣло, молодой человѣкъ. Повѣрьте, гораздо лучше быть учителемъ или купцомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, еще не было ни одного умнаго дипломата. Я хочу сказать, что еще ни одинъ дипломатъ не высказалъ ни одной такой мысли, по которой его можно было бы отличить отъ другого дипломата: они всѣ вотъ уже три тысячи лѣтъ—совершенно одинаковы. Удивительнѣе всего то, что люди терпятъ ихъ до сихъ поръ, — какъ терпятъ и вѣчное дѣло дипломатовъ — войну. Я теперь обдумываю одну маленькую работу: о вѣчномъ мирѣ. Но если вы меня спросите, увѣренъ ли я въ томъ, что послѣ выхода въ свѣтъ моей работы дипломаты перестанутъ устраивать войны, право, я не рѣшусь отвѣтить утвердительно... Только въ моемъ ученіи — подлинная революція духа. И потому самые вредные, самые опасные люди это не Дантонъ и не Робеспьеръ, а тѣ, которые мѣшаютъ мнѣ высказывать мои мысли. Развѣ можно запрещать произведенія Канта?..

Онъ вынулъ изъ кармана какіе-то листы печатной бумаги и показалъ ихъ Штаалю, не выпуская изъ рукъ.

— Это моя послѣдняя работа, — сказалъ онъ значительно: — „Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Ver-

lunft aufgenommen". Я прочту вамъ главу объ основномъ элѣ человѣческой природы. Слушайте!

Онъ откашлялся, растянулъ немного бѣлый шарфъ, которымъ была обвязана его сморщенная, товкая старческая шея, и сталъ читать, съ выразительными и исполненными очевиднаго удовольствія интонаціями, сопровождаемая чтеніе непрерывными жестами пальцевъ лѣвой руки на висотѣ головы.

„Dass die Welt im Argen liegt, ist eine Klage die so alt ist als die Geschichte“ . . .

Но Канту помѣшалъ читать какой-то быстро подходившій къ скамейкѣ пожилой человѣкъ съ краснымъ носомъ. — Ну вотъ! — воскликнулъ онъ грубоватымъ сиплымъ голосомъ. — Ну можно ли? Въ пять часовъ господина профессора еще нѣтъ дома! Я долженъ былъ бѣжать на поски господина профессора... Со стороны господина профессора это очень неосторожно — гулять такъ долго. И господину профессору никакъ не слѣдовало садиться на скамейку... И господину профессору давно пора домой...

Кантъ задумчиво смотрѣлъ на него.

— Это мой слуга Лампе, — пояснилъ онъ Штаалю. — Лампе правъ. Я прочту вамъ когда нибудь въ другой разъ мою работу: Vom radicalen Bösen in der menschlichen Natur. Скоро сумерки... Въ сумерки надо размышлять. Я работаю до утрамъ, отдыхаю съ друзьями днемъ, размышляю въ сумерки, читаю по вечерамъ. А въ десять я ложусь спать. Я прежде хорошо спалъ... Но теперь мнѣ часто снятся дурные сны...

Голосъ его опять измѣнился и опять въ немъ послышался ужасъ.

— Мнѣ снятся кровь, убійства... Не знаю, что это значить, — медленно, съ разстановкой, сказалъ онъ. — Не знаю... Кровь, убійства... Почему это снится мнѣ?... Я не могу терять спокойствіе... Не знаю... Ну, прощайте, молодой человѣкъ. Вы мнѣ очень понравились. Я радъ за милую

Гедвигу... И, пожалуйста, бросьте дипломатическую карьеру... Прощайте, молодой человекъ.

Онъ медленно пошелъ по дорогѣ маленькими ровными шажками, высоко поднимая ноги и дыша по своей системѣ. — носомъ.

Штааль долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Этотъ дряхлый старикъ, занимавшійся вопросомъ объ основномъ злѣ человеческой природы, былъ, конечно, очень смѣшонъ. Тѣмъ не менѣе молодому человеку казалось, будто есть въ немъ и что-то непонятное, и совершенно недоступное, и даже страшное... Но что же именно?.. Штааль тяжело вздохнулъ и пошелъ разыскивать фройлейнъ Гертруду.

Невдалекѣ за Кантомъ слѣдовалъ слегка выпившій Лампе. Онъ угрюмо думалъ, что здоровье господина профессора начинаетъ явно опускаться. Прежде господинъ профессоръ не сталъ бы терять время, положенное для прогулки, на пустые разговоры съ какимъ-то мальчишкой. Этотъ мальчишка еще, кажется, потѣшался надъ старостью господина профессора. Дурачокъ! Лампе вспоминалъ, какъ въ ихъ кабинетъ на Prinzessinsrasse робко входили почтенные, сѣдые ученые, пріѣзжавшіе со всѣхъ сторонъ Германіи для того, чтобы увидѣть господина профессора; вспоминалъ и то молитвенное выраженіе, съ какимъ эти заслуженные люди иногда смотрѣли на голову господина профессора.. Но въ послѣднее время на лицахъ этихъ людей, когда они выходили изъ кабинета, онъ какъ будто читалъ огорченіе, скрываемую скорбь — или ему такъ казалось?.. Да, конечно, профессоръ Кантъ старъ. Но это все-таки профессоръ Кантъ... И еслибъ существовала на свѣтѣ справедливость, ему поистинѣ надлежало бы имѣть чинъ Geheimrat'a.

XIII.

Хотя Штааль пріобрѣлъ въ Петербургѣ нѣкоторую привычку къ высокопоставленнымъ людямъ, онъ не безробости ждалъ, подѣзжая на кэбѣ къ русскому посоль-

ству въ Лондонѣ, свиданія съ генераль-поручикомъ, графомъ Римской Имперіи, Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ. По тому тону, въ которомъ говорили о послѣднемъ и Безбородко, и Ростопчинъ, и даже Иванчукъ, Штааль чувствовалъ что русскій посолъ въ Англіи — человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный. Этотъ исполненный уваженія тень, столь рѣдко принимаемый въ отношеніи отсутствующихъ людей, было трудно объяснить высокимъ общественнымъ положеніемъ графа Воронцова. Семень Романовичъ не имѣлъ большого богатства; огромное состояніе его отца, желѣзные рудники и малороссійскія имѣнія, было въ значительной части конфисковано при вступленіи на престолъ Екатерины. Воронцовъ принадлежалъ къ старой русской аристократіи, — его родъ восходилъ къ 11-му вѣку, къ сказочному князю Шимону Африкановичу, — но ихъ семья не пользовалась расположеніемъ императрицы. Не сдѣлалъ Семень Романовичъ и блестящей служебной карьеры.

Воронцову было восемнадцать лѣтъ въ дни петербургскаго переворота 1762 года. Онъ рѣшительно принялъ тогда сторону Петра III, — хотя самъ точно не зналъ почему. Здѣсь имѣла значеніе и милость, которой пользовалась у императора его семья. Имѣло значеніе и соперничество знаменитыхъ полковъ: Семень Романовичъ былъ преобразенецъ, тогда какъ Екатерину возводили на престолъ семеновцы и измайловцы. Возмутило Воронцова и то, что жена посмѣла возстать противъ мужа. А главной причиной было отвращеніе, которое ему внушала личность императрицы Екатерины. Отъ этого чувства Семень Романовичъ не могъ никогда отдѣлаться и впоследствии. Родъ Воронцовыхъ былъ такъ близокъ къ престолу, что дѣла царской семьи они инстинктивно чувствовали почти какъ собственныя свои дѣла. Семень Романовичъ инстинктивно усвоилъ то самое отношеніе къ императрицѣ, которое со временъ Николая I было принято въ династіи Романовыхъ: Екатерина, при всѣхъ своихъ государствен-

ныхъ заслугахъ, разсматривалась какъ фамилный скандалъ, и говорить о ней считалось неудобнымъ.

Поведеніе Воронцова въ дни переворота 1762 года не было забыто. Арестованный съ оружіемъ въ рукахъ, но вскорѣ выпущенный на свободу, Семенъ Романовичъ не пожелалъ остаться въ гвардейскомъ полку. Дальнѣйшая его служба протекала большей частью въ дѣйствующей арміи. Однако, несмотря на храбрость и боевыя заслуги графа (его высоко цѣнили самъ Румянцевъ), хода ему не давали, особенно послѣ того, какъ онъ отклонилъ предложеніе, сдѣланное ему Потемкинымъ, вернуться въ Преображенскій полкъ, находившійся подъ командой фаворита. Семенъ Романовичъ вышелъ, наконецъ, въ отставку и уѣхалъ за границу. Впослѣдствіи Безбородко уговорилъ его занять важный и самостоятельный постъ по дипломатическому вѣдомству. Въ должности русскаго посла въ Англіи Воронцовъ продолжалъ держать себя крайне независимо въ отношеніи государыни и фаворитовъ: часто рѣзко отвѣчалъ на письма Екатерины, а Зубову не позволялъ вмѣшиваться въ дѣла посольства. Его бы давно смѣстили, если-бъ императрица не знала, что британское правительство относится къ Воронцову съ исключительнымъ уваженіемъ и что посломъ у англичанъ непременно надо имѣть умнаго и неподкупнаго человѣка.

Внѣшній обликъ графа Семена Романовича произвелъ на Штааля обаятельное впечатлѣніе. Посолъ, высокій красивый пожилой человѣкъ съ усталымъ, болѣзненнымъ лицомъ, чрезвычайно ласково его припаялъ — безъ слѣдовъ гордости и барства, которыхъ побаивался Штааль. Воронцовъ былъ такой настоящей баринъ и такъ это было само собой очевидно и для него самого и для всѣхъ окружающихъ, что ему и въ голову не приходило выставлять или подчеркивать свое барство, какъ это часто дѣлали Ростопчинъ, Зубовъ и много другихъ лицъ, не настоящихъ или не совсѣмъ настоящихъ, встрѣчавшихся Штаалю въ Петербургѣ.

Молодой человекъ сказалъ съ первыхъ словъ, что имѣть секретную миссію; онъ говорилъ по французски — отчасти для важности, отчасти потому, что, какъ его предупредили, посоль нѣсколько отвыкъ заграницей отъ русской рѣчи.

Воронцовъ привѣтливо улыбнулся.

— Знаю, знаю секретныя миссіи графа Александра Андреевича, — сказалъ онъ добродушно. — Приѣзжалъ сюда тоже молодой Комаровскій, — говорить, привезъ важныя депеши. Я вскрылъ пакетъ — смотрю: кромѣ старыхъ газетъ, ничего. Графъ просто послалъ молодого человекъ покататься по Европѣ — и прекрасно сдѣлалъ... Впрочемъ, разумѣется, не всегда такъ бываетъ, — добавилъ Воронцовъ серьезно, замѣтивъ огорченіе на лицѣ Штаалы. — Познакомьте же меня съ вашей миссіей...

Онъ внимательно выслушалъ объясненіе молодого человекъ. Узнавъ, что Штааль привезъ с т а ф е т у не только отъ Безбородко, но и отъ Зубова, Семень Романовичъ нѣсколько нахмурился, не зная, что подумать: непонятно было, какимъ образомъ одно лицо могло имѣть довѣрительныя порученія одновременно отъ двухъ ненавидѣвшихъ другъ друга политическихъ дѣятелей, и это плохо рекомендовало Штаалы въ глазахъ посла. Еще непонятнѣй было, почему совсѣмъ молодому человекъ поручена задача, явно предполагавшая очень основательное знакомство со всею европейской политикой.

«Впрочемъ теперь правы другіе», — подумалъ Воронцовъ. — *«Nous avons changé tout cela.* Могъ же — въ Англіи! — Питтъ стать премьеромъ въ двадцать четыре года»...

— О вашей миссіи, — сказалъ онъ, — разговоръ долженъ быть долгій. Вы приѣхали въ интересный моментъ. Идеи новой тактики начинаютъ прокладывать себѣ дорогу въ рядахъ французской эмиграціи... Этотъ епископъ Отенскій оцель, очень умный человекъ. Но о дѣлахъ мы поговоримъ немного позже, — теперь пойдемте, я васъ напою русскимъ чаемъ, а вы намъ расскажете разныя новости.

Намъ — это моему совѣтнику Лысакевичу — прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ — и мнѣ; больше не будетъ никого.

Воронцовъ провелъ Штаала изъ кабинета въ гостиную. Молодой человѣкъ былъ радъ отсрочкѣ серьезнаго разговора. Слова «новая тактика», очевидно относившіяся къ чему-то всѣмъ извѣстному, его нѣсколько смутили: онъ не слышалъ ни о новой, ни о старой тактикѣ французскихъ эмигрантовъ. Совершенно незнакомо ему было также имя епископа Отенскаго. Штааль боялся показаться послу недостаточно подготовленнымъ для своей мисси: 19 лѣтъ и отсутствие усовъ положительно губили его карьеру.

Воронцовъ познакомилъ гостя съ Лысакевичемъ, тихимъ, очень вѣжливымъ старичкомъ. Кромѣ него въ гостиной былъ еще мальчикъ въ костюмѣ англійскаго школьника.

— Мой сынъ, — сказалъ Семень Романовичъ, и по тому, какъ онъ это сказалъ и какъ смотрѣлъ на сына, можно было понять, что вся жизнь графа сосредоточена на мальчикѣ. — Вы, можетъ быть, пьете не чай, а half and half? — спросилъ онъ Штаала, улыбаясь. — Ахъ, вы еще не знаете, что такое half and half? И слава Богу: не мнѣ вамъ объяснять. Я самъ пью только свою минеральную воду, — превосходная вода... Ну, теперь расскажите намъ петербургскія новости.

Штааль не ударилъ въ грязь лицомъ. Подѣлился нѣкоторыми подробностями, касающимися свадьбы великаго князя Александра; рассказалъ о новыхъ чудачествахъ наследника престола; сообщилъ, что Валерьянъ Зубовъ надеется пройти въ генераль-поручики; что Волконскій безнадежно влюбленъ въ Салтыкову; что Щербатовъ жепится на Пушкиной, а Строганова выходитъ за Демидова. Все это онъ рассказывалъ въ томъ слегка пасмѣшливомъ, но неуверенномъ тонѣ, въ какомъ обыкновенно говорятъ умные мальчики, только что перешедшіе или переходящіе на положеніе взрослыхъ. И рассказывалъ онъ обовсѣхъ этихъ знатныхъ людяхъ, опускаая, р а з у м ѣ е т с я, ихъ титулы, точно

рѣчь шла о знакомыхъ ему съ дѣтства пріятеляхъ, слабости которыхъ одинаково хорошо знаютъ и онъ самъ и его собесѣдники. Но Штааль скоро замѣтилъ, что его новости мало интересуютъ Воронцова, хотя посолъ слушалъ внимательно и учтиво. Тогда молодой человѣкъ рѣшилъ поднять тему разговора и упомянулъ о дѣлѣ Новикова, очень впрочемъ неопредѣленно: онъ больше не зналъ, что слѣдуетъ думать о такихъ людяхъ, какъ Новиковъ и Радищевъ.

Лицо Воронцова сразу потемнѣло. Съ удивившей Штааля рѣзкостью выраженій онъ отозвался о поведеніи правительства и князя Прозоровскаго въ этомъ г н у с н о м ъ д ѣ л ѣ. Строго посматривая на юношу, но обращаясь преимущественно къ Лысакевичу, Воронцовъ заявилъ категорически, что Николай Ивановичъ Новиковъ благороднѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ. Вся его вина заключается, повидимому, въ томъ, что онъ желалъ вывести изъ нечѣжества нашъ темный, дикій народъ, желалъ предупредить въ Россіи возможность событій, много худшихъ, нежели французская революція.

— *On a trop vite oublié la* Пугачевщина à Saint-Petersbourg, — волнуясь, закончилъ Семенъ Романовичъ.

Штаалу стало неловко. Онъ только теперь понялъ, что вполнѣ сочувствуетъ взглядамъ Воронцова, и боялся, какъ бы его молчаніе не было ложно истолковано.

— *Je crois...* — началъ онъ, но Воронцовъ на этотъ разъ его перебилъ, несмотря на всю свою вѣжливость.

— А Радищевъ, котораго о н и сослали въ Сибирь! — нервно заговорилъ онъ, обращаясь къ Лысакевичу. — Прекрасный, благороднѣйшій, просвѣщенный человѣкъ, гордость и слава Россіи... Въ то время, какъ всѣ эти Зубовы... Нѣтъ, положительно о н и сопли съ ума въ Петербургѣ... Такъ доводятъ страпу до революціи... Крымъ хотѣли заселить англійскими каторжниками...

Воронцовъ схватился рукой за грудь и замолчалъ. Потомъ налилъ себѣ минеральной воды и сталъ пить медленными глотками.

Лысакевичъ, очевидно боготворившій графа, робко на него поглядѣлъ и перевелъ разговоръ на другую тему. Смущенный Штааль внезапно почувствовалъ большой интересъ къ своему маленькому сосѣду, сыну посла, и сталъ вполголоса, покровительственно его разспрашивать объ англійской школѣ. Вскорѣ затѣмъ Лысакевичъ, желая дать Воронцову возможность немного отдохнуть отъ взволновавшаго его разговора, предложилъ показать Штаалу нѣкоторыя достопримѣчательности посольства и архива. Молодой человѣкъ ухватился за это предложеніе и долго слушалъ совершенно не интересовавшія его поясненія къ какимъ-то важнымъ историческимъ бумагамъ.

— А что, скажите, пожалуйста, — задалъ онъ не совсѣмъ кстати хитрый дипломатическій вопросъ, — правда ли, будто новая тактика имѣеть успѣхъ во французской эмиграціи?

— Да какъ вамъ сказать? — отвѣтилъ нѣсколько удивленный Лысакевичъ. — Ужъ очень умный человѣкъ этотъ епископъ Отенскій...

«Попугай какой-то», — недовольно подумалъ ничего не вывѣдавшій Штааль.

Они вернулись въ гостиную. Воронцовъ сидѣлъ на диванѣ, нѣжно глядя сына рукой по волосамъ, и что-то рассказывалъ ему, тихо, задумчиво улыбаясь.

— ... Le second major du régiment, Петръ Петровичъ Роейковъ, le plus respectable des hommes et le plus attaché à son légitime Souverain, galopa le long du régiment en ré pétant: «Ребята! Не позабывайте вашу присягу къ законному вашему Государю Императору Петру Фодоровичу. умремъ или останемя ему вѣрны!.. » Il nous tendit la main et pleura de j ie, en voyant dans mon capitaine et moi les mêmes sentiments d'honneur dont il était animé. Après cela il cria: „ступай!“ et nous marchâmes vers l'église de Казанская... Cathérine était là...

По тону рѣчи и по радостному выраженію лица Воронцова, нетрудно было догадаться, что это воспоминаніе объ

его поведеніи въ 1762 году было ему чрезвычайно пріятно. Онъ ласково улыбнулся Штаалю и предложилъ гостю мѣсто около себя на диванѣ. Мальчикъ сейчасъ же пересѣлъ по тѣвую сторону отца. Лысакевичъ простился и ушелъ домой.

— Ну, теперь поговоримъ о вашей миссиі, — сказалъ Семенъ Романовичъ и подробно познакомилъ Штаала съ состояніемъ французской эмиграціи.

Оказалось, что матеріальное положеніе послѣдней становится все болѣе сквернымъ. Нужда усиливается; англичане помогаютъ очень мало. Живутъ эмигранты главнымъ образомъ продажей вещей, которыя удалось вывезти изъ Франціи. Магазинъ *Perre and Co* на *Old Burlington Street* занимается почти исключительно скупкой эмигрантскихъ драгоценностей. Заработокъ находятъ очень немногіе счастливицы — и какой заработокъ! Маркиза де-Рео, графиня де-Сессеваль торгуютъ въ лавкѣ, графъ де-Комонъ сталъ переплетчикомъ, кавалеръ де-Пайонъ — учитель танцевъ, графъ де-Буажеленъ преподаетъ дѣтямъ игру на клавесинѣ, маркиза де-Шабанъ-Лапалисъ открыла пансіонъ, мадамъ де-Гонто торгуетъ какими-то коробочками... При этомъ, изъ всѣхъ коммерческихъ предпріятій, затѣваемыхъ эмигрантами, почти никогда ничего не выходитъ. Недавно пошла у нихъ мода на сельское хозяйство: такъ дочь маршала Ноайля купила гдѣ-то клочокъ земли, завела коровъ, доить ихъ сама, работаетъ цѣлый день, — но у эмигрантовъ и коровы дохнутъ безъ причины... Однимъ словомъ матеріальное положеніе ужасное: черезъ годъ, если якобинцы не падутъ, въ эмиграціи начнется голодъ и, вѣроятно, полное разложеніе: „il y a hélas de grandes dames qui sont devenues des marchandes de baisers“, — добавилъ вполголоса графъ. Очень скверно и моральное состояніе эмигрантовъ. Хорошо только одно: всѣ эти бывшіе атеисты и вольтерьянцы теперь не выходятъ изъ церквей; говорятъ, во Франціи тоже очень усилились религіозныя настроенія. Въ остальномъ — эмигрантское дѣло плохо. Въ послѣднее время много шума и еще больше злобы вызываютъ новыя идеи, связываемыя съ именемъ бывшаго

епископа Отенскаго. Политическій центр новаго движенія находится въ Juniper Hall, около парка Норбери. — Сущность новыхъ идей вамъ, вѣроятно, извѣстна? — замѣтилъ вѣжливо Горонцовъ (Штааль неопредѣленно мотнулъ головой): она заключается въ признаніи такъ называемыхъ завоеваній революціи, *les conquêtes de la Révolution*. Сторонники старыхъ взглядовъ — огромное большинство эмигрантовъ — ненавидятъ всю Революцію отъ начала до конца и къ дѣятелямъ ея перваго періода относятся, пожалуй, болѣе враждебно, чѣмъ къ якобинцамъ. Якобинцевъ они даже уважаютъ въ душѣ за твердую власть, за гильотину, за то, что тѣ показали, какъ надо править французскимъ народомъ. Кромѣ того они убѣждены что якобинскій режимъ неизбѣжно долженъ привести къ восстановленію стараго строя. — Калопиъ, какъ вы знаете, давно утверждаетъ: «*Sans Jacobins point de salut.*» — Само собой разумѣется, что сторонники этихъ взглядовъ хотятъ восстановить монархію Бурбоновъ въ прежнемъ видѣ, съ самыми незначительными измѣненіями въ законодательствѣ стараго строя. Напротивъ послѣдователи новаго направленія, ненавидя нынѣшнихъ властителей Франціи, тѣмъ не менѣе очень многое въ революціи принимаютъ и считаютъ вполне разумными идеи перваго ея періода, принципы 1789 года и «Декларацію правъ человѣка». Въ династію Бурбоновъ они вѣрятъ плохо, а въ возможность восстановленія стараго строя, хотя бы въ исправленномъ видѣ, не вѣрятъ совершенно. Мнѣнія сильно расходятся также по вопросу о способахъ борьбы съ якобинскою властью. Сторонники старой тактики возлагаютъ все надежды на интервенцію европейскихъ державъ и на вандейскую контръ-революціонную армію Кателино, Стоффлэ и Ларошжаклена, причемъ первыхъ двухъ вождей они не очень жалуютъ: Стоффлэ — сынъ мельника, а Кателино — человѣкъ еще болѣе низкаго происхожденія. Истиннымъ героемъ эмигрировавшей аристократіи является третій контръ-революціонный вождь, графъ де-Ларошжакланъ, который, вѣроятно, и будетъ главнокомандующимъ. Какъ бы то ни было, громадное большинство

эмигрантовъ намѣрено сплотиться подъ знаменами Вандей. Епископъ же Отенскій не вѣритъ въ успѣхъ Вандейскаго возстанія, а потому и не желаетъ ему успѣха.

— На что же рассчитываетъ епископъ Отенскій? — спросилъ осторожно Штааль.

— Да у него не разберешь, — отвѣтилъ, усмѣхаясь. Воронцовъ. — Это субъектъ не слишкомъ откровенный: «языкъ», говоритъ онъ, «данъ человѣку для того, чтобы скрывать мысли». Повидимому, епископъ находитъ, что его часть еще не пришелъ. На извѣстный вопросъ «Que faire?», заданный госпожей Стааль, онъ отвѣтилъ: «Attendre et dormir, si l'on peut» ... Въ сущности, его новая тактика заключается въ отсутствіи всякой тактики: ждать терпѣливо, возможно меньше себя компрометируя, — вотъ и все... Кажется, онъ рассчитываетъ, что якобинцы сами перерѣжутъ другъ друга. Но, можетъ быть, я и ошибаюсь: кто знаетъ, что думаетъ въ дѣйствительности епископъ Отенскій?.. Долженъ вамъ сказать, я изложилъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ эмигрантскія идеи и теченія. И среди сторонниковъ новой тактики, и среди сторонниковъ старой существуетъ немало подраздѣленій: взгляды Лалли-Толлендаля, идеи Малле-дю-Пала, — вообще у многихъ эмигрантовъ есть единственный и вѣрный секретъ спасенія Франціи. Идеинный разбродъ полный, поистинѣ страшнозрѣлище: всѣ они переругались, перессорились, всѣ другъ друга въ чемъ-то обвиняютъ, ненавидятъ другъ друга едва ли не больше чѣмъ якобинцевъ, и, разумѣется, всѣ выражаютъ истинную волю Франціи. А еще большой вопросъ, есть ли у Франціи въ настоящее время истинная воля? Я какъ-то сказалъ все это епископу Отенскому, — онъ засмѣялся и назвалъ меня умнымъ человѣкомъ.. Теперь вдобавокъ, послѣ пораженія герцога Брауншвейгскаго, появилось еще новое эмигрантское теченіе. Оно призываетъ къ возвращенію во Францію и къ совмѣстной работѣ съ якобинцами. Но объ этихъ господъ и говорить не стоитъ, — сказалъ съ презрѣніемъ Воронцовъ. — Я не люблю ни эмигрантовъ, ни якобинцевъ; но кающіеся эмигранты, какъ и кающіеся якобинцы (скоро

коявятся и такіе), внушаютъ мнѣ совершенное отвращеніе... Впрочемъ допускаю, что эти господа и подкуплены, — якобинцы тратятъ большія деньги на возвращеніе эмиграціи.

— Какой же вамъ собственный взглядъ на положеніе вещей во Франціи? — спросилъ Штааль, мысленно составляя планъ блестящаго доклада императрицѣ.

— У меня нѣтъ опредѣленнаго мнѣнія. — отвѣтилъ нехотя Воронцовъ. — Скорѣе всего, правъ епископъ Отенскій: надо ждать, ничего другого не остается. Только мнѣ русскому, легко такъ разсуждать. А онъ—французъ: у него въ Парижѣ рѣжутъ друзей и родныхъ... Вотъ тутъ и говори: «Attendre et dormir»... У этого умнѣйшаго человѣка течетъ въ жилахъ не кровь, а холодная вода... Во всякомъ случаѣ, я противъ интервенціи, — особенно противъ интервенціи русской: намъ во французскія дѣла вмѣшиваться никакъ не слѣдуетъ... Сами никогда не просили и не будемъ просить о чужомъ вмѣшательствѣ, ну, и въ чужія дѣла мы тоже не должны соваться. Я такъ и пишу императрицѣ... Любопытно, что въ вопросѣ объ интервенціи эмигранты возлагаютъ теперь большія надежды на Англію, — но вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣрятъ ей ни на грошъ. Графъ Водреиль недвусмысленно утверждаетъ, что Англія выгодна французская революція и что Питтъ умышленно поддерживаетъ якобинскій развалъ. Это довольно распространенное мнѣніе вѣрно лишь отчасти: разумѣется, Питтъ чрезвычайно хотѣлъ бы надолго и прочно ослабить Францію; но съ другой стороны, онъ сильно побаивается якобинской заразы. Надо вамъ сказать, что англійское общество до войны очень благосклонно относилось къ французской революціи, несмотря на огромное впечатлѣніе, произведенное книгой Берка: «*Reflexions on the Revolution in France.*» Ни о какой войнѣ съ Франціей не могло быть рѣчи, вы еще и теперь найдете на заборахъ старые плакаты: «*No war with French!*» Однако послѣ казни короля настроеніе англичанъ сильно измѣнилось; боязнь заразы теперь очень сильна. Самъ Питтъ ничего умнаго пока не придумалъ.

— А что такое вашъ знаменитый Питтъ? — спросилъ Штааль.

— Питтъ? — переспросилъ, снова усмѣхнувшись, Воронцовъ. — Въ частной жизни это честнѣйшій, благороднѣйшій человекъ, безукоризненный джентльменъ, образованный сынъ, братъ, дядя, другъ. Въ политикѣ, особенно во внѣшней, это совершеннѣйшій мошенникъ и бандитъ, готовый для Англiи на что угодно. *i ds* на что угодно. Якобиццы обвиняютъ его во всевозможнѣйшихъ преступленияхъ. Говорятъ, напримѣръ, будто онъ подкупилъ Гастона Пари для убiйства члена Конвента Лепеллетье Сель-Фаржо. По совѣсти, не знаю, все ли въ ихъ обвиненiяхъ издорно. Питтъ — англичанинъ и необыкновенно типичный англичанинъ: въ этомъ его странная сила. Онъ, какъ никто другой, угадываетъ чувства, настроенiя, мысли рядового великобританскаго гражданина. Какова бы ни была въ данное время его политика — а она мѣняется часто — какъ бы сильна ни была критика оппозицiи, — а Фоксъ умнѣе образованнѣе и талантливѣе Питта, — вы можете быть увѣрены: Англiя пойдетъ за Питтомъ. Онъ вдобавокъ большой знатокъ парламснтскаго дѣла и поистинѣ замѣчательный ораторъ: бюджетныя рѣчи произноситъ безъ клочка бумаги въ рукахъ...Замѣтите, этотъ властолюбецъ ничего не желаетъ лично для себя: онъ раздастъ огромныя синекуры друзьямъ, а самъ бѣденъ, какъ церковная крыса. Ему часто предлагали награды, титулы, орденъ Подвязки, — онъ отказывался отъ всего. Къ женщинамъ тоже совершенно равнодушенъ, — говорятъ, будто онъ дѣтственникъ... Питту ничего не нужно, кромѣ власти, — да еще нѣсколькихъ бутылокъ портвейна въ день: онъ пьетъ старый портвейнъ, какъ московскiе купцы пьютъ чай. Мы съ нимъ большiе друзья... Въ частной жизни я, ни минуты не колеблясь, довѣрилъ бы ему свое состоянiе, свою честь, все, что имѣю. Но когда я, какъ русскiй посолъ, говорю о дѣлахъ съ нимъ, какъ съ британскимъ премьеромъ, я держу себя такъ, какъ еслибы передо мной находился бѣжавшiй изъ каторжной тюрьмы грабитель-рецидивистъ. Онъ это знаетъ и по-

тому относится ко мнѣ съ уваженіемъ — и какъ къ человеку, и какъ къ послу. Вотъ что такое Питтъ... Впрочемъ, вы сами его увидите: черезъ нѣсколько дней у меня состоится — рауть, не рауть, а такъ небольшой пріемъ. Будутъ и Питтъ, и Беркъ, и Таллейранъ.

— Кто такой Таллейранъ? — спросилъ робко Штааль.

— Да этотъ самый, бывший епископъ Отенскій, — пояснилъ удивленно Воронцовъ. — Его зовутъ Таллейранъ де-Перигоръ... Будетъ еще одинъ интересный субъектъ... Вы, я думаю, никогда не видали якобинца? *Un jas bin en chair et en os?* Правда, не видали? Такъ, вотъ, увидите. Это пасторъ Пристлей, очень любопытная фигура, чудо природы: старенькій англійскій клерджиментъ и гордость французскаго Конвента!.. Словомъ, я угощу васъ лучшими достопримѣчательностями Лондона... Мишенька, спать пора, — сказалъ вдругъ нѣжно мальчику Воронцовъ.

Штааль поднялся и сталъ прощаться.

— Нѣтъ, вы посидите, — замѣтилъ Воронцовъ, положивъ ему руку на плечо. — Мы еще поговоримъ. Я отлучусь всего на пять минутъ, уложу сына. Прошу меня извинить. Оставляю вамъ журналы и ликеры... Только много не пейте, это вредно, — прибавилъ онъ добродушно, уводя засыпавшаго на ходу мальчика.

Штааль взялъ для приличія газету и подумалъ было, ужъ не обидѣтся ли ему на Воронцова за послѣднія слова: дипломату постарше посоль не сдѣлалъ бы такого указанія. Но онъ тотчасъ почувствовалъ, что ни въ какомъ случаѣ не обидится на Семена Романовича, ибо немного влюбленъ въ этого красиваго, умнаго и столько видѣваго на своемъ вѣку человѣка. Ему даже было пріятно дружески-любно-властное обращеніе съ нимъ Воронцова — и онъ чуть-чуть завидовалъ Мишенькѣ. Когда посоль вернулся, у нихъ началась долгая задушевная бесѣда. Штааль перешелъ инстинктивно на русскій языкъ (его знаніе французскаго было блестяще доказано предшествовавшимъ разговоромъ) и слово за слово рассказывалъ слушающему ласково

Воронцову всю свою жизнь, очень искренно, — почти не прикрашивая, — отъ первыхъ школьныхъ впечатлѣній до встрѣчи съ Кантомъ въ Кенигсбергѣ. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда Семенъ Романовичъ замѣтилъ, что этотъ Кантъ имѣеть у ученыхъ людей репутацію величайшаго философа въ мѣрѣ. Такъ по крайней мѣрѣ говорилъ графу англійскій философъ Нитшъ, большой знатокъ предмета. Штаалъ не могъ повѣрить, что случайно встрѣченный имъ дряхлый, добрый старичекъ, въ потертомъ кафтанѣ былъ новый Декартъ. Это сообщеніе произвело на него сильное впечатлѣніе.

Послѣ ухода Штаала — совершенно очарованный Семеномъ Романовичемъ, онъ покинулъ посольство очень поздно — Воронцовъ еще долго сидѣлъ у каминна. смотря задумчиво на огонь и разсѣянно подталкивая желѣзнымъ прутомъ тлѣющія уголья. Мысли русскаго посла были печальны. Этотъ юноша, славный и умный по природѣ, не уже испорченный и м и въ Петербургѣ, напомнилъ ему его самого въ 1762 году. Воспоминаніе о 1762 годѣ было всегда пріятно Воронцову, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно поднимало рядъ чувствъ, которыя онъ не любилъ въ себѣ вызывать.

«Да, жизнь не удалась, и въ ней ничего не остается, кромѣ Мишеньки... Изъ Маценьки, конечно, выйдетъ превосходный, замѣчательный, н о в ы й человекъ¹⁾. Повидимому, я не былъ созданъ ни для войны, ни для политики. Да можетъ ли вообще удалась жизнь въ это жестокое время? На что рассчитывать порядочнымъ людямъ въ вѣкъ Маратова и Прозоровскихъ?.. Надо было родиться позднеѣ. Черезъ сто лѣтъ никто не будетъ проливать крови... Это, къ счастью, совершенно достоверно...»

(продолженіе слѣдуетъ).

М. А. Алдановъ.

¹⁾ Впоследствии любимецъ Николая I, свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ, извѣстный по убійственной эпиграммѣ Пушкина, выведенный Л. Н. Толстымъ въ „Хаджи-Муратъ“

Прим. автора.

ВИДѢНІЯ РОДНОГО.

ИВОЛГА.

Какъ голосъ женщины, узнавшей свой чередъ,
Играетъ иволги прерывная фулада.
Она влюбленію, влюбленная, такъ рада,
Но духъ свой радости еще не отдаетъ.

Изъ чашечки цвѣтка пролился въ воздухъ медь.
Въ громадѣ вышнихъ тучъ растетъ огней громада.
Оркестромъ грянулъ громъ. Безчины скоки града
И капель пляшущихъ прорвался водометъ.

Гроза разсыпалась, отъ Солнца убѣгая.
Веселый майскій день разбрызгалъ всю кузнецъ
Лучи — колчанъ стрѣль. У каждой — ходъ есть цѣль.

И, по извилинамъ гармоніи взбѣгая,
Играетъ иволги въ вѣтвяхъ віолончель,
Любовь пѣвучая, въ лучахъ полунагая.

КОЛОДЕЦЪ.

Сполна принявши въ сердце жало,
Съ зарей прощаясь золотой,
Голубоглазая унала
Въ колодець съ чистою водою.

Колодець смертью былъ отравленъ,
Исчезла радость на пути.
И людямъ властный знакъ былъ явленъ
Отъ этой влаги отойти.

Вѣтвей зеленая завѣса
Сплелась надъ жуткою чертой.
И тишь, и чарованья лѣса
Сонмились, колдуя надъ водою.

И плѣсень выросла вдоль сруба,
Закраину укуталь мохъ.
Но вѣтеръ, мчась и воя грубо,
Ровяетъ здѣсь чуть слышный вздохъ.

Уставъ съ самимъ собой бороться,
Узнавъ терзанію предѣль,
Я былъ у этого колодца,
И поздней ночью въ глубь глядѣль.

Я ждалъ и думалъ тамъ, усталый,
За мшистый перевѣсясь край.
И чей-то голосъ запоздалый
За лѣсомъ крикнулъ мнѣ: «Прощай!»

Но въ этой тишинѣ зеленой
Ждалъ голубой я тишины,
Отъ нѣжно-серебрящей склоны,
Отъ голубѣющей Луны.

Она всплыла, лазуря ели
И серебра листву осинъ,
И мнилось мнѣ, что я недѣли,
Что цѣлый годъ я былъ одинъ.

Но мигъ бываетъ предразсвѣтный,
На цѣлый часъ весь мѣръ замретъ,
Предъ тѣмъ какъ, съ жаждою предметной,
Затѣять бѣгъ и ткать чередъ.

И въ этотъ мигъ всеединенья
Ко мнѣ съ колодезнаго дна
Качнулось бѣлое видѣнье,
Голубоглазая, она.

Какъ бы поднявшись на ступени,
За край переступивъ ногой,
Ко мнѣ присѣла на колѣни,
И прошептала: «Милый мой!»

Она все звѣзды погасила,
И въ дымкѣ блѣдной темноты
Въ ея глазахъ дрожала сила,
Въ нихъ были синіе цвѣты.

Мы съ ней ласкались до разсвѣта,
И вдругъ растаяла она,
Какъ въ ночь іюня таетъ лѣто,
Понявъ, что кончилась весна.

ОКОЛДОВАННЫЙ.

1.

Огулялъ меня Лѣшій въ лѣсу,
Очертилъ меня знахарь зеленый.
Чуть увижу небесь полосу,
Въ оба уха бросаетъ мнѣ звоны.

У деревьевъ закидистый звонъ,
Непохожъ онъ на нашъ колокольный.
Кто захваченъ, качается онъ,
Надъ самимъ надъ собою не вольный.

Я направо качнусь — и стою,
Я налево качнусь — и блуждаю.
Разрѣшить-ли кто участь мою,
Иль прикованъ къ лѣсному я краю?

Я къ стволу — и хлестнула сосна.
Я къ другому — слѣпить меня ива.
И лѣсная звонить глубина,
И травинки звенять торопливо.

Я скрѣпился, иду напроломъ,
Муть съ вѣтвей, изъ зеленыхъ кропиленъ.
Я очнулся въ болотѣ нѣмомъ,
Только сзади мнѣ ухаеетъ филинъ.

2.

День-ли? Ночь-ли? Что же это?
Къ кочкѣ съ кочки шаткій путь.
Пламя заревнаго цѣта.
Не пожаръ-ли гдѣ-нибудь?

Нѣтъ, мгновенія считая,
Мѣсяцъ высчиталь свой часъ.
Не луна взопла золотая,
А огромный красный глазъ.

Круглый, огненный, кровавый,
Перемѣшанъ съ тусклой мглой.
Свѣтъ цевѣрный и лукавый
Надъ болотною землей.

Все же вижу, точно сонный
Изъ далекаго окна,
Какъ дрожить уединенный
Слой надъ жижей зыбуна.

Этотъ слой травы на глыбѣ,
Недоступной для ноги,
Точно звѣрь, что всплыть изъ зыби,
Хочетъ глянуть, гдѣ враги.

На спинѣ его шёрстистой
Проступаетъ сѣдина.
Весь онъ, мшистый и сквозистый,
Явно съ дьявольскаго дна.

Грязно-сѣрый кустигъ вьется,
Это пьяная трава,
Что безплодницей зовется,
А сама всегда жива.

Вонъ звѣздится звѣздоплавка,
Лихорадочный просолъ.
Вонъ скринучка. вонъ удавка,
Вонъ хомячій усоколь.

Дымно-чахлый всталъ ракитникъ,
Змѣглазь глядитъ, шурша,
И расцвѣлъ бѣлокопытникъ,
Двоелистная душа.

Шаткій міръ, гдѣ все изнанка,
Не найдешь нигдѣ лица.
Но явилась Болотнянка,
Дочь болотнаго отца.

Въ царствѣ зыби мудрожонка,
Змѣперевязъ на лбу.
Подопла, смѣется тонко,
И велитъ мнѣ жить въ гробу.

Вся болотная могила
Заходила ходуномъ.
Безъ церковнаго кадила
Вѣнчанъ я съ болотнымъ дномъ.

3.

Я узналъ, какъ дышутъ корни всѣхъ растений,
Я узналъ, что въ топи, на болотномъ днѣ,
Лѣтопись хранится тысячъ лѣтъ, ступени
Храмовъ, восходящихъ къ синей вышинѣ.

И когда вверху, въ цвѣту, шумятъ деревья,
Я, упавшій въ глубь глухого зыбуна,
Знаю, что мое болотное кочевье
Смѣнится другимъ, — и пѣсня мнѣ слышна.

К. Бальмонтъ.

БАЛЛАДА О НОЧНОМЪ ОБЫСКЪ.

Всякъ храбрится, но если прохожій
Спросить о вашихъ дѣлахъ,
Всякъ храбрится, но если матросъ
Спросить, гдѣ Домкомбѣдъ, —

У кого не закружится голова,
Не потемнѣеть въ глазахъ.
Кто не будетъ дома бумаги рвать,
Ожидая невиданныхъ бѣдъ.

На кухнѣ звонокъ, открывается дверь,
И, выступивъ изъ темноты,
Входятъ чекисть и двое солдатъ
И секретарь Комитета Бѣдноты.

— Вы гражданинъ Кольцовъ? — Да, я.
— Вотъ ордеръ изъ Че-ка.
И бѣлый листъ съ печатью внизу
Протягиваетъ рука.

— Гдѣ вашъ письменный столъ?
По корридолу, вбокъ.
И каждый листъ смотритъ чекисть
И откладываетъ въ мѣшокъ.

— Сколько васъ тутъ живетъ?
Вы одинъ или не одинъ?
Стоитъ Кольцовъ и его жена
И шестнадцатилѣтній сынъ.

Чекисть цѣлую ночь не спалъ,
Чекисту хочется спать,
Но революціонная совѣсть не спитъ
И онъ ищетъ опять и опять.

Нагораютъ свѣча, коптя и треща,
У сына дрожить щека.
— Товарищъ Кольцовъ, вы пойдете со мной,
Вотъ ордеръ изъ Че-ка.

Хлѣба беретъ, беретъ табакъ,
Вытираетъ платкомъ усы,
Вынимаетъ изъ кармана золотые часы
И сыну даетъ часы.

Передалъ женѣ кошелекъ.
— Ну, пожалуй пора.
Ахъ да, завтра паекъ,
Только надо пойти съ утра.

— До завтра, сказали сынъ и отецъ,
— До завтра, сказала мать.
Всѣ трое знали, что лгутъ,
И знали, что надо лгать.

— Сегодня-же ночью будетъ допросъ
И не долго ждать суда.
И привычной рукою чекисть оборвалъ
Телефонные провода.

На лѣстницу вышелъ уже отецъ,
И комнаты вдругъ пусты.
Ушелъ чекисть и двое солдатъ
И секретарь Комитета Бѣдноты.

Мать молчала и только слеза
Скатывалась невзначай.
Сынъ завелъ отцовы часы
И допилъ отцовскій чай.

Владимиръ Познеръ.

ПРЕОДОЛѢНІЕ САМО- ОЧЕВИДНОСТЕЙ.

(Къ столѣтію рожденія Ф. М. Достоевскаго)

Кто знаетъ, быть можетъ жить
значитъ умереть, а умереть — жить

Зеррипидъ.

(Продолженіе.)*

IX.

«Записки изъ Мертваго дома» и «Записки изъ подполья» питаютъ всё послѣдующія произведенія Достоевскаго. Его большіе романы «Преступленіе и Наказаніе», «Идіотъ», «Бѣсы», «Подростокъ» и «Братья Карамазовы» — только огромныя комментаріи къ раньше написаннымъ «запискамъ». Вездѣ непрерывная очная ставка между «естественнымъ зрѣніемъ и тѣмъ сверхъестественнымъ видѣніемъ, которыми его одарилъ покрытый глазами ангелъ». «Самоочевидности» со своей обычной властностью требуютъ отъ Достоевскаго покорности и признанія. И для него обведенный мѣломъ кругъ — стѣна, которую нельзя ни разбить, ни сдвинуть съ мѣста. Дважды два — четыре остается «вѣчнымъ» закономъ, осуществляющимъ несмотря ни на что свои права, не боящимся ни глумленій, ни насмѣшекъ, ни негодованія. «Жизнь» идетъ своимъ чередомъ, нормальные люди явно торжествуютъ, «наука» растетъ и

*) „Совр. Зап.“ № 8.

крѣпнеть, принципъ «равновѣсія» оказывается единственнымъ началомъ, ничему не подчиненнымъ, стоящимъ даже надъ всепоглощающимъ временемъ. Бѣдный же «капризъ» все еще только требуетъ себѣ гарантію — гарантію всѣ разобраны и его требованія остаются безъ удовлетворенія. Сколько бы Достоевскій не взывалъ: пусть міръ провалится, только бы мнѣ быть чай: міръ остается на своемъ мѣстѣ, а чай когда бываетъ, но большей частью его нѣтъ. О хрустальномъ же дворцѣ надо и думать забыть: всадѣ курятники, муравейники, стойла и приходится лѣзть подъ первый грязный навѣсъ, чтобы укрыться отъ дождя и непогоды. Казалось бы давно пора бросить всякую мысль о борьбѣ и сдаться на милость побѣдителя. Но, у Достоевскаго есть въ запасѣ еще послѣдній «аргументъ», на общую опѣнку, пожалуй, немного лучшей, чѣмъ всѣ остальные: человекъ иной разъ страданіе больше любитъ, чѣмъ благоденствіе, хаосъ и разрушеніе иной разъ дороже, чѣмъ порядокъ и созиданіе. Съ этой «идеей» Достоевскій не разлучался никогда. Она вдохновляла всю его творческую работу, она проходитъ черезъ всѣ его произведенія — даже черезъ «Дневникъ писателя». Скажутъ, что это уже не «идея», что это тотъ же «капризъ» только для какихъ то надобностей нарядившійся въ несвойственную ему парадную одежду идеи. Отрицать этого нельзя: парадъ совсѣмъ не къ лицу и не по чину «аргументаціи» Достоевскаго. Какъ бы часто не употреблялъ онъ слово «идея» — права на него снѣ не имѣетъ. Всѣ идеи — далеко позади остались, съ разумомъ. Гдѣ нѣтъ разума, тамъ можетъ быть хаосъ и капризъ, но идея тамъ нѣтъ. Мы видимъ это уже въ «Преступленіи и Наказаніи». Какъ будто въ романѣ есть и должна быть «идея» — само заглавіе даетъ право на такое предположеніе. Гдѣ преступленіе — тамъ и наказаніе чѣмъ не «идея»? И какъ разъ идея, наиболѣе понятная нормальному человеку. Возстановляется старая справедливость, равновѣсіе, принципъ, неусыпная Адрастея «дважды два — четыре» — все, надъ чѣмъ такъ обидно глумился и издѣвался герой подполья. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время,

какъ «Записки изъ подіюлья» прошли незамѣченными, да и сейчасъ мало кѣмъ читаются, «Преступленіе и Наказаніе» имѣло огромный успѣхъ и создало литературную славу Достоевскому... Исторія Раскольникова всѣмъ казалась понятной: захотѣлъ человѣкъ уйти изъ «вѣмства» и обратился, какъ полагается, не въ Бога, а въ затравленнаго дикаго звѣря. И оставался такимъ звѣремъ, пока «не почувствовалъ въ себѣ и въ своихъ убѣжденіяхъ глубокую ложь». Только такое сознаніе, объясняетъ Достоевскій, «могло быть предвѣстникомъ будущаго перелома въ жизни его, будущаго воскресенія его, будущаго новаго влѣда на жизнь»

Вы слышите тутъ отзвукъ тѣхъ же настроеній, которыя описаны Достоевскимъ въ «Запискахъ изъ Мертваго дома». Тотъ же общающій краспекъ неба, уже теперь видный изъ-за высокихъ стѣнъ тюрьмы. Та же свободная жизнь среди свободныхъ людей, о которыхъ мечталъ Достоевскій въ каторгѣ. Почти тѣ же слова. «Раскольниковъ вышелъ изъ сарая на самый берегъ, сѣлъ на складенныя у сарая бревна и сталъ глядѣть на широкую, пустынную рѣку. Съ дальняго, другаго берега чуть слышно доносилась пѣсня. Тамъ, въ облитой солнцемъ необозримой степи, чуть примѣтными точками, чернѣлись кочевья юрты. Тамъ была свобода и жили другіе люди, совсѣмъ не похожіе на здѣшнихъ, тамъ какъ бы самое время остановилось, точно не прошли вѣка Авраама и стада его». Въ этотъ торжественный моментъ, рядомъ съ нимъ очутилась Соня. Во второй разъ въ романѣ сошлись вмѣстѣ «убійца и распутница». Только въ первый разъ сошлись они за чтеніемъ вѣчной книги, теперь — передъ лицомъ вѣчной природы. И вотъ свершилось чудо: «Какъ это случилось — онъ и самъ не зналъ, но вдругъ что то какъ бы подхватило его и бросило къ ея ногамъ. Онъ плакалъ и обнималъ ея колѣни». Откуда, почему «вдругъ»? Каковъ смыслъ его? Когда вчеромъ того же дня, Раскольниковъ вернулся въ острогъ, онъ не могъ не думать о случившемся. Но думалъ совсѣмъ не такъ, какъ обычно думаютъ люди. Мысли безпорядочной толпой приходили и уходили. «Все, даже преступле-

не его, даже приговоръ и ссылка, казались ему теперь, въ первомъ порывѣ, какимъ то страннымъ, вѣшнымъ, какъ бы не съ нимъ случившимся фактомъ». И вѣдь правда, то «прошлое» Раскольниковова, которое такъ обстоятельно описано Достоевскимъ въ романѣ — не есть прошлое Раскольникова. Онъ въ правѣ задать себѣ вопросъ, да точно ли онъ убилъ старуху и Лизавету? И я не думаю, чтобы ктонибудь изъ внимательныхъ читателей Достоевскаго и менѣе всего самъ Достоевскій могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Можетъ быть — убилъ, а можетъ быть не убилъ. Въ обоихъ случаяхъ, были ли преступленіе или не было, важно совсѣмъ другое: важно, что было, навѣрное было, наказаніе. Въ послѣднемъ романѣ Достоевскаго, наказаніе постигаетъ Дмитрія Карамазова, который, мы это знаемъ отъ автора, въ убійствѣ неповиненъ. И Достоевскій торжествуетъ: «мужички за себя постояли», обвинили невиннаго. Всѣ вѣроятнo за то, что Раскольниковъ такъ же мало повиненъ въ убійствѣ, какъ и Карамазовъ. А еще лучше сказать: никакого Раскольникова и никакого Карамазова никогда на свѣтѣ не было и Достоевскому никогда до нихъ дѣла не было. «Я все возвѣщаю о другомъ, о другомъ, а все говорю о себѣ». «О чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ? О себѣ». Достоевскій рассказывалъ всегда только о себѣ. У него была одна безумная и отвратительная мысль, никогда не покидавшая его, которую онъ съ неслышаннымъ цинизмомъ «вложилъ въ уста» подпольному человѣку: міру ли провалиться или мнѣ чай пить.

Это и есть тотъ «требовавшій себѣ гарантіи капризъ», во имя котораго Достоевскій поднималъ возстаніе противъ «науки», тотъ гадкій утенокъ, который неожиданно вылупился среди множества возвышенныхъ и благородныхъ мыслей, освѣщавшихъ своимъ негаснущимъ свѣтомъ мракъ каторжной жизни сперва въ тюрьмѣ, а потомъ и на волѣ. Какъ это ни загадочно, но Достоевскій всю жизнь надѣялся, что этому гадкому утенку суждено превратиться въ прекраснаго лебедя. Много позже, уже незадолго до смерти, когда Достоевскій писалъ въ «дневникѣ писателя», что у человѣчества была только одна «идея» — идея без-

смертія души, онъ повторялъ только слова своего подпольнаго героя. Тотъ же голосъ, та же непримиримость и тѣ же плохо скрываемыя судороги въ лицѣ. «Я объявляю, что любовь къ человѣчеству даже совсѣмъ немислима, непонятна и совсѣмъ невозможна безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣка». Неужели вы не узнаете знакомаго голоса? И продолжаете думать, что подпольный человѣкъ — самъ по себѣ, а Достоевскій самъ по себѣ? Вѣдь это все тотъ же гадкій утеночекъ! До прекраснаго лебедя — еще далеко, хотя написаны уже всѣ его романы — даже «Братья Карамазовы». И въ Пушкинской рѣчи и въ полемикѣ съ проф. Градовскимъ по поводу Пушкинской рѣчи виденъ все тотъ же утеночекъ и до лебедя все такъ же далеко. Т. е., пожалуй, я неточно выразился — «далеко». Вѣрнѣе, тутъ, по прежнему, продолжается двойное видѣніе двухъ органовъ зрѣнія. Собственными глазами Достоевскій видитъ гадкаго утенка, «чужіе» глаза свидѣтельствуютъ о прекрасномъ лебедѣ. Споръ между естественныхъ и неестественныхъ видѣніемъ не прекращается, скорѣе даже еще болѣе обостряется. Старые глаза требуютъ доказательствъ, хотятъ чтобы всѣ впечатлѣнія бытія были согласованы межъ собой, новые глаза глядятъ и воспринимаютъ все, что имъ открывается и не только не стремятся свои видѣнія согласовать съ показаніями другихъ человѣческихъ чувствъ, но даже не понимаютъ, просто не слышатъ «голосъ разума». Законъ противорѣчія выходитъ изъ себя, конечно, и «ветхій человѣкъ», не знаетъ, что ему предпринять. Онъ пробуетъ, чтобы умиротворить свою душу, давать особыя названія своимъ противорѣчивымъ видѣніямъ. Онъ говоритъ: новые глаза это уже не знаніе, а вѣра. Но «разумъ» не успокаивается: разумъ не признаетъ «автономной» вѣры. Онъ требуетъ себѣ полноты власти, ключей отъ царства небеснаго, и «вѣра», если хочетъ быть принятой, должна оправдаться предъ нимъ и покориться его законамъ. Достоевскій, самъ Достоевскій, который такъ издѣвался надъ разумомъ въ «Запискахъ изъ подполья», который заставилъ Клода Бернара (мы уже знаемъ, что это не Клодъ Бернаръ, а Аристотель) съ его наукой скла-

нитъся предъ полуграмотнымъ Димитріемъ Карамазовымъ, Достоевскій, который говорилъ въ «Идіотѣ» — «сущность религіознаго чувства ни подъ какія разсужденія не подходитъ; тутъ что то не то, тутъ что то такое, обо что вѣчно будутъ скользить атеисты» — самъ Достоевскій не можетъ жить въ постоянной и открытой враждѣ съ разумомъ. И онъ временами тяготится своимъ вторымъ зрѣніемъ и той вѣчной душевной тревогой, которая создается привносимыми имъ противорѣчіями и часто отворачивается отъ «сверхъестественныхъ» постиженій, только бы вернуть столь необходимую смертнымъ «гармонію». Это и «примиряетъ» читателя съ его творчествомъ. Почти всѣ романы его оканчиваются торжественнымъ мажорнымъ аккордомъ, разрѣшающимъ мучительныя сомнѣнія, накопившіяся при ихъ чтеніи.

Вотъ послѣднія слова «Преступленія и наказанія». «но тутъ уже начинается новая исторія, исторія постепеннаго обновленія человѣка, исторія постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомства съ новой, доселѣ совершенно невидимой дѣйствительностью. Это могло бы оставить тему новаго разсказа — но теперешній разсказъ нашъ конченъ.» Конченъ? Конечно, если мажорный аккордъ и обѣщаніе показать переходъ да еще вдобавокъ постепенный (т. е. самый разумный, какой только можетъ быть, ибо постепенностью погашается, какъ извѣстно, все таинственное и проблематическое, всѣ капризы, неожиданности и внезапности, словомъ вся та неразумная фантастика жизни, о которой мы столько слышали отъ Достоевскаго) къ «новой жизни» отвѣчаютъ на тѣ «давящія непосильные» вопросы, которыми преслѣдовалъ насъ авторъ на протяженіи всего романа — то онъ вправѣ не только поставить точку и оборвать повѣствованіе, но и сказать «конецъ».

Но, вѣдь обѣщаніе никогда не было исполнено! Черезъ пятнадцать лѣтъ, уже незадолго до смерти, Достоевскій вновь повторяетъ свое обѣщаніе въ «Братья Карамазовы» — чувствуетъ, что пора бы его исполнить, но тоже дальше обѣ-

щанія не идетъ. Очевидно, человекъ взялся за невыполнимую задачу: постепенные переходы бываютъ, сплошь и рядомъ бываютъ—но только отъ одной старой жизни къ другой старой жизни. «Новая» же жизнь наступаетъ безъ всякихъ постепенностей и приготовленій и сохраняетъ свой характеръ загадочности и необычности среди ровнаго теченія тѣхъ событій, которыя подвластны старому закону. Достоевскій говоритъ о Раскольниковѣ, что онъ, «точно ножицами отрѣзалъ себя отъ всѣхъ людей». Возстановить такъ грубо разорванную связь уже не можетъ никакая земная сила. Достоевскій и въ «Преступленіи и наказаніи» и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ дѣлаетъ величайшія усилія, чтобы «онормалить», если разрѣшено такое слово, своихъ подпольныхъ людей, т. е. себя самого, конечно. Но, чѣмъ больше онъ старается, тѣмъ меньше выходитъ.

Въ «Идіотѣ», написанномъ непосредственно вслѣдѣ за «Преступ. и наказан.», онъ хотѣлъ изобразить намъ въ лицѣ князя Мышкина эту «новую» жизнь, но получилось произведеніе хотя и замѣчательное, но до «новой» жизни такъ и не добравшееся. Новой жизни для Достоевскаго быть не можетъ, ибо своимъ вторымъ зрѣніемъ онъ убѣдился, что на свѣтѣ «все начинается, но ничего не кончается». Это онъ много разъ повторяетъ, по самымъ различнымъ поводамъ, какъ и ту свою «мысль», что человекъ разрушеніе не меньше любитъ, чѣмъ созиданіе. Но, если у насъ все начинается и ничего не кончается, если человеку разрушеніе такъ же дорого, какъ и созиданіе, то какая можетъ быть н а з е м л ѣ новая жизнь? И точно, посмотрите, какъ самъ живетъ и что приносить людямъ кн. Мышкинъ, по замыслу автора уже возрожденный и обновившійся? Въ «Идіотѣ» та-же до пельзя сгущенная и перенасыщенная атмосфера, что и въ другихъ романахъ Достоевскаго. Авторъ словно хочетъ вдавить въ охраненную законами противорѣчія и причинности «исторію» не вмѣщающіяся въ ней событія душевной жизни человека, въ тайной надеждѣ, что законы и охралы, не выдержавъ давленія и напора изнутри, взорвутся и откроется, наконецъ, столь жданное второе измѣ-

реніе времени, въ которомъ невидно для всѣхъ продолжается и кончается то, что въ первомъ измѣреніи начинается.

Уже утромъ, въ вагонѣ желѣзной дороги Мышкинъ встрѣчаетъ Рогожина и Птицына, и за тѣмъ еще до вечера — почти всѣхъ безчисленныхъ героев романа. Событія слѣдуютъ одно за другимъ съ быстротой, прямо головокружительной: кн. Мышкинъ уже въ передней у Епанчиныхъ посвящаетъ генеральскаго лакея въ самыя свои потрясающія переживанія. Потомъ сцена въ кабинетѣ Епанчина съ портретомъ Настасьи Филипповны, знакомство съ семьей генерала, семьей Иволгина, встрѣча съ Настасьей Филипповной, пощечина, полученная княземъ и т. д. вплоть до сумасшедшаго вечера въ квартирѣ Настасьи Филипповны и второй встрѣчи съ Рогожинымъ, явившимся въ сопровожденіи толпы пьяныхъ бездѣльниковъ праздновать именины хозяйки и т. д. Нечего и говорить, что и Мышкинъ и Рогожинъ и всѣ остальные — не люди, а маски: Достоевской никогда людей не изображалъ. Но подъ масками вы видите одного, настоящаго, живого человѣка — самого автора, который въ величайшей сосредоточенности, забывъ все на свѣтѣ — дѣлаетъ свое собственное, единственно важное для него дѣло: ведетъ свою все еще не законченную тяжбу съ исконнымъ врагомъ своимъ — «дважды два — четыре». На одной чашкѣ вѣсовъ лежитъ тяжелое, грузное, косное, неподвижное «дважды два четыре», со всей свитой традиціонныхъ, вѣковыхъ, «самоочевидностей» — на другую онъ трепетной и торопливой рукой бросаетъ «невѣсомое» — т. е. обида, ужасъ, восторгъ, торжество, отчаяніе, красота, будущее, безобразіе, рабство, свобода, и все прочее, что у Плотина обнимается однимъ словомъ *timiótaton*. Для всякаго несомнѣнно, что дважды два четыре перетянетъ не только то *timiótaton*, которое на протяженіи дня сбиль въ одну беспорядочную кучу Достоевскій, но и всѣ событія всей всемірной исторіи. Развѣ дважды два четыре пошелохнется, потому что Настасья Филипповна вынесла столько обиды отъ Тощаго, или Рогожинъ, увидавъ разъ въ жизни Настасью Филипповну,

не побоялся «пойти на такую грозу», какая его ждала отъ иаувѣра отца, или что Мышкинъ снесъ пощечину и т. д.? Да, если бы Достоевскому удалось всю всемирную исторію, съ дѣлами святыхъ, походами Александра Македонскаго, самоотверженностью Регула и Брута, съ откровеніями пророковъ, вдохновенными рѣчами Платона и Плотина, словомъ со всѣмъ, что было великаго и прекраснаго, ужаснаго и безобразнаго, со всѣми влетами и надеждами, отчаяніями и паденіями, подвигами и преступленіями всѣхъ когда либо существовавшихъ на свѣтѣ людей вмѣстить въ тотъ единственный день, описаніемъ котораго начинается «Идіотъ» и все это бросить на ту чашку вѣсовъ, куда онъ складывалъ свое *timóton*, то и тогда бы безмѣрная тяжесть «дважды два четыре» не уменьшилась бы нисколько. А стало быть пропала бы послѣдняя надежда на возможность открыть хоть намекъ на второе измѣреніе времени, гдѣ бы кончилось то, что здѣсь начинается и не кончается, куда бы вмѣстились всѣ эти извергнутые исторіей, никѣмъ непризнанные и неохраненные «капризы», для которыхъ во чтобы то ни стало хочеть добыть «гарантію» Достоевскій. И онъ это знаетъ не хуже, чѣмъ хотя бы Спиноза. Больше, самъ Спиноза этотъ вопросъ поставилъ съ той же остротой и съ той умышленно подчеркиваемой безнадёжностью рѣшенія, которая такъ загадочно отличаетъ все, что говорилъ этотъ замѣчательный философъ:

«*Post quam homines sibi persuaserunt, omnia qua fiunt propter ipsos fieri; id in unaquaque re praecipuum judicare debuerunt, quod ipsis utilissimum et illa omnia prestantissima aestimare, a quibus optime afficiebantur. Unde has formare debuerunt notiores, quibus rerum naturas explicarent, scilicet. Bonum, Malum, Ordinem, Confusionem, Calidum, Frigidum, Pulchritudinem, Deformitatem. — Veritas humanum genus in aeternam Lateret; nisi Mathesis, quae non circa fines, sed circa figurarum essentialia et proprietates versatur, aliam veritatem normam hominibus ostendisset.*» (Eth. Pars I Appendix.) *)

*) Когда люди убѣдили себя, что все, что происходитъ, происходитъ ради нихъ, они стали считать въ каждой вещи то самымъ главнымъ, что было имъ наиболѣе полезнымъ, и признавать

Вы видите, какъ сошлись у тѣхъ же вѣсовъ, у одной вѣковѣчной, страшной загадки современный русскій ученый писатель и теперь прославленный, но при жизни никому неизвѣстный и всѣми презиравшійся ученый философъ отшельникъ. Принято думать, что Спиноза остановился на математикѣ, въ ней увидѣлъ отвѣтъ на свой вопросъ. Но, если не только читать Спинозу, но и прислушиваться къ его голосу, можно въ приведенныхъ мною словахъ и во всемъ appendix'ѣ, которымъ заканчивается первая часть его «Этики» услышать тотъ же вопросъ, который такъ упорно «дѣлалъ» Достоевскій во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Спиноза умышленно — и для другихъ и для себя — втаптываетъ въ грязь и добро и красоту и все, что было когда-либо свято для людей, словно спрашивая себя, какъ древній пророкъ: доколѣ еще бить насъ?

Все отнять, оставить только «дважды два четыре» — вынесутъ это люди? Вынесу ли это я самъ? Или подъ тяжестью этого бремени мое и человѣческое «познаніе» будетъ, наконецъ, раздавлено? И мы не только почувствуемъ, но хоть чуть-чуть увидимъ, что «здѣсь» только начинается, что-то, но то, что здѣсь начинается, кончается не здѣсь, гдѣ нѣтъ еще ни красоты, ни безобразія, ни зла, ни добра, а есть только теплое и холодное, пріятное и непріятное, гдѣ царствуетъ необходимость, а не свобода, гдѣ самого Бога подчинили необходимости, гдѣ воля и разумъ людей такъ же похожи на волю и разумъ творца, какъ песь — лающее животное на созвѣздіе Пса.

Достоевскій такъ же двойственъ, какъ и Спиноза, какъ и всѣ почти великіе будители человѣчества. Поэтому онъ принужденъ былъ закрывать время отъ времени свои видящіе вторые глаза, и глядѣть на міръ обычными, слѣпыми глазами, отдыхать отъ вѣчныхъ диссонансовъ на гар-

самымъ цѣннымъ то, что ихъ пріятіе всего аффицировало. Поэтому имъ пришлось, чтобы объяснить природу вещей, создать такія понятія, какъ Добро, Зло, Порядокъ, Смѣшеніе, Тепло, Холодъ, Красота, Безобразіе... Истина осталась навсегда скрытой отъ человѣческаго рода, если бы не Математика, въ которой рѣчь идетъ не о цѣляхъ, а о свойствахъ фигуръ — не указала бы людямъ иной критерій истины.

моническихъ аккордахъ. Онъ самъ не разъ и не два укрывался подъ сѣнь тѣхъ «законовъ» и «нормъ», которымъ объявилъ войну на жизнь и на смерть, самъ прибѣгалъ грѣться у огня своего заклятаго врага. Для читателя — это источникъ постоянныхъ, тягостныхъ недоразумѣній. Онъ не знаетъ, гдѣ «настоящій» Достоевскій: тамъ-ли, гдѣ не только начинается, но и кончается, или тамъ, гдѣ начинается но не кончается, тамъ гдѣ восстановлено или нарушено равновѣсіе, гдѣ время имѣетъ одно измѣреніе или гдѣ начинаетъ намѣчаться второе измѣреніе, и чашка съ *timótaion* какъ будто чуть-чуть пригибается... Тѣмъ болѣе, что, собственно говоря, ни въ одномъ романѣ Достоевскаго нельзя съ точностью установить какую нибудь основную, опредѣленную «идею». Даже фабулы, хотя онѣ болѣе или менѣе пригнаны къ общепринятымъ требованіямъ, все же настолько спутаны, что нѣтъ возможности выяснить, чего, собственно добивается авторъ. Повѣствованіе вездѣ пересыщается эпизодическими вставками, столь значительными и глубокими по темамъ и исполненію, что ими совсѣмъ заслоняется главная фабула. Но одна общая черта свойственна всему, о чемъ повѣствуетъ Достоевскій.

Дѣлать, созидать, его герои не умѣютъ и какъ бы не хотятъ — всюду, куда они являются, за ними слѣдуетъ разрушеніе и гибель: повидимому затѣмъ, чтобы не дать читателю даже иллюзіи «конца». Мышкинъ, святой по замыслу, олицетворенное безкорыстіе не составляетъ исключенія изъ общаго правила: сколько онъ ни старается, онъ не только никому ничѣмъ помочь не можетъ, но всегда способствуетъ всѣмъ злымъ и дурнымъ начинаніямъ. На всѣхъ тяготѣетъ рокъ, всё — обреченные. Спиноза могъ бы иллюстрировать сценами изъ «Идіота» и свое положеніе о суверенности принципа необходимости, Лютеръ свое «*de servo arbitrio*». Если бы Дарвинъ видѣлъ въ жизни то, что видѣлъ Достоевскій онъ говорилъ бы не о законѣ самосохраненія, а о законѣ самоуничтоженія. Если бы историки и гносеологи воспытавались по Достоевскому они бы на мѣсто закона достаточно основанія выставили бы законъ полной безосно-

ности. Въ романѣ Достоевскаго ничто ничѣмъ не опредѣляется. Въ нихъ царствуетъ тертуллиановская «логика» или логика, сновидѣній: *non pudet quia pudendum est pro-sus credibile est quia incertum, certum est quia impossibile.* Кн. Мышкинъ путается въ чужія дѣла, такъ какъ ему не нужно путаться, Рогожинъ убиваетъ Настасью Филипповну, такъ какъ это самое безсмысленное изъ того, что онъ можетъ сдѣлать, Настасья Филипповна стремится къ святымъ отцамъ, т. к. знаетъ твердо, что это для нея недостижимая цѣль и т. д. Тоже и въ другихъ романахъ — вездѣ «надрывы», вездѣ «изступленія»; всѣхъ героевъ Достоевскаго манитъ только то, что таитъ въ себѣ вѣрную гибель. Эпиграфомъ къ Карамазовымъ взять самый непонятный и загадочный стихъ изъ 4-го Евангелія: «Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно, а, если умретъ, то принесетъ много плода» — одно изъ тѣхъ изрѣченій, по поводу которыхъ самъ Достоевскій, въ тѣхъ же «Братьяхъ Карамазовыхъ» говорить: «въ этихъ книгахъ (т. е. Библии) ужасъ что такое встрѣтишь. Подъ носъ ихъ легко совать. И кто ихъ писалъ? Неужели люди? » И точно, кто писалъ эти книги — неужто люди? И неужто Достоевскій, принимавшій такія мысли, могъ оставаться «человѣкомъ»?

Х.

Достоевскій чувствуетъ, что есть въ жизни какія-то сокровища, которыя человѣку должно беречь, и что, съ другой стороны есть многое, чего беречь не стоитъ, что только сплутываетъ и отягощаетъ насъ. Но какъ отличить нужное и не нужное? На всѣмство, на теорію познанія и этику, полагаться нельзя. Второе зрѣніе? Но оно ничему не научаетъ. И къ тому же, оно отказывается служить, когда его призываютъ и приходятъ всегда непрощенымъ и не во время. Въ «Запискахъ изъ Подполья» Достоевскій пыта-

ется жить безъ всякихъ критеріевъ, нормъ, законовъ, но принужденъ, отдавая дань всѣмъству, свадить ихъ объясняющимъ примѣчаніемъ. Въ «Преступленіи и Наказаніи» естественные глаза уже вліяютъ на замыселъ романа. Въ «Идіотъ» еще рѣзче обозначается стремленіе Достоевскаго переманить на свою сторону тѣ самоочевидности, которыя онъ съ такимъ остервенѣніемъ и безудержностью гналъ отъ себя. И чѣмъ дальше, тѣмъ явственнѣе проявляется эта тенденція примирить межъ собою оба «зрѣнія», точнѣе, подчинить второе первому. Этимъ, вѣроятно, и объясняется то странное обстоятельство (я уже обращалъ на него вниманіе), что романы Достоевскаго такъ изобилуютъ эпизодическими вставками и что эти эпизодическія вставки составляютъ въ нихъ главную цѣнность. Даже въ «Дневникѣ писателя» нѣтъ нѣтъ да и появляются среди публицистическихъ статей небольшія вещицы — какъ «Кроткая», «Сонъ смѣшного человѣка», «Воблыль» и другія—все вещи необыкновенной силы и глубины, въ которыхъ онъ тоже не своимъ голосомъ выкрикиваетъ о видѣнномъ не своими глазами. Каждый такой рассказъ и каждый «эпизодъ» въ романѣ совершенно разбиваетъ всѣ попытки внести переживанія, связанные со вторымъ зрѣніемъ, въ тотъ «опытъ», которымъ живетъ и держится человѣчество. Въ «Идіотъ» вдругъ неизвѣстно зачѣмъ, т. е. какъ будто бы нарочно зачѣмъ, чтобы лишній разъ толкнуть бѣднаго кн. Мышкина, который и безъ того спотыкается и падаетъ на каждомъ шагу. — Достоевскій заставляетъ молодого, чахоточнаго мальчика Ипполита, дни, даже часы котораго сочтены, читать въ теченіи цѣлой ночи свою «исповѣдь» — одну изъ самыхъ глубокихъ и потрясающихъ исповѣдей, когда-либо, послѣ книги Іова, которую она имѣла своимъ образцомъ, написанныхъ людьми. Кто внушилъ эти пламенные и вѣщія рѣчи умирающему мальчику? Кто внушилъ ихъ еще не жадавшему смерти, хотя и старому уже по годамъ Достоевскому? Между прочимъ Достоевскій, вѣрный древнему завѣту, сдѣлалъ все, чтобъ оградить себя отъ празднаго любопытства непосвященныхъ. Испо-

вѣдь имѣеть своимъ эпиграфомъ слова *après moi le déluge* — Этого, конечно, болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы отпугнуть «всѣмство». Но намъ не слѣдуетъ забывать, что Достоевскій возлагалъ, въ глубинѣ души своей, лучшія надежды только на гадкаго утенка. Повидимому, онъ былъ убѣжденъ, что безобразіе и ужасъ именно для того и существуютъ въ мірѣ, чтобы скрывать отъ тѣхъ, кому еще не пришелъ срокъ знать, послѣднюю и великую тайну міро-зданія. Послушайте, что говоритъ Ишполитъ о картинѣ, которую онъ видѣлъ у Рогожина. На ней былъ изображенъ Христосъ, только что снятый съ креста. «Лицо Христа страшно разбито ударами, вспухшее, со страшными, вспухшими, окровавленными синяками, глаза открыты, зрачки скожились, большіе, открытые бѣлки глазъ блестятъ какимъ то мертвеннымъ, стекляннымъ отблескомъ. Но странно, когда глядишь на этотъ трупъ измученнаго человѣка, то рождается одинъ особенный и любопытный вопросъ: если точно такой трупъ (а онъ непременно долженъ быть точно такой) видѣли всѣ ученики Его, Его главные будущіе апостолы, видѣли женщины, ходившія за нимъ, и стоявшіе у Креста, всѣ, вѣровавшіе въ Него и обожавшіе Его, то какимъ образомъ могли они повѣрить, смотря на такой трупъ, что этотъ мученикъ можетъ воскреснуть. Тутъ невольно приходитъ мысль, что, если такъ ужасна смерть и такъ сильны законы природы, то какъ одолѣтъ ихъ? Какъ одолѣтъ ихъ, когда не побѣдилъ ихъ теперь Тотъ, Который побѣждалъ природу при жизни своей, Которому она подчинялась, Который воскликнулъ «Талифа Куми» и двѣица встала, «Лазарь, гряди вонъ» и выпелъ умершій? Природа морщится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмого звѣря, или, гораздо вѣрнѣе, хотъ и сказать странно, въ видѣ какой-то громадной машины новѣйшаго устройства, которая безсмысленно поглотила и захватила, раздробила и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣнное Существо, Которое одно стояло всей природы и всѣхъ ея законовъ, кото-

рая и создавалась, можетъ быть, единственно для одного только появленія этого существа.»

Не знаю, нужно-ли, послѣ всего вышесказаннаго еще доказывать, что въ этихъ словахъ вылилась самая глубокая, самая завѣтная, и вмѣстѣ самая трепетная и тревожная мысль Достоевскаго. Въ который уже разъ стоитъ онъ, забывъ и себя, и все на свѣтѣ предъ чашками страшныхъ вѣсовъ: на одномъ огромная, безмѣрно тяжелая природа съ ея принципами и законами, глухая, слѣпая, нѣмая, на другую онъ бросаетъ свое невѣсомое, ничѣмъ не защищенное и не охраненное, *timidiatop* и съ затаеннымъ дыханіемъ ждетъ: какая перетянетъ. И это свое дѣло онъ вѣрилъ не кн. Мышкину, которому всѣ поклоняются, которому онъ и самъ поклоняется. Достоевскій знаетъ, что кн. Мышкинъ выдержитъ пощечину и даже подставитъ другую щеку, но отъ страшныхъ вѣсовъ онъ отвернется. Смиреніе не есть та добродѣтель, которой ищетъ Достоевскій. Да и не добродѣтель онъ ищетъ. У добродѣтели вѣдь нѣтъ своей жизни. Она живетъ «признаніемъ», она всѣ свои силы черпаетъ изъ «признавія». Она родная сестра, все того же стараго дважды-два четыре: обѣ родились отъ одного отца — закона. А пока есть законы, пока законы судятъ — Смерть остается властелиномъ міра. И кто посмѣетъ вызвать смерть на поединокъ — когда за нее стоятъ всѣ самоочевидности, такъ мучительно вырисованныя Достоевскимъ, и оправданныя теоріей познания и «эѣжкой»? Конечно не кн. Мышкинъ. Онъ еще съ «эѣжкой», онъ еще самъ хочетъ, чтобъ «принципъ» похвалилъ его. Вѣдь и святые не могутъ жить безъ похвалы закона. Св. Іеронимъ училъ ж, за нимъ, послѣдній католическій докторъ Лигуори повторялъ, обращаясь къ отречшимся отъ міра обитателямъ монастыря: *Disce superbiam sanctam* — научись святой гордости, *scito, te illis esse meliorem* — знай, что ты лучше другихъ. Монахъ еще не готовъ для послѣдней борьбы, даже самый добросовѣстный и искренній монахъ. Онъ еще вѣритъ въ свои «дѣла», ждетъ себѣ похвалы, онъ еще можетъ гордиться похвалой. И кн. Мыш-

кинъ «священной гордостью» не поступится, а стало быть не пойдетъ до конца съ Достоевскимъ. На это способны, это удѣлъ только лишенныхъ всѣхъ правъ и охранъ, подпольныхъ людей. Такіе, только такіе позволяютъ себѣ усомниться въ правомѣрности суда природы и этики, въ правомѣрности суда вообще и ждать, что вотъ вотъ «невѣсомое» окажется тяжелѣе вѣсомаго, вопреки самоочевидностямъ и опирающимся на самоочевидность сужденіямъ разума, который на свою чашку бросилъ уже не только «законы природы», но и законы морали. Исполить уже и морали съ ея санкціей не боится. Онъ презираетъ гордость, даже священную. Онъ не хочетъ быть лучше другихъ, не хочетъ быть хорошимъ, отвергаетъ похвалы самой морали.

Какому суду тутъ дѣло? спрашиваетъ опъ. Кому нужно, чтобъ я былъ не только приговоренъ, но и благоправно выдержалъ срокъ приговора? Неужели въ самомъ дѣлѣ кому нибудь нужно?» И дальше: для чего потребовалось смиреніе мое? Неужто нельзя меня просто съѣсть, не требуя отъ меня похвалъ тому, что меня съѣло?» Такъ научился спрашивать Ипполитъ: Кантъ такъ спрашивать не умѣлъ. Такъ спрашивали за все время историческаго существованія чело-вѣчества только рѣдкіе, исключительные люди. Въ наше время Нитше: «по ту сторону добра и зла.» Его предшественникъ — Лютеръ — въ ученіи, что добрыя дѣла не опасаютъ. Лютеръ услышалъ, умѣлъ услышать это отъ бл. Августина, который въ свою очередь только развилъ ученіе ап. Павла, почерпнутое этимъ послѣднимъ у пророка Исаія и въ величайшемъ и загадочнѣйшемъ библейскомъ сказаніи о грѣхопадєніи. Конечно въ отвѣтъ на исповѣдь умирающаго Ипполита «всѣмство», представленное огромной толпой чуть-ли не всѣхъ дѣйствующихъ лицъ «Идиота», включая сюда и «святого» кн. Мышкина, отвѣчаетъ насмѣшками, гиканьемъ, свистомъ, криками. Всѣмство горой стоитъ за свой идеаль — законъ. И святые не отдадутъ закона. Черезъ нѣсколько дней послѣ страшной ночи, когда Ипполитъ такъ безрезультатно и неудачно пытался вымолить себѣ сочувствіе у «всѣмства», онъ пробуетъ погово-

рить наединѣ со святымъ, надѣясь, что безъ людей, съ глазу на глазъ, тотъ перестанетъ трепетать и занскивать у закона. Но надежда оказалась напрасной. Законъ, *quo nos laudabiles vel vituperabiles sumus*, также прочно сидитъ въ князѣ Мышкинѣ, какъ и «дважды два четыре»: въ этомъ святой ничѣмъ не отличается отъ рядового человѣка. Вотъ финалъ ихъ разговора. Ипполитъ спрашиваетъ князя: «Ну, хорошо; ну скажите мнѣ сами, ну какъ по вашему: какъ мнѣ лучше всего умереть? Чтобъ вышло какъ можно... добродѣтельнѣе? Ну говорите!» Князь, вицѣпившійся губами въ свою священную гордость и больше всего боящійся потерять право на похвалу закона, принимаетъ вызовъ. «Пройдите мимо насъ и простите намъ наше счастье, тихимъ голосомъ проговорилъ онъ.» Нечего говорить — испытаніе выдержалъ: дальше идти некуда. Ипполиту только и осталось, что разразиться хохотомъ: «Ха, ха, ха. Такъ я думалъ! Непремѣнно ждалъ чего-нибудь въ этомъ родѣ! Однако-же вы... однако-же вы!.. Ну, ну! Краснорѣчивые люди!» Зачѣмъ Достоевскій довелъ князя Мышкина до такого признанія? Вѣдь это не Ракитинъ, не Клодъ Бернаръ, вѣдь это «по замыслу» положительный типъ! Но «второе зрѣніе», очевидно, видитъ иное. Очевидно, предъ Достоевскимъ, въ этотъ моментъ возникъ еще болѣе трудный и страшный вопросъ, чѣмъ тотъ, который онъ обсуждалъ въ написанной Раскольниковымъ статьѣ. Раскольниковъ рассуждалъ: есть люди, которые разрѣшали себѣ проливать кровь, — напимѣръ Наполеонъ — и пользовались всеобщимъ одобреніемъ. Значитъ можно кровь проливать, можно съ согласія и одобренія закона убивать тѣло ближняго. Мышкинъ, въ своемъ смиреніи («смирненіе есть сила» говоритъ, не даромъ Достоевскій) этимъ не удовлетворяется. Онъ считаетъ, что въ награду за свое послушаніе онъ получилъ отъ закона больше правъ, больше силы, чѣмъ было у Наполеона — право и силу убивать не тѣло, а душу человѣка. «Простите намъ наше счастье и пройдите мимо.» Тогда, — что будетъ тогда, если Ипполитъ пройдетъ мимо и простить «имъ» ихъ счастье? Ничего не будетъ, ничего и быть не должно.

Получится идеальное «равновѣсіе» — большаго нашъ «разумъ» не добивается...

XI.

Мы отмѣтили у Достоевскаго все болѣе и болѣе рѣшительныя попытки ввести свои изступленные видѣнія въ «предѣлы возможнаго опыта», т. е. превратить «капризъ» и то единственное, не повторяющееся «внутреннее», о которомъ онъ намъ разсказалъ столько новала, во всеобщее и необходимое. Такъ трудно было слѣдить за невыявлявшимся вторымъ измѣреніемъ времени, куда уходило все *time étonné*, какъ соблазнительна была мысль о возможности уже здѣсь, въ исторіи, въ первомъ измѣреніи времени получить «награду свою», добыть гарантію и санкцію для «каприза»! Первые, естественные глаза, какъ и разумъ, родившійся съ первыми глазами неустанно твердили ему, что время имѣетъ только одно измѣреніе, и что безъ гарантій, безъ санкцій закона ничто не можетъ существовать въ томъ мірѣ. «Человѣкъ любитъ страданіе» открыло второе зрѣніе, но разумъ усматриваетъ въ этомъ «противорѣчіе». Страданіе должно что-нибудь «дать», если хочетъ, чтобы его любили. И Достоевскій, усмотрѣвшій въ «дважды два четыре» нахальство, не рѣшается на этотъ разъ спорить противъ закона противорѣчія. Что-то «покупается» страданіемъ и что-то такое, что для всѣхъ, для всѣмства имѣетъ цѣнность: страданіемъ покупается «право судить». И ему даже кажется, что этотъ судъ есть тотъ нослѣдній, страшный судъ, о которомъ онъ читалъ въ Св. Писаніи. И что судъ дано творить ему. И такъ вдохновляетъ порой его это верховное право, право говорить, какъ власть имѣющій, что многимъ и ему самому порой казалось, что въ этомъ сущность его, его жизненное призваніе. И кого только Достоевскій не судить!

Въ «Бѣсахъ» — Грановскаго и Тургенева, современную молодежь, въ «Дневникъ писателя» — Стасюлевича и Грановскаго, въ Пушкинской рѣчи — все русское общество. И въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» судить. И судить смѣло,

рѣшительно, безпокладно. Но, страннымъ образомъ, чѣмъ больше онъ судилъ, и чѣмъ больше убѣждался, что люди боятся его суда и вѣрятъ въ его право судить, тѣмъ сильнѣе повидимому въ глубинѣ его души росло старое сомнѣніе въ правѣ человѣка судить. И даже больше того: онъ это «верховное», «суверенное» право все яснѣе и опредѣленнѣе начинаетъ воспринимать не какъ право, а какъ *privilegium odiosum*, какъ позорящее, мучительное, невыносимое бремя.

И собственно говоря всѣ «эпизоды» которыхъ такъ много въ романахъ Достоевскаго, только объ этомъ и свидѣтельствуютъ. Мы сейчасъ говорили объ «исповѣди» Ипполита и о послѣднемъ его разговорѣ съ княземъ Мышкинымъ. Такой же «эпизодъ» встрѣчается и въ «Бѣсахъ». Настоящій герой «Бѣсовъ»—это не Верховенскій, не Ставрогинъ, а великій и загадочный молчаливикъ и столпникъ Кирилловъ. Онъ косноязычный, точно клещами изъ себя слово вырывающій, онъ, «ничего не дѣлающій» и дѣлать не желающій — есть «душа» романа. Эпизодъ съ Кирилловымъ, по силѣ, глубинѣ и выразительности того, что на нашемъ языкѣ называется неизрѣченнымъ, можетъ быть отнесенъ къ шедеврамъ мировой литературы. «Заявить своеволие!» Вѣдь искони сущность столпничества и молчаливничества въ томъ только и состояло, чтобъ «заявить своеволие», чтобы среди бѣснующихся и законно бѣснующихся людей — ибо въ пещерѣ только мертвецы не бѣснуются—остановиться и поставить, наконецъ, вопросъ: да точно ли налгъ человѣческій міръ, тотъ міръ, которому «разумъ продиктовалъ законы», тотъ міръ, который созданъ «коллективнымъ» опытомъ есть единственно возможный міръ и точно ли разумъ съ его законами властвуетъ надъ живыми. Единственный упрекъ можно было бы сдѣлать Достоевскому. У него Кирилловъ кончаетъ самоубійствомъ. Это — неправильно. Столпники и молчаливики въ самоубійствѣ не нуждаются. Они «своеволие заявляютъ» иными способами. Но, повидимому, Достоевскій умышленно допустилъ такую неправильность, умышленно принудилъ Кириллова поступить не такъ, какъ ему

нужно было поступить. Ибо, иначе пришлось бы дѣлать примѣчаніе въ родѣ того, какое сдѣлано было къ «Запискамъ изъ подполья»...

Нельзя миновать здѣсь небольшой рассказъ «Сонъ смѣшного человѣка», не попавшій, въ качествѣ эпизода въ одинъ изъ романовъ Достоевскаго и нашедшій себѣ пріютъ на страницахъ «Дневника писателя». Рассказъ, почти никому неизвѣстный, какъ и другой, непосредственно съ нимъ связанный и тоже появившійся на страницахъ «Дневника писателя» рассказъ «Кроткая». Оба рассказа написаны также вдохновенно и съ тѣмъ же подъемомъ, какъ и «Записки изъ подполья», «Исповѣдь Ипполита» и другіе многочисленные шедевры, которыми, точно безцѣнными алмазами, сверкаетъ художественный вѣнецъ Достоевскаго. «Сонъ смѣшного человѣка» является продолженіемъ за полгода до того написаннаго рассказа «Кроткая». Этотъ послѣдній Достоевскій нашелъ нужнымъ какъ и «Записки изъ подполья» оправдать въ «примѣчаніи». И точно онъ нуждается въ оправданіи, хотя и не можетъ быть оправданъ тѣми соображеніями, которыя приводитъ Достоевскій.

Вотъ вкратцѣ его содержаніе. Герой, отставной офицеръ, человѣкъ безмѣрно и несправедливо обиженный въ прошломъ, какъ и всѣ «истинные» герои Достоевскаго. Обиженный не такъ, какъ князь Мышкинъ — эпилепсій и т. п., а обиженный такъ, что и и чего за душой не осталось кромѣ «идеи», воплотившейся въ судной кассѣ. И вотъ онъ встрѣчается и женится на дѣвушкѣ — она то и есть кроткая — первомъ существѣ, которое онъ полюбилъ отъ всей души. До того полюбилъ, что готовъ съ ней даже своей «идеи» подѣлиться. И уже собрался дѣлиться, но на день, на часъ задержался: все провѣрялъ себя, ее. Но въ этотъ же день доведенная до отчаянія женщина выбрасывается съ иконой въ рукахъ изъ окна и разбивается на смерть. Хорошо придумано: такой человѣкъ подготовленъ къ «вопросамъ». Послушайте ихъ въ передачѣ самого Достоевскаго. «Что мнѣ теперь ваши законы? Къ чему ваши обычаи, ваша вѣра? Пусть судить меня вашъ судья, пусть приве-

дуть меня въ судъ, вашъ гласный судъ и я скажу, что не признаю ничего. Судья крикнетъ: «молчите, офицеръ». А я закричу ему: гдѣ у тебя такая сила, чтобъ я послушался? Зачѣмъ мрачная косность разбила то, что всего дороже. Я отдѣляюсь. О, мнѣ все равно!.. Косность! О природа! Люди на землѣ одни—вотъ бѣда! «Есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?» кричитъ русскій богатырь. Кричу и я, не богатырь и никто не откликается... Все мертво и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругомъ нихъ — молчаніе». Такимъ вопросомъ кончается рассказъ. Нѣтъ такой силы у «судьи», которая заставила бы офицера, содержателя ссудной кассы, послушаться его... Продолженіе «Кроткой» — «Сонъ смѣшного человѣка» знакомитъ насъ съ «психологической» человѣка, которому «все равно». Скажутъ, что и знакомитъ тутъ нечего, и что никакой «психологической» у человѣка, которому все равно, быть не можетъ. Но, какъ значитъ у Достоевскаго въ подзаголовкѣ, «Сонъ смѣшного человѣка» — «фантастическій рассказъ». А сущность фантастическаго вѣдь и состоитъ въ самыхъ неожиданныхъ метаморфозахъ, когда «ничто» на нашихъ глазахъ какъ-то непонятнымъ, чудеснымъ образомъ превращается въ самое важное, *τιμίοτατον*. Такъ было у Плотина, который нашелъ Бога тамъ, гдѣ все видѣли ничто. Такъ было у Достоевскаго. Вѣдь онъ и для «каприза» требовалъ гарантій, добивался второго измѣренія времени именно потому, что хотѣлъ «узаконить» фантастическое, поставить его на то мѣсто, которое въ общемъ сознаніи занимало до сихъ поръ «естественное». Рассказъ пачинается такъ: «я смѣшной человѣкъ. Они меня теперь называютъ сумасшедшимъ. Это было бы повышеніемъ въ чинѣ, если бы я еще не оставался для нихъ такимъ же смѣшнымъ, какъ и прежде». Вы видите, что въ 1877 году, т. е. черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ «Записокъ изъ подполья» Достоевскій все еще продолжаетъ досказывать педосказанную повѣсть объ отвергнутомъ вѣмствомъ человѣкѣ. Для всѣхъ этотъ смѣшной, отвратительный человѣкъ, гадкій утенокъ, которому бы лучше и не родиться на свѣтъ, а если онъ уже родился, то лучше

всего бы ему прятаться подальше, поглубже отъ всѣхъ. Даже не отъ другихъ, а отъ самого себя спрятаться, ибо всѣмство и въ немъ самомъ живетъ — и «судить» его, возмущается его уродствомъ. Это смѣшный человѣкъ и самъ знаетъ: онъ такъ же невыносимъ для себя, какъ и для другихъ. Но вотъ ни вѣсть откуда пришло къ нему это странное «все равно» — Достоевскаго больше всего, какъ мы знаемъ, занимается ни вѣсть откуда являющееся и весь онъ превращается во вниманіе. Что это за «все равно», зачѣмъ оно? «Я хоть узнавалъ съ каждымъ годомъ все больше и больше о моемъ ужасномъ качествѣ (о томъ, что я смѣшонъ), но почему-то сталъ немного спокойнѣй. Именно почему-то, потому что я и до сихъ поръ не могу опредѣлить, почему. Можетъ быть потому, что въ душѣ моей нарастала страшная тоска по одному обстоятельству, которое уже было безконечно выше меня: именно это было постыпнее меня убѣжденіе въ томъ, что на свѣтѣ вездѣ все равно. Я очень давно предчувствовалъ это, но полное убѣжденіе явилось въ послѣдній годъ какъ то в д р у г ѣ. Я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ все равно было бы, существовалъ ли бы міръ или если бы нигдѣ ничего не было. Я сталъ слышать и чувствовать всѣмъ существомъ своимъ, что н и ч е г о п р и м н ѣ н е б ы л о. Сначала мнѣ казалось, что за то было многое прежде, но потомъ я догадался, что и прежде ничего не было, а только почему то казалось. Мало по малу я убѣдился, что никогда ничего не будетъ». — Остановимся и спросимъ себя! Что это за фантастическія «вдругъ», которыя приводятъ за собой еще болѣе фантастическія «все равно», «ничего при мнѣ не было», «ничего до меня не было», «ничего никогда не будетъ», такъ настойчиво выдвигаемыя или вырываемыя Богъ вѣсть откуда Достоевскимъ? Не вправѣ ли, не о б я з а н ы -ли мы тутъ повторить вслѣдъ за Аристотелемъ, то, что онъ сказалъ объ Гераклитѣ, отридавшемъ законъ противорѣчія: такое можно думать, но такого нельзя говорить. Вѣдь если не унять смѣшного человѣка, то повалится не только законъ противорѣчія, незыблемѣйшій изъ принциповъ, но и всѣ вообще принципы, начала, все «всѣм-

ство» повалится. И отъ «каприза» одного человѣка да еще такого, для котораго, по собственному признанію, сумасшествіе было бы повышеніемъ въ чинѣ! Это нужно сказать себѣ открыто, но тоже нужно сказать открыто, что «приведя къ молчанію» смѣшного человѣка, мы бы заставили замолчать самого Достоевскаго. И не одного Достоевскаго, а и Платона въ его пещерой, Плотина съ его единымъ Эврипида, не знающаго, что такое жизнь и что такое смерть... Соблазняетъ васъ это? Соблазняетъ васъ мысль остаться при одномъ *metrios eis hyperbolein* (докрайности умѣренномъ) Аристотеля? Спорить тутъ нельзя: можно только спросить и пойти дальше...

Такъ вотъ, смѣшной человѣкъ, которому все равно, при которомъ ничего не было и который убѣдился, что и вообще никогда ничего не было и никогда ничего не будетъ, принялъ рѣшеніе: покончить съ собой. Если хотите вы можете подразнить Достоевскаго, благо есть готовая аргументація уже двѣ съ половиною тысячи лѣтъ тому назадъ придуманная: если ничего нѣтъ и не было, то нѣтъ и смѣшного человѣка, нѣтъ рѣшенія покончить съ собой, нѣтъ и всѣхъ его «вдругъ», нѣтъ и разсказа о томъ, что смѣшной человѣкъ рѣшилъ и т. д. Все это, конечно, вы можете сдѣлать и Достоевскій знаетъ, что вы можете такъ дразнить его и будете дразнить, будете смѣяться и не захотите его даже сумасшедшимъ признать — чина пожалѣете. И все таки продолжалъ разсказъ, нагромождая бессмыслицу на бессмыслицу, противорѣчіе на противорѣчіе, которыя бы стоили того, чтобъ ихъ цѣликомъ привести, если бы позволяло мѣсто. Кто хочетъ подойти ближе къ Достоевскому, тотъ долженъ производить особаго рода *exercitia spiritualia*: проводить часы, дни, годы въ атмосферѣ взаимно другъ друга исключаютелыхъ самоочевидностей — другого способа нѣтъ. Такимъ, только такимъ образомъ можно «увидѣть», что время имѣетъ не одно, а два и болѣе измѣреній, что «законы» не существуютъ отъ вѣчности, а «даны» и даны только затѣмъ, чтобы проявился «грѣхъ», что спасаютъ не дѣла, а вѣра, что смерть Сократа можетъ разбудить окаменѣлое

дважды два четыре, что Богъ всегда требуетъ невозможного, что гадкій утенокъ можетъ превратиться въ красавица лебедя, что адъсъ все начинается и ничего не кончается, что капризъ имѣетъ право на гарантію, что фантастическое рe-альнѣе естественнаго, что жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь и на всѣ прочія «истины», которыя глядятъ на насъ своими странными и страшными глазами со страницъ сочиненія Достоевскаго..

И смѣшному человѣку пришлось Богъ знаетъ до чего досмотрѣться, додуматься — хотите знать до чего, перечтите этотъ небольшой, всѣми забытый, но замѣчательный рассказъ — чтобы добыть «новую» истину, добыть и потерять въ тотъ же мигъ, какъ онъ ее нашелъ. Причемъ поразительнѣе всего, что истина эта вовсе и не новая, а самая старая истина, старая почти какъ міръ, ибо она была открыта человѣку чуть-ли не на другой день послѣ сотворенія міра. Открылась, была вписана въ Книгу Книгъ и тотчасъ же всѣми была позабыта. Вы догадались, конечно, что я имѣю въ виду сказаніе о грѣхопадѣніи. Смѣшной человѣкъ, рѣшившій уже покончить съ собой, т. к. ему было «все равно» уснуть и во снѣ увидѣть то, о чемъ разсказано въ Библии. Ему приснилось, что онъ попалъ къ людямъ, не вкусившимъ плодовъ отъ дерева познанія добра и зла, не знавшимъ еще стыда, не имѣвшимъ знанія и не умѣвшимъ и не хотѣвшимъ судить. «Дѣти солнца, дѣти своего солнца — о какъ они были прекрасны. Никогда я не видалъ на нашей землѣ такой красоты!» «Мнѣ казалось неразрѣшимымъ, что они, зная такъ много, не знаютъ нашей науки. Но я скоро понялъ, что знаніе ихъ восполнялось и пыталось иными проникновеніями, чѣмъ у насъ на землѣ и что стремленіе ихъ были тоже совсѣмъ иныя. Они не стремились къ познанію жизни такъ, какъ мы стремимся сознать ее, потому что жизнь ихъ была восполнена. Но знаніе ихъ было глубже и выше, чѣмъ у нашей науки, ибо наука наша ищетъ объяснить, что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтобы научить другихъ жить; они же и безъ науки знали, и я это понялъ, но не могъ понять ихъ знанія. Они указывали мнѣ

на деревья свои... и я не могъ понять той степени любви, съ которой они смотрѣли на нихъ... и знаете, можетъ быть я не ошибусь, если скажу, что они говорили съ ними! Да они нашли ихъ языкъ и убѣжденъ, тѣ понимали ихъ.» Ни въ одной изъ современныхъ теорій познанія вопросъ о сущности и назначеніи научнаго знанія не поставленъ съ такой глубиной и остротой. Только въ древности — ясновидящіе Платонъ и Плотинъ (о нихъ, конечно, Достоевскій и представленія не имѣлъ) подходили и, по сколько дано смертнымъ, осуществляли поставленную себѣ Достоевскимъ задачу: отказаться отъ научнаго знанія, чтобы постичь Истину. Истина и научное знаніе непримиримы. Истина не выноситъ оковъ знанія, она задыхается въ тяжкихъ объятіяхъ «самоочевидности», дающихъ достовѣрность нашему знанію. Наука, продолжаетъ смѣшной человѣкъ, «открываетъ законы» и ставитъ «законы счастья выше счастья», наука хочетъ «научить жить». А Истина надъ законами, и законы для нея тоже, что для Достоевскаго были когда то стѣны тюрьмы и каторжныя кандалы. Достоевскій самъ пораженъ и ослѣпленъ своимъ вѣщимъ прозрѣніемъ, самъ не знаетъ, принять ли его или не принять, сонъ это или явь, бредъ или откровеніе. «Но какъ же мнѣ не вѣрить что это было? спрашиваетъ онъ. Было, можетъ быть, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ я рассказывалъ. Пусть это сонъ, но все это не могло не быть. Знаете, я скажу вамъ секретъ: все это, быть можетъ, было вовсе не сонъ! ибо тутъ случилось нѣчто такое, нѣчто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во снѣ. Пусть мой сонъ породило мое сердце, но развѣ одно сердце мое могло породить ту ужасную правду, которая потомъ случилась со мной? Какъ бы могъ я ее одинъ выдумать или пригрезить сердцемъ? Неужели мелкое сердце мое и капризный умъ мой могли возвыситься до такого откровенія правды? О судите сами: я до сихъ поръ окрывалъ, но теперь доскажу и эту правду. Дѣло въ томъ, что я... развратилъ ихъ всѣхъ». Чѣмъ развратилъ этотъ человѣкъ земли обитателей рая? Онъ далъ имъ наше «знаніе» или, говоря словами Св. Писанія, убѣдилъ ихъ вку-

сить плодовъ отъ запретнаго дерева. И вмѣстѣ съ знаніемъ пришли всѣ земные ужасы, пришла смерть. «Они узнали стыдъ и стыдъ возвели въ добродѣтель», продолжаетъ Достоевскій излагать и комментировать краткое библейское сказаніе. Той науки одной недостаточно было, вмѣстѣ съ наукой выросла — отъ того же корня — и «этика»: міръ превратился въ заворуженное «законами» царство, люди — изъ свободныхъ существъ въ безвольныхъ автоматовъ... И только у нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ рѣдкія минуты просыпается страшная тоска по настоящей жизни и вмѣстѣ съ этой тоской смутное сознаніе, что та сила, которая владѣетъ ими и направляетъ ихъ, и которую они обоготворили, есть сила вѣчнаго сна, смерти, небытія. Это и есть «анамнезисъ» Платона, пробужденіе Плотина. Это то, что людямъ дается, но чего люди не могутъ добыть своими силами, своей заслугой, своими «дѣлами». Читатель видитъ, что эту «правду» Достоевскій не самъ выдумалъ, не могъ самъ выдумать. Онъ оттого и говоритъ объ «откровеніи» правды, что правда ему открылась. Это — та правда, которая — хотя она вѣсѣмъ извѣстна, ибо записана въ книгѣ, наиболѣе читавшейся людьми, все же остается правдой сокрытой. Но поразительнѣй всего, поразительнѣй, чѣмъ все то, что Достоевскій до сихъ поръ намъ рассказывалъ — это конецъ «Сна смѣшного человѣка». Мысль о самоубійствѣ, послѣ того, какъ открылась Истина, отброшена. «О, теперь жизни, жизни! Я подіялъ руки и воззвалъ къ вѣчной Истинѣ; не воззвалъ, а заплакалъ; вострогъ, неизмѣримый вострогъ поднималъ все существо мое. Да жизнь и проповѣдь! О проповѣди я порѣшился въ тѣ-же минуты и, ужъ, конечно, на всю жизнь! Я иду проповѣдывать, я хочу проповѣдывать — что? Истину, ибо я видѣлъ ее, видѣлъ своими глазами, видѣлъ всю ея славу!» Проповѣдывать истину! Иду проповѣдывать истину — т. е. отдаю ее «всѣмству», которое, конечно, прежде, чѣмъ принять ее, потребуетъ, чтобъ Она подчинилась закону. Вы понимаете, что это значитъ?

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Л. Шестовъ.

ИНФЛЯЦІЯ-ДЕФЛЯЦІЯ

Глава первая.

Что такое инфляція? Ея виды и проявленія.

I.

Въ какой мѣрѣ уровень товарныхъ цѣнъ опредѣляется условіями денежнаго обращенія? Экономисты ведутъ объ этомъ споры. Наличность связи признается всѣми, но нѣтъ единодушія по вопросу о степени ея тѣсноты; расходятся мнѣнія и по столь же существенному вопросу, чѣмъ, именно, условія денежнаго обращенія вліяютъ на цѣны.

При данномъ количествѣ оборачиваемыхъ товаровъ цѣны должны быть обратно пропорціональны суммѣ оборачивающихъ ихъ денежныхъ знаковъ. Изъ этого — почти самоочевиднаго — предположенія сторонники наиболѣе упрощенныхъ воззрѣній склонны дѣлать выводъ: увеличьте количество денежныхъ знаковъ вдвое путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ, и цѣны удвоятся; сократите бумажно-денежное обращеніе, и цѣны соотвѣтственно упадутъ.

Такая точка зрѣнія страдала чрезмѣрнымъ схематизмомъ даже въ тѣ времена, когда она слагалась. Нынѣ же хозяйственныя отношенія настолько усложнились, что стало совсѣмъ невозможно мыслить связь между уровнемъ цѣнъ и денежнымъ обращеніемъ страны въ такихъ первобытно-прямолинейныхъ формахъ. Необходимъ цѣлый рядъ дополненій и поправокъ.

Прежде всего: количество товаровъ, которое можетъ обернуть данная сумма денежныхъ знаковъ въ теченіе извѣстнаго времени, зависитъ отъ темпа, которымъ идетъ оборотъ: одна и та же сторублевка обернетъ въ теченіе мѣсяца на много тысячъ рублей товара, если будетъ быстро переходить изъ рукъ въ руки, но она можетъ пролежать и нѣсколько мѣсяцевъ безъ движенія, совершенно не участвуя въ оборотѣ. Отсюда выводъ: кромѣ двухъ величинъ — количества оборачиваемыхъ товаровъ, количества оборачивающихъ ихъ денежныхъ знаковъ — необходимо принимать во вниманіе третью — среднюю быстроту обращенія денежныхъ знаковъ. Чѣмъ быстрѣе оборачиваются деньги, чѣмъ менѣе онѣ залеживаются по бумажникамъ и кубышкамъ, съ тѣмъ меньшею суммою ихъ въ оборотѣ можно обойтись при прочихъ равныхъ условіяхъ. Эта поправка настолько очевидна, что ее всѣ и вносятъ. Но, внося ее, мы сильно мѣняемъ характеръ построенія, такъ какъ эта третья величина — средняя быстрота оборота денегъ, — при всей своей алгебраической ясности, является арифметически почти неуловимою, и, вводя ее въ свои уравненія, мы лишаемъ теорію первоначальной подкупающей простоты и отчетливости.

Другая поправка. Что, собственно, имѣется въ виду, когда рѣчь идетъ о количествѣ денежныхъ знаковъ? Для болѣе примитивнаго хозяйственнаго строя отвѣтъ сравнительно не сложенъ: имѣется въ виду монета, чеканенная изъ металла. Для болѣе близкихъ къ намъ время приходится включать также бумажныя деньги. А въ современныхъ условіяхъ не достаточно и этого: товарный оборотъ осуществляется нынѣ далеко не исключительно при помощи металлической монеты и бумажныхъ денегъ. Возьмемъ хотя бы Англію. Въ повседневной жизни преобладающее значеніе имѣетъ чекъ, — чеками расплачивались до войны на гораздо болѣе значительныя суммы, чѣмъ соверенами или пятифунтовыми банкнотами, и продолжаютъ расплачиваться нынѣ, когда золота не осталось въ обращеніи, болѣе, нежели банкнотами и государственными кредитными билетами. Наряду съ чеками видную роль играетъ (особливо, въ международномъ оборотѣ) такъ называемый *bill of exchange* — приказъ, выданный продавцемъ товара своему покупателю

объ уплатѣ, причитывающейся къ платежу суммы въ условленный срокъ предъявителю документа. Такіе приказы переходятъ изъ рукъ въ руки и служатъ для оплаты иногда очень длиннаго ряда сдѣлокъ ранѣе, чѣмъ будутъ погашены получателемъ товара въ назначенный для платежа день. Наконецъ, очень крупныя расплаты производятся безъ всякаго посредствующаго «денежнаго знака» простымъ переносомъ со счета на счетъ въ банкѣ. Въ подобныхъ условіяхъ металлическая монета и бумажныя деньги, какъ участники торговаго оборота, тонутъ въ массѣ другихъ, служащихъ той же цѣли, средствъ расплаты, и сумма находящихся въ обращеніи «денегъ» имѣетъ численно не тотъ вѣсъ, чтобы быть въ состояніи оказывать опредѣляющее вліяніе на цѣны.

Приходится, такимъ образомъ, оставить мысль, будто вздутіе товарныхъ цѣнъ чрезмѣрнымъ «обиліемъ денежныхъ знаковъ» — «инфляція» цѣнъ — такъ просто и такъ непосредственно связывается съ выпускомъ бумажныхъ денегъ: бумажно-денежная инфляція является лишь однимъ изъ винтовъ — и не всегда даже важнѣйшимъ — того механизма, который вздымаетъ общій уровень товарныхъ цѣнъ независимо отъ условій, коренящихся въ самихъ товарахъ. Сила, которая приводитъ механизмъ въ движеніе, дается искусственнымъ поднятіемъ покупательной способности населенія. Главнымъ же рычагомъ служитъ злоупотребленіе кредитомъ.

II.

Кредитъ, какъ таковой, не является источникомъ добавочной покупательной силы населенія. Народно-хозяйственная задача кредита сводится — по мысли Маркса, превосходно развитой русскимъ экономистомъ В. А. Косинскимъ, — къ круговращенію капитала въ чужомъ предпріятіи. Владѣлецъ капитала, не имѣющій возможности использовать его производительно въ собственномъ дѣлѣ, передаетъ его въ дѣло, нуждающееся въ данное время въ увеличеніи средствъ. Никакой новой покупательной силы этимъ не создается, — то, что получаетъ одинъ, берется у другого. Не вноситъ, само по себѣ, перемѣны и то об-

стоятельство, что задача планомѣрнаго перелива капитала отсюда, гдѣ онъ въ данный моментъ въ избыткѣ, туда, гдѣ въ немъ нужда, выполняется особыми предпріятіями, къ этой цѣли нарочито приспособленными, — банками. Банкъ принимаетъ вклады тѣхъ, кто располагаетъ свободными средствами, и выдаетъ голученныя суммы въ ссуду тѣмъ, кто можетъ производительно затратить ихъ въ своемъ дѣлѣ. Черезъ посредство кредитныхъ учреждений имѣющійся въ распоряженіи капиталъ направляется туда, гдѣ онъ можетъ быть съ наибольшею выгодною использованъ, и производительная мощъ страны, въ силу этого, растетъ. Но новой покупательной силы банки не создаютъ, поскольку дѣятельность ихъ держится въ рамкахъ такого переноса капиталовъ изъ одного кармана въ другой.

Банки, однако, не ограничиваютъ свою дѣятельность этими тѣсными рамками. При наличности извѣстныхъ условій банкъ можетъ, безъ особаго риска, выдать ссуду на большую сумму, нежели у него имѣется собственныхъ средствъ и вкладовъ.

Простѣйшимъ примѣромъ можетъ здѣсь служить банкъ, располагающій правомъ выпуска неразмѣнныхъ банкнотъ. На всю сумму выпуска можетъ быть поднята покупательная способность лицъ и предпріятій, пользующихся въ банкѣ кредитомъ, безъ того, чтобъ хоть на малую долю этой суммы была урѣзана покупательная способность кого либо другого. Здѣсь, слѣдовательно, дѣятельность банка не исчерпывается передвиженіемъ средствъ отъ однихъ къ другимъ. Передаточный механизмъ самъ создаетъ «капиталь», является источникомъ покупательной способности не отраженной, а вновь рождающейся «изъ ничего». И эта созданная изъ ничего покупательная способность не отличима въ жизни отъ передовѣренной черезъ банкъ покупательной способности обычнаго происхожденія. «Деньги не пахнутъ», не «пахнетъ» и открываемый банкомъ кредитъ. Ни кліентъ банка, получающій ссуду, ни тѣ, съ кѣмъ онъ за счетъ ея расплачивается, не вѣдаютъ, покоится ли открытый ему кредитъ на выпускѣ бумажекъ или имѣетъ основу въ принятыхъ банкомъ вкладахъ. Хозяйственная мощъ страны отъ выпуска банкнотъ не мѣняется: къ народному богатству

не прибавляется ломаного гроша. Но совокупность обитателей становится «богаче» на всю сумму выпущенных въ обращеніе бумажекъ. Покупательная способность населенія искусственно вздувается. Передъ нами бумажно-денежная инфляція.

Сходныя послѣдствія выпускъ банкнотъ можетъ имѣть и въ томъ случаѣ, когда эмиссіонный банкъ поддерживаетъ размѣнъ ихъ на звонкую монету. Для обезпеченія размѣна не требуется держать постоянно въ наличности въ кассахъ банка запасъ монеты на всю сумму выпущенныхъ въ обращеніе бумажекъ: съ полнымъ успѣхомъ можно ограничить запасъ половиной или третью и т. д. выпуска. Если законъ не обявываетъ эмиссіонный банкъ «покрывать» выпускаемыя бумажки «рубль за рубль», то вся сумма не покрытыхъ банкнотъ составляетъ такой же искусственный придатокъ къ покупательной силѣ населенія, какъ и въ случаѣ неразмѣнныхъ бумажекъ.

То же самое надо, разумѣется, сказать относительно государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Выпускъ ихъ дѣлаетъ совокупность обитателей страны «богаче», ничего не прибавляя къ ихъ достатку: сумма состояній увеличивается, но количество благъ, имѣющихся въ распоряженіи, остается безъ переменны, и населеніе, располагая большими денежными средствами, не можетъ удовлетворять свои потребности сколько нибудь лучше, чѣмъ до «обогащенія».

Разсмотримъ теперь, какъ покупательная сила населенія можетъ быть искусственно вздуваема при помощи чековаго обращенія.

Человѣкъ, имѣющій счетъ въ банкѣ, вручаетъ поставщику чекъ; этимъ онъ лишь передаетъ въ распоряженіе другого лица часть своихъ суммъ, лежащихъ въ банкѣ. То, что получаетъ одинъ, утрачивается другимъ. Новой покупательной силы не возникаетъ, если чекъ не выписывается на сумму выше той, что значится въ банкѣ на счету. Безъ предварительнаго соглашенія съ банкомъ можно выписать подобный чекъ лишь по забывчивости или въ порядкѣ мошенничества или, развѣ, въ расчетѣ, что счетъ будетъ пополненъ до предьявленія чека къ оплатѣ. Ни одна изъ этихъ комбинацій не можетъ принять сколько-нибудь

широкаго размаха и такимъ путемъ «чековая инфляція» не создается.

Но до предѣла внесенной въ банкъ суммы каждый властень невозбранно выписывать чеки, и вся эта сумма полностью является такимъ же слагаемымъ въ его общей покупательной способности, какъ и хранящіяся въ бумажникѣ наличныя деньги. Если бы банкъ, съ своей стороны, оставлялъ такіе вклады лежать цѣликомъ въ кассѣ, ограничивая свои заботы храненіемъ ихъ, то все въ точности обстояло бы такъ, какъ если бы деньги лежали въ собственномъ бумажникѣ вкладчика или хранились въ его денежномъ шкафу. Но какъ нѣтъ необходимости въ полномъ покрытіи для поддержанія размѣна бенкнотъ, такъ же опытъ показываетъ, что банкъ имѣетъ возможность поддерживать безостановочную оплату выписываемыхъ на него чековъ, храня въ кассѣ лишь нѣкоторую часть внесенныхъ на чековые счета суммъ. Остаткомъ банкъ можетъ распорядиться по собственному усмотрѣнію, соблюдая лишь извѣстную осторожность. Онъ можетъ часть положить на свой счетъ въ другомъ банкѣ, — мелкій провинціальный банкъ въ крупномъ столичномъ или въ центральномъ эмиссионномъ (напр., въ Англійскомъ Банкѣ), — часть можетъ помѣстить въ надежныхъ, легко реализуемыхъ бумагахъ, а часть можетъ выдать въ ссуду своимъ кліентамъ, нуждающимся въ оборотныхъ средствахъ, разрѣшивъ имъ выписывать чеки на большую сумму, нежели ими вложена въ банкъ. Средства, продолжающія значиться въ полномъ распоряженіи одного вкладчика, одновременно усиливаютъ при этомъ покупательную способность другого: получается своего рода двойной счетъ; поднимается совокупность денежныхъ средствъ, значащихся въ распоряженіи націи, безъ того, чтобъ хоть на йоту прибавилось въ дѣйствительности къ народному достатку. Передъ нами — «чековая инфляція», совершенно подобная бумажно-денежной.

Такая чековая инфляція приобрѣтаетъ особое значеніе въ связи съ кредитными операціями государственнаго казначейства. Нуждаясь въ средствахъ для текущихъ расходовъ, правительство обращается за помощью къ центральному банку. Банкъ соглашается увеличить кредитъ на x миллионъ и пре-

доставляет казначейству право распоряжаться этой суммой такъ, какъ если бы она была дѣйствительно внесена казначействомъ въ банкъ на текущій счетъ. На эту сумму выписываются чеки, которыми государство оплачиваетъ своихъ служащихъ и своихъ поставщиковъ. Получившіе такой чекъ вносятъ его каждый въ свой банкъ, усиливая свой счетъ тамъ; банкъ-же на внесенную такимъ чекомъ сумму усиливаетъ свой счетъ въ центральномъ банкѣ. Искусственная покупательная сила, созданная первоначальной кредитной операціей казначейства, при этомъ удваивается. А такъ какъ банкъ, располагая увеличившимися вкладами, имѣетъ, въ свою очередь, возможность выдать досрочные кредиты своимъ кліентамъ, то открываются и дальнѣйшія перспективы искусственного приращенія покупательной способности страны, — почти *ad infinitum*. Англійскіе финансисты считаютъ, что каждое подобное позаимствование государственнаго казначейства въ Англійскомъ Банкѣ вздуваетъ покупательную силу націи въ конечномъ итогѣ на пятишестикратную сумму по сравненію съ открытымъ казначейству кредитомъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ современныхъ условіяхъ покупательная сила страны можетъ быть искусственно вздуваема и безъ выпуска бумажныхъ денегъ. Имѣются къ этому и иные пути, — болѣе даже дѣйствительные и опасные.

III.

Ближайшія послѣдствія искусственнаго созданія новой покупательной силы не трудно представить себѣ въ главныхъ чертахъ.

Непосредственнымъ результатомъ является перераспредѣленіе народнаго достатка. Предположимъ, для схематической простоты, что совокупность реальныхъ благъ, находящихся въ распоряженіи народа въ его цѣломъ (земель, строеній, живого и мертваго сельскохозяйственнаго инвентаря, оборудованія фабрикъ, запасовъ продовольствія, предметовъ домашняго обихода и т. д.) оцѣнивается въ *x* миллиардовъ и что государство, объявляя 1 января войну, выпускаетъ на тѣ же *x* миллиардовъ неразмѣнныхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, прида-

вая имъ силу законнаго платежнаго средства. Обитатель страны, оцѣнивающий свое достояніе въ х тысячъ, располагалъ 31 декабря одною миллионною частью принадлежащихъ странѣ благъ; съ 1 января его доля сводится къ одной двухъ-миллионной. Распоряженіе половиною того, что было ему обезпечено наканунѣ, переходитъ сразу въ руки государства. Не прибѣгая къ налогамъ, казна забираетъ себѣ половину народнаго достоянія, — частью на время, поскольку выпускаемые кредитные билеты будутъ въ послѣдствіи изъяты; частью же навѣки, поскольку кредитки удержатся въ обращеніи. Какъ жертвы распредѣляются между отдѣльными обитателями страны, при такомъ способѣ ихъ взиманія не предрѣшается даже въ той мѣрѣ, въ какой это намѣчается при самыхъ что ни на есть «косвенныхъ» формахъ обложенія. Все зависитъ отъ того, на что будетъ государство расходовать свою вновь созданную покупательную силу. Кое кто въ конечномъ счетѣ даже выиграетъ, но остальные потерпятъ тѣмъ большій ущербъ.

Къ сходнымъ результатамъ ведетъ выпускъ непокрытыхъ банкнотъ. Распоряженіе частью народнаго достоянія переходитъ, болѣе или менѣе длительно, въ руки банковъ, создающихъ новую покупательную силу, и тѣхъ, съ кѣмъ банки дѣлятся, открывая кредитъ. Всѣ же остальные обитатели страны лишаются, въ своей совокупности, соотвѣтственной доли того, чѣмъ иначе могли бы распорядиться по своему усмотрѣнію, и вынуждаются либо сжимать удовлетвореніе своихъ потребностей, либо сокращать сбереженія, либо даже «трогать капиталъ». Производительная мощь страны въ конечномъ счетѣ скорѣе окажется въ выигрышѣ отъ сосредоточенія народно-хозяйственной власти въ рукахъ банковскихъ заправиль и взысканныхъ ихъ милостями «капитановъ промышленности», но тѣ, съ кѣмъ банки не дѣлятся своей властью, несутъ неоспоримый, хотя и мало-примѣтный для каждаго въ отдѣльности, уронъ.

Не иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда новая покупательная способность создается искусственно безъ помощи бумажныхъ денегъ: непосредственнымъ результатомъ является всегда переходъ распоряженія нѣкоторой частью народ-

наго богатства въ руки тѣхъ, къмъ новая покупательная сила созидается, безъ того, чтобъ ими что-либо — кромѣ непрошенныхъ «услугъ по управленію» — было предложено въ обмѣнъ согражданамъ, у которыхъ, безъ спроса ихъ и даже вѣдома, безмездно отчуждается часть достоянія.

Разсмотримъ теперь, какъ происходитъ въ дѣйствительности это непримѣтное безмездное отчужденіе. Вернемся опять къ простѣйшему примѣру выпуска неразмѣнныхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, имѣющихъ силу законнаго платежнаго средства. Суммы, поступающія въ распоряженіе казначейства, распредѣляются между вѣдомствами, которыя начинаютъ за ихъ счетъ производить закупки, давать заказы, расширять личный составъ. На рынкахъ тѣхъ товаровъ, которые требуются въ первую очередь, наступаетъ оживленіе: проявившійся новый спросъ гонитъ цѣны вверхъ. Владѣльцы наличнаго товара выручаютъ за него больше денегъ, чѣмъ они передъ тѣмъ мечтали. На поставкахъ берутся громадные барыши. Обильные заказы поднимаютъ цѣны и на то, что можетъ быть сдано лишь черезъ нѣкоторый срокъ, и заставляютъ расширять производство, поднимать оборудованіе фабрикъ, ставить новыя машины, привлекать рабочія руки. Это, въ свою очередь, повышаетъ заработную плату и распространяетъ ростъ спроса на новыя группы товаровъ, которые также дорожаютъ. Обогащеніе предпринимателей и поставщиковъ и ростъ заработковъ въ обласканныхъ заказами производствахъ позволяютъ многимъ повысить свой уровень жизни; легко зарабатываемыя средства легко и расходуются; появляется оживленный спросъ на предметы потребленія богатѣющей части населенія. Цѣны и здѣсь крѣпнутъ. Такъ, постепенно, повышательная волна идетъ въ ширь, захватывая все новые рынки, увлекаемая въ общемъ движеніи вверхъ цѣны какъ на то, что непосредственно требуется правительственнымъ вѣдомствамъ, такъ и на необходимое для изготовленія сырье, на примѣняемые при производствѣ орудія, на предметы потребленія «первыхъ десяти тысячъ», а затѣмъ и болѣе широкихъ народныхъ массъ.

При извѣстныхъ условіяхъ производительная мощь страны можетъ оказаться при этомъ въ выигрышѣ. Если государство используетъ свою покупательную способность на производительныя цѣли, если расходуетъ полученныя средства расчетливо и разумно, если работа по его заказамъ организуется планомерно и цѣлесообразно, то въ цѣломъ можетъ очиститься прирѣзокъ къ тому, что было бы иначе произведено народнымъ трудомъ: исходящій отъ государства толчекъ повыситъ общее трудовое напряженіе, и народно-хозяйственныя силы страны окажутся полнѣе использованными. Но и въ этомъ случаѣ выигрышъ не распредѣлится между всѣми. Его реализуетъ часть населенія, которая въ добавокъ къ нему прихватитъ и лишки; остальнымъ же не только ничего не перепадетъ, но имъ же придется въ конечномъ счетѣ оплатить все то, что счастливицы заполучатъ сверхъ объективнаго прирѣзка къ народному достоянію. Престарѣлый инвалидъ, выслужившій многолѣтними трудами небольшую пенсію, не пользуется ничѣмъ отъ пролившагося надъ страной бумажно-денежнаго дождя; общее же повышеніе цѣнъ равнозначно для него внезапному сокращенію пенсіи: «инфляція» отнимаетъ у него часть пищи, часть одежды и т. д., которыя ему причитались, и передаетъ ихъ въ распоряженіе лицъ, счумѣвшихъ увеличить свои денежные доходы въ большей мѣрѣ, нежели вздулись цѣны. А такъ какъ волна дороговизны, распространяясь изъ центра концентрическими кругами, становится все менѣе высокой по мѣрѣ того, какъ расходится въ ширь, то участь такого инвалида-пенсіонера раздѣлятъ и очень многіе изъ его согражданъ: чиновники и служащіе, пока имъ не удастся добиться прибавки на дороговизну; рабочіе, которые не счумѣютъ заставить предпринимателя достаточно поднять заработную плату; производители тѣхъ товаровъ, до которыхъ повышательная волна не успѣетъ докатиться или дойдетъ, утративъ свою силу; кредиторы, котормъ должники, рассчитываясь «полнымъ рублемъ», возвращаютъ лишь часть полученныхъ когда то въ ссуду цѣнностей. Больше всѣхъ страдаютъ, разумѣется, всѣ тѣ, чей доходъ зафиксированъ на опредѣленной денежной высотѣ. Въ бюджетѣ

у прочихъ вычеты на одной сторонѣ хоть частично погашаются плюсами на другой. Для нихъ же инфляція несетъ одни минусы.

Съ особой рѣзкостью ощущаются отрицательныя стороны инфляціи, естественно, тогда, когда добавочная покупательная сила не используется для производительныхъ цѣлей, а идетъ на веденіе неудачной войны, на покрытіе расходовъ расточительнаго двора и т. д. Здѣсь кругъ выигрывающихъ сужается; убываетъ и число тѣхъ, для кого ущербы и выгоды болѣе или менѣе уравниваются. Численность же жертвъ инфляціи вздымается тѣмъ рѣзче, что самая волна дороговизны нарастаетъ въ такихъ условіяхъ сугубо круто, ибо добавочная покупательная сила и покоящійся на ней спросъ не встрѣчаютъ здѣсь никакого прироста предложенія.

IV.

Небывалая по размѣрамъ война потребовала отъ участниковъ безпримѣрныхъ затратъ. Европа выходитъ изъ нея обнищавшею. Между тѣмъ, на поверхностный взглядъ разоренныя войною страны могутъ произвести впечатлѣніе разбогатѣвшихъ. Никогда не наблюдалось въ нихъ такого обилія денегъ. Банки ломаются отъ вкладовъ. Заработки возросли во много кратъ. Тотъ кто, бывало, дрожалъ надъ каждымъ рублемъ, теперь, не задумываясь, расходуетъ сотни. Обороты и капиталы торгово-промышленныхъ предпріятій, государственные доходы и расходы поднялись во много разъ. Гдѣ раньше считали въ милліонахъ, теперь прикидываютъ на милліарды. Суммы, отъ которыхъ ранѣе волосъ сталъ бы дыбомъ, теперь никого не сзадачиваютъ. Во всемъ, что переводится на деньги, люди привыкли къ числамъ астрономическаго порядка. «Кто не бережетъ милліона, тотъ не стоитъ и милліарда», говорится уже нынѣ повсюду, вмѣсто «копейки» и «рубля» стараго добраго времени. Такой инфляціи исторія человѣчества еще не видывала; классическій примѣръ ассигнать Великой Французской революціи оставленъ позади. Свое «почетное» мѣсто въ лѣтописяхъ хозяйственной исторіи ассигнаты революціонной Франціи уступаютъ отнынѣ «керенкамъ» и «ленинкамъ» большевистской Россіи, съ которыми почитай что готовы соперничать австрій-

скія кроны, деньги вновь созданныхъ мелкихъ государствъ и— того и жди! — германская марка.

Чтобъ справиться съ веденіемъ войны въ тѣхъ масштабахъ, какіе она сразу приобрѣла, государствамъ, принявшимъ въ ней участие, необходимо было забрать въ свое непосредственное распоряженіе такую долю народнаго достоянія, о которой ранѣе жутко было бы и помыслить. Какъ передъ витяземъ въ народной сказкѣ передъ страной открывалось тутъ три пути: отъдать «кесарю кесарево» въ формѣ даней и сборовъ; временно переуступить казнѣ часть «покупательной способности» отдѣльныхъ лицъ въ видѣ займовъ; и, наконецъ, снабдить правительство необходимымъ ему финансовымъ вооруженіемъ посредствомъ искусственнаго созданія новой «покупательной силы» въ формѣ бумажныхъ денегъ и банковскихъ кредитовъ.

Путь первый — путь усиленнаго обложенія — самый прямой и достойный. Но использовать его сколько-нибудь широко не рѣшилась ни одна изъ европейскихъ странъ, кромѣ Англии. Вездѣ боялись вызвать народное недовольство неприкровеннымъ требованіемъ поступиться на нужды войны той частью личнаго достоянія каждаго, какую должны были бы по разверсткѣ упасть на него военныя расходы, — боялись, какъ бы населеніе, давъ себѣ точный отчетъ въ размѣрахъ жертвъ, не спохватилось, что плохо окупаютъ ихъ невѣрные шансы на конечный успѣхъ, и не потребовало мира. Да и технически такое усиленіе нажима податнаго винта представлялось почти не осуществимымъ, — требовало, во всякомъ случаѣ, времени, тогда какъ расходы не ждали.

Путь инфляціи снимаетъ, какъ рукой, подобныя затрудненія. Созданіе новой «покупательной силы» по началу не наноситъ никому обязательнаго ущерба: лишь полѣ того, какъ волна дороговизны докатится до предметовъ потребленія народныхъ массъ, начинается въ широкихъ кругахъ явственно ощущаться ея гнетъ. Сперва же оживившійся спросъ и вызываемый ростомъ цѣнъ подъемъ темпа хозяйственной жизни даютъ картину радостнаго возбужденія. Казна получаетъ, что ей нужно, и въ то же время создаетъ кругомъ себя атмосферу благодарнаго довольства. Въ дальнѣйшемъ предстоитъ, конечно, расплата. Но

отается надежда на удачный исходъ войны, который позволить переложить всё жертвы на побѣжденныхъ противниковъ и предоставить возможность во время остановить инфляцію, не давъ ей обрушиться всей тяжестью на побѣдителей. А такъ какъ скорѣйшій успѣхъ военныхъ дѣйствій требуетъ крайняго напряженія силъ и «денегъ, денегъ, денегъ», то и начинается казаться самымъ расчетливымъ образомъ дѣйствій безоглядное умноженіе искусственной «покупательной способности» государственнаго казначейства, незамедлительно предоставляемой въ распоряженіе военной власти.

На этотъ скользкій путь и вступили всё правительства съ первыхъ дней войны. Вступивъ же, не имѣли болѣе возможности остановиться: война затягивалась противъ всѣхъ расчетовъ и ожиданій; расходы нарастали тѣмъ быстрѣе, чѣмъ выше вздымались цѣны; начавшаяся инфляція сама себя стремительно вздувала. Далекое за сотню милліоновъ марокъ въ день поднималась въ Германіи сумма кредитовъ, которые казначейство вынуждено было открывать себѣ въ порядкѣ инфляціи. Попытки же прорвать магическій кругъ выпускомъ займовъ не вели къ успѣху. Даже Германія, размѣстившая за четыре съ небольшимъ года девять внутреннихъ займовъ, далеко не успѣвала отчерпывать избытка искусственно создаваемой казначействомъ покупательной силы.

Расходовалась же рождаемая изъ ничего покупательная сила почти всецѣло на дѣло разрушенія. Расходовалась годъ, другой, четвертый. Со всѣмъ доступнымъ напряженіемъ энергій, самыми усовершенствованными приемами, какіе только можетъ измыслить современное техническое знаніе, истребляли милліонныя арміи въ разныхъ концахъ Европы не только другъ друга, но и всё матеріальныя основы хозяйственной и духовной культуры: разрушались эданія, пускались ко дну суда, приводились въ негодность угольныя копи и нефтеносныя скважины, вырубались лѣса, изрывалась до негодности почва, истреблялся скотъ, сжигались продовольственные запасы. Въ то же время трудъ, создававшій до войны все то, что требовалось населенію для мирной жизни, былъ забранъ на фронтъ; изъ остатка же рабочей силы въ тылу крупная доля удѣлялась задачѣ обслужи-

ванія все того же фронта. Въ связи съ этимъ истощались и нишали и мѣстности, которыхъ не затрагивалъ ходъ военныхъ операций; оскудѣвали и здѣсь запасы; откладывался всяческій ремонтъ; все понемногу запускалось и ветшало, начиная отъ домашней утвари и платья и кончая оборудованіемъ фабрикъ и жслѣзнодорожнымъ подвижнымъ составомъ. Сумма реальныхъ благъ въ распоряженіи народовъ неудержимо убывала; количество же «денежныхъ знаковъ» въ бумажникахъ и на счетахъ въ банкахъ — видимая покупательная сила населенія — расло поистинѣ, не по днямъ, а по часамъ.

Приходится ли дивиться тому, что вопросъ о способахъ къ устраненію инфляціи — «дефляціи» — сталъ передъ человѣчествомъ съ небывалой доселѣ остротою?

Глава вторая. Задачи и пути дефляціи.

I.

Сущность инфляціи заключается въ созданіи новой покупательной силы, не сопровождающемся созданіемъ новыхъ благъ. Сущность дефляціи состоитъ въ уничтоженіи покупательной силы, не сопровождающемся одновременнымъ уничтоженіемъ имѣющихся благъ.

Можно ли разсматривать дефляцію, какъ процессъ, обратный инфляціи? Можетъ ли созданная инфляціей покупательная сила быть уничтожена дефляціей? На первый взглядъ представляется, что достаточно, напримѣръ, изъять изъ обращенія выпущенныя «бумажки», и все вернется къ старому: былая сумма денежныхъ знаковъ будетъ противостоять прежней массѣ продаваемыхъ и покупаемыхъ благъ; возстанутся и старый уровень цѣнъ и привычныя соотношенія между цѣнами и доходами; инфляція со всѣми ея бѣдственными послѣдствіями будетъ погашена дефляціей. Не трудно, однако, убѣдиться, что дѣло обстоитъ далеко не такъ просто.

Созданная въ порядкѣ инфляціи покупательная сила не остается, вѣдь, нетронутою въ распоряженіи создавшаго ее государства или банка: она немедленно расходуется на тѣ цѣли, ради которыхъ была вызвана къ существованію. Государство

оплачиваетъ «бумажками» поставщиковъ, выдаетъ жалованія и т. д. Поставщики оплачиваютъ ими свои закупки, заработную плату и пр. Рабочіе затрачиваютъ ихъ, въ свою очередь, на свои нужды, — на пищу, на одежду, — и такъ далѣе до безконечности. Вновь созданная покупательная сила тотчасъ расплывается; постепенно она растекается по всей странѣ, становясь неуволимо-неотдѣлимой отъ покупательной силы иного происхожденія. Поднимая общій уровень цѣнъ, инфляція обезцѣниваетъ денежную единицу, но обезцѣниваются при этомъ равно всѣ «денежныя единицы» безъ исключенія, — какъ созданныя вновь въ порядкѣ инфляціи, такъ и тѣ, что ранѣе находились въ обращеніи.

А, съ другой стороны, самое вздутіе цѣнъ и доходовъ идетъ, какъ мы видѣли, неравномѣрно. Одни товары забѣгаютъ впередъ, другіе отстаютъ отъ общаго темпа движенія. Кто нищаетъ, а кто и разживается, ухищряясь увеличивать свои денежные поступленія быстрѣе, нежели обезцѣнивается денежная единица.

Предположимъ, что государство используетъ моментъ усиленнаго поступленія налоговъ для того, чтобы счесть часть притекающихъ въ казначейство кредитныхъ билетовъ. Этимъ оно, безспорно, лишаетъ себя части покупательной силы, предоставляемой ему населеніемъ. Но уничтожается при этомъ не та добавочная покупательная сила, которая была создана выпускомъ бумажекъ въ обращеніе: ее государство упустило изъ рукъ въ тотъ моментъ, когда бумажки пошли въ дѣло. Сжигая кредитные билеты, государство уничтожаетъ покупательную силу тѣхъ обывателей, съ которыхъ взымаются налоги, и, какъ правило, это будутъ не тѣ, кто нѣкогда былъ приобщенъ къ распоряженію вновь созданной покупательной силой и за ея счетъ успѣлъ увеличить свою денежную мощь.

Допустимъ далѣе, что государство сжигаетъ кредитныхъ билетовъ на громадныя суммы, для чего всемѣрно усиливаетъ нажимъ податнаго винта. Населеніе, несущее налоговое бремя, видитъ себя вынужденнымъ сокращать расходы, урѣзывать потребности, отказывать, быть можетъ, себѣ въ необходимомъ. Его упавшая покупательная сила находитъ ограниченіе въ об-

цель сжатия спроса, в «забастовку потребителей», которая не замедлит, в свою очередь, сказаться на ценах. Уровень цен начинает опускаться; с ним вместе понижаются доходы. Инфляция сменяется дефляцией. Но путь, которым распространяется понижение; — очередь, в какой оно захватывает отдельные товары и разные отрасли народного труда, — определяется своими особыми условиями. Волна дефляции не повторит движения волны инфляции: она пойдет скорее во встречном направлении, — кое в чем при этом смягчит, но во многом обострит неравномерное распределение выгод и жертв поры вздувавшихся цен.

Сходным образом и дефляция кредита ударяет не всегда по тем, кто сумел в свое время с выгодой распорядиться созданной банками «из ничего» покупательной силой. Как на бирже нервно тем же, кто наживался на повышении, продолжают стричь публику и после перелома конъюнктуры, перейдя во время к игре на понижение, так точно в процессе дефляции вычеты производятся не из тех бумажников, которые были набиты инфляцией, выгоды же не погашают понесенных за время инфляции потерь. Плюсы и минусы распределяются тут и там по своим самостоятельным законам, причудливо друг друга перекрещивающим. Нельзя, следовательно, видеть в дефляции уничтожение покупательной силы, искусственно созданной перед тем в порядке инфляции. Понятие дефляции тесно примыкает по своей конструкции к понятию инфляции, представляя как бы его отображение в зеркале. Но жизненные процессы органически независимы. Дело государственного искусства установить между ними сильную связь, — по возможности, заживит дефляцией раны, нанесенные инфляцией.

Сама же по себе дефляция вызывает хозяйственные и социальные потрясения не менее глубокие, нежели те, что порождаются инфляцией. Эти потрясения могут оказаться целевыми для народного организма, но могут также в корень подорвать его расшатанные инфляцией силы. Все зависит в каждом отдельном случае от совокупности жизненных условий и от умения, с которым осуществляется дефляция.

Повышенная температура — безспорный признак болѣзненнаго состоянія, но не всегда скачекъ температуры внизъ равнозначенъ выздоровленію и не при всѣхъ условіяхъ щедрая дача жаропонижающихъ средствъ является залогомъ спасенія.

II.

Усматривая сущность дефляціи въ истребленіи покупательной силы, не сопровождающемся одновременнымъ уничтоженіемъ имѣющихся благъ, мы отрываемъ дефляцію отъ инфляціи. Дефляціи, такъ понижаемой, можетъ и не предшествовать инфляція. Послѣдствія, къ которымъ ведетъ подобное уничтоженіе покупательной силы, — интересы, которымъ оно служитъ, — мало мѣняются отъ того, будетъ ли оно осуществлено, какъ заключительный актъ инфляціоннаго процесса, въ цѣляхъ устраненія вызванныхъ инфляціей бѣдъ, или будетъ предпринято по инымъ соображеніямъ безъ того, чтобъ цѣны были предварительно вздуты искусственнымъ умноженіемъ покупательной способности населенія. Въ отвлеченной схемѣ легко представить себѣ дефляцію, которой не предшествуетъ ни инфляція, ни даже независимый отъ инфляціи общій ростъ цѣнъ. Но хотя это само по себѣ и мыслимо, въ дѣйствительности не встрѣчается случая, чтобъ возникъ вопросъ о дефляціи въ подобныхъ условіяхъ. Лишь бѣдствія бурнаго вздутія цѣнъ способны подвинуть на такой шагъ, какъ добровольное уничтоженіе покупательной силы.

Предположимъ, что страна, ведущая внѣ своихъ предѣловъ тяжкую войну, располагаетъ государственнымъ аппаратомъ, позволяющимъ правительству обойтись безъ выпуска бумажныхъ денегъ, безъ позаимствованій въ банкахъ, — словомъ, безъ присвоенія себѣ вновь создаваемой искусственно покупательной силы: военные расходы покрываются всецѣло сборами съ населенія и внутренними долгосрочными займами. Покупательная мощь совокупности обитателей страны остается тогда неизмѣнной, инфляціи не происходитъ. Но общая сумма имѣющихся въ распоряженіи благъ непрерывно убываетъ. Черезъ границу массами отправляется снаряженіе, аммуниція, продовольствіе. Тылъ напряженно работаетъ на фронтъ. Расширяются заводы, вы-

полняюціе военныя заказы; воздвгаются для нихъ зданія, строятся машины; привлекаются отовсюду рабочіе. Выработка того что требуется для мирнаго населенія, неуклонно падаетъ. Постепенно оскудѣвають запасы въ странѣ, убываетъ скотъ и т. д. Недостатокъ предложенія при неослабѣваемомъ спросѣ гонитъ цѣны вверхъ. Все, въ концѣ концовъ, происходитъ такъ, какъ и при войнѣ, ведущейся за счетъ инфляціи: процессъ носитъ лишь менѣе стремительный характеръ. Уровень цѣнъ вздымается не такъ круто; дороговизна не такъ остро даетъ себя знать; барыши выражаются не въ столь головокружительныхъ цифрахъ. Нарушеніе привычнаго равновѣія между цѣнами разныхъ товаровъ и доходами разныхъ группъ населенія переживается, тѣмъ не менѣе, болѣзненно; отовсюду слышатся жалобы на вздорожаніе жизни; раздаются настоянія вернуть вздувшіяся цѣны къ ихъ «нормальному» уровню. Указывается и путь къ этому: уничтоженія избытка покупательной силы, переставшей отвѣчать запасу имѣющихся въ странѣ благъ, — дефляція.

Рассмотримъ теперь, почему вопросъ о дефляціи и искусственномъ, при ея посредствѣ, пониженіи цѣнъ не возникаетъ независимо отъ скачка цѣнъ передъ тѣмъ вверхъ. Это становится понятно, если подвести балансъ интересовъ и прикинуть, кто чувствуетъ себя въ выигрышѣ при дефляціи и кто теряетъ.

Когда искусственно создается покупательная сила, тѣ кому она поступаетъ въ распоряженіе, извлекаютъ выгоду и ясно сознаютъ это. Что касается «жертвъ», то онѣ не чувствуютъ себя непосредственно задѣтыми: обезцѣненіемъ денежной единицы инфляція ударитъ, конечно, всѣхъ по карману, но произойдетъ это не сразу, и мало кто въ состояніи на передъ сообразить, когда и въ какой мѣрѣ придется ему вносить свою лепту. Напротивъ, при дефляціи, тѣ, чья покупательная сила подвергается уничтоженію, затрогиваются сразу и непосредственно: «жертвы» дефляціи намѣчаются чуть не поименно при самомъ приступѣ къ дѣлу. Тѣ же, кому повышенная дефляціей цѣнность денежной единицы сулитъ въ конечномъ счетѣ выигрышъ, рѣдко способны предвидѣть это съ достаточной увѣренностью. А такъ какъ неизбежно приходится привлекать

многихъ къ отказу отъ части ихъ покупательной силы, то хоръ противниковъ и заглушаетъ голоса тѣхъ, кто ратуетъ за дефляцію. Если страна только что пережила полосу инфляціи, общественная атмосфера складывается по иному. Требования тѣхъ, кто несправедливо пострадалъ отъ инфляціи — пенсионеры, кредиторы — естественно, пріобрѣтаютъ особый вѣсъ: рѣчь идетъ уже не о подаркѣ путемъ дефляціи, а о возвратѣ отнятого инфляціей. Въ то же время въ населеніи, взбудораженномъ дороговизной жизни, нарастаетъ убѣжденіе, что раны, причиненныя вздорожаніемъ цѣнъ, будутъ залечены ихъ пониженіемъ. Мысль — не вполнѣ, какъ мы видѣли, справедливая, но въ подобныхъ условіяхъ она такъ отвѣчаетъ психологіи массъ, что кажется самоочевидною. Стало жить тяжело, такъ какъ вздулись цѣны; надо цѣны сбить, чтобъ жить вновь стало легко, — лишь на основѣ такихъ народныхъ настроеній и мыслима энергичная дефляція. Иначе сопротивленіе непреодолимо.

III.

Когда измѣнившіяся къ лучшему условія откроютъ для государства возможность приступить къ дефляціи, передъ руководителями финансовой политики возникаетъ задача выработать продуманный планъ дѣйствій. Отъ этого зависитъ и степень болѣзненности операціи, и темпъ, и самый успѣхъ ея. Прежде чѣмъ начинать рѣзать, надо семь разъ примѣрить. Лучше ничего не предпринять, чѣмъ сдѣлать не то, что слѣдуетъ. Дефляція, затѣянная не ко времени или неудачно задуманная, измучитъ страну и ничего не дастъ, — будетъ лишь служить помѣхою для повторенія попытки въ болѣе благоприятной обстановкѣ.

Поскольку рѣчь идетъ объ устраненіи бумажно-денежной инфляціи, на выборъ представляется два способа дѣйствій: государство можетъ присвоить себѣ уничтожаемую покупательную силу подданныхъ путемъ налоговъ и можетъ перевести ее временно въ свое распоряженіе путемъ долгосрочнаго займа.

Заемъ не даетъ, конечно, радикальнаго рѣшенія. По истеченіи его срока вопросъ объ изысканіи средствъ вновь станетъ

передъ казначействомъ; если налоговой аппаратъ не будетъ и тогда давать достаточныхъ избытковъ поступленій надъ расходами, то придется либо «переписывать векселя» выпуская новые займы, либо снова прибѣгать къ инфляціи. Съ другой стороны, современная финансовая техника позволяетъ безъ особыхъ трудностей высвободить уступленную на время покупательную силу, используя облигации займа, какъ обезпеченіе банковскаго кредита: бумажно-денежная дефляція можетъ благодаря этому легко свестись на нѣтъ, перейдя въ формы инфляціи кредита. Еще, разумѣется, хуже обстоитъ дѣло, когда государство само обязуется, какъ это дѣлала Германія въ военную пору, ломбардировать свои займы на льготныхъ условіяхъ.

Путь налоговый не знаетъ этихъ невыгодъ: покупательная сила отбирается тутъ навѣки нерушимо. Если государство ее уничтожить, а не израсходуетъ, то уже не освободишь ея и не возстановишь никакими ухищреніями. Но и этотъ путь не только тягостенъ, но также чреватъ опасностями: можно и имъ забрести въ противоположную отъ цѣли сторону. Пусть, напримеръ, въ цѣляхъ дефляціи усиливается обложеніе соли, сахара и т. п. Цѣны на эти продукты подымутся. Жизнь вздорожаетъ. Обострится борьба за повышение заработной платы. Ростъ денежной оплаты труда подниметъ цѣны на издѣлія. Въ результатѣ ранѣе, чѣмъ уничтоженіе вздутой покупательной силы успѣетъ сказаться на общемъ уровнѣ цѣнъ, наступитъ для ряда товаровъ движеніе цѣнъ вверхъ, и какъ установится балансъ, не легко предъбучестъ даже въ каждомъ отдѣльночъ случаѣ. Сходнымъ образомъ и повышение ставокъ подоходнаго налога, сборъ съ капитала, обложеніе военной прибыли и проч. могутъ при извѣстныхъ условіяхъ оказаться переложенными съ однихъ плечъ на другія, парализовать дѣйствіе дефляціи своимъ народно-хозяйственнымъ отраженіемъ и свести на нѣтъ замыслы, которыми диктовалась финансовая политика. Все зависитъ отъ совокупности жизненныхъ условій. Одна и та же мѣра можетъ дать противоположные результаты въ различной обстановкѣ. Недостаточно добрыхъ намѣреній и твердой воли, чтобъ достигнуть поставленной цѣли: необходимо также государственное искусство, — умѣніе найти пріемы, берущіе за-

дачу во всей ея жизненной сложности и дающіе для нея искомое рѣшеніе не на бумагѣ, а на дѣлѣ.

Наиболѣе прямолинейною и технически, на первый взглядъ, всего легче осуществимою изъ радикальныхъ мѣръ дефляціи представляется огульное пониженіе нарицательнаго достоинства выпущенныхъ въ обращеніе денежныхъ знаковъ. «Гдѣ написано на кредитномъ билетѣ стараго образца «рубль», читай отнынѣ «копѣйка», — такой декретъ, обращающій сторублевку въ рубль и, допустимъ, сопровождающійся, для порядка, обмѣномъ старыхъ бумажекъ на кредитные билеты новаго образца, сметаетъ, безспорно, однимъ махомъ 99 сотыхъ воплощенной въ бумажныхъ деньгахъ покупательной силы населенія. Для этого, надо, однако, чтобъ декретъ не остался на бумагѣ. Но провести подобную мѣру въ жизнь, при всей ея соблазнительной простотѣ, не такъ то легко для самаго беззащѣннаго, ничѣмъ не смущающагося правительства.

Пониженіе нарицательнаго достоинства бумажныхъ денегъ трудно разсматривать, какъ единовременный поимущественный сборъ, взимаемый съ одного спеціального вида имущества — бумажныхъ денегъ. Въ виду того обстоятельства, что государственные кредитные билеты носятъ характеръ безпроцентныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, подобная мѣра мало чѣмъ отличается отъ отказа платить по государственнымъ займамъ и совершенно также равнозначна признанію государственнаго банкротства. Ударъ, наносимый государственному кредиту, мало смягчается тѣмъ, что банкротство частичное: довѣріе къ намѣренію выполнять обязательства колеблется первымъ яснымъ шагомъ на этомъ пути. Заграничные держатели кредитныхъ билетовъ чувствуютъ себя такими же кредиторами государства, какъ и заграничные собственники государственныхъ фондовъ. Между претензіями однихъ и притязаніями другихъ нѣтъ разницы: права обезпечиваются въ обоихъ случаяхъ всѣмъ достояніемъ государства. Безъ объявленія общаго банкротства врядъ ли осуществимо пониженіе нарицательнаго достоинства находящихся за границей кредитныхъ билетовъ. Если же примѣнить къ нимъ особая мѣрки, то

задача проведенія декрета внутри страны чрезвычайно усложняется.

Допустимъ, однако, что, какъ ни опасно колебать государственный кредитъ, на рискъ приходится итти, такъ какъ Казначейство не въ силахъ выдержать лежащихъ на немъ обязательствъ. И въ этомъ случаѣ спеціальныи поимущественный сборъ съ обладателей бумажныхъ денегъ не представляется удачнымъ шагомъ. Изъ всѣхъ видовъ поимущественнаго обложения это самый неравномѣрный и самый несправедливый. Онъ бьетъ всего больнѣе по низамъ населенія, не успѣвшимъ еще и приобщиться къ современнымъ формамъ распоряженія свободными средствами и видящимъ въ запасъ наличныхъ денегъ единственную вѣрную заручку про черный день. Своей главной тяжестью такой сборъ ложится на деревню. Кромѣ случаевъ исключительной паники, мало кто въ городахъ хранитъ у себя на большія суммы деньги — особливо бумажныя. Горожанинъ даже въ отсталыхъ странахъ привыкъ держать ихъ на счету въ банкахъ, или въ сберегательныхъ кассахъ, да и тамъ не дастъ скопиться чрезмѣрнымъ излишкамъ, а ищетъ болѣе выгоднаго помѣщенія. Крестьянинъ, напротивъ, даже въ передовыхъ странахъ продолжаетъ побаиваться выпускать деньги изъ рукъ и предпочитаетъ беречь ихъ у себя дома въ кубышкѣ, старательно подбирая такія, которыя кажутся ему болѣе надежными, — золото, серебро, пользующіяся его довѣріемъ бумажки. Спеціальныи сборъ съ владѣльцевъ бумажныхъ денегъ является въ такихъ условіяхъ мѣрою, направленною непосредственно противъ крестьянства, и деревни, какъ свидѣтельству-етъ опытъ, даетъ себѣ въ этомъ ясный отчетъ.

Для того, чтобъ подобный сборъ не носилъ характера кары за избытокъ довѣрія къ государственной власти и не вызывалъ справедливаго негодованія среди достигнутыхъ имъ случайныхъ держателей государственныхъ кредитныхъ билетовъ, есть лишь одинъ путь: включить его, какъ органическое звено, въ цѣпь мѣръ, направленныхъ къ взиманію общаго единовременнаго поимущественнаго налога, берущаго извѣстную долю достоянія, независимо отъ того, въ какой формѣ кто его имѣетъ, — въ видѣ ли бумажныхъ денегъ или государственныхъ

займовъ, акцій и недвижимости и т. д. При такой обстановкѣ ни о государственномъ банкротствѣ, ни о классовой несправедливости мѣры не можетъ быть рѣчи, если только общій планъ налога построенъ правильно. Деревню же можно притомъ нарочито ублагоустроить, демонстративно уравнивая ускоренное взиманіе сбора съ бумажно-денежного капитала практически рассчитанными разсрочками въ платежахъ сбора съ недвижимости. Бумажныя деньги стараго образца обмѣниваются, напри- мѣръ, въ теченіе извѣстнаго, краткаго срока на новыя; при этомъ выдается новыми деньгами на руки не вся представленная къ обмѣну сумма, — часть ея удерживается, какъ сборъ съ бумажно-денежного капитала; часть выдается процентными обязательствами, которыя будутъ приниматься по нарицательной стоимости при взносѣ общаго поимущественнаго сбора, когда удастся закончить его раскладку. Подобная постановка устраняетъ изложенныя выше принципиальныя возраженія. Надо, однако, сказать, что ускоренное изыятіе значительной доли бумажныхъ денегъ встрѣчаетъ и въ такой формѣ сильное сопротивленіе, и въ цѣломъ представляется сомнительнымъ, оплачиваетъ ли вообще игра свѣчи, — не цѣлесообразнѣ ли отложить взиманіе и этой части поимущественнаго сбора до той поры, когда можно будетъ осуществить обложеніе всѣхъ видовъ имущества сразу.

IV.

Въ извѣстной мѣрѣ бумажно-денежная дефляція автоматически противодѣйствуетъ инфляціи кредита. Предѣльный размѣръ открываемыхъ банками кредитовъ стоитъ въ довольно тѣсной зависимости отъ количества «денежныхъ знаковъ» въ обращеніи. Если банки фактически близки къ этому предѣлу, то сжатіе бумажно-денежнаго обращенія непосредственно отражается на ихъ операціяхъ, заставляя отказывать новымъ кліентамъ и урѣзывать открытые ранѣ кредиты. Въ такомъ случаѣ мѣрами бумажно-денежной дефляціи осуществляется одновременно и дефляція кредита. Напротивъ, если банки поддерживаются по тѣмъ или инымъ причинамъ отъ полного использования имѣющихся у нихъ возможностей и выданные ими

кредиты не достигаютъ столь значительной высоты, то сжатіе бумажнаго обращенія можетъ и не сказаться на размахѣ ихъ операций. Въ извѣстныхъ условіяхъ, какъ отмѣчалось выше, бумажно-денежная дефляція можетъ даже послужить толчкомъ къ инфляціи кредита. Серьезная программа дефляціи должна, въ силу этого, включатьъ мѣры, нацѣленные непосредственно на сжатіе банковскихъ кредитовъ, наряду съ такими, которыя направлены къ сокращенію бумажно-денежнаго обращенія.

Кредитная сдѣлка, по существу своему, всегда двусторонняя: клиентъ банка испрашиваетъ, банкъ открываетъ кредитъ. Мѣры, направленные къ сжатію банковскихъ кредитовъ, могутъ, слѣдовательно, носить двоякій характеръ: воздействовать на тѣхъ, кто ищетъ кредита, съ одной стороны, и на тѣхъ, кто его даетъ, съ другой.

Основнымъ способомъ сдержки тѣхъ, кто ищетъ кредита, является его удорожаніе. Когда деньги дешевы, предприимчивый дѣлецъ пускаетъ ихъ въ оборотъ, не слишкомъ задумываясь, — идетъ съ легкимъ сердцемъ на не очень вѣрныя начинанія. Чѣмъ больше приходится платить за получаемыя въ ссуду средства, тѣмъ осторожнѣе взвѣшиваютъ шансы. Торговецъ закупаетъ, на примѣръ, въ кредитъ товаръ; если по ссудѣ платится мало, онъ можетъ долго выдерживать запасъ на рукахъ въ надеждѣ, что ростъ цѣнъ съ лихвой покроетъ, въ концѣ концовъ, всѣ затраты; но если процентъ по ссудѣ будетъ значительно поднятъ, то вѣроятность достаточнаго повышенія цѣнъ убываетъ; является интересъ скорѣе развязаться съ товаромъ; спекулировать на повышеніе становится слишкомъ рискованнымъ. Сходнымъ образомъ промышленникъ, соблазняясь дешевымъ кредитомъ, легко идетъ на расширеніе производства; если же деньги дороги, предпочитаетъ обходиться своими средствами, прибѣгая къ кредиту лишь въ предѣлахъ необходимѣйшаго. Деньги, которыми торгуютъ банки, раздѣляютъ участь всего, что продается и покупается: вздорожаніе сжимаетъ спросъ.

Въ виду этого, рѣшительные сторонники дефляціи являются въ большинствѣ своемъ убѣжденными защитниками политики «дорогихъ денегъ». Добавочнымъ основаніемъ настаивать

на повышеіи нормъ оплаты капитала служить для нихъ при этомъ надежда поощрить населеніе къ большей бережливости соблазномъ выгодъ, которыя сулитъ каждая лишняя отложенная сотня при высокомъ уровнѣ роста.

Механическое взвинчиваніе нормъ оплаты капитала, достигаемое обычно повышеіемъ официальной учетной ставки, имѣетъ, однако, серьезныя неудобства. Оно можетъ нерѣдко повести къ отказу отъ кредита тамъ, гдѣ съ общей народной точки зрѣнія представлялось бы желательнымъ, чтобъ средства были пушены въ ходъ. А въ то же время использование кредита на цѣли, наиболѣе нежелательныя, можетъ и не испытать сжатія. Такъ, въ той же товарной спекуляціи, о которой рѣчь шла выше, — а еще рѣзче въ спекуляціи на валютахъ — въ періоды рѣзкихъ движеній цѣнъ и курсовъ повышеіе роста по ссудамъ совершенно стушевывается передъ тѣми рисками и шансами, на учетѣ которыхъ строится игра. Если расцѣнки мѣняются въ теченіе нѣсколькихъ недѣль на десятки процентовъ, то не представляетъ большой разницы, изъ сколькихъ процентовъ годовыхъ оплачиваются вложенныя въ игру средства. Для солиднаго же использования заемнаго капитала въ дѣлѣ, расчитанномъ на небольшой, неспекулятивный барышъ, разница въ одинъ, въ два процента въ оплатѣ ссуды можетъ оказаться непреодолимымъ препятствіемъ. Такимъ образомъ, вздорожаніе денегъ можетъ подрѣзать здоровую предприимчивость, не оказывая сдерживающаго вліянія на тѣхъ, кого требуется осадить. Есть рискъ, что въ конечномъ счетѣ будетъ нанесенъ ущербъ росту производительныхъ силъ страны.

На эту оборотную сторону медали не безъ основанія указываютъ противники политики «дорогихъ денегъ». Поскольку дефляція кредита представляется желательной, говорятъ они, необходимо итти къ ней инымъ путемъ. Надо ставить дѣло такъ, чтобы при сжатіи кредита была возможность разбираться въ цѣляхъ, на которыя кредитъ испрашивается, — урѣзывать кредитъ тамъ, гдѣ онъ служитъ не на пользу народнаго хозяйства, и продолжать поддерживать кредитомъ тѣхъ, кто употребляетъ занятыя средства во благо. Дефляція кредита не должна быть механической, — не должна битъ безъ разбора

по правому и по виноватому. Для этого же надо осуществлять ее не въ слѣпую путемъ огульнаго взвинчиванія ставокъ, а при поддержкѣ тѣхъ, кто даетъ кредитъ, — ближайшимъ образомъ, банковъ. Надо, чтобъ банковскіе дѣятели взяли задачу на свои плечи и дружно, по общему плану, начали сокращать открываемые кредиты, тщательно разбираясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Предпочтительность такого способа дефляціи кредита теоретически неоспорима. Весь вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ подобные планы жизненно осуществимы. Непосредственный интересъ своего предпріятія толкаетъ руководителей банка къ тому, чтобъ, въ предѣлахъ возможнаго, развивать активныя операціи; не всякій изъ нихъ способенъ отказать въ кредитѣ кліенту, представляющему достаточныя обезпеченія, изъ за того лишь, что общіе интересы страны требуютъ дефляціи, а цѣли, на которыя испрашивается данная сумма, недостаточно съ народной точки зрѣнія существенны. Такой образъ дѣйствій предполагаетъ чрезвычайно высокій уровень экономической культуры, позволяющій оцѣнить всю народно-хозяйственную важность задачи, и не менѣе выдающееся напряженіе чувства гражданскаго долга — сознаніе отвѣтственности передъ родиною за дѣйствія, выполняемія не на общественной, а на частной службѣ въ порядкѣ преслѣдованія личныхъ интересовъ. Если банковскій міръ стоитъ на такой высотѣ, то задача дефляціи кредита можетъ быть осуществима и безъ содѣйствія «механическихъ сдержекъ». Но тамъ, гдѣ банковскіе воротила держатся ближе къ землѣ, по своей психологіи, подобные планы носятъ характеръ утопіи, если не лукавой отговорки, и безнадежно обречены на неуспѣхъ.

V.

Равновѣсіе между покупательной силой населенія и совокупностью благъ, являющихся предметомъ купли-продажи, можетъ быть нарушено съ двухъ концовъ: измѣненіями въ покупательной силѣ, вздуваемой въ процессѣ инфляціи или сжимаемой въ процессѣ дефляціи, и вслѣдствіе измѣненій въ количествѣ благъ. Ходячее словоупотребленіе не дѣлаетъ особаго раз-

личія между тѣмъ, съ какого конца наступаеъ перемѣна: подъ инфляціей иногда разумѣютъ и повышеніе цѣнъ, связанное съ сокращеніемъ запаса благъ; дефляціей нерѣдко именуютъ также общее пониженіе цѣнъ, связанное съ лучшимъ снабженіемъ страны товаромъ. Въ интересахъ точности разсужденій умѣстнѣе не придавать терминамъ столь распространительнаго толкованія. Правильнѣе опредѣлять дефляцію, какъ уничтоженіе покупательной силы, не сопровождающееся одновременнымъ уничтоженіемъ благъ, и не подводить подъ понятіе дефляціи того способа устраненія бѣды инфляціи, который выражается въ увеличеніи количества благъ при неизмѣнномъ уровнѣ покупательной способности населенія.

Существа дѣла такія терминологическія разграниченія, разумѣется, не затрагиваютъ. Повышая свою трудовую энергію, поднимая техническими и организаціонными усовершенствованіями степень исползованія имѣющихся силъ и благъ, — развивая, словомъ, свою производительную мощь, — населеніе страны возстановляетъ нарушенное инфляціей равновѣсіе наиболѣе успѣшно и съ наименьшими жертвами. Темпъ можетъ быть существенно ускоренъ сжатіемъ расходовъ, — отказомъ себѣ въ удовлетвореніи текущихъ потребностей ради лучшаго обезпеченія въ будущемъ. На такой основѣ продуманныя мѣры дефляціи бумажно-денежной и кредитной способны сравнительно безболѣзненно и быстро, безъ чрезмѣрныхъ потрясеній вернуть общій уровень цѣнъ къ той высотѣ, которая признается желательною въ сложившейся жизненной обстановкѣ.

Напротивъ, при отсутствіи этихъ предпосылокъ, процессъ легко принимаетъ мучительно болѣзненный, затяжной характеръ даже въ случаѣ, если дефляція осуществляется выдержанно по правильно построенному плану. Безъ поддержки населенія, въ атмосферѣ безрадостно-пониженнаго трудового напряженія лучше не задаваться чрезмѣрно честолюбивыми цѣлями; разумнѣе отказаться отъ излишнихъ потугъ, ограничивъ заботы о возстановленіи цѣнности денежной единицы сравнительно скромными предѣлами; выгоднѣе сосредоточить помыслы на томъ, чтобъ скорѣе прекратить колебанія уровня цѣнъ и прочно закрѣпить его на какой ни на есть высотѣ. Жизнь приспособ-

бляется въ концѣ концовъ къ любой расцѣнкѣ денежной единицы. Португалець считаль на мильрейсы, оплачивая малѣйшій расходъ тысячами и десятками тысячъ своихъ обезцѣнившихся когда то денежныхъ единицъ, и не испытываль отъ этого особыхъ неудобствъ; его сосѣдъ, испанецъ, считаетъ на песеты, номинально равноцѣнныя золотому франку, и не извлекаеть отсюда никакихъ преимуществъ. Весь жизненный смыслъ дефляціи состоитъ въ томъ, чтобы встрѣчнымъ движеніемъ оборвать инфляцію, не давъ ей выявиться до крайнихъ послѣдствій. Къ возстановленію нарушенной справедливости дефляція не подходящій путь. Безвиннымъ жертвамъ инфляціи лучше придти на помощь въ иныхъ формахъ. Колебанія цѣнности денегъ какъ внизъ, такъ и вверхъ, такой острый ядъ для государственнаго организма при его современномъ строѣ, что лишь возможность быстро выбить клиномъ клинъ и можетъ оправдать выборъ такого лечебнаго средства.

А. А. Чупровъ.

ПУТИ РОССИИ.

Статья третья.*)

II.

Въ XIII вѣкѣ послѣ Р. Хр. великій Сѣверный материкъ становится рамой міровой монгольской имперіи. Только выступы континента — полуострова Индостанъ, Аравійскій и Западно-Европейскій — остались внѣ власти монгольской державы. Міровая римская имперія, покрывавшая, въ свое время, весь „*orbis terrarum*“, кажется небольшимъ государствомъ въ сравненіи съ міровой имперіей монголовъ. На короткій историческій моментъ великій Сѣверный континентъ объединился въ одно политическое цѣлое. Препрады для хозяйственныхъ сношеній пали и культуры смѣшались. — Но это продолжалось только нѣсколько десятилѣтій. Въ монгольской имперіи не было той таинственной связывающей силы, которая кроется во всякой расцвѣтающей культурѣ, и которой обязаны были своими достижениями имперіи Эллинская, Римская, Арабская и современная Британская. Монгольская имперія была сочетаніемъ стихійной силы степного народа и матеріальныхъ достижений — военныхъ, административныхъ, финансовыхъ — угасающей культуры китайской. Для власти надъ великимъ континентомъ этого не было достаточно. — Уже въ концѣ XIII вѣка имперія начала распадаться. Главныя провинціи имперіи сдѣлались самостоятельными и возникли четыре независимыхъ государства: на востокъ громадное государство, включавшее въ свои границы Китай и прилегающія къ нему страны; въ Средней Азіи государство Джагатай; въ За-

*) См. Современныя Записки. № 7.

падной Азии государство Ильхановъ; а на сѣверѣ государство Кипчакъ. Но и эти государства существовали недолго. Процессъ распада шель неудержимо. Монгольскія государства вели безконечныя междуусобныя войны; туземныя княжества возставали и объявляли свою независимость; намѣстники хановъ превращали управляемыя ими провинціи въ самостоятельныя государства. Въ концѣ XIV в. великій завоеватель Тимуръ сдѣлалъ попытку возстановить міровую имперію. За свою страшную жизнь онъ успѣлъ разорить Индію, Западную Азію и, на короткое время, соединить воедино государства Ильхановъ, Джагатай и Кипчакъ. Съ его смертью періодъ великихъ монгольскихъ завоеваній кончился. Міровая монгольская имперія разсыпалась на части. Континентъ былъ разгромленъ. вмѣстѣ съ гибелью культуры — матеріальной и духовной — была сломлена и политическая мощь континента. Въ теченіе многихъ вѣковъ государства Востока оставались политически безпомощными. Всякая внѣшняя сила входила въ тѣло Востока, не встрѣчая никакого сопротивленія. Когда Западно-Европейскій полуостровъ приступилъ къ завоеванію міра, государства востока покорились почти безъ борьбы. И лишь въ концѣ XIX в., на маленькихъ островахъ Тихаго океана — Японскихъ — отвердѣли первыя точки сопротивленія Западу. Политическое возрожденіе Востока еще впереди.

Въ XIII в. великая Сѣверная равнина — во власти монгольскаго государства Кипчакъ. Владѣнія хановъ «Золотой Орды» простирались отъ рѣки Днѣстра и до рѣки Енисея. Изъ всѣхъ частей міровой монгольской имперіи, Кипчакское государство оказалось наиболѣе устойчивымъ. Оно просуществовало два съ половиной вѣка и было окончательно разрушено только въ 1502 году. Но «устойчивость» Кипчакскаго царства очень относительна. Уже въ XIV в. въ государствѣ начались смуты и междуусобныя войны. Въ концѣ XIV в. Кипчакское царство было покорено Тимуромъ и, вмѣстѣ съ подвластною Русью, вошло въ его міровую имперію. Въ XV в. смуты въ государствѣ усилились, и Кипчакское царство стало распадаться на части. Раньше другихъ отдѣлились Ногайская Орда и Сибирскія ханства; въ 1420 г. — царство Крымское; въ 1438 г. — царство Казанское; въ 1466 г. — царство Асраханское. Но и отдѣлившіяся царства просуществовали недолго. Ихъ краткая исторія наполнена смутами и не прекращавшимися усобицами. Въ XVI в. они потеряли всякое политическое значеніе и были легко разрушены одно за другимъ. Лишь Крымское ханство, вошедшее въ составъ Османской имперіи, продержалось до конца XVIII в.

Съ установленіемъ власти Золотой Орды надъ великой Сѣверной равниной, Россія, какъ независимое государство, пере-

стала существовать. На столѣтія она сошла со страницъ міровой исторіи. На историческихъ картахъ она изображается какъ одна изъ провинцій монгольскаго государства. Русскія княжества одно за другимъ подчинялись монголамъ; послѣдними — княжество Галицкое и республика Новгородская. Страна была разорена. Города разгромлены; культура уничтожена. Населеніе было загнано въ рѣчной треугольникъ Оки и Волги. Югъ и юго-востокъ очищены для монгольскихъ кочевій. Русскіе князья вернулись въ свои владѣнія, какъ намѣстники Кипчакскихъ хановъ. Ярлыкѣ на княженіе они получали въ ханской ставкѣ, вмѣстѣ съ ханами ходили въ походы, по порученію хановъ усмиряли непокорныя земли. Въ своихъ княжествахъ они переписывали населеніе и облагали его данью въ пользу монголовъ. По существу, власть русскихъ князей была отраженіемъ власти монгольскихъ хановъ. Въ XIV в. подъ покровительствомъ и при содѣйствіи Золотой Орды возвысились князья Московскіе. Они были вѣрными слугами монгольской власти, часто ѣздили въ ханскую ставку, безжалостно давили своихъ сосѣдей и «собирали» русскую землю. Въ ихъ страшной политикѣ чувствовалась сосредоточенная сила и напряженная, еще не осознавшая себя воля. Вѣрные Ставокѣ, когда она была сильна, они зорко слѣдили за всѣмъ, что въ ней происходило, и, при первыхъ признакахъ слабости, дѣлали попытки возстать и объявить себя независимыми. Въ XV в. Золотая Орда настолько ослабла, а Московское княжество настолько окрѣпло, что подданство московскихъ князей стало почти номинальнымъ. Въ 1480 г., въ царствованіе Ивана III, Россія снова стала независимымъ государствомъ. Въ это же царствованіе и процессъ собиранія русской земли далеко продвинулся впередъ — къ Москвѣ были присоединены Новгородъ, Тверь, Пермь и Вятка. Въ XVI в. русское государство перешло въ наступленіе. Моментъ былъ выбранъ осторожно и увѣренно. Монгольскія царства были такъ ослаблены, что побѣда досталась безъ большой борьбы. Въ 1552 было покорено царство Казанское; въ 1554 — царство Астраханское; въ 1582 г. — царство Сибирское. Передъ русскимъ государствомъ раскрывался весь необъятный и беззащитный Востокъ. Съ тѣмъ поръ Россія неудержимо шла впередъ — въ XVII в. дошла до Тихаго океана, въ XVIII в. до Чернаго моря, въ XIX в. до горъ Гиндукуша. Съ XVII в., укрѣпившись на Востокѣ, Россія обратилась и къ Западу. Въ XVII-XVIII в. были присоединены Малороссія, Бѣлороссія, Литва и Прибалтійскія страны, въ XIX — Польша, Финляндія и Бессарабія. Хронологическая таблица роста Русскаго государства производитъ громадное впечатлѣніе:

Къ началу княженія Ивана III въ 1462 г.		
Московская Русь занимала около	10.674 кв. мили.	
Въ годъ его смерти въ 1505 г.	41.136 „ „	
Въ годъ смерти Грознаго въ 1584 г.	75.159 „ „	
Въ концѣ XVI в. къ концу царствованія Федора	130.132 „ „	
Новыя присоединенія Сибири открывали огромныя пространства:		
Въ 1613 г. Московская Русь занимала	155.914 „ „	
Въ 1645 г.	225.914 „ „	
Присоединеніе Малороссіи въ 1676 г. увеличило территорію до	263.828 „ „	
Петровскія приобрѣтенія къ концу его царствованія 1725 г. увеличили до	282.454 „ „	
Къ концу царствованія Екатерины II (1796 г.) Имперія занимала	352.472 „ „	
Въ концѣ Николаевского царствованія	367.200 „ „	
Въ настоящее время она занимаетъ	394.462 „ „*)	

За четыре съ половиной столѣтія территорія Россіи увеличилась въ 36 разъ. Русское государство занимаетъ около $\frac{1}{6}$ части земной суши, больше половины великаго Сѣвернаго континента (если не считать Западно-Европейскаго полуострова). По своимъ размѣрамъ оно уступаетъ только мировой Британской имперіи. За то оно представляетъ «величайшее на землѣ компактное государство и величайшую область одного народа». «Распространеніе Россіи и русскихъ, занимавшихъ еще въ началѣ XVI в., сравнительно, небольшое пространство, на всю необъятную область восточно-европейской низменности и за ея предѣлы черезъ Сибирь на западную часть Средней Азіи — является однимъ изъ грандіознѣйшихъ событій всемірной исторіи» **).

Обычное представленіе о ходѣ развитія русскаго государства таково. — Русское государство, въ Московскій періодъ, — срединное царство, со всѣхъ сторонъ окруженное врагами. Оно лежитъ на равнинѣ, и границы его открыты для нападенія. На западѣ сильные противники — Шведы, Литовцы, Поляки; на востокъ — дикія монгольскія ханства. Россія была поставлена судьбой у «восточныхъ воротъ Европы, на стражѣ ломившейся въ нихъ кочевой, хищной Азіи ***). Передъ русскимъ государ-

*) Довнаръ-Запольскій. Исторія русск. народнаго хозяйства. т. 1911 г.

**) Hettner. Russland. 1921.

***) Ключевскій, т. I.

ствомъ былъ выборъ: или побѣдить и поглотить всё окружныя государства, или быть побѣжденнымъ и исчезнуть; ибо на великой открытой равнинѣ существованіе нѣсколькихъ государствъ невозможно. Русское государство выдержало напряженіе, окрѣпло, побѣдило своихъ противниковъ и, идя отъ завоеванія къ завоеванію, дошла до своихъ естественныхъ границъ — морей и горъ.

Надо пристально взглядѣться въ историческія карты Россіи, чтобы увидѣть недостаточность начертанной схемы. Она не обращаетъ вниманія на главное обстоятельство. Она не учитываетъ того, что фронтъ Россіи былъ обращенъ на востокъ, что континентъ былъ политически безпомощенъ; что Россія шла впередъ, почти не встрѣчая сопротивленія. Несмотря на «срединность» Россіи стратегическое положеніе Русскаго государства — въ сравненіи съ государствами Западной Европы — было исключительнымъ. Западная Европа — полуостровъ, занимающій $\frac{1}{26}$ часть земной суши. На этомъ тѣсномъ пространствѣ сосредоточены десятки государствъ — среди нихъ самые могущественные въ нашемъ тысячелѣтіи. Каждое движеніе одного изъ государствъ вызывало отчаянное противодѣйствіе сосѣднихъ. Исторія Западно-европейскихъ государствъ — исторія кровавой и беспощадной борьбы, орудіями, все болѣе совершенствовавшимися по мѣрѣ развитія культуры. Когда западныя государства вышли изъ предѣловъ Западно-Европейскаго полуострова, они принуждены были переплывать океаны, открывать и осваивать новыя невѣдомыя матеріки. Русское государство возникло на континентѣ. Оно росло и крѣпло на просторѣ великой Сѣверной равнины. У Россіи не было сильныхъ противниковъ. На западѣ ея противниками были наиболѣе слабыя изъ западно-европейскихъ государствъ. Но и съ ними Россія справилась только тогда, когда она укрѣпилась на востокѣ, когда она сдѣлалась по территоріи — величайшимъ государствомъ своего времени. На востокѣ Россія не встрѣтила ни одного серьезнаго противника. Монгольскія ханства пали отъ внутренняго безсилія. Съ момента ихъ паденія Россіи приходилось бороться, главнымъ образомъ, съ «пространствомъ». Когда пространство, включенное въ ея границы, хоть въ слабой степени заполнялись населеніемъ, Россія шла впередъ и занимала новыя территоріи. Беззащитный континентъ точно втягивалъ ее въ себя. Въ завоевательной политикѣ русскаго государства были, конечно, свои осознанные мотивы: Россіи нужно было защитить свои открытыя границы отъ безпокойныхъ кочевниковъ; Россіи нужны были нетронутые лѣса и нераспаханныя земли; съ про-

никновеніемъ западной культуры ее потянуло къ морямъ и открытымъ торговымъ путямъ. Но надъ всѣми этими сознательными мотивами властно господствовала неосознанный, неистребимый инстинктъ, который неустойчиво влекъ Россію на окружающія ее незащищенные пространства. Когда крѣпнущее государство не встрѣчаетъ препятствій для своего распространенія, оно неустойчиво идетъ впередъ. Исторія Россіи — неустойчивая «погоня за границами». Но она не находила ихъ; ибо весь континентъ былъ беззащитенъ. Въ началѣ XX в. Россія не только занимала половину континента. Въ «сферѣ ея вліянія» находились Монголія, Манчурія, часть Персіи. Ея виды простирались на владѣнія Турціи, Тибетъ, Восточный Туркестанъ, Афганистанъ и даже Индію. Если всѣ эти страны не вошли въ составъ русскаго государства, то это случилось не по винѣ Востока. Предѣлъ русскому распространенію былъ положенъ Западомъ. Въ концѣ концовъ русское государство встрѣтило точки сопротивленія; то были — западная Англія и возрождаемая западомъ Японія. Не случись этого, Россія могла завоевать весь континентъ и ея границы совпали бы съ границами монгольской имперіи. — Монгольское завоеваніе, разрушивъ континентъ и сливъ Россію съ Востокомъ, опредѣлило тяжкіе пути культурнаго и хозяйственнаго развитія Россіи. Монгольское завоеваніе, покоривъ континентъ и уничтоживъ возможныя точки сопротивленія, приготовило условія для грядущаго политическаго торжества Россіи; сдѣлало возможнымъ созданіе мировой русскаго имперіи. Сила и слабость Россіи — на Востокѣ.

Распространеніе Россіи на территорію, обнимающую половину великаго Сѣвернаго континента, неустойчивое раздвиганіе границъ Русскаго государства имѣло громадное значеніе въ историческихъ судьбахъ Россіи. Въ хозяйственномъ развитіи Россіи оно имѣло значеніе опредѣляющее. «Исторія Россіи есть исторія страны, которая колонизируется». «Переселеніе, колонизація страны была основнымъ фактомъ нашей исторіи, съ которымъ въ близкой и отдаленной связи стояли всѣ другіе ея факты» *). «Извѣстное колонизаціонное движеніе — основной нервъ русскаго историческаго процесса» **). Таковы неоспоримыя положенія исторической науки. Объясняются эти положенія такъ. Россія расположена на безпредѣльной, открытой равнинѣ. Отличительная черта великой равнины — однообразіе. Если двигаться съ запада на востокъ, нѣсколько отклоняясь къ югу, можно

*) Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Т. I.

***) Прѣсняковъ. Московское Госуд. I-ой полов. XVII в. Три вѣка. Т. I. 1912.

пройти тысячи верстъ, не замѣчая перемѣнъ. Все тѣ-же тундры на сѣверѣ, все тѣ-же лѣса въ центральной полосѣ, все тѣ-же черноземныя степи на югѣ. Пространства великой равнины необъятны и на $\frac{9}{10}$ — до расселенія русскаго народа — были пустыни или заселены очень слабо. Таковы природныя условія. Они неудержимо влекли къ расселенію, къ неустанному осваиванію новыхъ пространствъ. Не встрѣчая естественныхъ препятствій, русское населеніе разливалось по великой равнинѣ, пока не наполнило ее до краевъ. Въ русской исторіи все текуче, все подвижно, все напоминаетъ степную траву «перекати поле». Природа страны опредѣлила вѣчное движеніе русскаго народа и этимъ опредѣлило историческія судьбы Россіи.

Въ этомъ объясненіи правильно учтены «природныя» условія, но недостаточно учтены условія историческія. Природа страны была благопріятна для переселенія. Но переселеніе стало возможнымъ только тогда, когда создались благопріятныя историческія условія. Междурѣчье Тигра и Эфрата было нѣкогда житницей міра и вмѣщало многочисленное населеніе. При турецкомъ владычествѣ оно — въ теченіе вѣковъ — оставалось мертвой пустыней. И ни одинъ переселенецъ не пришелъ сюда съ Западно-Европейскаго полуострова, выславшаго миллионы людей въ свои колоніи. Сахалинъ еще недавно былъ мѣстомъ ссылки преступниковъ. Когда часть его была уступлена Японіи, онъ сталъ населяться выходцами съ Японскихъ острововъ. И великая Сѣверная равнина, всегда одинаково ровная и однообразная, стала быстро заполняться русскимъ населеніемъ только тогда, когда пали политическія границы, раздѣлявшія ее, и она стала достояніемъ единаго государства. Пока Московское государство было монгольской провинціей, необъятная черноземная южная степь была «пустыней великой», и только отчаянные люди «казаки», «бродники» отважились проникать въ нее. Въ 1388 г. Митр. Пименъ ѣхалъ по р. Дону до Азова, а оттуда въ Царьградъ. Вотъ какъ описывается его путешествіе: «Бысть же сіе путное шествіе печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села; аще бо и бываше древле града красны и нарочиты зело видѣниемъ, мѣста точию, пустоусь все и ненаселѣно; нигдѣ бо видѣти человѣка, точию пустыни велия и зверей множество, козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, птицы орлы, гуси, лебѣди, жаравли и прочая, и бяше вся пустыни великая». Въ 1476 г. Венеціанскій посоль Контарини переѣзжалъ черезъ «большую степь Азіатской Сарматіи», лежавшую... между Волгой и Дономъ; и ничего кромѣ земли и неба, онъ тамъ не

видѣлъ *). И лишь тогда, когда бывшая монгольская провинція стала сильнымъ независимымъ государствомъ, а монгольскія царства стали провинціями государства Россійскаго, русское население стало неудержимо разливаться по великой равнинѣ. Но это случилось только 3½ вѣка тому назадъ. Если бы монгольскія государства не разсыпались, исторія равнины — несмотря на природныя условія могла бы быть совершенно иной. *Исторія Россіи есть исторія колонизаціи русской государственной территоріи, границы которой неустанно раздвигались по безпредѣльнымъ пространствамъ великаго континента.*

Съ XIII вѣка большая часть русскаго населенія была сбита въ междурѣчья Оки и Волги: на востокъ и югъ выходъ былъ запертъ монголами; на западъ въ XIV в. образовалось сильное государство литовское; суровый сѣверъ, открытый для русской колонизаціи, привлекалъ къ себѣ только слабое теченіе переселенцевъ. Разселеніе русскаго народа по великой равнинѣ, начавшееся еще въ докиевскій періодъ, было, на цѣлыя столѣтія прервано. Результаты перваго періода разселенія были, въ значительной части, уничтожены; весь югъ почти очищенъ отъ русскаго населенія. Разселеніе русскаго народа возобновилось только со 2-ой половины XVI в., когда границы государства широко раздвинулись на востокъ и на югъ. Съ XIII по XIV в. населеніе было скучено на узкомъ пространствѣ междурѣчья, уплотнилось, осѣло и составило крѣпкую основу для Московскаго государства **). Здѣсь создалось русское государственное ядро, окруженное, «кольцомъ пограничныхъ областей, подобно крѣпости, окруженной кольцомъ фортовъ». Изъ этой крѣпости вышло то широкое, но сначала осторожное и чисто оборонительное движеніе, которое постепенно привело къ разселенію русскаго народа по всему пространству Сѣверной равнины и распространенію политическаго господства Москвы на половину Великаго континента ***). Когда Московское государство перешло въ наступленіе противъ монгольскихъ царствъ, оно менѣе всего руководилось мотивами колонизаціонной политики. Его основной задачей было разрушить «разбойничьи гнѣзда», изъ которыхъ постоянно шли набѣги на границы государства. Оно шло въ наступленіе, чтобы защитить свои границы; выдвигало границы государства, чтобы оберечь старыя насиженныя мѣста. Но «по-

*) Багалъй. Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства. 1887.

**) Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго госуд. 1894 г.

**) Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси 1907.

***) Готье. Замосковскій край въ XVII в. 1906.

гоня за границами» неизбежно влекла за собой разсы́яніе населенія по территоріи государства. Раздвигающіяся границы тянули за собой населеніе изъ центра. Высшій государственный интересъ и непреодолимый народный инстинктъ руководили этимъ движеніемъ. Когда во второй половинѣ XVI в. Московское государство разорило монгольскія «гнѣзда» на Волгѣ и широко раздвинуло свои границы на востокъ, юго-востокъ и, частью, на югъ, задача охраненія даже внутреннихъ территорій государства еще далеко не была разрѣшена. Присоединенныя территоріи представляли собою ровныя, никакими естественными преградами незащищенныя пространства, неизвѣстно гдѣ сливающимся съ территоріями чужихъ государствъ. Черезъ новыя границы могли всегда прорваться отряды степныхъ хищниковъ изъ еще неразоренныхъ гнѣздъ. Населеніе присоединенныхъ территорій долго оставалось враждебнымъ и беспокойнымъ. Покоренныя пространства надо было покорять снова. Эта задача была гораздо труднѣе, чѣмъ побѣда надъ умиравшими отъ внутренней слабости монгольскими ханствами. Эта задача и поглощала главныя силы государства.

Въ считавшихся уже русскими провинціяхъ Московское правительство строило городки и остроги, соединяло ихъ между собой валами и засѣками и отъ одной оборонительной линіи къ другой продвигалось впередъ по собственной территоріи. За сто лѣтъ — съ пол. XVI до пол. XVII ст. — было выстроено шесть оборонительныхъ линій. По линіямъ нужно было нести сторожевую службу; въ городкахъ и крѣпостяхъ нужны были военные отряды на случай похода или осады. Правительство собирало ратныхъ людей со всего государства и отправляло ихъ на охрану окраинъ. Служилые люди — казаки, стрѣльцы, пушкари, сторожа, станичники — и были первыми насельниками новыхъ провинцій. Они шли сюда по волѣ правительства, — по «прибору и указу» Государеву. «По прибору и указу» отправлялись сюда и посадскіе люди, и тяглые крестьяне. Крестьяне обязаны были нести свою «государеву» службу — пахать пашню для служилыхъ людей. Въ случаѣ нужды, пахать пашню ихъ заставляли «въ неволю».

Но служилаго населенія и приставленныхъ къ нему правительствомъ посадскихъ и пашенныхъ людей было недостаточно для защиты окраинъ. «Московское правительство очень рано сознало, что только земледѣльческое населеніе «прожиточное и семейнистое» составитъ оплотъ болѣе прочный противъ всякихъ воинскихъ людей, чѣмъ разные валы, засѣки, рвы, надолбы, честики и тому подобныя сооруженія военно-инженерна-

го искусства» *). Закрѣпить завоеванныя территоріи — въ особенности, степное «дикое поле» — могло только плотное осѣдлое населеніе. Отсюда постоянная забота правительства привлечь поселенцевъ на окраины. Безпощадное ко всѣмъ классамъ населенія въ старыхъ областяхъ, оно сквозь пальцы смотрѣло на вольныхъ поселенцевъ въ окраинныхъ провинціяхъ, не спрашивая, кто и откуда они. Еще, сравнительно, въ недавнее время правительство «кликало кличъ», объявляя, что всѣ бѣглецы и безпаспортные могутъ до такого то срока приписываться къ такому то городу. Такъ возникли города Ейскъ, Темрюкъ и Майкопъ Кубанской области **). Но, обычно, вольные переселенцы не ждали приглашенія правительства. Вслѣдъ за поселенцами «по прибору и указу» — «переведенцами» — шли «сходцы», «утеклецы» — гулящие люди, бобыли, захребетники, холлопы, преступники. Вслѣдъ за колонизаціей правительственной цѣла колонизація вольная, часто перегоняя ее и переливая черезъ укрѣпленныя линіи. Съ тѣхъ поръ, какъ раздвинулись границы государства и раскрылись необъятныя южныя степи, населеніе изъ центральной области замосковского края — стало неудержимо двигаться на вольныя украины. Всѣ, кому плохо жилось въ старыхъ областяхъ государства, «брели розно»; ибо было куда брести. Гнетъ, нужда подымали русскихъ людей со старыхъ насиженныхъ мѣстъ и гнали въ «землю незнаему» — «татарскую степь», «на поросшую землю, на дикое поле». Ибо тяжело было положеніе населенія въ Московскомъ государствѣ и особенно тяжело положеніе социальныхъ низовъ — тяглыхъ крестьянъ, посадскихъ и мелкаго служилаго люда. — Главная причина «великаго переселенія» была иная. Главная причина была та же, которая опредѣлила безграничное расширеніе русскаго государства. Какъ государство русское неудержимо шло впередъ, точно втягиваемое окружающими его незащищенными пространствами, такъ русское населеніе неудержимо тянуло на безпредѣльныя, никѣмъ не занятыя пространства на вольный земельный просторъ. Монгольское завоеваніе сбilo русское населеніе на скудномъ суглинкѣ, въ лѣсной мѣстности съ суровымъ сѣвернымъ климатомъ. Расширеніе границъ въ XVI—XVII в. раскрывало передъ русскимъ населеніемъ благодатныя черноземныя степи съ мягкимъ климатомъ юга. На черноземную новъ неудержимымъ потокомъ и устремилось населеніе центра. За 60—70 лѣтъ — второй половины XVI и начала XVII в. — на югъ и юго-востокъ передвинулось изъ старыхъ областей го-

*) Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. 1894.

**) Воейковъ. Распредѣленіе земли. 1911.

сударства не менѣе миллиона людей (при населеніи въ 10—12 миллионѣвъ во всемъ государствѣ). Экономическій кризисъ центра въ XVI—XVII в. объясняется этимъ неудержимымъ «разсѣніемъ» населенія. Населеніе центра безостановочно «сползало» на югъ, расплывалось по «географической картѣ» и заливало плодородныя степи. Замосковный край скудѣлъ и обезлюживалъ. Центръ хозяйственной жизни перемѣщался на черноземъ. — Эта тяга на черноземъ, на земельный просторъ и опредѣлила весь послѣдній трехвѣковый періодъ русской исторіи.

Въ XVI—XVII в. переселенцы изъ центральныхъ областей шли двумя привычными дорогами: самая проторенная вела на югъ за Оку; болѣе спокойная — въ Среднее Поволжье *). Въ эти вѣка шло заселеніе перваго «колониціоннаго» пояса — степи, Средняго Поволжья, Прикамья. Въ XVIII—XIX в. «сползание къ югу» происходило еще съ большей силою. До 2-ой половины XVIII в. продолжалось заселеніе перваго пояса. Съ этого времени переселеніе передвинулось дальше, на новыя мѣста: Новороссію, низовое Поволжье, Донскую область, Сѣверный Кавказъ. За XVIII и первую половину XIX в. переселеніе охватило громадныя массы русскаго народа — не менѣе 10—12 мил. людей. Правительство продолжало свою старую политику — закрѣпленія пустынныхъ окраинъ земледѣльческимъ населеніемъ, «прожиточнымъ и семьянистымъ». Оно переводило на новыя земли казенныхъ крестьянъ, отправляло «на поселеніе» преступниковъ, вызывало поселенцевъ изъ другихъ странъ. Въ царствованіе Николая I, во время управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ гр. Киселевымъ, было переселено казенныхъ крестьянъ 169 тыс. душъ мужского пола. За столѣтье — съ половины XVIII до половины XIX в. — было поселено нѣсколько сотъ тысячъ иностранныхъ колонистовъ — шведовъ, нѣмцевъ, сербовъ, болгаръ, грековъ, валаховъ. Въ XIX в. сослано было въ Сибирь 900.000 поселенцевъ. На ряду съ колонизаціей правительственной большое значеніе приобрѣла въ эту эпоху колонизація помѣщичья. Помѣщики получали громадныя пожалованія въ новыхъ областяхъ и стремились ихъ использовать, переводя сюда своихъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ старыхъ имѣній. Но и въ эти вѣка, несмотря на строгости крѣпостной эпохи, главную массу переселенцевъ составляли вольные переселенцы — бѣглецы крестьяне. Въ особенности велико было вольное переселеніе въ первой половинѣ XVIII в., когда населеніе бѣжало отъ тяжелыхъ условій жизни, создавшихся въ

*) Готье. Замосковный край въ XVII в.

царствованіе Петра Великаго и его преемниковъ. То ослабѣвая, то усиливаясь, движеніе бѣглецовъ на новыя земли продолжалось до самаго конца крѣпостной эпохи. Временами, движеніе принимало размѣры народнаго переселенія. «Въ 20-хъ годахъ XIX в. изъ Тверской, Рязанской и Курской губерній крестьянскіе массы передвигались въ Новороссію и Бессарабію. Число бѣглецовъ въ нихъ было такъ велико, что возвращеніе ихъ подорвало бы развитіе края, почему въ 1827 г. бѣглыхъ крестьянъ, зашедшихъ въ Новороссійскія губерніи, велѣно было оставить на прежнихъ мѣстахъ. Въ 1845—7 г. крестьяне толпами бѣжали на Кавказъ изъ Саратовской, Курской и Воронежской губерній» *).

Вторая половина XIX и начала XX в. — періодъ высшаго подъема переселенческаго движенія. Процессъ «сползанія» къ югу и разсѣянія по Великой равнинѣ продолжался съ неудержимой силой. Крѣпостное право искусственно сдерживало разселеніе. Крестьяне были лишены права передвиженія. Переселеніе «вольное» было переселеніемъ «бѣглыхъ». Отминая крѣпостнаго права и лихорадочный ростъ населенія, послѣдовавшій вслѣдъ за этимъ, увеличили переселенческое движеніе до громадныхъ размѣровъ. Оно охватило много миллионъ людей и, постепенно, распространилось на всѣ области государства. Первые десятилѣтія послѣ реформы правительство относилось къ движенію враждебно. Оно хотѣло сохранить рабочія руки на мѣстѣ для помѣщичьихъ хозяйствъ. Мало по малу, однако, непреодолимое народное движеніе увлекло и правительство. Не будучи въ состояніи сдержать переселенческій потокъ, съ 90-хъ годовъ правительство снова вернулось къ своей традиціонной вѣковой политикѣ и дѣло переселенія взяло въ свои руки. «До 80-хъ годовъ переселенческое движеніе направлялось, главнымъ образомъ, на югъ — въ Новороссію, на сѣверный Кавказъ — и, отчасти, въ Заволжье; съ 80-хъ годовъ оно перебрасывается черезъ Уральскій хребетъ, направляясь сначала въ ближайшую западную часть Сибири потомъ въ восточную; и, наконецъ, въ послѣдніе годы поворачиваетъ на югъ — въ Средне-азіатскія степи». И эмиграція охватываетъ все новыя и новыя области. До половины XVIII в. она шла исключительно изъ стараго центра; во второй половинѣ XVIII и въ XIX в. она распространилась на черноземныя губерніи; въ концѣ XIX и началѣ XX в. выселеніе шло почти изъ всѣхъ областей Европейской Россіи. Теперь идетъ заселеніе Россіи Азіатской. Въ началѣ 90-хъ годовъ среднимъ числомъ ежегодно въ Сибирь переселя-

*) Огановскій. Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи. 1911.

лось 50.000; въ 1895—1904—112 т.; въ 1905—1910—420 т. За 20-лѣтіе съ 1885 по 1914 перешло черезъ Уралъ 1½ милл. лю-дей; за пять лѣтъ съ 1905 по 1910 — *болѣе двухъ мил.* *). За все существованіе Россійскаго государства волна переселенческаго движенія никогда не поднималась такъ высоко, какъ въ десятилѣтіе, предшествовавшее Великой войнѣ и революціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что переселенческое движеніе будетъ продолжаться и впредь. Еще долго населеніе будетъ «сползать» къ югу, «брести» на востокъ, пробираться къ «студеному морю» и къ «Индійскому царю». Тотъ великій исходъ, который совершается въ настоящее время изъ голодныхъ губерній, только моментъ неугомоннаго вѣковаго движенія русскаго народа. Правда, этотъ исходъ вызванъ временными причинами и исключительными обстоятельствами. Но такъ было всегда. Соціальный гнетъ, политическая смута, религиозныя притѣсненія, неурожай, засуха подымали людей и гнали на поиски новыхъ земель. Съ удивительною легкостью бросали старыя насиженныя мѣста и шли въ невѣдомые края. Шли, ибо знали, что мѣсто для поселенія есть — его только надо найти. Такъ, несомнѣнно, будетъ и впредь — до тѣхъ поръ, пока не заполнится до краевъ Великая Сѣверная равнина; пока населеніе не распределиться болѣе или менѣе равномерно по территоріи государства, пока разниа уровней населенія въ различныхъ областяхъ государства велика, «разсѣяніе» населенія будетъ совершаться неудержимо.

Процессъ выравниванія уровней населенія въ областяхъ русскаго государства продвинулся, въ настоящее время, довольно далеко. Въ концѣ XVIII в. наиболѣе населенная область — центральная насчитывала 39,1 чел. на кв. версту; наименѣе населенная — юго-восточная — 2,2 чел. (не принимая въ расчетъ мало пригодныхъ для населенія сѣверныхъ губерній). Плотность населенія первой области превышала плотность второй въ 18 разъ. Въ концѣ XIX в. плотность наиболѣе населенной области (юго-западной — 57,5 ч. на кв. в.) превышала плотность наименѣе населенной (сѣверо-западной — 21,2 ч. на кв. в.) въ 2½ раза. **) Но это относится только къ Европейской Россіи. Разниа между населенностью европейской и азіатской Россіи остается громадной. Европейская Россія на 5 мил. кв. кил. насчитываетъ 150 мил. чел.; Азіатская Россія — на 16 мил. кв. кил. 29 мил. чел. Плотность наиболѣе населенной области Евр. Россіи превышаетъ плотность наиболѣе населенной области Азіатской Россіи (Закаспійской) въ 17 разъ, южно-сибирской

*) Огановскій.

**) Миллюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I.

— въ 35 разъ, западно-сибирской — въ 65 разъ, восточно-сибирской — въ 227 разъ. *) »

Можно спорить о томъ, какое количество переселенцевъ въ состояніи принять въ настоящее время Азіатская Россія и приходитъ къ пессимистическимъ выводамъ; но нельзя сомнѣваться въ томъ, что количество жителей, которое можетъ вмѣстить Азіатская Россія, значительно превышаетъ ея настоящее населеніе и что, съ теченіемъ времени, она поглотитъ много милліоновъ переселенцевъ изъ другихъ областей государства. **) Процессъ выравниванія уровней еще не закончился. Вѣковое движеніе русскаго населенія еще продолжается.

Таковы пути «разсѣянія» русскаго народа по Великой равнинѣ. По своимъ судьбамъ, русскій народъ — народъ странникъ и колонизаторъ. Это случилось потому, что русскій народъ строилъ свое государство на открытой равнинѣ, уходящей въ безпредѣльную глубь великаго континента. И еще больше это случилось потому, что Россія исторически была обращена къ Востоку — беззащитному и покорному. Границы государства неустанно раздвигались. И, вслѣдъ за границами, неустанно раздвигалось населеніе. И не успѣвало наполнить ихъ. Процессъ разсѣянія шелъ безпрерывно и нарастая. Его высшій подъемъ — не отдаленныя времена, а десятилѣтія, протекающія передъ нами. Неправильно изображать этотъ процессъ, какъ обычное явленіе, наблюдавшееся, на зарѣ исторіи, и въ другихъ странахъ. Историки, вытягивающіе разселеніе русскаго народа въ одну линію и изображающіе громадное движеніе послѣднихъ вѣковъ, какъ замирающій отплескъ доисторическаго движенія, допускаютъ несомнѣнную ошибку. «Великое переселеніе» началось только 3½ вѣка тому назадъ. Оно протекало въ границахъ организованнаго государства; руководилось государствомъ; совершалось въ интересахъ государства. Государству нужно было наполнить пустыя пространства и распредѣлить населеніе по территории страны. Населеніе охотно шло за государствомъ. Здоровый инстинктъ влекъ народныя массы съ холоднаго сѣвера на теплый югъ, со скуднаго суглинка на плодородный черноземъ, съ тѣсныхъ лѣсныхъ прогалинъ на вольный просторъ степей. Государство вложило въ движеніе сильную волю и неограниченную власть. Народъ — неудержимый порывъ и почти религиозный пафосъ. Государственный интересъ и народный

*) Менделѣевъ. Къ познанію Россіи. 1907.

Annuaire internationale de statistique agricole. 1920.

**) Огановскій. Обновленіе земледѣльческой Россіи и аграрная политика. 1914.

Wiedenfeld. Sibirien in Kultur und Wirtschaft. 1916.

инстинктъ совпали. Что же удивительнаго, если, въ конечномъ итогѣ, этотъ грандіозный историческій процессъ наложилъ свой отпечатокъ на всю культуру Россіи; и, въ особенности, на ея культуру хозяйственную. И, если въ характерѣ народа появились черты, этотъ процессъ отразившія. Личность народа индивидуальна и таинственна. Но жизнь, прожитая народомъ, оставляетъ на его лицѣ неизгладимыя черты.

XIII вѣкъ—поворотный моментъ въ хозяйственной исторіи Россіи. Россія старая — городская и торговая — сошла со сцены. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Кипчакскаго государства выросла новая Россія — деревенская и земледѣльческая. Въ Кіевской Россіи земледѣльческое хозяйство играло только подсобную роль. Населеніе жило лѣсными промыслами — звѣроловство, бортничество — и внѣшней торговлей. Главными предметами вывоза были — мѣха, медь, воскъ. Хлѣбъ производился, по преимуществу, для внутренняго потребленія. Въ монгольской Россіи внѣшняя торговля не существовала. Лѣсныя богатства быстро истощились. Земельное хозяйство сдѣлалось главнымъ источникомъ существованія. Почти единственнымъ народнымъ капиталомъ оставалась земля. — Разселяясь по новымъ территориямъ государства, населеніе встрѣчало новыя, нетронутыя угодыя — звѣриныя, рыбныя, пчелиныя; «входы» и «ухожай», какъ ихъ называли въ XV - XVI в. Когда въ XVI в. населялись южныя степи, ихъ звѣриныя и рыбныя богатства были изумительны и нисколько не уступали сѣвернымъ лѣсамъ. «Во время весенняго метанія икры, рыба въ такихъ массахъ устремлялась на верховья степныхъ рѣкъ и рѣчекъ, что отъ тѣсноты и недостатка воздуха, выпрыгивала на берегъ».) Однако, благодаря непрерывному притоку переселенцевъ, эти богатства быстро — иногда въ нѣсколько десятилѣтій — истощались. Полоса бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ и звѣриныхъ ловель продвигалась дальше, а населеніе переходило къ главному своему промыслу — земледѣльческому.***) И въ новыхъ областяхъ государства земля очень скоро оставалась единственнымъ народнымъ капиталомъ. — Зато земельныя богатства казались неисчислимыми. Каждая новая территория, присоединяемая къ государству, раскрывала новыя земельныя пространства, обычно нетронутыя плугомъ и никѣмъ не населенныя. Въ особенности, въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ населеніе находило безпредѣльный земельный просторъ — «моря земли». Свободный земельный запасъ былъ такъ великъ, что государство очень мало дорожило землей и раздавало ее почти безъ отказа. «Въ 1558

*) Любавскій. Историческая географія Россіи. 1909.

**) Милуковъ. Т. I.

г. Григорій Строгановъ подалъ челобитную царю Ивану Васильевичу, въ которой указывалъ, что въ вотчинѣ государя, въ Великой Перми, по обѣимъ сторонамъ Камы рѣки отъ Лысы до Чусовой лежатъ мѣста пустыя, лѣса черныя, рѣки и озера дикія, острова и наволоки необитаемые и никому не отписанные.» Челобитчикъ просилъ пожаловать эти земли. Царь пожаловалъ просимую землю *на пространствѣ 146 верствъ*. Бывали случаи, когда земля даже не жаловалась, а населенію просто предлагалось селиться «гдѣ кто похощеть».) — Осваивая новую территорию, население разбрасывалось очень широко, селясь небольшими группками — «островами», «оазисами» среди простора лѣсовъ и степей. Такой способъ поселенія диктовался интересами охоты, пчелинаго, рыбнаго промысла, сбора «ясака» съ покоренныхъ народцевъ. Въ степныхъ областяхъ населеніе городковъ и сель было болѣе многочисленное, чѣмъ на сѣверѣ. Но и здѣсь населенныя мѣста далеко отстояли другъ отъ друга и были окружены со всѣхъ сторонъ пустыми пространствами. Когда населеніе колонизируемой области увеличивалось, пустыя пространства, лежащія между населенными мѣстами, постепенно занимались и осваивались. Изъ городковъ и деревень, основанныхъ первыми переселенцами, выдѣлялись «починки», «выселки» и располагались на «сыромъ корню», «на черномъ дикомъ лѣсу». Еще долгое время — иногда цѣлыя столѣтія — послѣ того, какъ какая-нибудь территория осваивалась населеніемъ, внутри территоріи сохранялись большія нетронутыя пространства и продолжался процессъ внутренняго расселенія. А къ тому времени, когда земельный запасъ въ данной области сокращался, открывались новыя области колонизаціи, и избыточное населеніе уходило на новыя мѣста. — Земельный просторъ представлялъ ту обстановку, въ которой прожилъ почти всю свою историческую жизнь русскій народъ. Это наложило неизгладимую печать на его хозяйственную психику и культуру.

Отсюда своеобразное отношеніе народа къ землѣ. Земля—единственное народное достояніе, единственный народный капиталъ. Безъ земли — голодная смерть. Это объясняетъ вѣчное стремленіе народа къ землѣ, вѣчную погоню за землей. Земля—«мать», «кормилица». Русскій народъ горячо любитъ землю и страстно тоскуетъ безъ нея. Но земли много; она лежитъ рядомъ, нераспаханная, нетронутая. А, если земли нѣтъ подъ рукой, ея много въ другомъ мѣстѣ — надо только пойти и занять. Отсюда удивительное небреженіе богатствами земли, ея тучностью, плодородіемъ. Поднимаютъ новину — нетронутую, не-

*) Любавскій.

истощенную землю, снимают одинъ, два урожая; и затѣмъ пашню бросаютъ — предоставляя природѣ восстанавливать ея плодородіе. Двигаясь впередъ и занимая новыя пространства, русскій народъ не приносилъ съ собою старой земледѣльской культуры, не принимался за любовную обработку земли; онъ поднималъ, «терebиль» землю, сѣялъ на «гари», «опали», «ляди» и черезъ короткое время бросалъ свои «притеребы», «рощисти», чтобы перейти на новыя. «А на тѣхъ, государь, мѣстахъ» — пишутъ въ своей челобитной крестьяне Тотемскаго уѣзда въ XVII в. — «гдѣ у насъ, сиротъ твоихъ, отхожія однохлѣбныя пашни, сбчемъ мы... большой черной, дикій лѣсъ, и тотъ, государь, лѣсъ сжегши и опрятавъ, сойдемъ одинъ хлѣбъ, и то мѣсто покинемъ, покамѣстъ опять тотъ лѣсъ поростетъ». «А мы, государь», — пишутъ крестьяне Андреевской волости Сольвычегодскаго уѣзда — съ тѣхъ новинныхъ мѣстъ снимаемъ въ три года по одному по русаному сѣву (т. е. три урожая) съ большихъ лѣсовъ, а впредь, государь, на четвертый годъ впускъ мечемъ, потому что, государь, тѣ—новинныя мѣста, лѣсъ большой растеть, и впредь, государь, на тѣхъ мѣстахъ другого хлѣба не сѣютъ, да и не родится.»*) Такъ велось хозяйство въ лѣсныхъ областяхъ. А вотъ какъ велось хозяйство въ степи. «Вѣзжалъ козакъ на своихъ волахъ съ плугомъ «у вольный степь», оглядывалъ его окомъ и выбиралъ угодный собѣ облогъ, гдѣ похотивъ, та й оравъ». Пахалъ онъ облюбованный участокъ годъ, два, десять, какъ только замѣчалъ, что «місто не дже родить» пускалъ облогъ въ залежъ и выбиралъ «иншее собѣ угодное місто», на которомъ «зновъ що годъ, то й оравъ». Это называлось «погоднымъ хозяйствомъ на переменныхъ облогахъ.»**) Земельный просторъ опредѣлялъ форму земледѣльской культуры. Зачѣмъ было переходить къ высшимъ системамъ хозяйства, глубже вспахивать землю, удобрять ее, когда рядомъ лежала нетронутая земля, вспашка которой при меншемъ трудѣ могла дать лучшіе урожаи. А если нераспаханной земли по близости не было, можно было уйти на новыя мѣста и поднять новыя цѣлины. Къ паровой системѣ — чаще трехпольной — переходили только тогда, когда кругомъ нераспаханной земли больше не было, а дороги на новыя мѣста почему то были закрыты. Такъ случилось къ концу XV в. Къ этому времени внутренняя колонизація Замосковнаго края закончилась. Свободная земля была распахана, а выходы на черноземныя степи заперты монголами. Волей неволей населеніе принуждено было

*) Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в. т. I. 1909.

**) Огановскій. Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи.

чаще возвращаться на уже распаханная земли и перейти къ паровой трехпольной системѣ. Но это длилось не долго. Въ срединѣ XVI в. открылся выходъ къ югу, въ «поле» и на Волгу, къ «низовымъ городамъ». Населеніе стало быстро разсѣиваться по необъятнымъ территориямъ новыхъ областей. И, вмѣстѣ съ населеніемъ стала «разсѣиваться» земледѣліе. Процессъ углубленія, «интенсификаціи» земледѣльческой культуры, намѣтившійся съ конца XV в., быстро смѣнился обратнымъ процессомъ. На новыхъ мѣстахъ осваивали и дѣлили нетронутыя земли, поднимали новыя и заводили «щогодное хозяйство на перемѣнныхъ облогахъ». Но и въ Замосковномъ краѣ вернулись къ старому перелогу. Населеніе разбрелось, и земли опять стало много. Трехполье стало не нужнымъ. Вплоть до XVIII вѣка перелогъ — самая распространенная система хозяйства во всей Россіи. Только въ XVIII вѣкѣ область бывшаго Замосковнаго края — центральная область государства — снова перешла къ трехполью. Въ значительной мѣрѣ, это произошло благодаря крѣпостному праву, искусственно сдерживавшему разсѣяніе населенія по странѣ. Въ первомъ поясѣ колонизаціи — въ степи и среднемъ Поволжьѣ — трехполье начало распространяться къ концу XVIII в. и окончательно побѣдило только въ XIX в. Но еще въ пореформенное время въ этихъ областяхъ встрѣчались мѣста съ переложнымъ хозяйствомъ. Во второмъ поясѣ — Новороссіи, Нижнемъ Поволжьѣ и Сѣверномъ Кавказѣ — трехполье стало распространяться только въ пореформенное время. Въ Азіатской Россіи переложная, подсѣчная, «лядинная» системы распространены и теперь. Есть много оснований предполагать, что разгромъ народнаго хозяйства, произведенный большевистской властью, вернулъ русскую земледѣльческую культуру на уже пройденныя ею ступени. Запашка полей сократилась, много земли лежитъ «впустѣ», и старинный перелогъ снова сталъ обычнымъ явленіемъ русской земледѣльческой жизни. Таково вліяніе земельного пространства на земледѣльческое хозяйство Россіи.

Съ незапамятныхъ временъ русская равнина знала земледѣльческую культуру. Болѣе 7 вѣковъ земледѣліе является главнымъ промысломъ русскаго народа. И, однако, только въ послѣдніе два вѣка медленно, отъ области къ области, стала переходить Россія къ самой элементарной системѣ организованнаго земледѣльческаго хозяйства — трехпольной. Земледѣльческая культура развивалась не вглубь — совершенствуя методы обработки и увеличивая плодородіе земли; а въ ширь — захватывая новыя территоріи государства

подымая цѣлины, распахивая земли, къ которымъ отъ вѣка не прикасался земледѣльческій плугъ. Ширилось государство Россійское. Раздвигались государственныя границы. Разливалось по великой равнинѣ русское населеніе. И, вмѣстѣ съ населеніемъ, разливалась, разсѣивалась земледѣльческая культура. Вся хозяйственная энергія, весь хозяйственный пафосъ русскаго народа ушли на это пространственное развитіе земледѣлія. Экстенсивная система хозяйства, вызванная къ жизни и обусловленная обиліемъ свободной земли, въ свою очередь требовали земельного простора, толкала на поиски нераспаханныхъ землищ. Вѣками приученное къ экстенсивной культурѣ населеніе — когда земельный просторъ исчезалъ — безпомощно останавливалось передъ творчествомъ новыхъ культурныхъ формъ и предпочитало «брести розно», съ твердой увѣренностью, что набредеть на цѣльныя, нетронутыя земли. Когда земельный надѣлъ не могъ прокормить разросшейся семьи крестьянина и наступала нужда, русскій крестьянинъ думалъ не о томъ, какъ увеличить плодородіе своего надѣла, какъ лучше обработать и удобрить землю; онъ думалъ о томъ, гдѣ добыть еще землищ, какъ увеличить свою земельную долю, въ какую сторону брести на новое поселеніе. Русскій крестьянинъ всегда думалъ больше о землѣ, еще не распаханой и, во всякомъ случаѣ, ему не принадлежащей, чѣмъ о землѣ, на которой онъ сидѣлъ и которую онъ обрабатывалъ. Переходъ къ высшей формѣ хозяйственной культуры требуетъ такого же напряженія воли, ума и творческаго вдохновенія, какъ переходъ къ высшей формѣ культуры духовной. Воля, умъ и творчество русскаго народа были направлены не на созданіе высшихъ формъ земледѣльческой культуры, а на распространеніе уже готовыхъ формъ по необъятной территоріи государства. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ устремленіи хозяйственной психики народа, русскій народъ — народъ - земледѣлецъ — ничего не внесъ въ міровую культуру земледѣлія и остался на самыхъ низкихъ ступеняхъ земледѣльческаго хозяйства. Зато достойны величайшаго удивленія достиженія русскаго народа въ дѣлѣ распространенія земледѣльческой культуры по поверхности земного шара. Земледѣльческая область Россіи — величайшая въ мірѣ. Этимъ Россія обязана колонизаторскому гению своего народа, его творческой тягѣ въ пространство, новымъ нетронутымъ человѣческимъ трудомъ землямъ. Эту громадную культурную работу русскій народъ продѣлалъ въ короткое время — въ нѣсколько столѣтій. Русская общественность удивительно невнимательна къ своему народу. Она не замѣтила и не оцѣнила того, что, «бредя розно», подымая новины и «теребя» землю,

русскій народъ совершалъ одинъ изъ величайшихъ культурныхъ подвиговъ, которые знало человѣчество.

Безконечная равнинная пространства ширящейся территоріи государства, безпредѣльный просторъ земель опредѣлили хозяйственную психику русскаго народа, его хозяйственный пафосъ, его культурную настроенность. Эти же обстоятельства опредѣлили тяжелую матеріальную судьбу народа, его безвыходную хозяйственную драму. Традиціонное русское земледѣльческое хозяйство — примитивное и хищническое. Оно беретъ у земли ея богатства и ничего ей не возвращаетъ. Оно не знаетъ искусственнаго орошенія полей, осушенія болотистыхъ почвъ, тщательной обработки земли, искусственнаго удобренія, плодосмѣна. Навозное удобреніе примѣняется только на высшихъ ступеняхъ трехполья. Когда земли много, ей даютъ отдохнуть, обращая въ залежь, оставляя подъ паромъ. Когда мало — расширяютъ пашню за счетъ другихъ угодій — вырубаютъ лѣса, распахиваютъ луга и выгоны — и безжалостно «выпахиваютъ» землю. При русскихъ системахъ хозяйства, плодородіе земли можетъ только падать, а не подыматься. Высшіе урожаи всегда въ прошломъ. Земли «добрыя», привлекавшія къ себѣ переселенцевъ, черезъ короткое время послѣ заселенія, становятся «средними», а затѣмъ «худыми». Земля выпаживается и больше не родитъ. Вся система хозяйства рассчитана на распаханіе новыхъ. Каждый прибылой членъ семьи нуждается въ новомъ надѣлѣ. Расширеніе земельной площади должно идти безостановочно. При ростѣ населенія и сокращеніи земельного простора, неизбежно наступаетъ земельная нужда. Когда переселеніе возможно, земельная нужда временно прекращается. Когда переселеніе почему либо невозможно, земельная драма становится безвыходной. При безпредѣльномъ земельномъ просторѣ на мѣстѣ земли всегда мало; земли всегда не хватаетъ. Жалоба на недостатокъ земли — вѣчная жалоба русскаго народа. Ее можно прослѣдить глубоко въ вѣкахъ. Она звучитъ все громче и громче въ послѣднія триста лѣтъ. Въ 1658 году архіепископъ Тобольскій Симеонъ билъ челомъ государю о дозволении его крестьянамъ занять новыя земли: «Въ Софійскихъ слободахъ, пишетъ онъ царю Алексѣю, учинился хлѣбу недородъ, пашенныя земли выпажались... и софійскіе крестьяне отъ хлѣбнаго недорода обнищали и одолжали долгами, а людей въ слободахъ пребываетъ у отцовъ дѣти и братья и племянники, и пашенныя де земли въ софійскихъ слободахъ мало; а есть де по Пышлѣ рѣкѣ вверхъ по обѣ стороны пашенныя земли пустыя, никто ими не владѣетъ, лежатъ въ пустѣ и ту бы землю пожаловать, дать софійскимъ крестьянамъ на пашини устрой-

ства».) Жалобами на скудное земельное обезпечение полны крестьянские указы в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 года. «Земельный голод не был как видно изъ крестьянскихъ заявленій, чисто случайнымъ или мѣстнымъ явленіемъ. Онъ былъ затяжнымъ хроническимъ недугомъ... Земельный вопросъ является жизненной проблемой и для черносошнаго крестьянина поморскихъ уѣздовъ, и для однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ центральныхъ провинцій государства, и для пріуральскихъ иногородцевъ и приписанныхъ къ партикулярнымъ заводамъ посесіонныхъ крестьянъ, и даже для представителей казачьяго войска, живущаго въ своихъ станицахъ по Тереку и нижней Волгѣ». Крестьяне Лохацкаго погоста Важескаго уѣзда въ своемъ наказѣ пишутъ: «И имѣется у насъ пахатной сѣвчей земли не съ удовольствіемъ и то песчанная и болотная между мокрыми мѣстами..., а сѣнокосной земли, за неимѣніемъ большой рѣки, по рѣкамъ и ручьямъ имѣется малое число и затѣмъ расплодить скота къ хлѣбопашеству невозможно, и оттого хлѣбу имѣется оскудѣніе». «И какъ въ землѣ, такъ и въ сѣнныхъ покосахъ претерпѣваемъ нужду», — пишутъ Алексинскіе, Пушкарскіе и Стрѣлецкіе двобожане, — «и приходимъ въ несостояніе и скудость». Ясашные черемисы Казанскаго уѣзда пишутъ: «Ко удовольствію пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ и протчихъ угодій имѣемъ весьма мало, и за такимъ неудовольствіемъ къ насѣянію хлѣбовъ пашенной земли, и сѣнныхъ покосовъ, и всякихъ угодій, приходимъ въ великую скудость и убожество»^{**}). Въ XIX в. жалоба на земельную нужду становится всеобщей. Земельный просторъ исчезаетъ въ одной области государства за другой. Къ концу вѣка европейская часть Великой равнины заполнена населеніемъ почти до краевъ. Грандіозное пореформенное переселенческое движеніе, охватившее всѣ области Европейской Россіи, опредѣлялось единственной причиной — нуждой въ землѣ. Переселенцы въ Сибирь, на вопросъ о причинахъ ихъ выхода съ родины, отвѣчали: «Отъ безземелья»; «жить не при чемъ»; «земли стало мало»; «кола вырубить негдѣ».

Въ XX в. земельная нужда принимаетъ характеръ народнаго бѣдствія. Борьба за землю достигаетъ крайняго напряженія. Жалоба о землѣ звучитъ, какъ нескрываемаѣя угроза. Когда пришла Великая революція и душа народа раскрылась, «тяга къ

*) Довнаръ-Запольскій. цит. Соч.

***) Бочкаревъ. „Земельныя нужды русской деревни по крестьянскимъ указамъ въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г.“. Сборникъ, посвящ. Ключевскому. 1909 г.

землѣ» прорвалась съ неудержимой силой. Въ стихійномъ порывѣ народа къ землѣ говорили вѣка русской исторіи.

Земельный вопросъ—основной вопросъ русской жизни. На «землѣ» оттачивали свое міросозерцаніе общественныя теченія и партіи. Земля дѣлила русское общество на непримиримые лагери. Одни говорили: земельная нужда — коренная причина народнаго разоренія. Крестьянъ обидѣли землей еще въ эпоху Освободительной реформы. Съ тѣхъ поръ населеніе увеличилось, и земельные надѣлы уменьшились. На почвѣ земельной нужды выросла новая крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. На ничтожныхъ крестьянскихъ надѣлахъ нельзя вести раціональное хозяйство и поднять земледѣльческую культуру. Спасти народное хозяйство можетъ только земельная реформа. — Другіе говорили: земельные надѣлы русскихъ крестьянъ больше крестьянскихъ надѣловъ въ другихъ странахъ Европы и значительно больше крестьянскихъ надѣловъ въ странахъ Востока — Китаѣ, Японіи, Индіи. Высокая земледѣльческая культура возможна и на небольшихъ участкахъ. Причина крестьянскаго разоренія — не въ недостаточности земельныхъ надѣловъ, а въ низкомъ уровнѣ русской земледѣльческой культуры, въ общей «отсталости» русскаго народа, «первобытности» его культурнаго состоянія. Земельная реформа въ этомъ отношеніи ничего измѣнить не можетъ и крестьянскаго разоренія не остановитъ. Необходимо поднятіе культурнаго уровня народа и переходъ къ болѣе совершеннымъ формамъ земледѣльческаго хозяйства. Таковы два полюса русской общественной мысли. Историческій анализъ безпощадно вскрываетъ недостаточность обоихъ возрѣній. Правы тѣ, которые указываютъ на ошибки Освободительной реформы, на недостаточность крестьянскихъ надѣловъ, на зависимость отъ помѣщиковъ, на необходимость земельной реформы. Но они забываютъ при этомъ, что Освободительная реформа въ Россіи — въ земельномъ отношеніи—была проведена лучше, чѣмъ въ какой либо изъ странъ Западной Европы; *) что высшая земледѣльческая культура процвѣтаетъ въ странахъ съ наименьшими земельными надѣлами; что самая радикальная земельная реформа будетъ незначительнымъ палліативомъ въ земельной нуждѣ крестьянъ. И они не объясняютъ: почему такъ неудержима тяга крестьянъ къ землѣ? Почему въ землѣ нуждаются всѣ — мало-земельный крестьянинъ Украины и поселенецъ въ Сибирской тайгѣ и степи? Почему изъ всѣхъ странъ міра — передовыхъ и отсталыхъ—именно въ Россіи разыгралось такое гран-

*) М. Ковалевскій. Прошлое и настоящее крестьянскаго землеустройства. Вѣстникъ Европы 1911. У.

дюзное движеніе за землю? — Другіе правы, когда они указываютъ на относительную значительность крестьянскихъ надѣловъ въ Россіи; на низкій уровень русскаго земледѣльческаго хозяйства; на необходимость перехода къ высшимъ земледѣльческимъ культурамъ. Но они не объясняютъ: почему русскій крестьянинъ предпочитаетъ вести жизнь, полную нужды и лишений, умирать голодной смертью отъ неизбѣжно повторяющихся неурожаевъ, брести розно по необозримымъ пространствамъ государства, чѣмъ вложить немного больше любви, труда и заботы въ свой земельный участокъ? Почему, когда онъ рѣшается, наконецъ, перейти къ болѣе напряженной земледѣльческой культурѣ, съ такимъ трудомъ и натугой онъ дѣлаетъ это? Объясненіе — «некультурность», «первобытность», «отсталость» — неубѣдительно. Германцы начали въ V в. переходить къ трехпольному хозяйству и въ VIII в. этотъ процессъ былъ уже законченъ *). Ацтеки и жители древняго Перу, первые — до открытія Америки европейцами — знакомые съ зачатками, вторые совсѣмъ незнакомые съ письменностью, вели развитое земледѣльческое хозяйство, съ удобреніемъ полей и сложной системой искусственнаго орошенія. Даже первобытные народы Африки и Азіи примѣняютъ въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ удобреніе, искусственное орошеніе и плодосмѣну **). Неужели русскій народъ, насчитывающій тысячелѣтія культурной исторіи, создавшій величайшее государство въ мірѣ — отъ вѣка къ вѣку растущее и крѣпнущее, — распроставившій культуру земледѣлія по территории, не имѣющей равной на земномъ шарѣ, достигшей въ XIX в. духовныхъ высотъ, на которыя съ удивленіемъ смотрятъ самые «передовые» народы, неужели этотъ самый русскій народъ не въ состояніи былъ постичь мудрость земледѣльческихъ системъ, доступную древнимъ Германцамъ, Ацтекамъ и Кафрамъ? Надо поставить этотъ вопросъ, чтобы увидѣть всю глубину непониманія русской общественностью и русскаго народа и русской культуры. Не малыя причины — Освободительная реформа, сокращеніе надѣловъ, помѣщичье землевладѣніе — опредѣлили великую тягу русскаго народа къ землѣ, его неутолимую земельную жажду. И не «первобытныя» формы русской культуры опредѣлили системы русскаго земледѣльческаго хозяйства. Для грандіознаго яв-

*) Dopsch. Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. 1918
Below. Probleme der Wirtschaftsgeschichte. 1920.

***) Lasch. Die Landwirtschaft der Naturvölker. Z. f. Socialwissenschaft. 1904. Heft I—IV.

Beuchat. Manuel d'Archéologie américaine. 1912.

Capitau et Lorin. Le travail en Amérique. 1914.

ленія русскаго земельного движенія надо искать болѣе глубокихъ основаній. Они лежатъ въ исторіи и культурѣ русскаго народа. Вѣками русскій народъ мѣрилъ необъятныя пространства своей родины, вѣками двигался впередъ вслѣдъ за уходящими границами своего государства, вѣками подымалъ новины и дѣлилъ порожнюю землю. Всю свою волю, весь свой душевный пафосъ вложилъ въ колонизацію Великаго Континента, въ распространеніе земледѣльческой культуры по Великой равнинѣ. Полюбилъ просторъ тайги и степей, на земельномъ просторѣ привыкъ строить свое земледѣльческое хозяйство, въ землѣ искалъ выхода изъ всякой хозяйственной нужды. Какъ драму переживалъ всякое земельное утѣсненіе. Создался хозяйственный навѣкъ, культурная традиція, выработался законченный культурно-историческій типъ. У каждаго народа своя судьба. Народы Западно-Европейскаго полуострова — дѣти городской, торгово-и промышленной культуры. И на новыхъ мѣстахъ — въ Америкѣ, Австраліи, Африкѣ — они продолжали свою хозяйственную традицію, скучившись въ города и, при первой возможности, возвращались къ торговой и промышленной дѣятельности*). Индусы и китайцы — дѣти осѣдлой интенсивной земледѣльческой культуры. Съ трудомъ и неохотой переходятъ они къ городской жизни, торговой и промышленной дѣятельности. Съ трудомъ и съ неохотой идутъ на переселеніе. И индусы, и китайцы — плохіе колонизаторы. Индусы не вышли изъ предѣловъ своего полуострова и не распространились по континенту. Китайцы колонизовали свои окраинныя провинціи, но удивительно медленно и слабо. И китайцы, и индусы живутъ скученно и предпочитаютъ, когда наступаетъ нужда, еще глубже замкнуться въ своемъ участкѣ, еще больше труда и заботы вложить въ свое поле, чѣмъ подняться съ мѣста и уйти на чужія земли. Когда китайцы вынуждены переселяться въ чужіе края, они оставляютъ семьи на родинѣ, упорно работаютъ на чужбинѣ и живыми или мертвыми возвращаются домой. (Китайцевъ, умершихъ на чужбинѣ, везутъ хоронить на родину**). Русскій народъ — дитя экстенсивной земледѣльческой культуры. Народъ — колонизаторъ и странникъ. Воспитанный на землѣ и влюбленный въ пространство. Такова его историческая судьба. Худо это или хорошо, но съ этимъ надо считаться, изъ этого надо исходить. Хозяйственная судьба народа можетъ измениться. Рождаются новыя формы хозяйства; старыя формы отмираютъ. Но и въ хозяйственной жизни, прошлое тяготѣетъ надъ настоящимъ. И долгое время можетъ тяготѣть надъ буду-

*) См. Пути Россіи. Кн. VII.

**) Brunhes et Vallaux. La géographie de l'histoire. 1921.

щимъ. И еще долгое время «земля» и «тяга въ пространство» будутъ опредѣлять судьбы русскаго народа.

Революціи ничего не творятъ. Онѣ только разрушаютъ старое. За то въ революціяхъ съ неудержимой силою вырывается наружу то, что копилось въ душѣ народа въ теченіе вѣковъ. Русскій народъ вѣками жилъ землей. Русская исторія построена на «землѣ». Поэтому и русская революція оказалась, прежде всего, революціей земельной. Пройдутъ годы. Чадъ революціи разсѣется. Въ рукахъ народа останется то, къ чему вели вѣка его исторіи — земля.

И. Бунаковъ.

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ.

Какъ-то въ газетѣ «Воля Россіи», однимъ изъ редакторовъ которой я состоялъ, въ «порядкѣ дискусіи» т. е. для свободнаго обсужденія, появился рядъ статей сначала Моисеева — «Объ экономической политикѣ демократической Россіи,» а потомъ В. Чернова — «Проектъ экономической программы» съ соответствующими объясненіями. Работы обоихъ авторовъ ставили передъ читателемъ рядъ самыхъ сложныхъ и спорныхъ вопросовъ, связанныхъ съ разрѣшеніемъ основной для всего будущаго Россіи и труднѣйшей задачи — экономического возрожденія страны послѣ паденія большевиковъ. По поводу этихъ очерковъ В. В. Рудневъ помѣстилъ въ № 5 «Современныхъ Записокъ» особую статью, гдѣ, подробно останавливаясь на доводахъ обоихъ названныхъ авторовъ, изложилъ рядъ своихъ сужденій на ту же тему, сужденій, не всегда совпадающихъ, а иногда и совсѣмъ расходящихся съ мнѣніями, какъ Моисеева, такъ и В. Чернова.

Въ отвѣтъ на эту статью въ № 12-13 Центральнаго органа П. С. Р. «Революціонной Россіи» появилась статья редактора этого журнала В. М. Чернова — «Стихія Революціи и политическіе трезвенники».*) Возражая В. Рудневу, авторъ выходитъ далеко за предѣлы первоначальнаго спора, переходя отъ экономики къ политикѣ и дѣлая нѣкоторыя весьма интересныя историческія замѣчанія. Тройная, если можно такъ выразиться, оф-

*) Къ возбуждаемымъ этой статьей вопросамъ мы предполагаемъ еще вернуться.

фициальность этой статьи — во первых, помещенной в официальном органе партии, во вторых, написанной его редактором и, в третьих, написанной не только редактором, но лицом в то же время состоящим одним из представителей Ц. К. П. С. Р. за границей, — придает ей особую значимость и значительность. Все суждения, историческая справка и политические выводы этой статьи должны быть, по видимому, восприняты читателем не как весьма интересные, но частные суждения автора, а как официальные мнения цѣлой партии. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ самъ авторъ, который въ заключеніе своей острой полемики съ группой «Современныхъ Записокъ», прямо пишетъ слѣдующее. «Мы — варвары другъ для друга. Мы давно уже подозрѣвали это. Группа «Современныхъ Записокъ», взявъ на себя инициативу открытія полемическаго огня по нашимъ позиціямъ, справедливость этихъ подозрѣній подтвердила. Напрасно только полагаетъ т. Рудневъ, что раздѣляющая насъ пропасть показываетъ лишь «насколько широки расхожденія отдѣльныхъ эсэровъ внутри партии». Онъ не замедлитъ убѣдиться, что партія наша гораздо менѣ пестра и винегретна, и, при всѣхъ частныхъ нюансахъ, гораздо болѣе идейно сплочена и едина, чѣмъ ему кажется. У партіи есть, у партіи давно выработался единый общій языкъ, съ которымъ снъ и его группа никакъ не могутъ освоиться. И то, что ему кажется общимъ правиломъ, «широкимъ расхожденіемъ между отдѣльными эсэрами» — на дѣлѣ является исключеніемъ, опаснымъ по своей широтѣ расхожденіемъ группы Авксентьева, Руднева и др. со всѣмъ основнымъ ядромъ дѣйствующей въ Россіи Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ. Къ чему это расхожденіе приведетъ — покажетъ будущее». Я извиняюсь за слишкомъ длинную выдержку, но въ ней характерно и показательно каждое слово. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, для самого автора критика его «проекта», хотя бы и опубликованнаго для свободнаго обсужденія, является ничѣмъ инымъ, какъ опаснымъ починомъ «пріянія на себя инициативы открытія полемическаго огня по нашимъ позиціямъ», т. е. по позиціямъ всей П. С. Р. Несомнѣнно также, что свои «позиціи» В. Черновъ считаетъ неприступными, а въ критикѣ своихъ мнѣній видитъ не

расхождение двух формально равноцѣнныхъ сужденій, а «опасное исключеніе», о всѣхъ не весьма пріятныхъ послѣдствіяхъ котораго онъ довольно недвусмысленно намекаетъ.

Такъ, благодаря неосторожности В. Руднева, осмѣливавшаго критиковать, какъ обыкновенную статью, неприкосновенный «проектъ», вся «группа» его ближайшихъ единомысленниковъ, т. е. всѣ члены редакціи «Современныхъ Записокъ», попали въ весьма щекотливое и даже опасное положеніе. Но въ своей легкомысленной неосторожности Рудневъ повиненъ не одинъ. Повинна въ ней и редакція газ. «Воля Россіи», которая, помѣщая «проектъ экономической программы», не предпослала ему редакціонной оговорки — «критиковать воспрещается». Какъ бывший редакторъ «Воли Россіи», я чувствую себя соучастникомъ преступленія В. Руднева, чувствую себя какъ бы невольнымъ его подстрекателемъ и хочу поэтому солидаризироваться съ нимъ въ грядущей отвѣтственности. Вотъ почему по поводу статьи «Револ. Россіи» «Стихія революціи и политическіе трезвенники» мнѣ бы хотѣлось кое что сказать, именно, на страницахъ «Современныхъ Записокъ», хотя къ редакціонной группѣ «Современныхъ Записокъ» не принадлежу и до сихъ поръ, сотрудникомъ этого журнала не числюсь.

Я бы могъ, конечно, сдѣлать попытку послать свои замѣчанія по поводу статьи, меня интересующей, въ тотъ самый органъ, гдѣ она была напечатана — въ «Революціонную Россію». Но, по правдѣ сказать, журналъ, гдѣ за ласковой игривостью толемики официальнаго автора чувствуется карающая десница всемогущаго начальства, меня не привлекаетъ.

Будемъ лучше говорить не на «общемъ» съ начальствомъ языкѣ, а на своемъ собственномъ, не задумываясь надъ послѣдствіями такой дерзости. Пусть будутъ послѣдствія! Ибо иначе мы оглянуться не успѣемъ, какъ во всѣхъ еще свободныхъ отъ большевистскаго воздѣйствія уголкахъ русской общественности воцарится самый отвратительный изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ и существующихъ видовъ террора—террора надъ свободной мыслью человѣческой!

Возрожденный большевиками старый Аракчеевский кличъ власти — ограниченнымъ разумомъ подданныхъ мыслить воспрещается — сталь и такъ уже все глубже проникать во всю толщу русской общественности, сталь превращаться въ «бытовое явленіе» нашего политическаго обихода... Въ условіяхъ совѣтскаго или эмигрантскаго быта, одинаково до крайности затрудняющихъ всякое общеніе, русскіе люди — одни, лишенные непосредственныхъ впечатлѣній родной страны, другіе, отрѣзанные отъ всего зарубежнаго міра, — русскіе люди, какъ будто боясь потонуть въ хаосѣ со всѣхъ сторонъ настагающаго ихъ великаго Неизвѣстнаго, съ особой настойчивостью цѣпляются за все давно знакомое, обиходное въ данномъ круту, а чаще даже въ данномъ кругу «своихъ людей». Въ этихъ болѣзненныхъ условіяхъ большевистскій цензурный терроръ производитъ на общественную психику особенно разрушительное въздѣйствіе. Въ отвѣтъ на всѣ жуткія въ своей изступленной жестокости и безсмыслицѣ мѣры современныхъ Магницкихъ въ распыленномъ, застрашенномъ и физическимъ терроромъ, и безстыдной демагогіей обществѣ нарастаетъ другое зло — боязнь новой мысли, новаго слова. Какъ до-революціонное «сектантство» русской интеллигенціи усиливалось и слабѣло вмѣстѣ съ ростомъ или паденіемъ строгостей старой царской цензуры, такъ нынѣ это сектантство готово превратиться въ изувѣрное самоистребленіе по мѣрѣ того, какъ цензура при николаевскомъ рѣжимѣ лишь кастрировавшая мысль, превращается у большевиковъ въ систематическое уничтоженіе всякой мысли.

Мыслить воспрещается въ коммунистическомъ государствѣ! Право на свободное независимое слово объявляется «буржуазнымъ предразсудкомъ». А каждая мысль, высказанная не на жаргонѣ большевистской казенной прессы, сейчасъ же демагогически извращается и, снабженная всѣми атрибутами «контръ-революціонности», швыряется въ массу для вящаго торжества «коммунистической государственности» и для посрамленія эсеровской, меньшевистской и прочей «бѣлогвардейщины».

Вотъ эта-то террористическая, сказалъ бы я, демагогія въ особенности и настораживаетъ невольныхъ контръ-револю-

ціонеровъ. Загнанные въ подполье, лишеныя прессы и свободнаго слова, безсилныя борются съ большевистскою демагогіею тѣмъ же орудіемъ, т. е. открытою пропагандою, они невольно ищутъ спасенія въ особой отточенности, въ особой «стойкости и выдержанности» своихъ позицій. Количество большевистскою лжи они хотятъ побѣдить безукоризненностью своей правды, безукоризненною бѣлизною своихъ одеждъ! Создается особая психологія чрезмѣрной настороженности ко всякому высказыванію ко всякому выявленію во внѣ своихъ настроеній, ко всякому громко сказанному слову.

Какъ бы это не во время и неловко высказанная мысль не слѣдалась орудіемъ для новой травли, для новаго науськиванія темной массы на тѣхъ, кто во имя спасенія этой же массы ведетъ неравную борьбу съ захватчиками государственной власти. Такъ понемногу растутъ въ антибольшевистскою революціонною средѣ взаимная отчужденность между вчера еще близкими, «своими». Такъ зарождается особая подозрительность, потомъ враждебность къ инакомыслящимъ въ своей же средѣ; къ инакомыслящимъ, нарушающимъ своими «личными выступленіями» эту столь необходимую «выдержанность позицій». Безсилныя противъ террористической демагогіи Ленинскихъ литературныхъ чрезвычайекъ, хранители стихіи революціи сами невольно начинаютъ пугать, почти терроризировать, тѣхъ изъ своей среды, въ комъ они видятъ вольныхъ или невольныхъ, но опасныхъ потрясателей партійныхъ основъ... И раздается, наконецъ, грозное предостереженіе — мы варвары другъ для друга!

Варвары другъ для друга! — Это очень, очень серьезно, почти безнадежно. Тутъ уже не только отсутствіе «общаго языка». Другъ друга могутъ не понимать, другъ съ другомъ могутъ не сговориться и люди одного культурнаго уровня, одной общественной среды. Они просто такъ разнo смотрятъ на все вокругъ происходящее, такъ различно все оцѣниваютъ, такъ по разному предвидятъ открывающіяся возможности, что уже больше не спорятъ, а расходятся по разнымъ дорогамъ, «инымъ путемъ, но все къ тому же, стремясь». Ну, а съ «варварами» по разнымъ дорогамъ безобидно не разоидешься! Съ

ними обязательно повстрѣчаешься на своихъ путяхъ и перепутьяхъ. Варвары несутъ съ собой угрозу нашимъ культурнымъ цѣнностямъ. Они стремятся разрушить наши храмы и вмѣсто нихъ воздвигнуть свои капища. Варваровъ не убѣждаютъ, съ ними не спорятъ. Имъ грозятъ, пока еще не поздно; отъ нихъ защищаются, если они успѣваютъ захватить насъ врасплохъ; отбивъ нападеніе, побѣдивъ, ихъ гонять прочь... Да, варвары — другъ для друга — это дѣйствительно больно и очень серьезно!

За какія же прегрѣшенія группа «Современныхъ Записокъ» стала варварами для официального журнала той партіи, къ которой все же члены этой группы принадлежать? Неужели только за то, что одинъ изъ нихъ осмѣлился открыть «полемическій огонь по нашимъ позиціямъ», какъ бы ни были неприступны онѣ сами, какъ бы ни были неприкосновенны стратеги ихъ обороняющіе?!

Конечно нѣтъ. «Полемическій огонь» явился лишь послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія. Такъ и сказано: «мы давно уже подозрѣвали это», (т. е. что мы варвары). Полемическая инициатива группы лишь «справедливость этихъ подозрѣній подтвердила». Дѣйствительно, при внимательномъ чтеніи всей интересующей насъ статьи, не трудно не только убѣдиться въ томъ, что «группа Руднева» давно уже была взята на подозрѣніе, но и легко можно установить, что давность этимъ подозрѣніемъ по нынѣшнимъ временамъ весьма почтенная: въ концѣ концовъ, она восходитъ къ 1917 году.

Оказывается, это еще тогда, въ эпоху февральской революціи, «группа лицъ, отъ имени которыхъ можетъ говорить т. Рудневъ, не разъ занимала связанное съ отвѣтственностью положенія на политической аренѣ». Оказывается, что тогда уже эта группа проявила недопустимую медлительность («кунктаторство»), чрезмѣрную «политическую трезвенность, то бишь государственность». Оказывается, это они-то «мудрые кунктаторы» — подтолкнули «вышедшую изъ терпѣнія стихію во всѣ тяжкія октябрьской революціи».

Итакъ, на группу «Современныхъ Записокъ» возлагаются грѣхи всего народа, т. е. всѣхъ насъ, кто дѣйствовалъ въ дни Великой Революціи, кто связанъ съ Февралемъ, отъ него не отрывается и за него несетъ всю мѣру исторической отвѣтственности. Къ этимъ, съ Февралемъ связаннымъ, отношусь и я, можетъ быть, даже въ большей степени, чѣмъ нѣкоторые изъ группы «Современныхъ Зап.» и, во всякомъ случаѣ, несу за событія Февральской революціи большую, чѣмъ они отвѣтственность. Я не хочу и не могу подражать большинству политическихъ дѣятелей той незабываемой эпохи. Я не хочу и не могу оставаться въ сторонѣ, когда другихъ призываютъ къ отвѣту за то, въ чемъ я съ ними солидаренъ и чего, по моему мнѣнію, было, къ сожалѣнію, проявлено слишкомъ мало въ 1917 году.

Да, я говорю объ этой самой «то бишь государственности». Говорю о трагической борьбѣ этой революціонной государственности съ реакціонной большевистской охлократіей. Объ этой борьбѣ, которая въ 1917 г. закончилась видимымъ торжествомъ красной реакціи, но которая далеко еще не завершилась.

Не завершилась! А поэтому необходимо съ крайней осторожностью судить о всѣхъ уже заключенныхъ стадіяхъ этой борьбы, ибо поспѣшно высказанныя сужденія о прошломъ могутъ подтолкнуть на неправильный путь въ настоящемъ, могутъ подсказать ошибочные планы на будущее. Во всякомъ случаѣ въ этомъ вопросѣ, совершенно исключительной важности — о факторахъ и о лицахъ содѣйствовавшихъ или препятствовавшихъ краху Февральской революціи — въ этомъ вопросѣ не можетъ быть сейчасъ никакой догмы, никакой общеобязательной, хотя бы въ предѣлахъ одной партіи, точки зрѣнія.

Можетъ быть, лучше было бы во имя неотложныхъ потребностей и задачъ сегодняшняго дня этого колочаго вопроса все не подымать! Но разъ онъ уже поставленъ и даже не столько поставленъ, сколько уже предрѣшенъ, и опредѣленная точка зрѣнія предложена къ руководству въ официальномъ органѣ партіи, — то каковы бы ни были послѣдствія расхожденія «съ единымъ общимъ языкомъ», — молчать нельзя.

Нужно говорить «напрямикъ, безъ изгиба», какъ хочетъ того и сама «Рев. Россія». Ибо только изъ открытаго и честнаго столкновенія независимыхъ сужденій родится та единственная правда, которая поможетъ намъ всѣмъ выбраться изъ болотныхъ топей безвременья на широкую столбовую дорогу новыхъ дерзаний и новаго творчества!

Итакъ, въ чемъ, по мнѣнiю «Революціонной Россiи», смертный грѣхъ «группы лицъ, отъ имени которой можетъ говорить т. Рудневъ, не разъ занимавшій связанное съ отвѣтственностью на политической аренѣ положеніе». Прежде всего — «въ теченіе всего періода отъ марта до октября 1917 г. она выступала сторонницей коалиціи «во что бы то ни стало». Когда отпочкованіе отъ партіи лѣвыхъ эсеровъ — (какое мягкое выраженіе для тройныхъ предателей — Родины, Революціи и партіи!) — временно нарушила партійное равновѣсіе . . . эта группа — уже послѣ Корниловской авантюры и демократическаго совѣщанія — заставила партію еще разъ пойти на капитуляцію передъ требованіями К. Д. и «пріять» всѣ тѣ перетасовки во Временномъ Правительствѣ и его программѣ» . . .

Тутъ все, по истинѣ, творимая легенда! Во-первыхъ нужно устранить всякое недоразумѣніе съ «этой группой». Никакой такой группы, отъ имени которой, какъ цѣлаго, имѣлъ бы право говорить Рудневъ или какой либо другой членъ редакціи «Современныхъ Записокъ» и которая непрерывно существовала бы отъ временъ мартовской революціи до нынѣшнихъ дней, — такой группы въ природѣ никогда не было. Въ нынѣшней, такъ называемой, на партійномъ условномъ языкѣ, «правой» группѣ «Современныхъ Записокъ» сошлись и сидятъ рядомъ люди, не всегда такъ близко другъ къ другу сидѣвшіе въ 1917 г. Достаточно напомнить, что здѣсь рядомъ съ М. В. Вишнякомъ, постояннымъ сотрудникомъ и одно время редакторомъ «Дѣла Народа», сидитъ А. И. Гуковскій, принадлежавшій къ редакціонной группѣ «Воли Народа», почти никогда и ни въ чемъ не сходящейся съ партійнымъ центромъ. Остальные же члены редакціи «Современныхъ Записокъ», хотя, правда, и принадлежали въ общемъ и цѣломъ къ одному и тому же уклону партійнаго цент-

ра, но все-таки никогда не дѣйствовали въ 1917 году, какъ данная, доннѣ сохранившая свое индивидуальное существованіе, группа. Можно было бы, пожалуй, назвать кое какія имена членовъ П. С. Р., нынѣ сидящихъ въ Бутыркахъ и причисляемыхъ несомнѣнно къ современному «основному ядру» партіи, но которые въ 1917 году, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ нѣкоторые члены «группы т. Руднева», повинны въ томъ, въ чемъ обвиняется «эта группа».

• Однимъ словомъ, чтобы найти отвѣтчиковъ за «ошибки» 1917 года, ошибки, если не всей партіи, то, во всякомъ случаѣ, законнаго ея большинства, и заднимъ числомъ придать этому большинству 1917 года образъ и подобіе партійнаго «сплоченнаго ядра» образца 1921 года, центральному органу партіи пришлось создать фикцію. Если же эту фикцію устранить, то окажется, какъ это и было на самомъ дѣлѣ, что въ 1917 году со времени вступленія представителей совѣта во Временное Правительство (конецъ апрѣля) и до Корниловскаго заговора, совершенно законное и значительное большинство П. С. Р. одобряло участіе своихъ членовъ въ правительственной коалиціи, и не потому, что «во что бы то ни стало» жаждало коалиціи, а просто потому, что, совершенно правильно оцѣнивая положеніе страны, не считало возможнымъ возложить всю отвѣтственность за управление государствомъ и за веденіе войны исключительно на одни лишь совѣтскіе и социалистическіе элементы.

Я отлично помню, какъ на июньскомъ I Всероссийскомъ Създѣ Совѣтовъ на мой прямой вопросъ, — готовы ли присутствующіе въ этомъ собраніи представители революціонной демократіи взять на себя всю отвѣтственность? — залъ отвѣтилъ гробовымъ молчаніемъ. Только кто-то изъ большевиковъ, сидѣвшій рядомъ съ Ленинымъ, при молчаливомъ одобреніи послѣдняго явственно сказалъ — мы возьмемъ. И я помню, что слышавшіе эту фразу отнесли къ ней, какъ къ неособенно остроумной шуткѣ со стороны «безотвѣтственной оппозиціи».

Но я помню еще другое и гораздо болѣе важное! Помню то, что совершенно опровергаетъ утвержденіе «Революціонной Россіи», что «именно, эта группа заставила партію еще разъ пойти

на капитуляцію передъ требованіями К. Д.» т. е. еще разъ заставила послать своихъ представителей въ коалиціонный, на этотъ разъ послѣдній, составъ Временнаго Правительства. Это послѣднее измѣненіе въ составѣ Временнаго Правительства происходило во время Демократическаго Совѣщанія послѣ подавленія Корниловскаго возстанія. Здѣсь не время и не мѣсто говорить по существу объ этой несчастной затѣѣ. Достаточно лишь напомнить, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого возстанія генераловъ противъ Верховной Власти было разложеніе арміи; возвращеніе фронта къ анархіи апрѣльскихъ дней, и полное исчезновеніе довѣрія къ правительственной власти въ широкихъ народныхъ массахъ. Прикосновенность почти всего высшаго команднаго состава и виднѣйшихъ представителей буржуазіи къ корниловскому заговору дѣлала положеніе еще болѣе безвыходнымъ.

Отдавъ себѣ во всемъ этомъ отчетъ и убѣдившись, къ тому, на Демократическомъ Совѣщаніи въ весьма неопредѣленномъ и неустойчивомъ состояніи вождей совѣтскаго большинства, я явился въ засѣданіе Бюро этого Совѣщанія, происходившее съ участіемъ отвѣтственныхъ представителей всѣхъ соотвѣтствующихъ группъ и партій до большевиковъ включительно, и сдѣлалъ здѣсь послѣ изложенія внутренняго, международнаго и военнаго положенія страны приблизительно слѣдующее заявленіе: «Если окажутся лица, которыя возьмутъ на себя образованіе однороднаго правительства, я ручаюсь, что со стороны Временнаго Правительства никакихъ препятствій не послѣдуетъ. Предупредите меня о рѣшеніи своевременно, и власть будетъ передана новому составу правительства безъ всякихъ потрясеній во имя спасенія страны отъ новыхъ внутреннихъ столкновеній, которыхъ она больше не выдержитъ». Послѣ этого заявленія я тотчасъ уѣхалъ. Въ тотъ же день мнѣ сообщили, что въ составѣ присутствовавшихъ въ засѣданіи Бюро не оказалось ни партій, ни группъ, ни лицъ, которыя согласились бы взять на себя отвѣтственность за сформированіе однороднаго правительства.

Вся исторія участія социалистическихъ партій въ правительствѣ Февральской Революціи вкратцѣ можетъ быть изло-

жена такъ: сначала (до сентября) социалисты не хотѣли или не считали себя вправѣ одни безъ буржуазныхъ элементовъ взять на себя всю формальную отвѣтственность за судьбу государства; потомъ многіе изъ нихъ захотѣли, но это оказалось невозможнымъ, ибо, отрываясь отъ радикальной буржуазіи, совѣтскія и социалистическія группы и партіи не могли рассчитывать на коалицію съ контръ-революціей слѣва — съ большевиками. Объ этомъ отказѣ большевиковъ еще въ сентябрѣ участвовать вмѣстѣ съ социалистами въ «единомъ революціонномъ фронтѣ», въ «однородномъ социалистическомъ правительствѣ», объ этомъ капитальномъ фактѣ, оказавшемъ рѣшающее влияние на колеблющихся участниковъ Демократическаго Совѣщанія, «Рев. Россія» и забываетъ сказать, возлагая всю отвѣтственность за послѣднюю, якобы, капитуляцію эсеровъ на фиктивную несуществовавшую тогда группу товарища Руднева.

Оторвавшись отъ тѣхъ слоевъ буржуазіи и несовѣтской демократіи, которые такъ или иначе шли съ революціей и ея правительствомъ, имѣя внѣ своего единого фронта возродившихся послѣ Корнилова большевиковъ, — какую силу представляли бы въ странѣ эсеровскіе и меньшевистскіе элементы? Весьма малую! Въ чемъ они и убѣдились впослѣдствіи, и что тогда, въ сентябрѣ, они, если не сознавали, то во всякомъ случаѣ уже чувствовали. Хорошо чувствовали, что, подталкивая ихъ къ разрыву съ традиціей революціонной власти — съ ея всенародностью, — большевики стремились только къ ослабленію, къ распыленію революціонныхъ организованныхъ силъ, такъ же какъ къ этому стремились, съ другой стороны, всѣ военные и невоенные заговорщики, добываясь еще съ іюля мѣсяца выхода кадетъ изъ Временнаго Правительства. Задача большевиковъ стратеговъ была слишкомъ ясна — облегчить себѣ захватъ власти, на который они уже рѣшились, распыляя революціонныя силы, пользуясь однороднымъ социалистическимъ правительствомъ, какъ трамплиномъ.

Ошибка сентябрьской тактики вождей совѣтской демократіи, а въ томъ числѣ и членовъ П. С. Р., заключалась, по моему, не въ воображаемой капитуляціи передъ кадетами, ибо таковой

не могло быть уже по одному только тому, что представители либеральной буржуазии по своимъ тактическимъ соображеніямъ вовсе не стремились препятствовать сформированію однороднаго социалистическаго правительства. Повторяю, ошибка была не въ капитуляціи. Ошибка, если можно такъ назвать неизбежность, заключалась въ томъ, что, поддавшись, подъ влияніемъ Корниловскаго заговора, новому припадку навязчивой идеи о грядущей контръ-революціи справа, вожди совѣтской демократіи, заключивъ въ сентябрѣ фактическое перемиріе съ большевиками, открыли свой тылъ опаснѣйшимъ и злѣйшимъ своимъ врагамъ. Сбылось еще майское наше съ Церетели предсказаніе: «контръ-революція въ Россію придетъ черезъ лѣвыя двери!»

Да, въ заключеніе Демократическаго Совѣщанія большинство П. С. Р. голосовало за сохраненіе своей связи съ Правительствомъ Революціи, за дальнѣйшее участіе въ управленіи государствомъ. Но что же иное могло оно сдѣлать въ той обстановкѣ — умытъ руки?! Отойти въ сторону и безучастно наблюдать за дальнѣйшимъ развитіемъ трагедіи? Нѣтъ, такого Пилатова выхода партіи не дано! Она всегда дѣйствуетъ, всегда говорить!

Такимъ образомъ, самая бѣглая воспоминанія объ участіи П. С. Р. въ правительственной коалиціи 1917 года съ несомнѣнностью показываютъ, что эту политику партія вела не по капризу, не по злой волѣ отдѣльныхъ лицъ или группъ, а потому, что въ ту эпоху такъ складывались взаимоотношенія революціонныхъ и реакціонныхъ силъ, что отвѣтственное большинство партіи иначе, какъ поступало, поступить не могло. Болѣе того. Углубленный анализъ обстоятельствъ, заставившихъ П. С. Р., какъ и меньшевиковъ, остаться послѣ Корниловскаго возстанія въ составѣ Временнаго Правительства, непременно привелъ бы насъ къ весьма и сейчасъ злободневнымъ размышленіямъ — не таится ли источникъ многихъ пережитыхъ нами великихъ испытаній и несчастій въ чрезмѣрной нашей терпимости ко всему, что носитъ лѣвое обличье? Было бы величайшимъ для Россіи несчастіемъ, если опять, какъ въ

1917 году, мы во-время не опознаемъ подъ личиною революціонной лѣвизны самое обычное реакціонное нутро!..

Но возвращаюсь къ темѣ. Сурово осудивъ въ лицѣ изобрѣтенной ad hoc группы коалиціонную политику всей П. С. Р. въ 1917 году, возложивъ на эту же группу отвѣтственность опять таки за общее грѣхопаденіе—интервенцію (къ сожалѣнію я не могу на этомъ эпизодѣ останавливаться), «Революціонная Россія» выдвигаетъ противъ группы еще одно и, по моему, самое тяжкое обвиненіе. — «О мудрые кунктаторы! Не такъ ли кунктаторствовали вы въ Россіи отъ февраля по октябрь 1917 года, не такъ ли топтались вы и вокругъ реорганизаціи арміи и вокругъ мирной политики и вокругъ земельного вопроса, безнадежно «защѣпившись за пень» коалиціи съ кадетами, пока не налетѣла на васъ, не «отцѣпила» и не «набила потылицу» вышедшая изъ терпѣнія стихія, ударившаяся — не безъ вашей вины — во всѣ тяжкія октябрьской революціи».

Это уже настоящій, правда, весьма краткій, но и весьма содержательный обвинительный актъ всей государственной политики Февральской Революціи. Даже больше — это, конечно, невольное, но оправданіе — да, да, оправданіе — «революціи октябрьской». Что было съ марта до октября? Въмѣсто революціоннаго дерзанія — безнадежное топтаніе на поводу у кадетъ, т. е., на жаргонѣ совѣтской Россіи — у самой подлинной реакціи. Ну, а если это вѣрно, если это нынѣ вынужденъ признать официальный органъ, тогда одной изъ правительственныхъ партій, то совершенно естественно быдо возмущеніе подлинной революціонной стихіи, и тогда октябрьскій контръ-революціонный переворотъ превращается въ подлинную народную революцію!

На секунду допустимъ, что обвиненіе въ топтаніи на мѣстѣ — въ кунктаторствѣ — справедливо. Допустимъ; но кто же такіе кунктаторы? Кто эти «вы», къ которымъ съ такой горечью обращается авторъ только что приведенной цитаты? — Несомнѣнно, что пятеро членовъ редакціи «Современныхъ Записокъ» застопорить всю правительственную машину не мог-

ли, если бы даже хотѣли. Очевидно, что здѣсь имѣется въ виду кто-то другой, или, точнѣе сказать, еще кто-то другой. Но кто же? Топтались вездѣ: и въ арміи, и въ аграрномъ вопросѣ, и въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Можно сказать, все государство топталось на мѣстѣ, зацѣпившись за кадетскій пень. Саботировать Революцію, выражаясь на модномъ нынѣ языкѣ, въ такомъ грандіозномъ масштабѣ не подъ силу было, конечно, не только отдѣльнымъ группамъ, но даже и отдѣльнымъ партіямъ, въ особенности при коалиціи. Такой саботаждъ подъ силу былъ только правительству. У него въ партіяхъ могли быть сообщники, подстрекатели, укрыватели, но самую процедуру топтанія могло исполнить со всѣмъ соотвѣтствующимъ ритуаломъ только Власть. «Вы — о, мудрые кунктаторы —» — это Временное Правительство. Другого адресата быть не можетъ!

Правительство несетъ отвѣтственность за свое топтаніе, и тѣ лица, кто въ него входилъ, если необходимо искать личной отвѣтственности. Кто же въ этомъ смыслѣ «отвѣтствененъ» изъ членовъ группы «Современныхъ Записокъ»? Просматривая ихъ списокъ, вижу одного только Н. Д. Авксентьева. Да, и тотъ былъ министромъ Вн. Дѣлъ всего менѣе двухъ мѣсяцевъ! Но зато самъ-то обвинитель В. М. Черновъ былъ членомъ Временнаго Правительства цѣлыхъ четыре мѣсяца, т. е. половину всего времени его существованія. И я смѣю свидѣтельствовать, что за все время своего пребыванія въ Правительствѣ Министръ Земледѣлія ни разу по всѣмъ общимъ и принципальнымъ вопросамъ не оставался при особомъ мнѣніи, ни разу не расходился съ его большинствомъ. А, слѣдовательно, за преступное топтаніе Временнаго Правительства на мѣстѣ В. М. Черновъ несетъ въ рядахъ П. С. Р. наибольшую послѣ меня, пробывшаго въ составѣ Временнаго Правительства всѣ восемь мѣсяцевъ, отвѣтственность.

Итакъ, «вы» — это мы! Въ особенности мы — ибо у одного была въ рукахъ армія — у другого земля. И оба требовали отъ фронта «активныхъ дѣйствій во имя мира», т. е. наступленія.

- Но остановимся подробнѣе на трехъ смертныхъ грѣхахъ нашего топтанія — арміи, землѣ, мирѣ.

«Не такъ ли топтались вы (мы?) вокругъ реорганизаціи арміи». — Т. е. въ какомъ смыслѣ нужно понимать эту реорганизацію арміи? Если въ смыслѣ ея «революціоннаго раскрѣпощенія», то развѣ редакторамъ «Революціонной Россіи» неизвѣстно то, что призналъ въ своей книгѣ даже генераль Деникинъ? Развѣ имъ неизвѣстно, что русская армія была безъ остатка «раскрѣпощена» т. е. дезорганизована еще въ управленіе Гучкова при благожелательномъ содѣйствіи генерала Поливанова и прочихъ «старорежимниковъ»?

Конечно, не такую, съ позволенія сказать, реорганизацію имѣеть въ виду «Революціонная Россія», обвиня насъ въ медлительности. Дѣло идетъ, очевидно, о той медлительности, которую намъ дѣйствительно приходилось проявлять въ сизифовой работѣ укрѣпленія дисциплины въ арміи и возстановленія въ ней нормальныхъ отношеній между начальниками и подчиненными. Я помню, съ какой энергіей высказывались всѣ члены Временнаго Правительства, а въ томъ числѣ и Министръ Земледѣлія, противъ «революціонныхъ эксцессовъ» въ арміи! Я помню съ какой горечью въ душѣ, но единогласно голосовало все Временное Правительство законъ о возстановленіи смертной казни на фронтѣ послѣ прорыва у Тарнополья! Я все это помню и поэтому вполне понимаю, что медлительность военнаго министерства въ работѣ его по освобожденію арміи отъ гучковскаго раскрѣпощенія до сихъ поръ вызываетъ у В. Чернова, какъ вообще у всѣхъ русскихъ патріотовъ, законное раздраженіе и огорченіе.

Въ этой медленности возстановленія дисциплины въ арміи военное министерство повинно, но для смягченія нашей ответственности не вспомнить ли строгій обвинитель, какія препоны приходилось преодолевать намъ при этой реорганизаціи? Не вспомнить ли онъ, съ какой нечеловѣческой энергіей и самоотверженіемъ приходилось комиссарамъ Воен. Министра (почти исключительно эсерамъ и меньшевикамъ) на фронтѣ и въ тылу вырывать армію изъ подъ гипноза большевистской и

непріятельской демагогіи? Не вспомнить ли онъ, что даже въ своей собственной средѣ мы иногда были безсильны противъ отраженія этой демагогіи?

«Не такъ ли топтались вы (мы?) вокругъ земельного вопроса?» — ставится «политическимъ трезвенникамъ, то бишь государственникамъ», второе обвиненіе. Вотъ здѣсь мое положеніе, нужно сознаться, довольно щекотливое: приходится защищать земельную политику министерства земледѣлія отъ упрековъ, высказанныхъ по его адресу самымъ долгосрочнымъ изъ всѣхъ Министровъ Земледѣлія эпохи февральской революціи . . . Не касаясь пока конкретной дѣятельности отдѣльных, смѣнявшихъ другъ друга, министровъ земледѣлія и ихъ роли въ ускореніи или замедленіи подготовки величайшей земельной реформы, поставленной въ очередь дня Временнымъ Правительствомъ въ самые первые дни революціи, — не касаясь пока всего этого, я лучше приведу здѣсь одинъ мой разговоръ съ Е. К. Брешко-Брешковской, какъ разъ, объ этой самой земельной политикѣ Временнаго Правительства. Разговоръ этотъ происходилъ еще весной 1918 года въ Москвѣ. Бабушка была очень мной недовольна; недовольна тѣмъ, что я самъ не «давилъ» на ускореніе работъ по земельной реформѣ, что «подчинялся» партіямъ въ выборѣ руководителей этого сложнѣйшаго дѣла, почему въ эти руководители иногда попадали люди недостаточно подготовленные къ административной и практической работѣ. «Вотъ взялъ бы во-время — говорила она — знающихъ, дѣльныхъ людей, хоть бы того же Х. Онъ бы за шесть то мѣсяцевъ много надѣлалъ. Съ такими людьми успѣлъ бы во-время землю подѣлить. Все крестьянство успокоилось бы и за правительство бы горой стояло. Смѣлѣе надо было дѣйствовать»... — «Ну, помилуйте, бабушка, отвѣчала я, какое значеніе имѣли всѣ эти крупныя промашки и всяческіе техническіе недочеты — неумѣнье составить дѣловой законопроектъ, незнаніе мѣстныхъ условій и т. д.?! — Все это вѣдь были частности. Грандіозная земельная реформа, небывалая еще въ исторіи человѣчества, и подлежащая осуществленію на всемъ безграничномъ просторѣ Россійскаго государства, не могла быть осуществлена, не только въ шесть мѣсяцевъ, но и въ шесть лѣтъ.

Всякая поспѣшность, всякое нервничанье подь давленіемъ разожженныхъ демагогіей аппетитовъ привели бы лишь къ такому земельному хаосу, въ которомъ потомъ десятки лѣтъ нельзя было бы разобратъся».

Большевики краснорѣчиво подтвердили своей земельной политикой достаточную обоснованность моихъ опасеній. Какъ ихъ «перемирія по-ротно» превратились въ безконечную цѣпь внѣшнихъ и гражданскихъ войнъ, такъ и ихъ «стихійная социализація» земли превратилась въ подлинную земельную анархію, изъ которой все увѣреннѣе выглядываетъ теперь крѣпкій Столыпинскій мужичекъ-кулачекъ. Я не спорю, много было ненужныхъ промедленій въ текущей дѣятельности Временнаго Правительства при осуществленіи земельной реформы, но «топанія» все-таки не было, ибо коренной земельный переворотъ былъ предрѣшенъ Временнымъ Правительствомъ и къ осуществленію его мы приближались неуклонно.

«Не такъ ли топтались вы (мы?) и вокругъ мирной политики» — предьявляется намъ слѣдующій вопросъ. Да, топтались въ томъ смыслѣ, что на сепаратный миръ не шли! А вотъ большевики пошли — что же, изъ этого вышелъ миръ? Въ чемъ же собственно выразилось наше топтаніе? Ну, допустимъ, что Временное Правительство дѣйствительно, топталось, потому что находилось безнадежно въ рукахъ «западныхъ капиталистовъ, имперіалистовъ» и пр. и пр... А Совѣты? Развѣ отъ знаменитаго воззванія «Къ народамъ всего міра» отъ 14-го марта они не пришли въ маѣ черезъ испытаніе Стохода къ сознанию, что только въ усиленіи боеспособности страны, что только въ активныхъ дѣйствіяхъ на фронтѣ ключъ къ скорѣйшему достиженію всеобщаго мира? Развѣ изъ встрѣчъ съ прѣзжавшими тогда въ Петербургъ иностранными социалистами лидеры русской демократіи не убѣдились въ томъ, что не въ «буржуазныхъ правительствахъ» только найдутъ они упорныхъ противниковъ своей слишкомъ стремительной, слишкомъ отвлеченной, слишкомъ идеалистической для практичнаго запада мирной политики? Вѣдь тогда, въ эпоху 1916—1917 годовъ не только безсовѣстный перевертень Кашенъ, вернувшись

изъ Италіи, гдѣ добивался отъ социалистовъ участія въ войнѣ, требовалъ у Бриана съ трибуны парламента отрицательнаго отвѣта на знаменитое воззваніе «о мирѣ безъ побѣдителей» Вильсона, а затѣмъ поѣхалъ въ Россію выплакивать на нашихъ жилетахъ продолженіе войны до «побѣдоноснаго конца». Нѣтъ, тогда (да и потомъ до самого конца) самые непримиримые и честные социалисты — пацифисты твердо стояли на позиціи Національной Обороны. — «Во время войны никто еще не подымалъ голоса противъ національной обороны» — пишетъ безупречный лѣвый, членъ Вѣнскаго Объединенія Прессманъ. — Всѣ представители меньшинства были въ этомъ согласны. Подтвержденіе ихъ вѣрности принципу національной обороны вы найдете во всѣхъ ихъ статьяхъ, рѣчахъ и резолюціяхъ конгрессовъ. Даже тѣ, кого звали тогда кіентальцами, не расходились въ этомъ вопросѣ съ остальными. Всѣ — отъ Бризона, который въ Циммервальдѣ боролся съ точкой зрѣнія большевиковъ до Рафэнъ-Дюжениа, который публично заявлялъ, что онъ подалъ бы свой голосъ, если бы только этого голоса не хватало для проведенія въ палатѣ военныхъ кредитовъ. То же самое я установилъ соответствующими фактами по отношенію къ Суварину и, конечно, всѣ согласятся со мной, что это еще легче было бы сдѣлать по отношенію къ Фроссару, нынѣшнему генеральному секретарю французской коммунистической партіи» *). Къ этому списку я бы отъ себя могъ добавить Жана Лонге, котораго наблюдалъ на сентябрьской междусоюзнической социалистической конференціи 1918 года, когда онъ обращался къ знаменитому своей «реакціонностью» Гомперсу со словами далеко несоответствовавшими бѣлоснѣжности «интернационалистическихъ» одеждъ, въ которыя онъ, облекся послѣ перемирія.

Такъ было тогда, во время войны, во Франціи. Такъ было въ Англіи, Германіи, Италіи, не говоря уже о растерзанной Бельгіи. Надо смотрѣть правдѣ прямо въ глаза. Тѣхъ, кого въ Россіи принимали тогда за выразителей истинныхъ мнѣній международнаго революціоннаго пролетаріата, въ дѣйствительности представляли мнѣнія ничтожнѣйшихъ мень-

*) Le Populaire — N°. 275, 1922 г.

шинствъ среди меньшинства социалистической оппозиціи Запа- да. Война въ Европѣ была не войной правительствъ, а борьбой народовъ, борьбой не на животъ, а на смерть. Тамъ пролетар- скія массы чувствовали, а ихъ вожди сознавали, что «между- народная солидарность рабочихъ въ защитѣ ихъ общихъ ин- тересовъ противъ капитализма, какъ пишетъ тотъ же Прес- сманъ, не исключаетъ однако чувства солидарности между людьми одной и той же націи, когда ихъ общіе интересы и права подвергаются опасности извнѣ» *).

Во всей Европѣ среди великихъ государствъ не было стра- ны, право которой на оборону не было бы болѣе оправдано, чѣмъ Россіи, ибо, какъ еще въ 1915 году доказалъ будущій со- трудникъ большевиковъ Н. Н. Сухановъ, наша родина не имѣ- ла никакихъ агрессивныхъ капиталистическихъ цѣлей въ мі- ровой войнѣ. Мы не могли бросить ружья, не предавая Родины, не измѣняя революціи!

И, несмотря на Тарнопольскій прорывъ, несмотря на іюль- ское большевистское возстаніе, несмотря на Корниловскій заговоръ, на весь развалъ тыла, Февральская Революція побѣдила бы своихъ противниковъ въ вопросѣ о мирѣ, а слѣдовательно побѣдила бы во всемъ остальномъ! Ав- стрія не выдержала — она должна была во что бы то ни стало выйти изъ боя. За ней послѣдовала бы Болгарія. Къ октябрю Австрія рѣшила вступить съ нами въ переговоры о мирѣ. Мы были у якоря спасенія!.. Но рѣшеніе Вѣны стало из- вѣстно Берлину. И пока австрійское предложеніе шло къ Вре- менному Правительству, во имя «мира», въ спѣшномъ порядкѣ вспыхнула, такъ наз., октябрьская революція. Началось возста- ніе, сорвавшее «мирную политику» мартовской революціи на- канунѣ ея торжества! Началось возстаніе, бросившее растер- занную Россію въ хаосъ кровавыхъ смуть и внѣшнихъ войнъ. Началось возстаніе, продлившее мировую бойню еще на долгіе мѣсяцы...

Да, армія, земля, миръ — это были поистинѣ, три нечело- вѣческія задачи, которыя должна была разрѣшить Февраль- ская Революція, но она должна была ихъ разрѣшить, обороняя

*) Le Populaire — Nr. 277, 1922 г.

страну отъ жесточайшихъ ударовъ закованнаго въ броню всей современной техники врага и защищая едва родившуюся свободу отъ безумнаго натиска внутренней анархїи, шкурничества и измѣнъ!

Да, эта тройная задача — возстановленіе въ три дня распавшагося государственнаго аппарата, революціоннаго преобразования всего политическаго и соціальнаго уклада страны и борьба за внѣшнюю независимость Родины — эта задача оказалась свыше силъ едва освободившагося и переутомленнаго трехлѣтней войной народа. Но развѣ эту жуткую трагедію цѣлой націи можно объяснить, можно понять, слагая всю отвѣтственность на горсть «кунктаторовъ» и сводя все къ какому то анекдоту, о чудакахъ, «защѣпившихся за пень» столь ненавистной нынѣ коалиціи?

Повторяю, безконечно много было всевозможныхъ ошибокъ, промашекъ въ дѣятельности всѣхъ тѣхъ, кого судьба толкнула тогда въ самую гуцу Революціи. Этихъ ошибокъ и не могло не быть. Онѣ всегда бываютъ въ началѣ всякой революціи, въ началѣ всякаго новаго періода государственной жизни, ибо новымъ людямъ въ неожиданныхъ условіяхъ приходится, создавая свое новое, расплачиваться за столѣтія чужихъ грѣховъ, платить за чужіе протори и убытки!

Но вѣдь нужно же, наконецъ, на разстояніи пятилѣтія, отдѣляющаго насъ отъ величайшаго мига русской исторіи, нужно же, наконецъ, изъ за деревьевъ всѣхъ этихъ переходящихъ мелочей увидѣть самый-то лѣсъ — самую суть исторической драмы, закончившейся временной побѣдой демагогической реакціи надъ революціей — единственной, ибо никакой новой революціи въ октябрѣ не было. Нужно же, наконецъ, понять, что не въ медлительности «политическихъ трезвенниковъ» т. е. революціонныхъ государственниковъ, нужно искать причину того, что «вышедшая изъ терпѣнія стихія» ударила въ всѣ тяжкія октябрьской революціи. Я утверждаю, пока этого не доказывая, (ипрочемъ такъ же утверждаетъ, не доказывая свои положенія, «Революціонная Россія») я утверждаю, что Февральская Революція не только не медлила въ своемъ стремленіи удовлетво-

рить революціонное нетерпѣніе массъ, но что она въ этомъ своемъ стремленіи подошла къ самому краю пропасти. Въ той исторической обстановкѣ, въ условіяхъ военнаго времени, больше дать государство, хотя бы сто разъ революціонное, никакимъ массамъ не могло. Мы были на предѣлѣ, за чертой котораго былъ уже хаосъ, закружившій въ огненной пляскѣ Россію послѣ октября. Ту стихію, которая кинулась во всѣ тяжкія большевистской реакціи, не могли удовлетворить никакія другія уступки кромѣ тѣхъ щедрыхъ даровъ, которыми влекли ихъ за собой ленинскіе демагоги-агитаторы: похабный миръ, безстыдный грабежъ и безграничный произволъ надъ жизнью и смертію всякаго, кого угодно будетъ темной толпѣ назвать «буржуемъ».

Неужели же теперь, когда сама трезвѣющая стихія все больше и больше сознаетъ, какъ обманули ее, надругались надъ ней большевики, разбудивъ въ ней звѣря; неужели и теперь, когда въ самыхъ темныхъ низахъ все чаще вспоминаютъ о 1917 годѣ и къ февралю возвращаются разумъ и совѣсть народная, неужели теперь мы сами начнемъ повторять эти, навсегда ушедшіе въ небытіе, ударные лозунги изъ большевистскихъ листовъ лѣта 1917 года: — а почему землю не дѣлятъ; почему мира не заключаютъ, зачѣмъ вмѣсто свободы «декларацию солдатскаго безправія» объявляютъ и т. п.

Еще разъ, Трагедія 1917 года не въ государственности революціи, а въ томъ, что въ ураганѣ военнаго лихолѣтя въ одинъ мутный потокъ смѣшались двѣ стихіи — стихія революціи, которой мы служили, и стихія разложенія и шкурничества, на которой играли большевики вмѣстѣ съ непріятельскими агентами. Величайшее несчастье заключалось въ томъ, что, издавна привыкнувъ съ перваго взгляда опознавать обычную реакцію въ «мундирѣ», генерала на «бѣломъ конѣ», многіе вожди революціи и сама ихъ армія не смогли во-время распознать своего самаго опаснаго, упорнаго и безжалостнаго врага — контрреволюцію, перерядившуюся въ рабочую блузу, въ солдатскую шинель, въ матросскую куртку. Привыкли ненавидѣть представителей «старога міра», но не сумѣли со всей страстью революціонеровъ во-время возненавидѣть гнуснѣйшихъ разрушителей

государства, безсовѣстныхъ порабитителей трудящихся! Привыкнувъ долгія десятилѣтія видѣть государство олицетвореннымъ въ царскомъ жандармѣ, стыдились, подъ напоромъ анархической демагоги, своей революціонной государственности, стыдились поддерживать авторитетъ своей Власти, пока не оказались въ государственныхъ тюрьмахъ подъ высокой рукой воскресшихъ жандармовъ-чрезвычайщиковъ!

И вотъ теперь, когда съ совершенной ясностью вскрылся весь дьявольскій обманъ большевистской «революціонности» и Ленинской «коммунистической» государственности, когда, вмѣсто дымящихся головешекъ октябрьской реакціи, нужно снова зажигать маяки свободы и права, труда и соціальной справедливости, жертвенной любви къ Родинѣ и государственности; — когда пришло время звать народъ къ этимъ маякамъ Февраля — теперь эти маяки хотятъ загасить въ братоубійственной распрѣ, возлагая на измышленныхъ «кунктаторовъ» всѣ «ошибки» цѣлой эпохи и оправдывая невольню ихъ медленностью большевистскій «скачекъ въ неизвѣстное». Опять берутъ слово «государственности» въ ироническія ковычки, забывая, что уже и такъ горькую чашу невыносимыхъ страданій и испытаній выпила Россія за эти проклятыя кавычки!

Зачѣмъ же все это дѣлается? Зачѣмъ понадобилось искать козловъ отпущенія за собственныя прегрѣшенія, за ошибки всей революціи? Оказывается, это нужно потому, что старыя грѣхи 1917 года мѣшаютъ сейчасъ «созданію единого революціоннаго фронта». Не надо забывать, говорить «Революціонная Россія», что тяжелой гирей на центристскихъ элементахъ социализма доселѣ висятъ ихъ ошибки въ прошломъ, ихъ кунктаторство, ихъ топтаніе на одномъ мѣстѣ, вынужденное связью съ правымъ крыломъ, — связью, которой трудно было избѣжать въ виду бѣшенаго натиска безумныхъ элементовъ слѣва. Эти ошибки нужно еще загладить».

Прежде всего, о какихъ «центристскихъ элементахъ социализма» идетъ здѣсь рѣчь? Очевидно, только о русскихъ, ибо безызвѣстно, что «центристскіе элементы» Запада медленно, но вѣрно отходятъ отъ своихъ недавнихъ большевистскихъ

увлеченій, стремятся сбросить съ себя «тяжелую гирю» именно этихъ «ошибокъ» и все смѣлѣе выходятъ къ линіи англійской „Labour Party“.

Передъ кѣмъ же русскіе «центристскіе элементы социализма» должны загладить свои ошибки въ прошломъ? Передъ всей страной за недостаточную энергію въ отстаиваніи въ прошломъ новой государственности отъ натиска «варваровъ» слѣва? — Нѣтъ, ибо тогда не было бы обвиненія въ трезвенности, въ кунктаторствѣ. Передъ крестьянствомъ, которое лютою ненавистью ненавидитъ все и вся, что напоминаетъ коммуниста? Нѣтъ, ибо, во-первыхъ, всѣ эти ошибки центристскихъ элементовъ для него темная вода «во облацехъ небесныхъ», а, во-вторыхъ, «по отношенію къ распыленной, разсѣяной, атомистически-безсвязной деревенской Руси» руководящую роль будетъ «по прежнему играть городъ». А въ городѣ, конечно, пролетариатъ «самый сплоченный и отзывчивый элементъ населенія».

Задача и заключается въ томъ, чтобы, «загладить ошибки», очистившись отъ всѣхъ этихъ «правыхъ элементовъ», отъ всѣхъ политическихъ трезвенниковъ, то бишь государственниковъ — «вести самую упорную идейную борьбу съ большевиками за сердца и умы»... всѣхъ рабочихъ, скажете вы? Нѣтъ! Сама пролетарская масса «дезорганизована», но за то въ ней есть небольшой процентъ «упрямыхъ энтузіастовъ». Эти энтузіасты — «самые энергичные волевые, дѣйственные элементы, задающіе тонъ всѣмъ остальнымъ». Эти энтузіасты не дрогнули... они неизмѣнно становятся въ первыхъ рядахъ красныхъ бойцовъ за существующій режимъ». И, пока это такъ, «сплошь и рядомъ не будетъ подниматься рука на этотъ режимъ у многихъ такихъ элементовъ массы, которые всѣмъ своимъ существомъ и всей логикой положенія влекутся на борьбу противъ него».

Вотъ этихъ-то «красныхъ бойцовъ» необходимо во что бы то ни стало увлечь прочь отъ большевиковъ въ станъ очистившихся отъ всякія скверны «центристскихъ элементовъ социализма». Для нихъ нужно зажечь «новые маяки яркіе и ослѣпительные, а не дымящіяся головешки» старыхъ нашихъ лозунговъ. Но какіе новые маяки ослѣпительнѣе большевистскихъ

призывовъ осени 1917 года можно изобрѣсти? Что можно еще обѣщать «несбыточнѣе», «огненнѣе», «революціоннѣе»? — Ничего.

Поистинѣ, такая цѣль — овладѣть умами этихъ вѣрныхъ Ленину «красныхъ бойцовъ» — безсмысленныя мечтанія! Есть двѣ категоріи этихъ бойцовъ. Одни — безкорыстные идейные коммунисты, настоящіе фанатики пролетарской диктатуры въ ея нынѣшнемъ видѣ, вѣрящіе въ новое социалистическое Царствіе Божіе, уже осуществленное Ленинымъ на землѣ. Эти—погибнуть на боевыхъ постахъ, сгорять на кострахъ, но «отъ писанія» не откажутся. Въ этихъ обреченныхъ послѣдняя ставка московскихъ диктаторовъ, съ которыми они и погибнуть, если, конечно, во время не предадутъ. Никакіе чужіе маяки, хотя бы яркіе, какъ звѣзды небесныя, такихъ «бойцовъ» никуда не увлекутъ.

Есть еще другіе — просто властолюбивые, честолюбивые, первобытные классовики, Марковы-Валяй на изнанку. Имъ плевать на всѣ социализмы вмѣстѣ взятые, но имъ нравится быть «господами жизни». Имъ нравится, когда «за пролетарское происхожденіе» ихъ выпускаютъ на волю за то, за что «бывшихъ буржуевъ» и простыхъ крестьянъ разстрѣливаютъ. Это они комиссарствуютъ въ красной арміи и гонятъ во славу пролетарской диктатуры на убой мобилизованную «святую скотинку», согнанную съ разныхъ концовъ «распыленной деревенской Руси». Это они вмѣстѣ съ фанатиками коммунистами неистовствуютъ въ чрезвычайкахъ, но только тѣ безкорыстно, а эти и себя не забываютъ. Это они такъ же, какъ въ четвертой Государственной Думѣ Замысловскіе и Марковы, гогочутъ при разказахъ о пыткахъ и истязаніяхъ въ ленинскихъ застѣнкахъ. Этихъ тоже никакими новыми маяками не проймешь! Эти первобытные «классовики», такое же зло, такая же проказа для государства, для націи, какъ и отошедшіе въ вѣчность доблестные представители «объединенаго дворянства»!

Строить новые маяки для красныхъ бойцовъ-фанатиковъ безсмысленно, для Валяй-Марковыхъ отъ пролетаріата — постыдно! А если, какъ утверждаетъ «Революціонная Россія»,

существованіе преданныхъ большевистской диктатурѣ рабочихъ «держитъ въ сферѣ притяженія коммунизма многихъ идейныхъ людей изъ интеллигенціи, въ частности, изъ молодежи, которая, не можетъ жить безъ потрясающихъ утопій...», — то этимъ идейнымъ интеллигентамъ и молодымъ утопистамъ нужно, наконецъ, разъяснить, что слѣдуетъ служить идеямъ, а не создавать идоловъ, хотя бы они и назывались «рабочими и работницами»; что нужно быть не съ тѣми рабочими, которые разстрѣливаютъ и сажаютъ въ тюрьмы, а съ тѣми, которые этимъ операціямъ подвергаются. Пора этихъ юношей, гонящихся за «потрясающими утопіями», вернуть къ не менѣе потрясающей дѣйствительности, — захлебывающейся въ крови, гибнущей среди голода и нищеты, брошенной подъ пяту хищника иностранца, страны, которая и для этихъ юношей все-таки... Родина.

Неужели спасеніе и освобожденіе Россіи невозможно, пока не превратятся въ эсеровъ или меньшевиковъ послѣдніе «красные бойцы» Ленина, пока не выйдутъ вмѣстѣ съ ними «изъ сферы притяженія коммунизма» послѣдніе бородатые и безбородые утописты? Неужели для уловленія этихъ послѣднихъ могицанъ обреченнаго режима, нужно передъ кѣмъ-то заглаживать свои ошибки, приносить въ жертву свое единство?! Неужели для нихъ нужно отшвырнуть отъ себя свое прошлое, всю традицію Великой Революціи, какъ дымящіяся головешки и возжечь новые маяки изъ перепѣвовъ большевистской демагогіи?!

Нѣтъ, пусть назовутъ меня «варваромъ» и трижды предадутъ отлученію, я останусь у старыхъ маяковъ, къ которымъ еще вернется Россія.

А. Керенскій.

КУЛЬТУРА и ЖИЗНЬ.

ПО ПЕРЕПИСИ.

(Изъ записокъ совѣтскаго статистика.)*)

Я совершенно разувѣрился въ смыслъ и полезности моей работы. Я видѣлъ, что ничего иного, кромѣ каталія изъ деревни въ деревню на крестьянскихъ лошадицъ, изъ всей моей «инструкция» не выйдетъ. Я видѣлъ, что я обманщикъ, посланный обманщиками для того, чтобы превратить въ обманщиковъ другихъ, и что въ результатѣ всего этого получится грандіозный всероссійскій обманъ, имомумый «итогами переписи», на основаніи которыхъ люди будутъ обманывать себя и другихъ, и такъ до безконечности. Я готовъ былъ каждую минуту бросить все, сѣсть на первую подводку, прикатить къ началъству своему и сказать: берите меня, вѣдите меня, только я больше не могу и больше не хочу участвовать въ этой скверной комедіи...

*) См. „Соврем. Записки“, №№ 6, 7, 8.

Но я этого не дѣлалъ и я этого не гонорилъ. Потому что меня захватили зубчатыя, шестерни, приводные ремни совѣтскаго механизма, и пельзя было выскочить, вырваться изъ этого проклятаго круга. Потому что только въ кругу этого обмана я имѣлъ право жить, дышать, ходить по улицамъ, принимать пищу и вообще быть. Вънѣ этого круга я исчезалъ, превращался въ ничто, превращался въ неприниманную душу, которой гдѣтъ мѣста на землѣ.

Я самъ полѣзъ въ этотъ кругъ, я избралъ этотъ кругъ, другіе избрали другой. Но, разъ включенный въ его систему, я уже принадлежалъ не себѣ. Я былъ «статистикъ», «инструкторъ по переписи», только «статистикъ», только «инструкторъ», какъ бревно есть только бревно, и камень есть только камень. И, переставши существовать,

какъ «инструкторъ», я переста-
валъ существовать вообще. А
такъ какъ я хотѣлъ быть, су-
ществовать, жить, то я долженъ
былъ, не могъ иначе быть, су-
ществовать, жить, какъ только
въ качествѣ «статистика».

И поэтому вновь и вновь при-
ходилъ въ «волость», просилъ
лошадой, слышалъ, какъ «сред-
сѣдатель» ругается съ мужика-
ми, видѣлъ какъ мужики искося
на меня поглядываютъ, мед-
ленно, нарочно затигивая отъ-
ѣздъ, кормятъ лошадей, пере-
вязываютъ поревочками въ раз-
ныхъ мѣстахъ сбрую, ходить
«до вѣтру» и т. д.

* * *

Начальство расходится. Я
остаюсь одинъ съ возницей.
Безъ начальства мужикъ ласко-
вѣ. Онъ больше меня не «са-
ботируетъ». Онъ готовъ загово-
рить со мною. Только сначала
надо закурить.

Закуриваемъ.

Хорошо! Ласковое утреннее
солнце. Тянуть прокладой отъ
рѣки. Ласковый синій куполь
тошо хочетъ накрыть насъ,
опуститься на насъ волшеб-
нымъ покровомъ. Мы подъ
нимъ одни. Лаазурь его — точ-
но стѣны, отдѣляющія насъ отъ
міра зла и неправды. Намъ не
душно подъ куполомъ. Намъ
просторно. Кругомъ все наше.
Волшебный дворецъ изъ одной
большой, большой залы. Стѣны
бирюзовые. Вверху — высоко,
высоко одно окно. Огромное. Это

солнце. Оно такъ называется —
Солнце. Если научиться смот-
рѣть долго-долго прямо въ это
окно, то можно черезъ него уви-
дѣть міръ, еще болѣе прекрас-
ный, чѣмъ пальъ волшебный
дворецъ. Еще не научились. Но
научимся.

Я не «статистикъ». Это я за-
стѣнами, «тамъ» былъ стати-
стикомъ. Но насъ накрылъ си-
ній куполь и отдѣлилъ насъ
отъ «того». Я здѣсь не стати-
стикъ. Я здѣсь человекъ. Я
такъ и называюсь — Человекъ.
И мой возница тоже не «возни-
ца» и не «мужикъ». Это онъ
тамъ былъ «обывательской
подводой», «мужикомъ». Здѣсь
онъ тоже — Человекъ. Я чув-
ствую ясно — онъ братъ мой.
Онъ, кажется, тоже чувствуетъ,
что я братъ ему.

Съ нами еще лошадка. Такая
худешкая, маленькая. Кожа по
ребрышкамъ ходитъ, такъ и хо-
дитъ. И вся лошадка такая не-
селаи. Только одинъ глазъ та-
кой грустный. Слѣпой.. Со-
всѣмъ почти бѣлый. Смотритъ
на насъ и ничего не видитъ. И
всего боится. Хотеть бѣлый
спрятаться въ вѣкахъ, только
вѣки не прячутъ его. Не могутъ.
И отъ того онъ такой грустный.
«Бревномъ по самому глазу са-
данули, ироды» — говоритъ че-
ловѣкъ. Но это было «тамъ».
Тамъ — ироды. Зато другой
глазъ веселый, влажный и вѣ-
сть отъ него тепломъ.

Лошадка заиграва въ коло-
кольчикъ.

— Поѣхали? — сказалъ чело-
вѣкъ.

— Поѣхали! — сказалъ я.

Пѣтухъ отскочилъ изъ-подъ погъ лошади въ сторону, что-то недовольное на своемъ языкеъ сказалъ, вобралъ въ животъ одну ногу и проводилъ насъ взглядомъ важнымъ и сердитымъ.

Онъ еще глухой, и ничего не понимаетъ.

* * *

Едва мы отъѣхали версты полторы отъ «волости», какъ начался рядъ приключеній. Мы лихо поднялись на горку и лошадь застучала копытами по бревенчатому мостику. Но едва раздался этотъ стукъ, какъ мой возница круто остановился, спрыгнулъ, чѣмъ-то сильно встревоженный.

— Эхъ, чертъ, я и забылъ...

Оказалось, что онъ забылъ, прежде чѣмъ вѣхаться на мостъ, посмотрѣть, лежатъ ли поперечныя бревна столь близко другъ къ другу, чтобы лошадь не пошла погами въ широкія прорѣхи. И хорошо, что онъ вспомнилъ во-время. Иначе разбились бы мы все, а лошадь бы просто искалѣчила, такъ какъ прорѣхи оказались въ нѣсколькихъ мѣстахъ шириною въ четверть аршина и болѣе. Замѣтно было, что бревна утащили, и утащили совсѣмъ недавно. Лежали остальные, ничѣмъ не прикрепленные, и были они свѣжя, мало объѣзженные. Мы стали сдвигать бревна такъ, что вмѣсто двухъ трехъ большихъ прорѣхъ образовались равномѣрныя, но меньшія прорѣхи

по всей поверхности моста. Не исполнѣ увѣренный въ томъ, достаточно ли мы обезпечены впереди, я позади лошади выгасилъ два бревна и сгустилъ переднюю настилку.

— Правильно, — одобрилъ меня возница, лукаво посматривая на широкую и безусловно опасную щель, образовавшуюся въ началѣ моста, благодаря моимъ стараніямъ.

Мы выгасили хвостъ, и вся забота состояла въ томъ, чтобы носъ не увязъ. Другіе проѣзжающіе пусть перекадываютъ бревна по своему. Намъ какое дѣло? Медленно повелъ возница лошадь, ноги которой скользили по круглымъ бревнамъ, крутившимся какъ катки. Казалось, вотъ вотъ лошадь оступится и попадетъ ногою въ пустое пространство. Но все шло благополучно. Лошадь по видимому уже привыкла къ этой аквилибристикѣ. Возница тоже привыкъ. Вообще, все къ всему привыкли.

— Почему же гвоздями не прибить? — спросилъ я.

— Гвоздями? Гвозди въ цѣнѣ! Гвоздь бревна дороже. Металль!

— Что же, что металлъ?

— Металль? Не понимаешь?

— Чего тутъ понимать?

— А то, что ежели праведнику въ гробъ гвоздя не дадутъ, то живому вору и подавно.

— Почему же вору? Гвозди всемъ на пользу пойдетъ.

— На всехъ воровъ гвоздей не хватить. Всемъ польза, кому же вредъ?

— Почему же обязательно долженъ быть вредъ? — возразилъ я.

— Обязательна, — заявилъ онъ тономъ, показывающимъ что дискуссія кончена и вопросъ исчерпанъ.

Дальше 3—4 версты ѣхали молча и вполне благополучно. Но, завернувши вправо отъ мѣста, гдѣ дорога разливалась на два ручья, мы услышали позади себя отчаянные крики.

— Стой! стой! стой!..

Насъ охватилъ страхъ и инстинктивно ямщикъ и лошадь понесли впередъ еще быстрѣе. Тутъ однако прогремѣлъ выстрѣлъ. Мы остановились. Обернувшись, я увидѣлъ, что къ намъ ѣхитъ человекъ съ кнутомъ въ рукахъ. Когда онъ приблизился, я замѣтилъ на его лицѣ смертельный страхъ.

— Что такое?

— Сѣрники потерялы, — отвѣтилъ онъ, еле дыша.

Я схватился за карманъ.

— Та не вы потерялы, а оны — заволновался онъ.

— Кто же оны?

— Ай, Боже мой, та говорю же вамъ: оны — я, едѣлавъ страшное лицо, прибавилъ: комиссары, — и еще болѣе таинственно: — пьяны.

— Такъ что же вы отъ насъ хотите?

— Ахъ, Боже мой, сказалъ онъ въ полномъ отчаяніи — та сказалъ же вамъ — стрѣляютъ, мордуются. Увидѣлы, что тютонъ курите, сказали: бѣги, и чтобы были спички и по чубу

рукой... такъ будьте ласковы, дайте!

Какъ мнѣ не жалко было разставаться со спичками, я отдалъ ему коробку, оставивъ себѣ нѣсколько штукъ и ободравъ одну зажигающую поверхность.

Онъ побѣжалъ назадъ. Но тутъ вновь раздался выстрѣлъ. Онъ присѣлъ на корточки и, выждавъ мгновеніе, пустился дальше къ развѣтвленію дороги, гдѣ я замѣтилъ по дымку выстрѣла группу людей въ темнотѣ.

Было противно, и какъ то стыдно стало передъ моимъ женщицей. Можеть быть онъ этого и не думалъ, но мнѣ казалось, что онъ можеть подумать, что тѣ, которые «мордуются» и я, который всегда старался быть въ пути тише воды, — все мы одного поля ягоды. Странно, я чувствовалъ себя отвѣтственнымъ за поведение этихъ пегодяевъ.

Треснули, рассыпались бирюзовыя стѣны нашего волшебнаго дворца. Мы не одни. Мы среди мордующихся, бѣснующихся. И я одинъ изъ нихъ. Только я бѣснуюсь «по переписи». Я оргализую всероссійскій обманъ, именуемый всероссійской переписью. Сколько необработанныхъ или не во-время обработанныхъ десятинъ земли падаетъ на меня, на мою инструкторскую гоньбу крестьянскихъ лошадей? Сколько страха, ненависти, недобрія, терзающихъ душу крестьянина, падаетъ на долю, мною двинутыхъ въ населеніе, дурацкихъ переписныхъ

бланковъ? Тѣ — пьяные негодяи и озорники, но вѣдь они обезпечили мнѣ всѣ удобства. Это не я, а они такъ устроили, что мужики даютъ мнѣ лошадей, людккладываютъ подъ снѣдѣнье побольше соломы, иногда даже угощаютъ меня. Вѣдь только потому я иногда встрѣчаю непонятный для меня радужный пріемъ, что тѣ — нынѣшніе негодяи — сдѣлали простое, поматорное, нехамское челоуѣческое слово рѣдкостью, которая вызываетъ умиленный откликъ измученныхъ людей. Имъ вѣдь я обязанъ тѣмъ, что въ первой же хатѣ мнѣ не раскрыли пополамъ черепъ. И всѣ мы — честные, добросовѣтные, культурные небольшеники на советской службѣ только имъ, морзавцамъ и насильникамъ, обязаны возможностью мирной «органической работы» невинныхъ божьихъ коровокъ.

Вотъ я сижу въ учетно-статистическомъ отдѣлѣ, гдѣ подъ моимъ руководствомъ веселенькія дочки загрузившихъ буржуевъ регистрируютъ и проверяютъ продовольственные карточки. Длинный хвостъ посѣтителей чего-то заваливался. Я выхожу въ залу и пропу гѣжливо:

— Господа, чѣмъ меньше будетъ шума и чѣмъ правильнѣе будете держать очередь, тѣмъ скорѣе вы освободитесь...

Очередь сразу замолкаетъ и вытягивается въ правильную линію. Но это не я сдѣлалъ. Это раньше меня сдѣлалъ швейцаръ, который всѣмъ входя-

щимъ грубиянилъ я лихо покрикивалъ: «въ очередь, товарищи, въ очередь! И не орать!». Но еще раньше швейцара это сдѣлалъ компродъ, который объявилъ, что всѣ, у кого будутъ обнаружены невадлежащія карточки, будутъ наказаны «по законамъ революціоннаго времени». Но еще раньше это сдѣлала Чека, которая показала, что такое «законы революціоннаго времени». И только потому, что Чека разстрѣляла сотни невинныхъ людей, я вѣжливѣе словомъ «Господа» успокоилъ и привелъ къ послушанію стадо двуногихъ барановъ, которые гриши мѣнять одни карточки, но которымъ ничего почти не давали, на другія, по которымъ давали еще меньше.

Это, впрочемъ, было хорошо, что стали выдавать меньше. Потому что по этому поводу 20 веселѣнкихъ дочекъ грустныхъ буржуевъ вычисляли по даннымъ имъ мною формуламъ калорій прежнія и калорій нынѣшнія и процентныя отношенія калорій нынѣшнихъ къ прежнимъ калоріямъ и процентныя отношенія прежнихъ калорій и нынѣшнихъ калорій къ калоріямъ мирнаго времени и процентныя отношенія нынѣшнихъ и прежнихъ калорій къ калоріямъ американскаго рабочаго, русскаго мужика и канадскаго фермера. А когда все это было готово, я написалъ объективный докладъ о калоріяхъ вообще, о калоріяхъ въ частности и о калоріяхъ въ особенности, при чемъ бласнулъ

кривой, въ которой было показано, что сегодня 1 калорія стоит гораздо дороже на вольномъ рынкѣ, чѣмъ вчера, а вчера она стояла гораздо дороже, чѣмъ недѣлю тому назадъ. При этомъ я незамѣтно вклеилъ въ эту кривую совершенно контръ-революционную мысль, вызвавшую восторгъ всѣмъ моимъ контръ-революціонныхъ сослуживцевъ. Великій контръ-революціонный глазъ могъ усмотрѣть изъ этой кривой, что послѣ прихода Деникина калорія стала въ 10 разъ дешевле. Общій выводъ моего доклада звучалъ ясно и смѣло: «Для нормальнаго питанія рабочаго, обезпечивающаго прогрессъ производства, вычисленное количество калорій является совершенно недостаточнымъ».

Я былъ очень доволенъ своей работой, а пріѣхавшій изъ Харькова рабочій инспекторъ, подавленный бездной моей статистической премудрости, горячо меня благодарилъ за докладъ, обещалъ позаботиться о томъ, чтобы не сократили штата подвѣдомственныхъ мнѣ барыгень, и на прощанье мнѣ сказалъ:

— Вотъ такіе работники, какъ вы, товарищъ, нужны советской Россіи.

Подъ влияніемъ душевной усталости, подъ мирный мягкій звонъ колокольчика я заснулъ. Я зналъ, что я сплю, и говорилъ себѣ: какъ хорошо, что я сплю, какъ хорошо. Вотъ вижу, какъ надъ головой лошади скачетъ ея правое ухо. Вправо, влѣво, вправо, влѣво... Какъ

заводной зайченкокъ: скокъ туда, скокъ сюда. Я все это вижу. Но я сплю. Какъ хорошо, что я сплю. Вѣдь правда же сплю. Вотъ колокольчикъ играетъ: дзинь-дзинь, дзинь-дзинь. Это потому такъ приятно, что я сплю. Боже, какъ хорошо...

— Сто-о-ой!

— Что такое?

— Ваши документы.

— Почему вы такъ кричите?

— спрашиваю я, лѣзу въ карманъ за документами.

— Николай, осмотри телѣгу.

— Подождите, я сойду, будетъ удобно искать.

Тотъ, кого зовутъ Николаемъ, останавливается.

— Сказано, осмотри телѣгу!

Соскочилъ. Показываю документы. Всѣ въ полномъ порядкѣ. Документы у меня — слава Богу. Первый сортъ! Сразу видно: произвели впечатлѣніе.

— Оружіе есть?

— Вы же видите, что у меня нѣтъ документа на оружіе.

— Извините, товарищъ.

— Пожалуйста.

Поѣхали дальше.

— Сколько еще до волости?

— спрашиваю ямщика.

— Теперь уже ничего не будетъ.

— Почему?

— Теперь мы въ деревнѣ. Эта армія только по дорогамъ гуляетъ.

— Ну, слава Богу.

— А вы не комиссаръ будете?

— Съ чего вы это взяли?

— Такъ... Бумагъ много показали. И торбу не смотрѣли. Они всегда торбу смотрятъ. Самое подозрѣніе — торба.

Я не зналъ, какъ разрушить этотъ силлогизмъ. Сказалъ про это:

— Нѣтъ, я не комиссаръ. Я служашій.

— А служащихъ не трогаютъ? — не удовлетворился моимъ отвѣтомъ ящикъ.

— Вотъ же видѣли, тронули...

— Торбу не тронули — повторилъ онъ.

— Я не видѣлъ. Можеть и торбу тронули.

— Я видѣлъ. Все на торбу смотрѣлъ. Не тронули, — убѣжденно сказалъ ящикъ.

Разговоръ сталъ тяжелымъ и неприятнымъ. Ящикъ, видимо, окончательно потерялъ довѣріе ко мнѣ.

— Такъ вѣдь этотъ, тотъ... другой въ телѣгѣ шарилъ зашепталъ я.

— Нѣ-этъ, невозмутимо отвѣтилъ ящикъ, превратившійся въ увлеченнаго наступленіемъ оппонента — онъ мою торбу смотрѣлъ, а вашу не тронулъ.

— Ну, значить, забылъ.

— Эхъ, не знаете ничего, — несожиданно заключилъ онъ.

Я попробовалъ его умягчить.

— Мнѣ что знать. Я человекъ маленький...

— Маленькій? — удивился онъ.

— Пошелъ на службу, чтобы въ солдаты не идти — вотъ и все.

— А нашихъ всѣхъ на мобилизацію забрали. Тоже не большіе.

Но тутъ уже я рѣшилъ перейти въ наступленіе.

— А эти, что искали, развѣ не ваши?

— Нѣтъ, это рязанскіе.

— Все равно, что рязанскіе, что херсонскіе.

— Нѣтъ, рязанскіе всѣ сволочи.

— Сволочи вездѣ много — попробовалъ я ему возразить.

Но ящикъ повилъ мое замѣчаніе, не какъ возраженіе, а какъ подтвержденіе своей мысли, и вяло произнесъ:

— Известно...

Стало скучно намъ обоимъ. Разговоръ какъ-то завялъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ баринъ. Комиссаръ — не комиссаръ, но человекъ съ завороженой отъ злыхъ духовъ торбой. На возлахъ сидѣлъ мужикъ, торбу котораго трясетъ всякій чортъ. Въ торбѣ мужицкой становится содержимаго все меньше. Куда это все уходитъ? Очевидно, въ торбу барина.

Но вѣдь въ моей торбѣ лежалъ не хлѣбъ и не сахаръ, а только переписанные бланки и инструкція...

Все равно: мою торбу наполнилъ мужикъ изъ своей торбы...

Господи, — когда же конецъ?

Скоро мы подъѣхали къ волости.

* * *

Когда я спросилъ, гдѣ можно найти завѣдывавшаго перепис-

нымъ участкомъ учителя, меня ввели въ комнату, гдѣ происходило какое-то засѣданіе. Въ концѣ стола сидѣлъ за бумагами учитель. Замѣтивъ меня, онъ привѣтливо улыбнулся, давая мимикой понять, что онъ занятъ, но что я могу остаться.

Шло засѣданіе «компезаможа» — комитета незаможныхъ сельчанъ. За столомъ съ отупѣвшими отъ напряженія своихъ умственныхъ способностей лицами сидѣло человекъ 15 «бѣдаѣйшихъ». Инструкторъ объяснилъ планы и намѣренія «земотдѣла». Я пробовалъ его слушать. Земотдѣлъ еще не приступилъ къ работѣ, потому что контръ-революція не дала возможности совѣтской власти сосредоточиться на положительныхъ задачахъ.

Слушать его дальше не хотѣлось. Ораторъ былъ молодой человекъ 22—23 лѣтъ, по виду рабочій, съ честнымъ, откровеннымъ лицомъ. Что онъ вѣрилъ въ то, что говорилъ, — въ этомъ не было никакого сомнѣнія. По тобы онъ понималъ то, что говорилъ, — этого не видно было. Онъ волновался, глоталъ слова, вставляя ни къ селу, ни къ городу: «само собой разрумѣется», смотрѣлъ въ какую-то брошюрку и видно было: дальше передовицы «Деревенской бѣдноты» его мысль не шла.

Учитель въ качествѣ секретаря записывалъ его рѣчь.

Когда онъ кончилъ, председатель — здоровый высокій мужикъ, весь выбитый, съ краснымъ лицомъ, всталъ и сказалъ:

— Поняли, товарищи? Значить, сначала революція, а потомъ земля. Потому что безъ революціи нѣтъ земли. Значить, кулакомъ по кулаку! — стукнулъ онъ кулакомъ по столу... Правильно?

— Правильно! Правильно! крикнули всѣ, за исключеніемъ одного несчастнаго, ободрапнаго, грязнаго мужичка-зайки, который, упершись на буквѣ «П», отчаянно моргалъ глазами, покуда ему удалось вырваться изъ тисковъ этого злосчастнаго звука и ужъ далеко послѣ всѣхъ присоединиться къ общему ликованію.

— П-п-правильна...

Сказавъ и такъ жалостно улыбнулся, смотря заискивающе въ глаза председателю.

— Товарищи! — взволнованно со счастливымъ лицомъ, сказалъ молодой инструкторъ, — если чтѣ кому непонятно было, можно задавать вопросы.

Сейчасъ же председатель изложилъ собранію то же самое, но болѣе внушительно, скорѣе въ тонѣ приказа.

— Каждый бѣднѣйшій крестьянинъ долженъ для полнаго понятія задать совѣтской власти вопросы.

— Правильно! — опять отвѣтили со всѣхъ сторонъ. Но никто вопросовъ совѣтской власти не задавалъ.

— Запишите въ протоколъ! — приказалъ председатель учителю.

Я сомнѣвался, зналъ ли учитель, что именно надо записать.

въ протоколъ. Но опъ что-то сталъ записывать. Мужики же послѣ этого стали расходиться. Позже я узналъ, что председатель всегда такъ заканчивалъ собранія: запишите въ протоколъ.

Мужики же знали, что послѣ этого можно расходиться. «Запишите въ протоколъ» означало что-то глубоко важное и официальное и должно было замѣнить другую важную фразу: «объявляю засѣданіе закрытымъ». Но, видимо, председатель чувствовалъ, что изъ всѣхъ зачатій, произносимыхъ первосвященниками на собраніяхъ, самое таинственное и могущественное, это: «Запишите въ протоколъ».

Когда собраніе разошлось, довольный и счастливый ораторъ, завладѣвъ учительскъ и ставъ съ нимъ провѣрять протоколъ. Не желая мѣнять ихъ вдохновенію, я сталъ разсматривать развѣшанныя по стѣнамъ картины. Нѣкоторыя изъ нихъ были выполнены очень педурпо. Другія были отвратительны, напоминая самый отвѣслющій лубокъ, гнусный по содержанію и по формѣ. Таковъ былъ лубокъ подъ названіемъ «Кулакомъ по лаку», гдѣ изображался стилизованно походъ бѣдности противъ деревенскихъ кулаковъ. Другая картина изображала процессъ «Як з хлѣбу зробити ситоць». Въ центрѣ находились какія-то машины и трансмисіи. Съ одной стороны одинъ селянинъ всыпалъ мѣшокъ зерна, а съ другой такой же въ

стилѣ малороссійской оперы мужикъ вытаскивалъ ситоць. Въ длинномъ текстѣ между прочимъ писалось:

«Ось и вийде діло так, як намальовано тута: в один кінець фабрики селянини всипує свій льшій хлѣб, а с другого кіпца фабрики до шово вилетить все, що треба йому».

Другая картина изображала селянина съ винтовкой за плечомъ и съ косою въ рукахъ за работой. На заднемъ планѣ — стройныя шеренги кошовъ. Подпись гласила:

«Запорука перемоги — всевобуч».

Эта подпись особенно была мнѣ памятна, такъ какъ въ тѣ часы, когда на службѣ абсолютно нечего было дѣлать и всѣ процентныя отношенія всего ко всему уже были вычислены, мой помощникъ папѣвалъ эти слова, смысла которыхъ никто не понималъ, на мотивъ еврейской пѣсенки:

Запорука перемоги
Всевобуч, всевобуч.

Тутъ же на противоположной сторонѣ висѣли святители русской церкви. Древнія потемнѣвшія иконы, привыкшія видѣть на стѣнѣ противъ себя высочайшіе манифесты, смотрѣли строго на картину, гдѣ мужики съ топорами и дубинами бросались на помѣщичій домъ, что должно было иллюстрировать ту мысль, что «мужичья правда с колюча».

Смотрѣли и, кажется, еще болѣе отъ этого зрѣлища темнѣли.

Когда учитель освободился от восторженнаго инструктора, мы вышли на улицу. На земья сидѣли «пезаможники», бывшіе на засѣданіи. Видимо отдыхали отъ умственнаго переутомленія. Мужичекъ-зайка валялъ дурака передъ ними. Старался перевернуться черезъ голову. Когда его ноги высоко поднимались въ воздухъ, одна штанина падала внизъ, обнаруживая спина, вздувшіяся жилы на грязномъ искарнальномъ или искусаанномъ тѣлѣ.

— Правильно! — кричали мужики.

— П-л-правильна — трепыхалъ нервически несчастный.

— Кто онъ такой? — спросилъ я учителя.

— Рабъ! — отвѣтилъ онъ кратко.

— Именно?

— Онъ въ роли юридиваго у председателя. Оба они «пезаможные». У председателя большой винный погребъ, тутъкъ 50 свиней, 5 коровъ, 4 лошади и работниковъ нанимасть. Первый кулакъ въ волости. У него одной сбруи на миллионы. Грабилъ уходящихъ добровольцевъ. Всѣ члены «комиссаможа» его крѣпостные. Ему спускаютъ все хозяйство, деньги у него занимаютъ. Пропадше мужики и нянницы. А онъ — командиръ босой команды. Его и председателемъ избрали. Штундистъ. Книжки читаетъ.

— А вы что дѣлаете въ «компезаможѣ»?

— Я — непремѣнный секретарь всѣхъ собраній. Узнали,

что хорошо записываю въ протоколъ, и тащутъ по всякому дѣлу.

— Ну, а переписчики у васъ подготовлены?

— Никакъ до сихъ поръ не удалось подготовить...

— Почему же? — у васъ времени достаточно было.

— Да у насъ тутъ кругомъ храмовые праздники. Гульба такая — пьянство. Переписчики всѣ говорятъ, что отъ «храма» больше получаютъ, чѣмъ отъ переписи. Крестыше поять, кормить въ эти дни. Кто на гитарѣ или на гармоніи играеть или на клиросѣ пѣть можетъ — собереть на зиму сала, капусты. Народъ, знаете, голодающій, а я нацѣлъ ими не печальничать. Я самъ не могу справиться. У меня жена больная, въ школѣ ремонтъ, по случаю театра, надо за пчелами посмотрѣть да еще тутъ засѣданія и въ кооперативѣ — какъ со всѣмъ справиться? Такъ для меня храмъ и пропадетъ.

И зналъ, что это все правда. И видѣлъ эти «храмы» — когда рѣжкою лилось вино, кругомъ пло чисто, изычское пситовство, набѣжали красноармейцы, портили бабъ, всякая выльза на пунтера, кой-кого на радостяхъ подкалывали и вся деревня точно изъ себя выходила. Въ это время размягченный мужикъ становился щедрымъ, и вел интеллигентская деревенская голь не могла, конечно, изучать «инструкціи», когда надо было премышлять.

Но что за чертовщина! Вѣдь я же ѣду по переписи...

— Завтра утромъ пожалуйте! соберите всѣхъ переписчиковъ. Нельзя же такъ...

— Хорошо, постараюсь, — такливо отвѣтилъ учитель.

* * *

Я разстался съ нимъ и сталъ бродить по окрестностямъ. Дошелъ до рѣки. На томъ берегу были люди. Какія-то маленькія фигурки. Это не такіе, какъ на этой сторонѣ. Это въ другомъ государствѣ. Тамъ хлѣбъ стоить 1 рубль фунтъ. Тамъ другое государство. Тамъ Россія, но тамъ другое государство. И какъ близко! Вотъ спустились къ водѣ двѣ лошади и стали пить. Какъ близко! Какъ это возможно, чтобы одно государство было такъ близко отъ другого? Это всегда такъ было?

Не понимаю. Тѣ лошади живутъ въ другомъ государствѣ. А я въ этомъ. Насъ раздѣляетъ Днѣстръ. Но почему онъ насъ раздѣляетъ, а не соединяетъ? А, да — тамъ румыны. Они не хотятъ, чтобы мы жили въ другомъ государствѣ. Болышевики тоже не хотятъ, чтобы мы жили въ другомъ государствѣ. И поэтому тѣ стрѣляютъ на берегу и эти стрѣляютъ на берегу. У каждого свой берегъ и каждый стрѣляетъ. Значитъ, не вода раздѣляетъ насъ, а огонь. Это очень опасно. Но вотъ я стою уже часъ на берегу и стою очень подозрительно. Я ясно

чувствую, что стою очень подозрительно. Но никто еще не стрѣлялъ. Вотъ сильно скакнуть — одна минута — и я въ другомъ государствѣ.

Вѣдь это такъ близко, невыносимо, мучительно близко. Вотъ вижу, какъ шевелятся на деревѣ, растущемъ въ другомъ государствѣ, листья. Это непонятно. Если это такъ близко, то почему я не тамъ? Ахъ, я и забылъ, что стрѣляютъ. Цѣлый часъ не стрѣляли, а какъ только взвѣюсъ — цѣлыхъ два государства начнутъ по мнѣ стрѣлять.

Какъ много стрѣльбы! Такъ много стали стрѣлять.. Дѣваться отъ стрѣльбы некуда. Хотелъ, чтобы стало тихо. Вотъ цѣлый часъ тихо. Неужели худо отъ этого кому-нибудь? Въ чемъ дѣло?

Вспомнилъ, вспомнилъ. Стояла въ городѣ тюрьма. Двадцать-тридцать шаговъ отъ рѣки. И въ окна видно было другое государство. Однажды со двора сбѣжалъ арестантъ и бросился къ рѣкѣ. Онъ не добѣжалъ. За нимъ выскочили люди которые стрѣляютъ на этомъ берегу, и такъ долго въ него стрѣляли, что попал. Онъ свалился. Тогда подбѣжали близко близко къ уапанему и стрѣляли еще лучше, такъ хорошо, что совѣмъ убили. До смерти добѣжалъ, а до рѣки не успѣлъ. На томъ берегу тоже должно быть собрались стрѣлять. Только не было по комъ. Здѣсь уже все дострѣляли.

Какъ много стрѣльбы?

Господи, сдѣлай такъ, чтобы было тихо. Развѣ Тебѣ не нравится, какъ здѣсь на берегу хорошо, свѣтло, чисто, тепло и тихо, тихо...?

* * *

На другое утро пошелъ къ учителю наставлять переписчиковъ. Но никакихъ переписчиковъ я у учителя не засталъ. Онъ мнѣ объяснилъ, что никого не удалось пайти, — всѣ разѣхались, кто куда. Нашелъ одного псаломщика, но его нельзя пригласить, такъ какъ онъ въ совсѣмъ неудобномъ видѣ. Учитель, впрочемъ, послалъ за нимъ еще разъ свою дѣвочку. Скоро явилась дѣвочка, взволнованная, перепуганная...

— Палочка!.. Страшный такой, пьяный. Не пойду, говорить. Ругается. Ударилъ по лицу Василису. Я, говорить, всю полицію знаю. Я, говорить...

— Ну, довольно, иди на дворъ — оборвалъ ее отецъ. Вотъ какой пародъ, — обратился онъ ко мнѣ. Безъ всякаго сознанія.

Я предложилъ учителю пойти со мной въ двѣ-три хаты для пробной переписи.

— Пойдемъ, отвѣтилъ онъ неохотно. Только время псеудобное.

— Посмотримъ.

Вышли. На улицѣ учитель остановился въ раздумьѣ.

— Пойдемъ въ первый попавшійся.

Зашли во дворъ. На отчаянный лай собакъ вышла старуха, оло передвигающая ноги.

— Матвѣй дома? — спросилъ учитель.

— Не вижу, кто это съ тобой?

— Это свой. А Матвѣй дома?

— Свой? Не вижу, совсѣмъ ничего не вижу.

— Да что ты, бабка, свой, говорю!

— Свой, говоришь?.. А вотъ собаки залаяли, думаю: что это, Господи, такъ лаютъ, точно не свой. Я всегда по собакамъ чую: свой или чужой.

— Да что ты собакамъ больше вѣры даешь, чѣмъ мнѣ.

— Что сказалъ? не слышу, повтори.

— Я про Матвѣя спрашиваю.

— А что надо?

— Дѣло есть.

— Дѣло?

— Дѣло.

— Такъ послѣ приходи. Самъ приходи.

— А Матвѣй же гдѣ?

— Поищи, милый, поищи. Въ сараѣ поищи.

Мы вошли въ сарай. Собаки не лаяли, но выли, плакали отъ душивной ихъ, но сдерживаемой злости. Матвѣя мы тамъ застали. Но, Боже, въ какомъ видѣ! Онъ лежалъ на снѣгъ недвижной грузной массой. Лицо было измазано.

Кругомъ было нехорошо. Двѣ собаки вошли векорѣ въ сарай. Увидѣвъ хозяина своего, радостно замахали хвостами. Осторожно стали подходить къ мѣсту, гдѣ лежала его голова,

и старательно все обчистили своими языками.

Меня стошнило.

— Ну, знаете, сказалъ я учителю, если въ вашемъ участкѣ дѣла будутъ идти такъ, какъ до сихъ поръ, то мы съ вами угодимъ въ чека.

— Что же я могу сдѣлать? — остановился онъ предо мною съ лицомъ, искаженнымъ страданіемъ. — Мое дѣло учить дѣтей. А я здѣсь прислуга за все. Въ кооперативѣ — учитель. Театръ — зовутъ учителя. Композаможъ — записываютъ въ протоколъ. Всякій прѣзжій начальникъ — зоветъ учителя. Я все сразу не могу. Живу, какъ нищій, подающимъ крестьянъ. Жалованья не даютъ. Получилъ паекъ — мазь для сапогъ. А у меня и сапогъ нѣтъ. Подарилъ предсѣдателю за пѣтуха. У меня больная жопа и двѣ дѣвочки. Надо за хозяйствомъ посмотреть. Свиныя сдохли. У меня пчелы. Надо посмотреть. Въ школѣ ремонтъ нуженъ. Вѣгаю, хлопочу, мучаюсь — проклятая жизнь! Пусть ташать въ чека. И жену пусть возьмутъ и дѣтей... Миѣ жизнь надоѣла. Я не учитель — я рабъ! Пусть подохнетъ корова, уйдутъ пчелы. Я имъ все объясню, всю правду скажу.

— Кому станете правду говорить?

— Я скажу. Я предводителю дворянства правду говорилъ. Я членъ партіи народныхъ социалстовъ.

— Товарищъ, будьте осторожны. Вы меня не знаете, и

не нужно такихъ словъ говорить.

— Я знаю, что кому надо говорить. Вы — человѣкъ честный.

— Почему вы знаете?

— Знаю.

— Ну, спасибо. Только надо все-таки къ переписи какъ-нибудь подготовиться.

— Приму все мѣры. Увидите, будетъ не хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Вотъ — повѣрте... Знаете, что? — спохватился онъ, я созову счетчиковъ къ предсѣдателю. Его боится. И кромѣ того, у него будетъ угощеніе. Буду ихъ держать, пока не выучатъ инструкціи наизусть. Предсѣдателя за столъ посажу, чтобы страху нагонялъ. На столъ поставимъ вино и сало. Предсѣдатель поставитъ. Онъ любитъ засѣданія. Покуда не скажутъ: «запишите въ протоколъ» — не отпустить.

Я мало вѣрилъ въ действительность этого средства. Я гдѣ-то читалъ, что приблизительно такимъ образомъ дрессируютъ животныхъ, награждая ихъ сахаромъ послѣ исполненія труднаго номера. Я не вѣрилъ, чтобы можно было такимъ образомъ выдрессировать статистиковъ.

Я пожелалъ учителю успѣха и расстался съ нимъ. Онъ взволнованно трясъ мою руку.

— Спасибо, товарищъ, спасибо. Будьте покойны. Все сойдетъ хорошо. Не посрамлю. Увидите, не посрамлю.

Въ тотъ же день я рѣшилъ закончить поѣздку и вернулся въ уѣздный городъ.

* * *

Я сижу въ бюро и неотступно думаю о томъ, что Днѣстръ вотъ тутъ близко-близко, и берега другъ отъ друга — нѣсколько шаговъ. Я саботажникъ. Я форменный саботажникъ. Я не думаю о дѣлѣ. Я думаю о томъ, что Днѣстръ вотъ тутъ близко-близко. Я съ ума схожу отъ этой неотступной мысли.

Изъ Питера прѣзжаетъ инструкторъ по... музейному дѣлу. Онъ читаетъ лекціи въ гимназій и ставитъ тамъ музей. Онъ нашелъ какую-то церковь, въ которой имѣются старинной работы иконы. Онъ организуетъ туда экскурсію. Какой дѣятельный! Но я сразу вижу. Онъ одинъ изъ тѣхъ, изъ многихъ большихъ людей, безнадежно зараженныхъ... водолюбовью. Потому что здѣсь Днѣстръ и адѣсь близко сошлись два государства.

Вотъ прѣхаль изъ губернскаго города новый чиновникъ, замѣнившій стараго. Я съ нимъ встрѣчаюсь по дѣламъ службы. Онъ тоже необыкновенно дѣятельный. Завелъ у себя порядокъ. Строгъ. Но я знаю, я чувствую. Онъ тоже изъ этихъ, пораженныхъ водолюбовью. Онъ слишкомъ дѣловитъ и слишкомъ строгъ. Затѣмъ это?

Я вижу многихъ другихъ. Собрались лучшія силы сюда по близости къ водѣ. Неужели и на мнѣ это видно сразу, какъ я

это вижу на другихъ? Днемъ на людной улицѣ остановили меня агентъ че-ка. Посмотрѣлъ документы. Все въ порядкѣ.

— А я васъ гдѣ то встрѣчалъ, товарищъ.

— Не помню.

Ушелъ.

Нѣтъ, надо поменьше ходить по улицамъ. Здѣсь все кишитъ шпионами. И такъ близокъ Днѣстръ. Идешь по улицѣ и не можешь не смотрѣть въ его сторону. Сколько разъ давалъ себѣ слово сюда не смотрѣть...

Всегда смотрѣлъ.

Невыносимо!

Однажды днемъ ко мнѣ въ бюро забѣжалъ одинъ изъ этихъ, отравленныхъ.

— Черезъ полтора часа ѣдемъ. Вѣрные люди. Мы васъ ждемъ.

— Нѣтъ, не могу.

— Почему?

— Не могу...

Я не могъ. Потому что — саботажникъ, контръ-революціонеръ — я не могъ бросить все, не ликвидировавъ нѣкоторыхъ служебныхъ дѣлъ, не оставивъ въ ящикѣ бумагу. Притомъ вечеромъ у меня было засѣданіе съ представителями уфинотдѣла.

Я не поѣхалъ.

Въ ту ночь на томъ берегу пришедшій за мной виѣстѣ съ двумя другими были звѣрски убиты и ограблены.

Судьба меня спасла. Почему? Очевидно за заслуги передъ совѣтской властью...

* * *

Мы лежимъ въ канавкѣ, заросшей мелкими акаціями, между двумя полями кукурузы. Со мной мои вещи: портфель, а въ портфель рубашка и бритва. Все. Я держу портфель открытымъ. Чтобы все его содержимое было «имъ», моимъ спасителямъ, видно. Я имъ какъ бы говорю: смотрите, меня не надо убивать.

У нихъ въ рукахъ револьверы. Чуть послышится гдѣ шумъ, упадаетъ вѣтка — они тихонечко выполняютъ, держа на готовѣ оружіе. Они — я знаю — «идейные». Они перевозятъ пассажировъ. Зарабатываютъ на этомъ большія деньги и ведутъ на этомъ берегу агитацію. Иногда поджигаютъ совѣтское учрежденіе. Иногда забираютъ въ плѣнъ двухъ-трехъ большевиковъ. Иногда распространяютъ прокламаціи. Кажется, отъ Петлюры. Но я хочу, чтобы они знали, что меня не пужно убивать. Что меня не стоитъ убивать.

— Вы боитесь? — спрашиваютъ они меня ласково.

— Нѣтъ, чего бояться — лгу я.

— Не бойтесь насъ. Вотъ! — и они показываютъ мнѣ свое оружіе.

Они, какъ дѣти въ игрушку, влюблены въ свои револьверы.

Одинъ изъ нихъ подставляетъ револьверъ ко лбу другого.

— Брось, Васька!

— Убью, честное слово, убью!

— Ну, брось, не дури...

Васька строитъ страшную рожу.

Имъ весело. Мы лежимъ здѣсь уже шесть часовъ. Совсѣмъ

стемнѣло. Сыро. Когда же пойдёмъ туда, въ другое государство? Думаю, но не спрашиваю. Они все сами знаютъ. Они опытные. Они — «идейные»...

Всѣ мы устали. Тихо. Кажется мнѣ, что сплю. Что-то плачетъ во мнѣ, тихо стонетъ...

Россія, Россія...

Дремота тяжелой болѣзни. Гдѣ же я? Еще въ Россіи. Это — русская земля. Русское небо. Что же это я дѣлаю? Я покидаю Россію. Я дѣлаюсь эмигрантомъ.

Тихо. Такъ тихо, что, кажется, слышу прибрежный гѣбный лепетъ набѣгающей ряби. Стонетъ во мнѣ что-то, стонетъ, сердце сжимается.

Двадцать лѣтъ борьбы, страданій, думъ о Россіи. И въ концѣ — въ канавѣ съ Васькой и Митькой, которымъ, кажется, не надо меня грабить и убивать.

Большія аудиторіи, митинги, восторгъ, опьяненіе и одинъ въ канавкѣ съ Васькой и Митькой, которые, кажется, не хотятъ меня убивать...

Россія, Россія...

Но я не хочу назадъ, но хочу, не могу. Не хочу статистики, мази для салогъ, не хочу списковъ разстрѣлянныхъ и пайковъ, не хочу задыхаться среди смрадомъ дышащихъ.

Россія, почему ты меня оставила? Почему нѣтъ мнѣ мѣста на груди твоей? Почему отравой текутъ сосцы твои, и только змѣи могутъ припадать къ нимъ?

* * *

— Вы по боитесь? — зачѣмъ то спрашиваетъ меня Васька.

— Нѣтъ, чего же васъ бояться.

— Вы насъ не бойтесь. Вотъ! — показываетъ онъ мнѣ свой ноганъ.

* * *

На плоскодонкѣ мы посерединѣ рѣки.

Боже, какъ далеко отъ одного берега къ другому... Вся жизнь, полная надеждъ, мукъ и разочарованій, растилается между нами,

Россія, Россія...

В. И. Талинъ.

ГУМИЛЕВЪ.

Когда, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, былъ замученъ и убитъ Н. С. Гумилевъ, я не нашелъ въ себѣ силъ разсказать о поэтѣ: негодование и скорбь, чудовищность преступленія заглохли на время образъ его въ интимной простотѣ и трудовой его обыденности. Впрочемъ насоеъ и торжественность поэтического дѣланія не покидали его и въ быту каждодневномъ. Онъ не шагаль, а выступалъ истово, съ надменной и медлительной важностью; онъ не бесѣдовалъ, а нѣщалъ наставительно, ровно, безъ трепета сомнѣнія въ голосѣ. Мѣрой вещей была для него поэзія; вселенная — матеріаломъ для созданія образовъ. Музыка сферъ — прообразомъ стихотворной ритмики. Свое знаніе о поэзіи онъ считалъ точнымъ, окончательнымъ; онъ охотно искалъ твердыхъ и повелительныхъ формулъ, любилъ себя окружать учениками, подмастерьями поэтического цеха, и обучать ихъ

догмѣ стихотворнаго искусства. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ чрезвычайно окруженъ, молодежь тянулась къ нему со всѣхъ сторонъ, съ восхищеніемъ подчиняясь деспотизму молодого мастера, владѣющаго философскимъ камнемъ поэзіи. Въ «Красномъ Петроградѣ» сталъ онъ наставникомъ цѣлаго поколѣнія: университетъ и пролеткультъ равно слали ему прозелитовъ. Однако не отшлифованная съ педантизмомъ схемы Гумилева, не рецепты творчества, имъ преподаваемые, завоевали ему подобную власть надъ умами. Въ немъ чувствовалось всегда ровное напряженіе большой воли, создающей красоту, а сквозь маску педанта съ копическимъ черепомъ виденъ былъ юношескій пылъ души, цѣльной безъ щербинки и, во многомъ, ребячески-простой. У этого профессора поэзіи была душа мальчика, бѣгущаго въ мексиканскія панпасы, начитавшіе Густава Эма-

ра. Поэтъ-скиталецъ, поэтъ-па-ломникъ и явился къ намъ издалека; па обложкѣ первой его книжки, — если не считать предварительнаго, такъ сказать, поэтического опыта: «Пути Конквистадоровъ», — обозначенъ какъ мѣсто изданія Парижъ. Я былъ, помнитея, первымъ изъ русскихъ критиковъ, съ волненіемъ откликнувшихся на эти его «Романтическіе дѣты», потому что былъ озадаченъ и привлеченъ «необщимъ выраженіемъ» маленькаго сборника. Насквозь эклектичная книга, гдѣ на маломъ пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ страницъ сгрудились античность и экзотика, римскія галеры и каравеллы Кортеса, сновало многоголосое и разноцвѣтное, какъ въ Левантинскомъ порту, поселеніе образовъ, гдѣ русскій ямбъ то уподоблялся патетическому и взбудораженному александрийцу Виктора Гюго, то кованному насыщенному какъ афоризмъ стиху Эредиа, то легкой и вѣрской восьмисложной строкѣ Теофиля Готье. Гумилевъ показался мнѣ тогда «французскимъ поэтомъ на русскомъ языкѣ», царкосель-парижаниномъ, но уже въ самомъ характерѣ воспринятыхъ имъ воздѣйствій заключалась немалая новизна. Поколѣніе нашихъ символистовъ черпало импульсы изъ творчества «проклятыхъ поэтовъ», изъ демонической риторики Бодлера, тайнописи Маллармэ, текучаго, аморфнаго, музыкальнаго лиризма Поля Верлена, грандіоз-

наго бреда Верхарна. Юный Гумилевъ по внутренней необходимости обратился къ тѣмъ поэтамъ, для которыхъ «видимый міръ существуетъ». Тогдашній его «кругъ чтенія» предпрѣдлагаетъ поэтическую доктрину, вокругъ которой онъ сгруппируетъ впоследствии важную часть молодыхъ стихотворцевъ нашихъ. Такъ готовится петербургская пора его дѣятельности, отмѣченная сборниками: «Чужое Небо», и «Жемчуга», переводомъ «Эмалей и Камей» Теофиля Готье и критической работой въ «Аполлонѣ». Однако, труженичество и учительство этихъ лѣтъ, литературная борьба съ символистами не были плодомъ столичнаго писательскаго быта, кружковой обыденщины. Строй поэтической мысли Гумилева сложился на просторахъ африкадской пустыни, подъ мѣрныи шагъ каравановъ. Два путешествія въ Абиссинію, куда нѣкогда ушелъ отъ Европы и отъ поэзии гениальный юноша Артуръ Рэнбо, — до послѣднихъ дней жизни питали душу Гумилева воспоминаніями, образами, восторгомъ. Абиссинія его Эльдорадо, подобное тому, куда четыре вѣка тому назадъ стремились на крутобокихъ галонахъ конквистадоры, которыхъ не уставалъ во всю свою недолгую жизнь воспѣвать Гумилевъ. Пусть русскій поэтъ не искалъ, какъ испанскіе мореплаватели золотого края или таинственныхъ истоковъ Нила, та же мечта о безмѣрной, небывалой,

дѣйственной жизни, та же жажда волшебства, неутоленная воля къ дѣйствию руководила имъ.

И не меньше, чѣмъ изъ примѣра такихъ писателей, какъ Теофиль Готье или Рабле, изъ ночныхъ размышлений въ палаткѣ гдѣ-либо на плоскогоріи Харрара возникла поэтическая доктрина акмеизма, объединившая вокругъ Гумилева сонмъ молодыхъ поэтовъ: О. Мандельштама, Георгія Иванова, М. Зенкевича, другихъ еще.

Чѣмъ же былъ этотъ загадочный акмеизмъ, что притягивалъ упразднить и смѣнить русскій символизмъ, его идеологию, его методы иносказанія? Притѣмъ и утвержденіемъ зримого и осязаемаго міра, культомъ углубленной и усиленной конкретности, славословіемъ вещи и ея имени: слова. Омолодить міръ, увидѣть его словно впервые въ первоизданномъ его обликѣ, такова надежда. Самая же поэзія представлялась Гумилеву и его кругу не какъ плодъ прихотливыхъ вдохновеній, а какъ стихотворное ремесло, имѣющее свои законы и приемы, свой матеріалъ: слово въ его значеніи и его звучаніи, образности и ритмѣ; недаромъ группа его, въ которой участвовалъ тогда и вѣтренный, взбалмошный Сергій Городецкій, объединилась въ цехъ, гдѣ вокругъ мастеровъ сплотились ученики. Журналъ и издательство «Гиперборей» явились органами новаго поэтического упования; такъ возникъ первый

исключительно стихотворный журналъ.

Мнѣ донынѣ кажется лучшимъ памятникомъ этой поры въ жизни Гумилева безпѣнный переводъ «Эмалей и Камей», постигнѣ чудо превращенія въ обликъ любимаго имъ Готье. Нельзя представить, при коренной разницѣ въ стихосложеніи французскомъ и русскомъ, въ естественномъ ритмѣ и артикуляціи обоихъ языковъ, болѣе разительнаго впечатлѣнія тождественности обоихъ текстовъ. И не подумайте, что столь полной аналогіи возможно достигнуть лишь обдуманностью и совершенствомъ фактуры, выработанностью ремесла; тутъ нужно постиженіе болѣе глубокое, поэтическое братство съ исползаннымъ стихотворцемъ.

Наступила война, а съ пою для Гумилева военная страда. Войну онъ принялъ съ простою совершенной, съ прямолинейной горячностью. Онъ былъ, пожалуй, однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей въ Россіи, чью душу война застала въ наибольшей боевой готовности. Патриотизмъ его былъ столь же безоговороченъ, какъ безоблачно было его религиозное исповѣданіе. Я не видѣлъ человѣка, природѣ котораго было бы болѣе чуждо сомнѣніе, какъ совершенно, рѣдкостно, чуждъ былъ ему и юморъ. Умъ его, догматическій и упрямый, не вѣдалъ никакой двойственности.

Гумилевъ ушелъ на фронтъ гусаромъ, участвовалъ въ трагическомъ походѣ въ восточную

Пруссию, былъ раненъ, заслужилъ двухъ Георгиевъ, позже былъ направленъ во Францію; позже состоялъ здѣсь ординарцемъ при Комиссарѣ Временнаго Правительства; я встрѣтился съ нимъ вновь въ Россіи уже на исходѣ 1918 года.

Какъ раньше въ африканской пустынѣ, на конѣ, при винтовкѣ, Гумилевъ двигался по широкимъ просторамъ навстрѣчу неизвѣстности, навстрѣчу опасности. Его переживание войны было легкимъ, восторженнымъ; подвигъ былъ радостнымъ. Сборникъ «Колчанъ», памятка объ этой порѣ, свидѣтельствуетъ объ этомъ состояніи его души, просвѣтленномъ и экзальтированномъ. Онъ «земно кланяется сей священной войнѣ», но до чего онъ чуждъ кровавядному фалфаронству тыла! Нѣтъ, помнится, въ книгѣ ни единого слова о чужой крови, о чужой жизни, есть лишь готовность отдать свою. Нѣтъ врага, есть только воинъ, готовый претерпѣть и воспріять чинъ ангельскій.

Хоть и вышедшія въ свѣтъ въ дни большевистскаго владычества, послѣдующія три книги Гумилева сложились раньше; они продолжаютъ предшествовавшее безъ рѣзкихъ переломовъ.

Его «Костерь», послѣдовавшій за радостно-фаталистическимъ «Колчаномъ» перваго года войны, рисуется, какъ эпизодъ, довольно краткое и гиперמעцо. Душа, возвеличенная было жертвеннымъ «подвигомъ» солдата, вновь погружена въ ма-

ревоѣверныхъ тумановъ, въ чистилище смутныхъ кошмаровъ, надъ которыми лишь въ высотѣ сіяетъ воскрылье Серафимовъ (безконечно, искони любимый Гумилевымъ образъ).

Поэтъ самъ ощущаетъ «Костерь» какъ «зловѣщую ночныхъ видѣній тетрадь», томится въ своемъ гиперборейскомъ изгнаніи, ибо кто онъ, если не

. . . «Простой индѣецъ, задремавшій

Въ священный вечеръ у ручья?»

Таковъ, полный меланхолиі, а можетъ быть и чернаго предчувствія, интимный стержень этого цикла. Между тѣмъ Гумилевъ слылъ, да и сейчасъ слыветъ у многихъ парнасцевъ по поддержанію и формѣ, т.-е. безличнымъ и безразличнымъ нанизывателемъ отраженныхъ чувствованій, собирателемъ живописныхъ эпитетовъ и диковинныхъ звоновъ. Не можетъ быть большого заблужденія. Лиризмъ его — выраженію сокровенной и скрытой чувствительности; копечпо, онъ мастеръ и фанатикъ формы: но что есть поэзія, если не постиженіе міра черезъ образъ и звукъ? Потому то повторный, омертвѣлый образъ, подсказанный лишь памятью слуха или привычной ассоціаціей мыслей перестаетъ быть поэзіей. Но творческаа новизна образовъ Гумилова неподобна. Онъ твердо помнитъ, что

«Лишь дѣвственныя наименованія

Поэтамъ разрѣшаются отсель».

Магія поэтического воображенія въ томъ, — согласно «акмеистическому» воззрѣнію Гумилева, — что стихотворецъ словно въ первые вскидываетъ глаза на весь предметный міръ, — впервые какъ дикарскій мальчикъ Микъ въ африканской рошѣ.

Африканская поэма «Микъ» вся изложена рифмованными четырехстопными стихами, бодрыми путниками съ легкой покладой. Какъ описать мудрую дѣтскость этой эпикѣ, гдѣ радость отъ тривиальныхъ подробностей экзотическаго быта граничитъ съ жутью тропической чащи, Майнъ-Ридъ съ сѣдымъ миомомъ, гдѣ въ нѣдра дикарской преисподней нисходятъ отсвѣты христіанскаго рая?

Арабская сказка «Дитя Аллаха» возвеличиваетъ въ формѣ драматизированной притчи призваніе поэта. Здѣсь образъ Гафиза окруженъ цѣлымъ сонмомъ воспоминаній: фигурами «Тысячи и одной ночи», ужъ преломленными черезъ философскія сказки Вольтера, вѣяніями западнаго вѣтра, какъ онъ воспѣтъ въ «Дивалѣ» Гете, арабесками и эмалевой расцвѣткой персидскихъ миниатюръ. На всѣхъ этихъ пахучихъ травахъ настоялся ароматный фіалъ сказки Гумилева. Поэтъ далъ остротѣ его вывѣтриться, при его слегка потускнѣть прежде чѣмъ вручить его читателю.

«Дитя Аллаха» лучшее изъ осуществленнаго Гумилевымъ въ драматическомъ родѣ. Этому цѣльному человѣку не давалось

искусство масокъ; онъ не могъ расчленивъ и воплотить во множествѣ фигуръ бореніе своей души, ясной и невинной. Такъ его ненапечатанная еще, кажется, «Окровавленная тупика», задуманная въ духѣ Расиновыхъ «правильныхъ» трагедій, лишь цикль лирическихъ отступленийъ и вялыхъ діалоговъ. Его опыты, какъ драматурга — заблужденіе о самомъ себѣ, провышеніе данной ему власти.

Въ 18-мъ году мы встрѣтились въ издательствѣ «Всемирная литература»; на два слишкомъ года объединилъ насъ общій трудъ, безнадежный и парадоксальный трудъ пассажира духовной культуры запада на развалинахъ русской жизни. Кто испыталъ «культурную» работу въ Совдепѣ знаетъ всю горечь бесполезныхъ усилій, всю обреченность борьбы съ звѣриной враждою хозяевъ жизни, по все же этой великодушной иллюзіей мы жили въ эти годы, уповавъ, что Байронъ и Флоберъ, проникающіе въ массы хотя бы во славу большевистскаго «блѣффа», плодотворно потрясутъ не одну душу. *Я смогъ оцѣнить тогда обширность знаній Гумилева въ области европейской поэзіи, необыкновенную напряженность и добротность его работы, а особливо его педагогическій даръ. «Студія Всемирной литературы» была его главной камерой; здѣсь отчеканивалъ онъ правила своей поэтики, которымъ охотно придавалъ форму «заповѣдей», столь былъ увѣренъ въ

непререкаемости основъ, имъ провозглашенныхъ. Мы знаемъ поэтовъ мистиковъ, озаряемыхъ молніями интуиціи, послушныхъ голосамъ въ почвѣ. Таковъ былъ Блокъ. И какъ представить Блока преподавателемъ? Гумилевъ былъ по природѣ церковникомъ, ортодоксомъ поэзіи, какъ былъ онъ и христіаниномъ православнымъ. Но мистическій опытъ, а откровеніе поэзіи въ высокихъ образцахъ руководило имъ. Онъ естественно влекся къ закону, симметріи чиселъ, мѣрѣ; помнится, онъ принялся было составлять таблицы образовъ, энциклопедію метафоръ, гдѣ мненіи всѣхъ племенъ сосѣдствовали съ исторической легендой; такъ вотъ, сакраментальнымъ числомъ, ключемъ, было число 12 : 12 апостоловъ, 12 паладиновъ и т. д.

Въ общественномъ нашемъ быту, ограниченномъ засѣданіями редакціи, онъ съ чрезвычайной рѣзкостью и безстрашіемъ отстаивалъ достоинство писателя. Мечталъ даже во имя погранныхъ нашихъ прерогативъ и неотъемлемыхъ правъ духа апеллировать ко всѣмъ писателямъ Запада; ждалъ оттуда спасенья и защиты.

О политикѣ онъ, почти не говорилъ: разъ навсегда съ негодованіемъ и брезгливостью отвергнутый режимъ, какъ бы не существовалъ для него. Онъ дѣлалъ свое поэтическое дѣло и шелъ всюду, куда его звали: въ Балтфлотъ, въ Пролеткультъ, въ другія совѣтскія организаціи и клубы, названіе которыхъ я

запомнилъ. Помню, что одно время осуждалъ его за это. Но этотъ «железный человекъ», какъ называли мы его въ шутку, приносилъ и въ эти бурные аудиторіи свое поэтическое ученіе неизмѣненнымъ, свое осужденіе псевдо-пролетарской культурѣ высказывалъ съ откровенностью совершенной, а сплошь и рядомъ открывалъ безъ обиняковъ и свое патріотическое исповѣданіе. Разумѣется, Гумилевъ могъ пойти всюду, потому что вездѣ не потерялъ бы себя.

Въ послѣдній годъ онъ написалъ обширную космогоническую поэму «Драконъ», законченную ужъ не при мнѣ. Послѣ отъѣзда моего, Гумилевъ недолго пробылъ въ Петроградѣ; имъ овладѣло безпокойство, онъ уѣзжалъ на югъ, былъ арестованъ «за преступленіе по должности» (поэтъ!) и въ минувшее лѣто расстрѣлянъ заодно съ шестюдесятью жертвами. Такъ закончилъ жизнь стойкій человекъ, выдавшій въ поэзіи устремленіе къ «величію совершенной жизни». Удивляться ли тому, что его убили? Такіе люди несовмѣстимы съ режимомъ лицемерія и жестокости, съ методами растлѣнія душъ, царящими у большевиковъ. Вѣдь каждая юношеская душа, которую Гумилевъ отвоёвывалъ для поэзіи, была потеряна для совѣтскаго просвѣщенія.

У насъ, за границей, нѣтъ почти книгъ Гумилева. Собраніе его сочиненій, хотя бы избранныхъ, мнѣ кажется необходимымъ, на лицо лишь недавно вышедшій

въ Ригѣ сборникъ «Шатеръ»; это — часть задуманной Гумилевымъ «поэтической географіи», развернутой на любимой страницѣ: стихотворной картѣ Африки. Прочитавъ эту единственную доступную здѣсь книгу Гумилева, отдайте ее дѣтямъ Это — лучшее, что я могу сказать о пей; если же помогія и общія

черты жизни поэта, здѣсь изложенныя мною, приобрѣтутъ ему нѣсколько новыхъ, посмертныхъ друзей и оживятъ въ памяти тѣхъ, кто знавалъ его, образъ человѣка, котораго нельзя забывать, — цѣль этой слишкомъ краткой памятки достигнута.

Андрей Левинсонъ

АРМІЯ И РЕВОЛЮЦІЯ.

(Генералъ А. И. Деникинъ. Очерки русской смуты. Т. I, выпуски 1-ый и 2-ой изд. Поволоцкаго. Парижъ.)

Роль ген. Деникина въ событіяхъ революціонной эпохи слишкомъ значительна, чтобы появленіе въ свѣтъ перваго тома его «Очерковъ русской смуты» могло пройти незамѣченнымъ. Съ именемъ ген. Деникина связана наиболѣе серьезная попытка вооруженной борьбы противъ большевиковъ. Урокъ, котораго еще подлежитъ извлечь изъ крушенія ея, выходитъ далеко за предѣлы шаблонной формулы о неизбежности пораженія «реакціи» въ борьбѣ съ большевиками. Ибо помимо реакціи, дѣйствительно случившейся съ теченіемъ времени въ руководящихъ кругахъ Добровольческой Арміи, активную роль въ южно-русскомъ движеніи играли группы и съ иными, отнюдь не реакціонными социальными-политическими устремленіями —

извѣстные слои казачества и крестьянства, рядовое офицерство, часть общероссійской интеллигенціи. И фактъ, что не эти здоровые элементы, а реакціонные опредѣлили характеръ и конечную судьбу движенія, — самъ по себѣ способенъ навести на тревожныя размышленія.

Но судить о томъ, насколько вождемъ Добр. Арміи въ состояніи окажется дать объективную картину и безпристрастный анализъ южно-русской трагедіи, можно будетъ лишь по выходѣ всей предпринятой ген. Деникинымъ работы. Первый томъ «Очерковъ» посвященъ болѣе раннему періоду, событіямъ отъ февраля по октябрь 1917 г.

Задуманы «Очерки» весьма широко. Они заключаютъ въ себѣ не только личныя воспо-

минація автора, но и попытку освѣтить событія революціи съ нѣкоторой болѣе общей точки зрѣнія. Разрѣшены объ эти задачи далеко не съ одинаковымъ успѣхомъ. Тамъ, гдѣ авторъ передаетъ лично имъ пережитое и непосредственно ему извѣстное, «Очерки» представляютъ исключительный интересъ; огромное знание среды, наряду съ искренностью и прямой сужденія, живое изложение, яркія и образныя характеристики составляютъ бесспорныя достоинства тѣхъ главъ, которыя посвящены теченію революціи въ арміи, на фронтѣ. Напротивъ того, поверхностны, неоригинальны и неубѣдительно критическіе экскурсы Деникина въ области политическихъ и социальныхъ отношеній революціонной эпохи; выдавая осведомленность изъ вторыхъ рукъ, обнаруживая предвзятость и отсутствіе исторической перспективы, они представляютъ интересъ развѣ только для характеристики самого автора.

Разумѣется, вся книга Деникина — суровый обвинительный актъ противъ т. н. «революціонной демократіи». Она, и только она одна отвѣтственна за крушеніе государства, за «растлѣніе и гибель» арміи. Сравнительно сдержанный тонъ, которымъ, кстати сказать, трудъ Деникина выгодно отличается отъ книгъ Наживина и др. обличителей революціи, не ослабляетъ, а лишь усиливаетъ

серьезный характеръ обвинения.

Причина катастрофы 1917 г. — въ «отсутствіи идеи государства и любви къ родинѣ» у лѣвыхъ партій, въ «слабости власти Временнаго Правительства», — такова незамысловатая философско-историческая концепція ген. Деникина. Она не оригинальна и не нова; она популярна, отвѣчая всеобщей потребности въ простѣйшей формулѣ, перелагающей къ тому же общую отвѣтственность на опредѣленные группы, на отдѣльных лицъ, на «Керенскаго», наконецъ; сознательно эта формула культивируется извѣстными кругами, какъ орудіе политической борьбы спеціально съ социалистическими партіями.

Что умѣренные социалистическія партія, выдвинутыя мартовской революціей на авансцену, оказались не на высотѣ вынавшей имъ на долю исторической задачи, оспаривать это значило бы отрицать очевидность, историческіе факты. Съ какой ясностью теперь, заднимъ числомъ, видны ошибки и недостатки круговъ, пытавшихся въ 1917 г. руководить событиями; неспособность осмыслить совершающееся и предвидѣть будущее, найти опору въ народныхъ массахъ, отсутствіе твердой линіи поведенія, сознательно проводимой среди революціоннаго хаоса, парализовать воли передъ грозной опасностью. Списокъ великихъ

и малыхъ недостатковъ, вольныхъ и невольныхъ грѣховъ «революціонной демократіи» могъ бы быть длиннѣе; и небольшое утѣшеніе въ томъ, что и другіе, въ частности тѣ, кто сейчасъ козломъ отпущенія за все дѣлаютъ «с-ровско-меньшевиетскій блокъ», не оказались ни въ 1917 г., ни позднѣе пропница-тольнѣе, сильнѣе и — удачливѣе... Но отъ автора историческаго труда, при оцѣнкѣ событий прошлаго, естественно, казалось бы, ожидать соблюденія необходимой исторической перспектivy. Отъ событий роковаго семнадцатаго года насъ уже отдѣляетъ значительный, если не по числу лѣтъ, то по богатству опыта, периодъ времени; многое, вмѣнявшееся въ свое время тѣмъ или инымъ группамъ и политическимъ вождямъ, какъ результатъ сознательной ихъ дѣятельности и индивидуальных ихъ свойствъ, представляется въ настоящее время въ большей степени слѣдствіемъ стихійныхъ причинъ и роковаго стеченія обстоятельствъ.

Можно ли теперь «слабость» Врем. Правительства и подерживавшаго его блока партій разсматривать какъ первопричину катастрофы 1917 г.? Но очевидно ли въ настоящее время, что, наоборотъ, эта мнимая причина была лишь однимъ изъ частныхъ слѣдствій или симптомовъ какаго то роковаго внутренняго

идуга, обусловившаго государственннй и общественннй упадокъ Россіи? Приписывать крушеніе великаго тысячелѣтняго государства дѣйствио факторовъ или случайныхъ, или явно производныхъ, не значитъ ли въ концѣ концовъ, ничего не объяснить въ механизмѣ грандіозной катастрофы, нарушившей равновѣсіе всей міровой политической и экономическои системы?

Историкъ нашей революціонной эпохи должеиъ будетъ внести серьезныя поправки въ традиціонное представленіе о рѣшающемъ значеніи тѣхъ или иныхъ партій (даже большевиковъ!) для исхода второй русской революціи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ революціи, ея творцомъ былъ и остается народъ. Внутренніе процессы въ психикѣ народа, возбужденнаго отъ нѣковаго полусна испытаніями войны и потрясеніями небывалой революціи опредѣляли и опредѣляютъ въ конечномъ счетѣ судьбу правительствъ и самого государства; все политическія партіи, не исключая и «воловыхъ» большевиковъ, преусиѣваютъ лишь тогда, когда онѣ являются вольными или невольными исполнителями полубезсознательныхъ предначертаній, зрѣющихъ въ народной душѣ. Съ этой точки зрѣнія источникомъ слабости и причиной гибели Врем. Прав. было въ конечномъ счетѣ непріятіе народными массами той вои-

ной программы, которую, въ силу международных условій, вынуждено было оно проводить.

Генераль Деникинъ имѣлъ возможность въ 1918—1920 г.г. на югѣ Россіи создавать власть и армію, уже въ полной мѣрѣ учитывая печальный опытъ столь безоговорочно имъ осуждаемыхъ Врем. Правительствъ, лѣвыхъ и либеральныхъ партій. Онъ являлся неограниченнымъ правителемъ десятка богатѣйшихъ губерній съ сорока-миллионнымъ населеніемъ, онъ осуществлялъ ту прословутую военную диктатуру, отъ казъ которой въ 1917 г. будто бы погубилъ Россію, онъ опирался на круги, издавна монополизировавшие въ свое исключительное достояніе истинный патриотизмъ и государственный образъ мышленія. Не въ томъ ли заключается загадка его собственной «слабости», что онъ тоже не учелъ стихій, что въ хаосѣ «русской смуты» онъ не стумѣлъ разглядѣть историческій ликъ подлинной народной революціи? Но не является ли міру образецъ жалкаго банкротства въ организациіи жизнеспособнаго государственнаго строя и народнаго хозяйства и сверхдеспотическая власть большевиковъ? Разрѣшена ли вообще и послѣ Врем. Прав. въ Россіи проблема сильной государственной власти?

Ибо наличіе вождей съ сильными характерами не является

единственнымъ условіемъ успѣха власти въ революціонную эпоху, какъ не является признакомъ силы неограниченность ея произвола. Власть сильна въ положительномъ органическомъ смыслѣ слова, если она не только владѣетъ волей массъ, но и въ состояніи направить ее въ руссо создателяго процесса. Урокъ революцій другихъ народовъ учить, что этимъ условіемъ революціонная власть удовлетворяетъ тогда, когда, связавъ свою судьбу съ классами наиболѣе заинтересованными въ совершающемся переворотѣ, она сознательно или инстинктивно ставитъ себѣ цѣли, объективно осуществимыя, исторически необходимыя, достиженіе которыхъ способно закрѣпить новыя, созрѣвшія въ нѣдрахъ стараго строя, общественныя отношенія. Въ чемъ несчастіе русской революціи, почему ни въ одномъ изъ смѣнявшихся въ Россіи послѣ февраля 1917 г. правительствъ она не нашла орудія, адекватнаго ея исторической миссіи, — мы ближайшимъ образомъ еще не знаемъ, поскольку природа происходящихъ въ народной психикѣ процессовъ еще въ самой малой степени опредѣлена и изучена.

Въ этомъ противорѣчій видимому вновь вскрывается, уже не въ первый разъ въ русской исторіи, извѣчный трагическій разрывъ между культурными верхами и остальной массой народа.

Исторія революціонныхъ мѣсяцевъ на фронтѣ, развалу арміи и ея стихійной демобилизаціи передъ лицомъ врага посвящены наиболѣе яркія и патетическія страницы вышедшихъ выпусковъ книги Деникина. Тѣмъ очевиднѣе несостоятельность общей исторической концепціи автора; въ дебри неразрѣшимыхъ въ творчѣскаго заводитъ его стремленіе разсматривать и эти грандіозныя событія исключительно какъ результаты созпательной воли тѣхъ или иныхъ политическихъ группъ.

Разложение арміи есть каково дѣло «революціонной демократіи», утверждаетъ Деникинъ; пе большевиковъ только, по и тѣхъ социалистическихъ партій, которыя официально (— и лицемѣрно, добавляетъ онъ) провозгласили необходимость поддержанія боеспособности арміи для защиты родины отъ выпянаго врага. «Всѣ основныя лозунги, всѣ программы, тактика, инструкціи, руководства, положенныя въ основу «демократизаціи» арміи были разработаны военными секціями подпольныхъ социалистическихъ партій задолго до войны, внѣ давленія «стихиі», исходя изъ яснаго и холоднаго разсчета. Петроградскій Совѣтъ своимъ зловѣщимъ приказомъ № I, утреждавшимъ выборные солдатскіе комитеты, посылалъ рознь между солдатскою массою и офицерствомъ, лѣвыя партіи внесли политику въ армію, Ке-

ревскій издалиемъ «декларациіи правъ солдата» «вбилъ послѣдній гвоздь въ гробъ, уготованный для арміи».

Обвиненія — тяжкія. За исключеніемъ наивнаго апокрифа объ «инструціяхъ и лозунгахъ», заранѣе, еще до войны выработанныхъ конспираторами-заговорщиками, въ основу большинства этихъ обвиненій лежатъ историческіе факты, пусть тенденціозно освѣщенные, но не подлежащіе отрицанію. Военная политика, проводимая Петроградскимъ совѣтомъ отъ имени всей демократіи подъ идейной гегемоніей циммервальдцевъ, была основана на совершенно ложномъ и утопическомъ, какъ оказалось, разсчетѣ на энергичное выступленіе международнаго пролетаріата. Поскольку оборонческіе элементы, сильнѣе переживавшіе чувство національной тревоги и отвѣтственности, плелись тѣмъ не менѣе въ хвостѣ у циммервальцевъ, они также несутъ свою долю отвѣтственности. Обращенные же къ арміи «интернационалистскіе» и революціонныя лозунги совѣта, благодаря проявленію ихъ авторами полнѣйшему незнанію солдатской психологіи, преломлялись въ ней самымъ неожиданнымъ образомъ. Приказъ № I, по свидѣтельству В. Б. Станкевича, сыгралъ на фронтѣ роль «самую плачевную». И пусть неудачныя лозунги совѣта даже не столь являлись причиною разложения, сколь лишь

оформляли и давали морально-политическую санкцію уже происходившему процессу распада, — трудно сейчас, въ свѣтъ четырехлѣтняго опыта, безъ весьма тяжелаго чувства читать многое въ его деклараціяхъ, резолюціяхъ и приказахъ. Но для того, кто и въ отношеніи къ своимъ политическимъ врагамъ хотѣлъ бы сохранить объективность, не слѣдовало бы до такой степени упрощать историческую обстановку катастрофы 1917 г., игнорировать безысходность тогдашняго внѣшняго и внутренняго положенія Россіи, какъ это дѣлаетъ ген. Деникинъ.

О связи судьбы революціи и войны писалось уже много. Конечно, мартовская революція не бессмысленный военный бунтъ, какъ утверждаютъ тѣ, кто не хочетъ признавать давняго трагическаго противорѣчія между отжившимъ строемъ и потребностями развивающейся Россіи. Несчастливый ходъ затянувшейся войны лишь ускорилъ приходъ революціи, органически неизбѣжной; влияние внѣшняго фактора лишь нарушило быть можетъ болѣе естественное и гармоничное, при другихъ условіяхъ, развитіе событий. Непреодолимое стремленіе солдатскихъ массъ, — а быть можетъ и большинства русскаго народа, къ «миру во что бы то ни стало, какой угодно цѣной» предопредѣлило дальнѣйшій ходъ событий, ставя судьбу новаго демократическаго порядка

въ зависимость главнѣйшимъ образомъ отъ того, смогутъ ли пришедшія къ власти партіи свѣшно добиться окончанія войны. Теперь, когда многое тайное въ международной ситуациі 1917 г. стало явнымъ, мы легче можемъ опѣнить, были ли у Врем. Правительства шансы удержаться у власти, ускоривъ миръ на путяхъ, рекомендовавшихся въ свое время политическими группами справа и слѣва.

Доведеніе войны «до побѣднаго конца», какъ когда то говорилось? Для народа и арміи, слѣлавшихъ революцію, чтобы избавиться отъ невыносимой тяготы войны, этотъ выходъ былъ мыслимъ развѣ только въ видѣ еще одного послѣдняго, героическаго, но непродолжительнаго усилія, сопряженнаго съ огромнымъ рискомъ, что въ самый критическій моментъ остатка душевныхъ силъ не хватитъ; продолженіе же длительной и методической войны позиціонной, разумѣется было бы несущественно. Между тѣмъ, мы знаемъ теперь, что разгромъ Германіи силою оружія сталъ для союзной коалиціи объективно возможенъ лишь значительно позднѣе, послѣ того какъ Америка бросила на чашку вѣсовъ войны мощь своей экономической организаціи, техники и милліоны слѣжихъ солдатъ.

Разрывъ съ союзниками, сепаратное соглашеніе съ Германіей... да, этотъ выходъ,

быть может, отвѣчать острой тоскѣ народныхъ массъ во миру. Такою цѣною, Врем. Правительство могло выбить самое страшное оружіе изъ рукъ большевиковъ. Но путь предательства, спасая власть, не спасалъ Россію. Сепаратный миръ, говоря словами того же Деникина, привелъ бы лишь къ тому что «крованая игра перемѣшанными картами продолжалась бы, — но уже за счетъ Россіи». Такое убѣжденіе было всеобщимъ, — какъ всеобщей для солдательной части русскаго народа была моральная неприемлемость измѣны. Теперь, въ той удручающей атмосферѣ предательства, спескорыетія и лицемерія, который въ результатѣ «освободительной», «последней» войны воцарилась въ международныхъ отношеніяхъ вообще и въ отношеніяхъ большинства «союзниковъ» къ русскому народу въ частности, эта столь элементарная и естественная честность Россійскаго Правительства выглядитъ почти какъ сентиментальное донкихотство. Но тогда, въ 1917 г., лишь соплательно идя на гражданскую войну внутри страны могли большевики рѣшиться на сепаратный миръ съ Германіей.

Не менѣе ясно мы видимъ теперь, насколько въ международной обстановкѣ 1917 г. ничтожны были шансы политики, руководимой идеей всеобщаго мира по соглашенію, «мира безъ аннексій и контрибуцій», на языкѣ той эпохи. Она

не могла пойти дѣйствительнаго отълика ни въ правительственныхъ кругахъ обѣихъ враждующихъ коалицій, ни въ ихъ рабочемъ классѣ, на который вначалѣ возлагали столько надеждъ русскіе социалисты. Союзники и слышать не хотѣли о мирѣ по соглашенію, пугая демократію грозными послѣдствіями побѣды реакціоннаго германскаго милитаризма, — и въ тайнѣ готовясь сами осчастливить человѣчество «справедливымъ» Версальскимъ миромъ; традиціонно невѣжественные въ русскіхъ дѣлахъ, они требовали отъ русскаго народа лишь дальнѣйшихъ, уже непосильныхъ жертвъ, толкая Россію въ бѣдну. Представители же рабочаго класса Каппелль, Пепдерсонъ, Тома съ одной стороны, и Робертъ Гриммъ, съ другой, служили въ Россіи лишь послушнымъ орудіемъ спескорыетной политики делегировавшихъ ихъ правительствъ.

Такимъ образомъ, передъ Временнымъ Правительствомъ и поддерживавшими его партіями въ вопросѣ войны и мира опаздала безвыходный тупикъ. Оставалось, плывя по теченію событій, продолжать войну, исчерпывая послѣдніе матеріальные и моральные ресурсы русскаго народа, подъ нависшей и все болѣе реальной угрозой крушенія не только фронта, но и государства. Трудно сказать, насколько могъ отерочить развалъ арміи такой палліативъ, какъ значительное сокращеніе

ея за счетъ увольнонія старшихъ сроковъ, въ свое время выдвигавшееся также и по соображеніямъ экономическимъ, но... встрѣтившее энергичное противодѣйствіе со стороны высшаго команднаго состава, въ томъ числѣ и ген. Деникина. Между правительствомъ, проникнутымъ подлиннымъ патриотизмомъ, одушевленнымъ искреннимъ народолюбіемъ, и той народной массой, которая только и можетъ быть источникомъ силы демократической власти, стремительно углубилась, при содѣйствіи большевиковъ, пропасть взаимнаго непониманія. Стихійная катастрофа становилась рано или поздно неизбежной, торжество «партии похабнаго мира» — вопросомъ лишь времени.

Естественно, что въ арміи, на которую падала главная тяжесть войны, психологическіе процессы еще въ большей степени должны были опредѣляться въ зависимости отъ того или иного разрѣшенія «воспанаго», — этого основнаго, хотя и не единственнаго — противорѣчія мартовской революціи. Преходящій кризисъ арміи, неизбежный при рѣзкомъ измѣненіи политическаго строя, но въ иныхъ условіяхъ — цѣлительный, сдѣлался, съ утратой надеждъ на скорѣйшее окончаніе претялой и безцѣльной войны, исходнымъ пунктомъ для смертельнаго ея заболѣванія. Ошибки и преступленія отдѣльныхъ группъ или лицъ, социалистовъ ли, больше-

виковъ и монархистовъ, Врем. Правительства, Ставки или Совѣта, Керенскаго или Корнилова могли играть роль лишь второстепенную, лишь задерживая или ускоряя процессъ распада арміи, самъ по себѣ неизбежный при безысходности международнаго положенія и при глубокомъ упадкѣ душевной сопротивляемости русскаго народа. Наличие этихъ общихъ причинъ, разумѣется, не уничтожаетъ падающей на участниковъ событій 1917 г. отвѣтственности, поскольку детерминизму не мѣсто ни въ области личной морали, ни въ политикѣ: отъ суда исторіи не уйдетъ ни «революціонная демократія» съ Керенскимъ во главѣ, ни Ленинъ, ни Деникинъ. Но только объективный анализъ основныхъ внутреннихъ мотивовъ, двигавшихъ въ 1917 г. народными массами, способенъ внести общающую смыслъ, организовать въ логическое единство пеструю груду фактовъ, остающуюся безъ этого лишь хаосомъ, полнымъ необъяснимыхъ противорѣчій, безмысленной «смуты».

Такими противорѣчійми богата книга генерала Деникина, поскольку онъ, оставаясь на поверхности являющей, стремится трагедію русской арміи свести лишь къ злему умыслу однихъ «ацкигосударственныхъ» и къ безхарактерности и малодушію другихъ, — «охранительныхъ» элементовъ. Противорѣчива, прежде всего, позиція Деники-

на въ кардинальномъ вопросѣ: возможно ли и допустимо ли было армію не дѣлать причастной тому великому освободительному движенію, которымъ въ революціонные дни была охвачена весь остальной народъ. То онъ справедливо признаетъ, что, ввиду предстоящихъ выборовъ въ Учредительное Собраніе, «предотвратить вторженіе политики въ армію было абсолютно невозможно, какъ немыслимо остановить теченіе рѣки», — то заявляетъ: «революцію — приемлю всецѣло и безоговорочно, но революціонизированіе арміи... считаю гибельнымъ для страны», то, наконецъ, на июльскомъ совѣщаніи главнокомандующихъ категорически требуетъ «изъять политику изъ арміи».

Отрицать неоплохность «демократизаціи» арміи, мечтать о сохраненіи арміей неизмѣннымъ ея дореволюціоннаго уклада въ то время, какъ вся страна лихорадочно перестраивалась снизу доверху, — можно было лишь совершенно не отдавая себѣ отчета въ смыслѣ происходившихъ событий или нитая иллюзія о возможности сдѣлать армію орудіемъ борьбы противъ революціи. Могла ли десятимилионная армія, своими тыловыми частями растворенная въ населеніи городовъ всей Россіи оставаться въ потрясенной до основанія странѣ какимъ то инороднымъ тѣломъ, чуждымъ всѣмъ страстямъ революціонной эпохи?

Была ли уже наканунѣ революціи здорова и боеспособна армія, потерявшая вѣру въ свой высшій командный составъ съ его бездарностью и карьеризмомъ, армія, въ которой жестокость механической дисциплины — вплоть до оффициально введенныхъ тѣлесныхъ наказаній — не могла замѣнить одушевленія понятной для солдата идеи войны, въ которой хроническое голоданіе и безпадежность сидѣній въ окопахъ уже въ концѣ 1916 г. развили въ угрожающихъ размѣрахъ дезертирство?

На палитрѣ ген. Деникина нѣтъ яркихъ красокъ для характеристики порядковъ дореволюціонной арміи. Пройдемъ и мы мимо нихъ. Старая армія уже въ прошломъ, съ ея историческими заслугами и съ ея грѣхами. За послѣдніе уже приписано многое искупительныхъ и еще больше невинныхъ жертвъ. Армія была орудіемъ стараго режима. Могла ли она остаться чуждой язвѣмъ стрел, основаннаго на сословномъ неравенствѣ, на гражданскомъ безправіи? Деникинъ вынужденъ, самъ, правда, въ чрезвычайно выраженныхъ выраженіяхъ засвидѣтельствовать, что «несовѣтъ здоровая атмосфера въ арміи и флотѣ разъединяла два ихъ составныхъ элемента», признать «грѣхъ и русскаго офицерства, влззавшій противоположеніе барина—мужика, офицера — солдату».

Сознание необходимости реорганизации армии соответствовало духу времени, он правъ на участіе въ какихъ-то формахъ въ общегражданской жизни раздѣлялось въ началѣ революціи не только идеологами создателемъ массы изъ «революціонной демократіи», но и весьма политически умѣренными военными и штатскими кругами. Ген. Деникинъ самъ подсчитывалъ, что изъ сорока высшихъ чиновъ армии, он «мозга, души и воли» (главнокомандующіе фронтами, командующіе арміями и ихъ начальники штабовъ), всего лишь четыренадцать активно боролись со стихійной «демократизаціей» армии, несмотря на ея подчасъ жестокія и отталкивающія формы. Военный Совѣтъ, состоявшій изъ старшихъ генераловъ армии, солидаризировался съ реформаторскою дѣятельностью Врем. Правительства. Въ учрежденной Гучковымъ т. н. «Полицианской» Комиссіи для проведенія реформъ въ армии военные члены зачастую поддерживаютъ наиболее радикальныя предложенія; «въ засѣданіяхъ ее можно было услышать иногда протестующій голосъ гражданскихъ лицъ, предохраняющій отъ увлеченій, но военныхъ — почти никогда». Въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, гражданскія лица не отстаютъ отъ военныхъ. Военный министръ Гучковъ говоритъ делегатамъ отъ частей: «организуйтесь, какъ умѣете, пользуйтесь

существующими организаціями, работайте надъ общимъ единеніемъ». 30-го марта приказомъ Верховнаго Главнокомандующаго ген. Алексѣева санкціонируются комитеты ротные, полковые, дивизионные и армейскіе, а въ апрѣлѣ военный министръ Гучковъ значительно расширяетъ ихъ компетенцію какъ разъ въ наиболѣе цекотливой области, признавая за комитетами право «принимать законныя мѣры противъ злоупотребленій и превышеній власти должностными лицами своей части», а также право входить въ сношенія съ политическими партіями безъ всякаго ограниченія о посылкѣ въ части делегатовъ, ораторовъ и литературы для разъясненія программъ предъ выборами въ Учредительное Собраніе».

«Не признавая» для армии послѣдствій, вытекавшихъ изъ факта революціи, ген. Деникинъ остается въ поведеніи чуть ли не всего команднаго состава видѣть лишь «угодничество передъ революціонной демократіей», «честолюбивые замыслы», «безудержный оппортунизмъ», «преступное малодушіе» и пр. — Трудно, конечно, оспаривать инертную такую знаменитую военную среду, какъ ген. Деникинъ, но намъ все же кажется, что на отношеніе команднаго состава къ солдатскимъ организованнымъ сильнымъ карьернымъ соображеніямъ вліяло сознание ихъ необходимости въ революціонное время, и надежда черезъ

ихъ * посредствомъ поддерживать хоть какую нибудь дисциплину въ стихійно разваливающейся арміи. Пусть Деникинъ окажется правъ, сомнѣвался въ безкорыстїи мотивовъ Брусиловыхъ, Черисовыхъ, Верховскихъ, — но почему напр. и ближайшій единомышленникъ Деникина — ген. Марковъ съ такимъ увлеченїемъ работать первые мѣсяцы революціи въ всѣхъ комитетахъ совѣтахъ и слѣздахъ? Почему комитеты явились неотъемлемой принадлежностью даже такихъ благонадежныхъ частей, какъ Корниловскій ударный полкъ?

Волѣе убѣдительными поэтому намъ представляются объясненія В. В. Сташкевича (Воспоминанія), что «самъ командный составъ наставлялъ на созданіи комитетовъ, видя въ нихъ свое спасеніе. Комитеты въ арміи явились одновременно, подчасъ раньше, чѣмъ комитеты въ частяхъ Петрограда, всюду явочнымъ порядкомъ и въ большинствѣ случаевъ по инициативѣ команднаго состава. Они стали крупнѣйшей, неотъемлемой силой въ жизни арміи, прежде чѣмъ Петроградъ или ставка узнали объ ихъ существованіи». Упоминаетъ подобныя факты и ген. Деникинъ; напр. въ 6-ой арміи командующій ввелъ комитеты «въ самомъ началѣ революціи, когда еще никакіе совѣтскіе приказы не проникали на Румынскій фронтъ».

Явной натяжкой звучитъ объясненіе ген. Деникина, что къ содѣйствію комитетовъ командный составъ былъ вынужденъ обращаться только послѣ того, какъ своей агитаціей «революціонная демократія» разрушила дисциплину въ арміи. «Такъ какъ власти не стало, говорить оны — начальникамъ поневолѣ приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ комитетамъ.» Военная власть автоматически исчезла, распалась вмѣстѣ со старымъ строемъ въ первый же день революціи. Внезапный параличъ Ставки, возглавлявшейся могущественней армейскій аппаратъ, съ непрекословное подчиненіе кучкѣ петроградскихъ интеллигентовъ, были наиболѣе разительнымъ симитомомъ того, что разразившаяся революція дѣйствительно охватила всю страну, въ томъ числѣ и армію. Превжняя слѣдая дисциплина, механически связывавшая армію, безвозвратно рушилась въ моментъ переворота; лишь по инерціи, нѣсколько дни и часы могло еще сохраняться вибннее единство арміи. «Разрушать» армію не приходилось, если бы таковы были въ дѣйствительности намѣренія всѣхъ не-большинетскихъ лѣвыхъ партій, — ибо она уже было. Могла ли случиться существоющей, какъ единая организованная сила, армія, командный составъ которой за частую, по признанію того-же Деникина, ожидать съ минуты

на минуту своего ареста солдатами? Соціаллисты - оборонцы могли мечтать лишь о мѣрахъ, которыя, постепенно возстаивая атмосферу взаимнаго довѣрія между солдатской массой и офицерствомъ, подводили бы новый фундаментъ для дисциплины, давали бы новый импульсъ угасшему самопожертвованію. Отчасти стихійно возникающіе, отчасти сознательно организуемые солдатскіе комитеты должны были служить орудіемъ этой политики, ставившей себѣ цѣлью — поддержаніе боеспособности арміи для защиты страны.

Нѣтъ спора, эта тактика безусловно провалилась. Напервыхъ порахъ, армейскіе комитеты играють положительную роль, оказываютъ благотворное вліяніе на солдатскую массу. Ихъ заслуги вынуждаютъ отчасти признать даже такой принципиальный ихъ врагъ, какъ ген. Деникинъ: «комитеты, дѣйствительно, иногда вліяли умнротворяюще на разбушевавшихся солдатъ, вели борьбу съ дезертирствомъ, улаживали обостренныя отношенія между офицерами и солдатами, призвали къ исполненію приказовъ и вообще поддерживали внѣшня, по крайней мѣрѣ, подпорки зданія, начинавшаго давать трещины.» Но съ теченіемъ времени, въ зависимости отъ не разъ уже упоминавшихся выше общихъ причинъ, ускорившихъ распадъ всей страны, комитеты теряютъ власть надъ постепен-

но раскачивающейся стіхіей, а въ концѣ концовъ, съ пореходомъ вліянія къ нимъ отъ болѣе созпательныхъ и отвѣтственныхъ элементовъ къ крайнимъ, сами становятся орудіемъ дальнѣйшаго разложенія арміи.

Комитеты не были, какъ это думаетъ ген. Деникинъ, первопричиной, обусловившей гибель арміи. Имъ, какъ таковымъ, не присуще органически какое то изначальное - порочное, разрушительное начало; роль ихъ, какъ и совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, мѣняется въ зависимости отъ исторической обстановки. Тѣ же совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, подобныя русскимъ, были въ 1918 г. колыбелью германской свободы, лѣсами, подъ охраною которыхъ воздвигалось зданіе германской государственности; съѣздъ совѣтовъ въ декабрѣ 1918 г. не допустилъ срыва Учредительнаго Собранія, готовившагося слѣва спартаковцами; благодаря солдатскимъ комитетамъ оказалась возможной планомѣрная демобилизація германской арміи и въ частности въ относителномъ порядкѣ была произведена эвакуація Украины четырёхсоттысячной германской оккупационной арміей.

Положительное значеніе революціонно - политическія организаціи имѣли и въ первыя недѣли русской революціи, какъ единственный авторитетъ, поддерживавшій какой ни на есть порядокъ въ странѣ и нѣкото-

рую организованность въ арміи. И если позже они не только не приостанавливаютъ процесса всеобщей «большевизаціи», но сами вовлекаются въ ея процессъ и становятся ея орудіемъ, то въ этомъ отношеніи совѣты и комитеты не явятся исключеніемъ: ихъ судьбу раздѣляютъ и такія неспецифическія для русской революціи организаціи, какъ професіональныя союзы, а кое гдѣ и мѣстныя самоуправленія. Лишь вмѣстѣ съ прогрессирующимъ недугомъ самой арміи, солдатскіе комитеты становятся, по характеристикѣ Стапковича, «яркимъ выраженіемъ неизлечимой социологической болѣзни, признакомъ вѣрнаго ея умиранія.»

Что солдатскіе комитеты съ такими широкими полномочіями, какія установились на практикѣ, отчасти санкціонированной законодательствомъ Гучкова-Керенскаго, несомнѣнны съ нормальнымъ военскимъ строемъ и могутъ быть терпимы лишь въ переходный періодъ до реорганизациі арміи на здоровыхъ демократическихъ основаніяхъ, — въ признаніи этого сходились всѣ, независимо отъ политическихъ направленій. «Удержать армію отъ полнаго развала, выиграть время, дать разсосаться болѣзненному процессу, помочь окрѣпнуть здоровымъ элементамъ», — такъ впоследствии опредѣлялъ цѣль своей «согнашательской» тактики Гучковъ. Сознаніе, что армія

можетъ быть построена лишь на основѣ прищипительной дисциплины, на обязательности жертвы собою во имя высшихъ интересовъ государства крѣпло съ теченіемъ времени и въ руководящихъ кругахъ лѣвыхъ партій. Никто, не только въ воѣнпомѣ министерствъ, но быть можетъ, и въ средѣ самихъ комитетовъ, никогда не сомнѣвался, что вообще комитеты только зло», рассказываетъ Стапковичъ. Невозбѣжны въ первыхъ педѣли революціи, въ атмосферѣ остраго педовѣрія солдатской массы къ революціонной лояльности своего команднаго состава, они должны были постепенно отмирать, съ возстановленіемъ нормальныхъ взаимоотношеній въ арміи, очищенной отъ контр-революціонныхъ элементовъ. Вотъ какихъ характернымъ парадоксомъ опредѣлялъ свое отношеніе къ комитетамъ предсѣдатель комитета одной изъ армій, А. А. Вилосекій, позже погибшій отъ руки большевиковъ: «Задача нашего комитета — довести армію до такого состоянія, чтобы, по приказу командующаго арміей, любая часть арестовала безъ колебаній комитетъ. Тогда мы, дѣятели комитета, скажемъ: нашъ долгъ передъ родиной выполненъ.» (Стапковичъ «Воспоминанія»).

Это естественное явленіе изъ арміи вызванныхъ революціей временныхъ организацій могло происходить лишь постепенно и требовало большой вы

доржки и такта. Даже Деникинъ въ своей программѣ на июльскомъ совѣщаніи главнокомандующихъ видитъ нуть къ упраздненію комитетовъ лишь въ «постепенномъ измѣненіи функций послѣднихъ.»

Была ли возможна иная тактика? Кто можетъ утверждать, что неуспѣхъ ея зависѣлъ отъ неправомерности самого метода, а не отъ непреодолимости вѣршинъ арестившей?

Къ несчастью, для успѣй власти и партій судьба отпустила слишкомъ скупо сроки. Стромительный процессъ разрушенія арміи, разувѣрившейся въ томъ, что мартовская революція принесетъ ей миръ, оставляя далеко позади робкія попытки оздоровленія и вооспитанія ея. Столь остроотвѣтственное для темныхъ и озлобленныхъ людей объясненіе, что войну сознательно затягиваютъ «капиталисты, помѣшанки, и генералы» всецѣло овладѣвало солдатской массой. Выступленіе Корнилова, патріотическое по мотивамъ, но явно безумное по утопичности замысла и риску ужасными послѣдствіями при его неизбежной неудачѣ, нанесло послѣдній ударъ арміи и ускорило роковую развязку.

* * *

Роль элементовъ стихіи велика въ каждой революціи. Но ихъ преобладаніе надъ факторами сознательными тѣмъ значительнѣе, тѣмъ ниже уровень общаго развитія народа, тѣмъ менѣе дифференцированъ онъ

въ социальпо - политическомъ отношеніи, тѣмъ относительно незначительнѣе его культурный слой. Въ Россіи, гдѣ подавляющее большинство народа накануне революціи представляло собою безграмотную, лишенную какой-либо структуры и единства національнаго сознанія массу, роль иррациональных инстинктовъ, какъ мотива поведения массъ, должна быть особенно значительной. Возможность «руководить» событіями, при этихъ условіяхъ сама по себѣ ограниченная, для дѣятелей мартовской революціи еще болѣе служивалась той желѣзной зависимостью Россіи отъ международной обстановки, измѣнить которую было не въ ихъ власти.

Поскольку стихійный «отказъ отъ войны» былъ роковымъ для существованія правительства національной защиты, постольку отъ же главнымъ образомъ долженъ былъ предопредѣлить и ходъ событій въ арміи.

Не менѣе важенъ широкій подходъ къ оцѣнкѣ событій мартовской революціи и съ точки зрѣнія выводовъ на будущее.

Смнадцатый годъ былъ роковымъ не только для репутанціи тѣхъ или иныхъ партій и программъ. Онъ открылъ собою эпоху небывалаго еще по своей глубинѣ и всесторонности идеологическаго кризиса всей русской интеллигенціи. Нужно ли скрывать, что нервалъ въ

истории русской интеллигенции свободная, без опеки и помех власти, встреча со своим народом такими, каковы он есть в действительности, была жестоким ударом по обычной сентиментальной идеализации его: что непосредственное участие в государственной жизни впервые не в качестве безответственной оппозиции разрушило навзную вбру в универсальную примѣнимость замешванных в Зап. Европѣ «лижнихъ догматовъ»: что въ новомъ свѣтѣ предстала передъ нею цѣлность національнаго идеала и пр.

Критическая проверка емихъ основъ міросозерцанія, ил. свѣтѣ трагическихъ событий

последнихъ лѣтъ, а не сосредоточеніе вниманія на временномъ и случайномъ, — такова постоянная задача, стоящая передъ интеллигенціей. Можно ли смѣяться въ томъ, что настоящей кризисъ является не смертельнымъ, а благотельнымъ для лучшихъ традицій русской интеллигенции, — ея народолюбія, общественнаго идеала на основѣ соціальной справедливости и гармоническаго развитія свободной личности; что эти завѣты могутъ лишь выиграть въ своей жизненности отъ свденія ихъ съ высоты утопін и догматики на грѣшную землю реальной дѣйствительности.

В. Рудневъ.

АСТАРТА.

(Новое о Байронѣ.)

Кому нужны «сенсационныя разоблаченія», интимныя и тяжелыя подробности личной драмы давно ушедшихъ изъ жизни людей? Около ста лѣтъ тому назадъ умеръ Байронъ. Умерли взаимнымъ несчастьемъ связанныя женщины — ея сестра и жена. Нужно ли тревожить ихъ правъ «носмертной силецей»?

Но развѣ жизнь великихъ людей не такое же общественное достояніе, какъ ихъ произведенія? И не только потому, что біографія помогаетъ намъ въ пониманіи этихъ произведеній.

Нѣтъ! Самое интересное для человека — человекъ. Этого интересъ къ «человѣческому, слишкомъ человѣческому» не можетъ удовлетвориться ни узкимъ личнымъ опытомъ, ни одними художественными произведеніями. Въ насъ есть потребность ощущать, прикусить реальности, подлинности, котораго нѣтъ въ романахъ. Недаромъ жизнеописанія, письма и дневники — представляютъ самое интересное чтеніе, даже дневники ничѣмъ не выдающихся людей. У людей же одаренныхъ и, особенно, у людей

гениальных сама жизнь иногда построена по художественнымъ законамъ и является произведениемъ искусства. Описание такой жизни дастъ намъ художественное наслаждение, соединенное съ тѣмъ привкусомъ подлинности, о которомъ я говорилъ. Лордъ Байронъ былъ въ еще большей степени «гениомъ жизни», чѣмъ гениальнымъ писателемъ. Вѣроятно, такіе гени встрѣчаются чаще, чѣмъ это намъ кажется. По вѣдь только вопиѣ выявленная гениальная дѣятельность или творчество притягиваетъ къ нимъ вниманіе, дѣлаетъ ихъ жизнь замѣтной для людей. Надо, чтобы были такія жизни, проходящія какъ бы подъ стекломъ, открытыя для чужого взора. Надо, чтобы онѣ были извѣстны во всѣхъ, даже самыхъ интимныхъ деталяхъ. Нѣтъ ничего стыднаго въ томъ жадномъ волненіи съ которымъ мы читаемъ, напримѣръ, о послѣдней личной драмѣ Герцена. И, если въ этихъ жизньяхъ темно, какъ у Достоевскаго, или у Байрона — мы имѣемъ право объ этомъ знать...

Графъ Ловелесъ, впускъ Байрона, руководился въ своей книгѣ «Астарта»*) другими соображеніями. Для него Лордъ Байронъ не великій человѣкъ, а

великій преступникъ, для котораго наилучшимъ удѣломъ было бы молчаніе и забвеніе. Имъ двигало чувство долга по отношенію къ своей бабушкѣ, Леди Байронъ, да можетъ быть еще, подсознательное раздраженіе противъ Байрона.

Онъ очень странный человѣкъ — этотъ «впускъ сѣятельнаго дѣда», нынѣ уже умершій, чья книга благоговѣнно издана любящей рукой его вдовы. По видимому большой оригиналъ и чудакъ, съ острымъ и скептическимъ умомъ, особенно хорошо подмѣчающимъ въ людяхъ все дурное, человѣкъ литературно образованный, чьму свѣдѣтельство — масса цитатъ на всѣхъ языкахъ, но съ налетомъ старомодности, «старого воспитанія». Особенно поражаетъ въ немъ страстный темпераментъ, по видимому, наследственное достоинство всей семьи Байроновъ. Чтобы защитить честь бабушки этотъ впускъ яростно топчетъ въ грязь память дѣдушки. Рѣдкій случай своеобразной духовной неподкупности и самостоятельности. Обычно — потомки склонны особенно гордиться славою своихъ предковъ и удивительно, что, несмотря на славу Байрона, графъ Ловелесъ остался вѣренъ памяти своей несчастной бабки. Впрочемъ, въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, въ англійской аристократіи слава Байрона была дурная, слава, доставившая, можетъ быть, много непріятныхъ минутъ его вну-

*) *Astarte* by Ralph Carl of Lovelace Christophers. London 1921. Книга вышла еще въ 1905 году, но въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и на правахъ рукописи, и только теперь стала общимъ достояніемъ.

ку. Но былъ ли Байронъ для него, повывраженію Толстого, только «стыднымъ» родственникомъ?

Нельзя осуждать автора за то, что онъ возстанавливаеиъ честь лэди Байронъ посредствомъ тяжелой правды о Байронѣ. Хотя прошло столько времени и міръ пересталъ интересоваться и Лэди Байронъ и ея честию, но сказать правду никогда не поздно. Въ нѣкоторыхъ основныхъ чловѣческихъ правахъ нѣтъ различія ранговъ, все личности равноцѣнны и героически молчаливая всю жизнь, мало замѣчательная, несимпатичная женщина достойна того, чтобы была накопецъ сказана правда о ней даже къ большому ущербу для ея ослѣпительно блестящаго, гениальнаго мужа. Но то, какъ эта правда сказана — приходится рѣзко осудить. Графъ Ловеласъ пишетъ какъ современникъ, находящійся въ самомъ разгарѣ борьбы, не какъ историкъ, а какъ памфлетистъ. Муръ для него «ирландскій авантюристъ», другіе биографы — подкупленные прихлебатели, а милая и глупенькая графиня Гвиччіоли — какое-то исчадіе ада, «отвратительный инкубъ» Байрона, его дупившій. Самъ Байронъ для автора — порожденіе духа французской революціи, отрицатель государства и Бога, въ котораго, впрочемъ, и Ловеласъ едва ли вѣритъ. Привкусъ скептического консерватизма, самой худшей разновидности консерватизма, прони-

каетъ книгу. Все, что дѣлала лэди Байронъ для автора прекрасно; все въ сестрѣ Байрона Августѣ — живо и лицомѣрно. Но одного достоинства нельзя отрицать въ этой книгѣ: она доказательна. Отноительно любви Байрона къ своей единокровной сестрѣ Августѣ Ли (Leigh) даже у наиболѣе противнагося этой мысли читатели, увы, не остается никакихъ сомнѣній.

II.

Роковая судьба столкнула трехъ чловѣкъ. «Если бы на свѣтѣ было однимъ существомъ меньше — вся моя жизнь могла быть инокъ» писала съ жестокостью отчаянья лэди Байронъ. Имъ было тѣсно всѣмъ тремъ на свѣтѣ.

Сложная личность лорда Байрона хорошо извѣстна. Коснемся все же бѣгло одной стороны въ немъ, его отношенія къ женщинамъ. Гордый девизъ «Crede Viro» былъ справедливъ только въ примѣненіи къ одной полонинѣ чловѣческаго рода. Женщины, ему вѣрившія, сильно за это платились. По отношенію къ мужчинамъ онъ былъ прямо, благороденъ, рыцарствененъ, щедръ. Съ женщинами же онъ велъ въ жизни ту тѣжбу, которую впоследствии поднялъ въ литературѣ Августъ Стриндбергъ. Вся жизнь его прошла подъ знакомъ любви — ненави-

сти къ женщинамъ. «Это прекрасное блѣдное лицо-моя судьба» воскликнула увидя его истерическая Королина Ламбъ, колебавшая сумасшествиемъ. «Помни меня» написала она на книгѣ, пробравшись тайно въ кабинетъ бросившаго ее любовника. Онъ отвѣтилъ проклинающими строфами:... «Пусть позоръ и раскаянныя преслѣдуютъ тебя какъ лихорадочный бредъ. Помнить тебя? Ни я, ни твой мужъ не забудемъ тебя. Ты, предательница для него, ты, дьяволъ для меня!» Каролина Ламбъ, можетъ быть, заслужила эту ненависть. Но съ какою жестокостью онъ отвѣчалъ отказомъ на мольбы несчастной, сумасбродной Клары Кларментъ, умолявшей о свиданіи съ маленькой ихъ дочерью Аллогрой. Дѣвочка умерла не по-видавши мать. Больше всего жестоко поступилъ онъ съ той, которую истинно и сильно любилъ, съ своей сестрой Августой. Онъ обрекъ ее на долгую, почти всю жизнь длившуюся болянь, разоблаченія и гибели, на своеобразную «пытку страхомъ». «Есть нѣчто смягчающее въ присутствіи женщины, — странное вліяніе даже когда нѣтъ влюбленности, — которое я не могу объяснить т. к. я о нихъ не очень высокаго мнѣнія.» Въ этихъ словахъ весь Байронъ съ его любовью—презрѣніемъ. «Съ женщиной нельзя быть другомъ. Если вы въ согласіи — вы любовники. Если любовь прошла — вы все что

угодное, но не друзья.» Было въ его отношеніи къ женщинамъ и донъ-жуановское исканіе ново-плотимаго идеала. Было и просто много эгоизма, тщеславія, всего того, чего не было въ его натурѣ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Такъ наиримѣръ, онъ не зналъ авторскаго тщеславія, литературной зависти, какъ художникъ и человѣкъ онъ насколько не считался съ общественнымъ мнѣніемъ. Но, можетъ быть, не безъ основанія Каролина Ламбъ говорила, что онъ стыдился своего романа съ ней, потому что она была не красива? Но не тщеславіе ли искушало его хвастаться несмысленной побѣдой надъ Августой, намекать на это, говорить объ этомъ? Или это было то, что немцы называютъ *Uebermut* гордый вызовъ всему и всѣмъ? Или то головокруженіе, которое влечетъ съ высоты въ пропасть (а Байронъ вѣдь былъ на головокружительной высотѣ). То же странное чувство, которое черезъ много лѣтъ искушало играть своей судьбой и влекло покорно къ гибели Окара Уайльда. Уайльдъ погибъ, Байронъ выдержалъ. Ударъ былъ слабѣе и Байронъ былъ человѣкъ громадной силы. Но Лэди Байронъ и Августа погибли.

III.

Образъ Лэди Байронъ остался окруженнымъ аутипатіей въ памяти людской. Женщина по-

сомнительно со странностями и тяжелым характером, но далеко несаураждал, почти что «спный чулок», почти что русская интеллигентка. Правда, вмѣсто обычной для русской, окраски социализма мы видимъ въ ней нѣкоторую религіозность и читала она не «Капиталь», но Библию (а также и Данте, и Тинтинта, и Тасса). Но по общественнымъ взглядамъ была въ зрѣломъ возрастѣ почти «радикалкой» и упорно, сжавъ губы отъ душевной боли, пыталась дѣлать добро. Только удивлялась, почему филантропы — люди такого дурного вкуса!

Какъ могъ авторъ статьи о Байронѣ въ русскомъ Прокгауль повѣрить, что она говорила мужу: «скоро ли онъ оставитъ еяворную привычку писать стихи?» Рядъ его поэмъ перепишетъ ея рукою и Байронъ, не любившій возиться съ рукописями, вѣроятно жалѣлъ впоследствии о такомъ секретарѣ. Поэта привлекла къ ней именно ея интеллигентность: «метафизикъ, математикъ, поэтесса!» писала онъ съ восторгомъ въ своемъ дневникѣ о молодой дѣвушкѣ. Она и послѣ расхожденія внимательно читала и перепряла замѣтаниями его поэмы.

Бѣдная Аннабелла, la bella какъ звали ее Байронъ до женитбы, она мечтала о спасеніи своего жениха, значить, смутно понимала, насколько отличенъ отъ нея и другихъ людей духовный міръ гения. Но не знала, что она и Байронъ принадле-

жатъ къ разнымъ «расамъ», къ несмѣшивающимся элементамъ и что гении не мѣшляются. Не знала, что и ея душа тоже не пластичная душа молодой дѣвушки, а уже незримо покрыта твердой «роговой оболочкой», которая можетъ разбиться, но не поддаться. Когда двѣ такіа души, одна огненная и горячій, другая твердая и неподвижная сталкиваются — это всегда несчастье. Тутъ совершилась трагедія.

Повидимому, Байронъ женился не по страстной любви и наполовину это былъ *marriage de raison* бракъ по разсудку, какъ почему-то называютъ самыя безумныя браки. Миссъ Анна Изабелла (Аннабелла) Мильбанкъ сначала отказала ему и приняла только вторичное его предложеніе, сдѣланное въ письменной формѣ. Байронъ, разумѣется, не бытъ «охотникомъ за приданнымъ», но все же горючилъ, что не можетъ позволить себѣ жениться на безприданницѣ. А она была наслѣдницей состоянія и титула. И хотя въ старости она и прозвѣла на Шатобриана впечатлѣніе человека, которому «не достаточно часто снятся сны» но у молодой дѣвушки не могла не закружиться голова отъ предложенія ослѣдительнаго поэта. Одинъ сонъ ей приснился, и уны, такъ быстро и невозвратно развѣлся!

Говорятъ, что послѣ своей свадьбы Байронъ, прослушавшій ночью при красноватомъ свѣтѣ

ночника, воскликнулъ: «Боже! неужели же я въ аду?» Не знаю, правда ли это, но адъ начался очень скоро. «Вы сожалѣете о томъ, что потеряли меня. Но вы никогда не считали себя болѣе несчастливымъ, чѣмъ тогда, когда я была вашей» писала Лэди Байронъ мужу послѣ ихъ расхожденія. Горькій упрекъ въ желскихъ устахъ, ибо если нѣтъ счастья, значитъ нѣтъ и любви, и явственно, что *la vocation est manq. ée* призваніе женщины, жены. За годъ ихъ совместной жизни его больше чѣмъ когда либо мучили невыносимые припадки болѣзни печени. Кредиторы доводятъ разъ описывали его имущество; наконецъ, впервые пошатнулось его положеніе въ обществѣ и литературѣ. Онъ искалъ забвенія, отравлялъ себя употребленіемъ лауданума, грозилъ женѣ какими то связями съ актрисами и, повидимому, приводилъ въ исполненіе свои угрозы. По ея словамъ, онъ чуть ли не съ перваго же дня объявилъ ей, что жепился наъ мести. Мести за что? За первоначальный ли ея отказъ, за лишеніе холостой и полной свободы, или за нѣчто другое, что его раздражало противъ жены, — за разрывъ съ сестрой?

Байронъ женился 2 января 1813 года. На другой же день послѣ свадьбы — рассказываетъ лэди Байронъ черезъ форокъ лѣтъ въ своихъ, теперь впервые публикуемыхъ, записяхъ — Байронъ получилъ отъ сестры письмо, пошлое востор-

женной влюбленности и начинавшееся словами: «О, самый дорогой, первый и лучший изъ людей!» Съ какимъ то гордымъ и радостнымъ экстазомъ Байронъ прочелъ письмо молодой женѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ яростно и безъ видимаго повода раздражался на жену, защищая самые рискованные взгляды на отношенія между братьями и сестрами. Тѣ же взгляды высказываетъ онъ часто въ обществѣ, всегда непомято волнуясь. Вскорѣ Августа пріѣзжаетъ погостить къ нимъ въ Лондонъ и остается цѣлыхъ три мѣсяца. Что-то въ словахъ Байрона, въ его поведеніи вызываетъ въ женѣ мучительныя, полусознательныя подозрѣнія. Она гонитъ ихъ прочь, но все же становится холодна съ Августой и проситъ ее уѣхать. Только въ ноябрѣ, за мѣсяць до родовъ она снова вызываетъ золовку въ Лондонъ. Жизнь ея въ это время была очень тягостна (вспомнимъ о мелкомъ фактѣ: Байронъ не выносилъ вида бѣдлицихъ женщинъ, такъ что она всегда была за столомъ одна) Мужъ былъ въ состояніи казаться ей началомъ сумасшествія, и съ одной Августой могла она подѣлиться этими опасеніями, одна Августа имѣла успокаивающее смягчающее вліяніе на брата. Тѣ два мѣсяца, которые провели онъ подъ одной кровлей, Августа вела себя какъ ея преданный другъ и сильно облегчила ей жизнь.

Правда, Байронъ раздражался по какимъ-то таинственнымъ причинамъ и на сестру, и объ-имъ женщинамъ грозилъ «актрисами». Наконецъ 15 января 1816 года, по настоянію Байрона (письменному: онъ не хотѣлъ видѣть ни жены ни дочери) едва оправившаяся отъ родовъ молодая мать уѣхала въ доревню къ своимъ родителямъ, гь увѣренности что Байронъ накалунѣ помѣшательства и оставивъ его на попеченіи Августы.

IV.

Кто же была эта сестра, каковы были ея отношенія съ Байрономъ, въ чемъ было то тайное, что лишало Байрона душевнаго равновѣсія и вызывало безумныя слова о мести?

Августа Ли, дочь его отца отъ перваго брака, была старше брата на четыре года. Она была замужемъ за ничтожнымъ и дурнымъ человекомъ, занятымъ скачками и картами и представлявшимъ ей много свободы. Она принадлежала къ высшему обществу, была фройлиной королювы. Съ портретовъ глядите на насъ не особенно красивое, не очаровательное лицо. Повидимому, она была очаровательна, эта женщина, полная женскихъ недостатковъ и тѣмъ самымъ женской прелести. Живая и веселая, бесконечно легкомысленная, любящая болтать о

пустякахъ и хохотать, и кокетничать. Липшняя твердыхъ нравственныхъ принциповъ вплоть «до моральнаго идіотизма» скажетъ о ней въ периодъ вражды Лэди Байронъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ съ цитатами изъ евангелія на устахъ и съ книгами библіи для раздачи въ рукахъ: такъ ужь англійскій воздухъ! Ловелась обвинять ее въ отсутствіи элементарнаго чувства правды. Это утвержденіе трудно провѣрить, но несомнѣнно, что она говорила, судя по ея письмамъ, такимъ путаннымъ, не открытымъ языкомъ, что даже правда становилась похожей на ложь. Байронъ называлъ ея письма „damned crimson crimson!“ что можно приблизительно передать по русски: «проклятая неразбериха!»

Отсутствіе моральныхъ принциповъ... А, можетъ быть, своя мораль, основанная на добротѣ и жалости, въ которой высшій принципъ «счастье». Къ чему пуританская строгость, кому какой вредъ во лжи, лишь бы всѣмъ было хорошо и весело. И мужу, который вѣдь ничего не узнаетъ и ей, и брату, котораго она обожаетъ и который безумствуетъ и умоляетъ, и Лэди Байронъ, которой она не сдѣлала никакого зла, т. е. если даже и было что-нибудь до жонитѣбы — это никого не касается и въ счетъ не идетъ!

Съ братомъ они ни разу не видѣлись до тѣхъ поръ пока ему не минуло 14 лѣтъ. Потомъ долгое время они главнымъ

образомъ дружески переписывались. Для пониманія ихъ будущихъ отношеній важно отмѣтить, что между ними не было создающейся съ дѣтства родственной привычки. Августа предстала передъ нимъ молодой дѣвушкой, полной женскаго очарованія, въ сущности чужой и вмѣстѣ столь близкой и по самому имени сестры, звучащему такъ плавно и для того, кто сестры не имѣлъ, и по духовному сходству, рождающему взаимное пониманіе съ быстротой, похожей на чудо. Въ дѣтствѣ для дружбы, которую только незримая черта отдѣляетъ отъ «страстной дружбы», отъ любви! Иногда она прѣзжала въ Ньюстедское Аббатство въ гости къ Байрону и тогда стѣны его оживлялись безкопечнымъ смѣхомъ и веселой болтовней. Никто не умѣлъ такъ веселить Байрона, «приводить его въ счастливое настроеніе», какъ Августа. Въ 1813 г. когда обычныя для всѣхъ Байроповъ хроническія денежныя затрудненія перепли въ острый кризисъ, — Августа уѣхала изъ дому и долго гостила у брата въ Лондонѣ. Въ это время онъ разошелся съ графиней Оксфордъ и собиравшаяся уѣхать съ Августей въ Сицилію, не поѣхала. Въ 1813—1814 году они много бывали вмѣстѣ. Въ апрѣлѣ 1814 года у Августы родилась дочь Медора. Къ этому же времени относятся прекрасныя и возмущающія строки «Стансовъ для Музыки», говорящія о ка-

кой то сильной, таинственной и, быть можетъ, преступной любви.

V.

Поэты большіе выдумщики и часто за таинственными строками не скрывается никакой тайны. Можно ли вѣрить поэтамъ?

Самыя прочувствованныя лирическія строфы посвящены Байрономъ своей сестрѣ. Слово отъ сознанія общности крови стихала въ его душѣ любовь-ненависть къ женщинѣ и смѣшлась чистой и свѣтлой любовью:

Сестра *мой! Будь въ мірѣ бли-
же слово,
Священнѣй — я тебя называлъ.
ры имъ...
...Еще двѣ цѣли мнѣ даны судь-
бою:
Міръ — для скитаній, тровъ
родной съ тобою...
...Мы связаны, и всѣхъ другихъ
прочтѣй,
До самой смерти — усы пер-
выхъ дней.

(Переводъ О. Чюминой)

Это была трогательная и сильная привязанность, дѣйствительно сохранившаяся до самой смерти: его послѣднее письмо къ ней смерть помѣшала ему окончить, его предсмертными словами были: «моя сестра, моя дочь».

Изъ людей — ты одна мнѣ не
льстила,
Между женщинъ — осталась
вѣрна...
говорить онъ въ извѣстныхъ
«Сталсахъ къ Августѣ».

А вотъ рядомъ съ этой лири-
кой братской любви другое сти-
хотвореніе, по иному пре-
красное:

Стансы для Музыки.

Ни слова, ни знака, ни вздоха!..
О, пѣть!
Это имя звучало бѣ какъ грѣхъ
и какъ бредъ!
Пусть слеза, что горитъ на
щекахъ, говоритъ
О томъ, что въ душѣ полно-
властно царитъ.
Слишкомъ кратко для страсти
часовъ былъ полетъ, —
Горечь ихъ не пройдетъ, ра-
дость ихъ не пройдетъ.
Сожалѣть, отрекаться и цѣль
разрывать,
Разставаться, бѣжать и быть
вмѣстѣ опять!
Пусть вся радость тебѣ, мнѣ —
отвѣтитъ судьбѣ.
О, прости, иль повинь, коль
угодно тебѣ!
Это сердце, которому въ прахъ
не быть,
Ты могла бы разбить, но дру-
гимъ не разбить.
Этотъ духъ съ его горькой и
черной судьбой
Лишь съ надменными гордъ, но
смирненъ съ тобой.
И быстро и сладостнѣй каж-
дый мой мигъ

Съ тобой, — чѣмъ съ мірами у
ночь моихъ!
Этой скорби вздохъ и любви
твоей взоръ —
Вся надежда моя, смертный
мой приговоръ.
Не понять моей жертвы не
знавшимъ любви,
Но не имъ улыбаются губы
твои!

(Переводъ Амари)

Переводъ не передаетъ ди-
кой энергии и страсти этихъ не-
равномѣрныхъ, словно проры-
вающихъ отъ полненья строкъ.
Нѣтъ онъ не «сочинены», за ни-
ми есть подлинное переживаніе,
проподлинная тайна.

«Когда она ушла — любимая,
потерянная — единственная,
чья улыбка радовала, хотя, быть
можетъ, и погубила, чье имя
слишкомъ нѣжно лелѣюмо, что-
бы высказать его, и умирая
на устахъ — дрожить въ серд-
цѣ: даже внезапное напоминаніе
о немъ потрясаетъ... и сердце
бьется такъ сильно, что бо-
ишься: вотъ другіе услышатъ
его бѣшеніе... Къ кому относятся
эти начальныя строки посвященія
«Лары»? кто героиня тайнаго
романа Байрона?»

Въ послѣднее время выдвиг-
нута была новая гипотеза: эта
тайная любовь — Мари Ча-
вортъ, героиня его полудѣтскаго
увлеченія. Та самая, которой
посвящены строки, переведенныя
Блокомъ (вѣроятно пѣвнѣн-
нымъ дорогимъ ему именемъ
Мэри.)

...Нѣтъ прожнихъ свѣтлыхъ
мѣсть, гдѣ сердце такъ лю-
било

День долгій кортать.
Вамъ небомъ для меня въ
улыбкѣ Мэри милой
Уже не заблестать!

Но отроческая любовь Байрона къ Мэри носитъ всё признаки обычной полудѣтской любви: страданія нетанцующаго мальчика по поводу танцевъ съ «соперникомъ» «коварной» дѣвушки, которая была старше его, катанье на лодкѣ, подслушанныя имъ слова ся: «неужели вы думаете, что мнѣ есть дѣло до этого хромого мальчика?» Все это напоминаетъ дѣтское увлеченіе Лермонтова, но не Лопухиню, а Сушковою и тысячи подобныхъ же романовъ. Когда предпочешиалъ ему грубаго помѣщика дѣвушка, несчастная въ замужествѣ, сошла съ ума, а самъ онъ былъ въ изгнаніи, онъ оиозтизировалъ эту Мэри, построилъ мечту о несуществившейся возможности ихъ соединенія и счастья и посвятилъ этой мечтѣ трогательную поэму «Сонъ». Но нѣтъ рѣшительно ни одного указанія на то, что она играла реальную роль въ его жизни. И подумайте, къ ней ли могли относиться слова, что въ «самомъ имени ея грѣхъ, вина». Какое ужасное преступленіе для Байрона — связь съ замужней женщиной, несчастной въ бракѣ, вскорѣ разошедшейся съ мужемъ!

Между тѣмъ приложите слова «Стансовъ» къ Августѣ и они сразу оживутъ и получатъ трагическій смыслъ. И не только они, а многія темныя и таинственныя страницы поэта.

Вспомните Манфреда. Его мучить преступленіе (я буду цитировать по прекрасному переводу Бунина):

Манфредъ. Прочь отъ меня.
— На кубкѣ кровь! — О, Боже!
Ужели никогда она не сгинетъ?

Охотникъ. Какая кровь? Ты
бредишь!

Манфредъ. Наша кровь!
Та, что текла въ сердцахъ от-
цовъ и нашихъ,

Когда мы были юны и любили
Такъ горячо, какъ было грѣхъ
любить.

О, нѣтъ — нѣтъ — нѣтъ! Я
только тѣхъ губилъ,

Кѣмъ былъ любима, кого лю-
билъ всѣмъ сердцемъ.

Враговъ я поражалъ, лишь за-
щипаясь,

Но гибельны объятія моя.

...Я не знавалъ ни друга
Ни матери, ни милой, — никого
Изъ тѣхъ, съ кѣмъ насъ связу-
ють цѣпи жизни

Я ихъ имѣлъ, но былъ имъ
чуждъ душою,

И лишь одна, одна изъ всѣхъ...

Фоя. Мужайся.

Манфредъ.

Она была похожа на меня,
Черты лица, цвѣтъ глазъ, во-
лось и даже
Тонъ голоса — все родственно
въ насъ было...

...Но ей не чуждо было и другое:
Участье къ людямъ, слезы и
улыбки,
Которыхъ я не вѣдаю, смире-
нныя —
Моей душѣ не сродное — и
нѣжпость,
Что толкъ къ ней имѣлъ я; не-
достатки
Ея натуры были и моими,
Достоинства лишь ей принадле-
жали.
Я полюбилъ и погубилъ ее.

И наконецъ извѣстный при-
зывъ изъ могилы призрака
Астарты и страстная къ ней
мольба:

Услышь меня, Астарта!

Я такъ скорбѣлъ, я такъ скор-
блю! — ты видишь:
Тебя могила меньше измѣнила,
Чѣмъ скорбь — меня! Безумною
любовью
Любили мы; памъ жизнь была
дала
Но для того чтобъ мы терзались
вѣчно,
*Хотя любить какъ мы съ тобой
любили —*
Великій грѣхъ...

Какой изумительной красотой
дышетъ любовь къ Каину се-
стры и жены его, Ады. И когда
она говоритъ Люциферу, что
любить Каина сильнѣе, чѣмъ
отца и мать и спрашиваетъ его:
развѣ это тоже смертный грѣхъ
Люциферъ, отвѣчаетъ:

Пока не грѣхъ, но будетъ имъ
въ грядущемъ
Для вашего потомства.

А да. Какъ, ужели
Любить Эпоха дочь моя не бу-
детъ?

...Ужель они не будутъ ни лю-
бить
Ни жизнь давать созданнымъ,
что возникли бы
Изъ ихъ любви, чтобъ вновь
любить другъ друга?

За ея голосомъ слышится го-
лосъ Байрона, какъ и вообще
кажется, что тема «et totum et
conjunctum» привлекла его къ «Ка-
ину» на ряду съ основной те-
мой «богоборчества».

VI.

Не къ чему огненные намеки
стиховъ, когда есть книга Ло-
веласа съ ея документами. По
какимъ то мотивамъ, якобы ша-
дла Августу, (которую вообще
спѣ не склоняетъ шадить) Лове-
лэсъ не приводитъ ея унижен-
ныхъ и покаянныхъ писемъ, въ
которыхъ, по сего утвержденью,
она рассказываетъ о своихъ
отношеніяхъ съ Байрономъ. По
словамъ Лэди Байропъ Августа
во всемъ ей призналась отню
при свиданіи въ 1816 году. Но
въ тѣхъ письмахъ, которыя при-
ведены, нѣтъ прямыхъ при-
знаній, а есть и тягостная исто-
рія взаимныхъ намековъ, упре-
ковъ, полупризнаній, словомъ
тѣхъ «косвенныхъ доказа-
тельствъ», которыя дѣйствуютъ
своей массой и не оставляютъ

въ душѣ почти никакого сомнѣ-
ннѣя.

Кое что остается необъяснен-
нымъ; трудно понять всѣ изви-
лины, всѣ противорѣчія человѣ-
ческихъ отношеній на расто-
яніи почти столѣтія по однимъ
письмамъ. Когда впервые въ
1869 году Бичеръ-Стоу выступи-
ла съ апалогичными, но совер-
шенно бездоказательными разо-
блаченіями, ихъ встрѣтили еди-
нодушнымъ негодованіемъ: «ка-
кимъ образомъ, — спрашивали
тогда ея противники — могла
Леди Байронъ написать Байро-
ну съ дороги нѣжное письмо и
почему потомъ вдругъ стала
непримиримой? Какимъ обра-
зомъ смогла она на долгіе годы
оставаться въ дружеской пере-
пискѣ съ Августой?» Письмо съ
дороги съ шутливою подписью
«Твоя Пиппинъ.. Пип.пн.» са-
ма Анабелла старалась впослед-
ствіи объяснить тѣмъ, что въ
той тогда еще была сильна
привычка привязанности къ
мужу. Плохое объясненіе послѣ
такихъ оскорбленій! Вѣроятнѣе
другое: она считала мужа близ-
кимъ къ безумію, склонна была
смотрѣть на его признанія и
памеки какъ на бредъ сумас-
шедшаго и — вверхъ ужаса! —
утѣшала себя этимъ. Отсю-
да нарочитая ласковость съ до-
роги, чтобы успокоить больного,
отсюда дружеская переписка съ
Августой, оставшейся при немъ
въ качествѣ сидѣлки, хотя го-
рячо-дружескій тонъ этихъ пи-
семъ при такихъ подозрѣніяхъ,
близкихъ къ увѣренности, не

совсѣмъ понятенъ. Но кто мо-
жетъ объяснить всѣ противорѣ-
чія и нелогичности человѣче-
ской души? Отсюда и то, что
враги Леди Байронъ называютъ
«подсылкой» къ мужу врачей
психіатровъ. Все это время не
была исключена возможность
ея возвращенія къ нему.

Потомъ вдругъ рѣзкая пере-
мѣна. Врачи признали Байрона
душевно здоровымъ, значить
этого объясненія больше не бы-
ло. Въ то же время Аннабелла
разсказала о своихъ подозрѣ-
ніяхъ тремъ друзьямъ и по-
средникамъ въ переговорахъ ея
съ Байрономъ о разводѣ и по-
слѣ и они, которые стояли за
примиреніе, рѣзко высказались
противъ, въ то же время отказы-
вались сообщить адвокату Байро-
на мотивы ихъ рѣшенія. Съ
Августой они совѣтовали Леди
Байронъ держаться въ отдале-
ніи. Какъ добрые юристы и
житейски опытные люди они
все это запротоковали и
подписали, даже то, что
продолженіе отношеній съ
Августой не должно быть
истолковано во вредъ ихъ клі-
ентки. Нынѣ впервые въ книгѣ
Ловелеса эти протоклы появля-
ются на свѣтъ Божій.

Одно дѣло — подозрѣніе, таи-
мое въ душѣ, другое — подо-
зрѣніе высказанное. Оно тогда
или разсѣивается, или затвер-
дѣваетъ и становится увѣрен-
ностью. Несомнѣнно, что когда
опытные и достойные люди, ея
друзья, раздѣлили съ нею ея
подозрѣнія, это окончательно

укрѣпило въ нихъ несчастную женщину. Любовь осталась: «моимъ единственнымъ стремленіемъ въ жизни — будетъ не вспоминать его съ слишкомъ большою нѣжностью», пишетъ она. Выказаться было польза, чтобы не губить Августу, чтобы уберечь дочь отъ такой правды объ отцѣ. И она предпочла остаться въ памяти людей какъ новое воплощеніе — вѣчнаго образа, вѣчнаго мифа Ксантиссы, дурной жены великаго человѣка, а по словамъ Лорда Байрона даже «духовной Клитемнестры».

Въ англійскомъ обществѣ ходили ужасные слухи о причинахъ ихъ развода. Версія объ Августѣ была еще не самой ужасной, если и самой упорной. Положеніе Августы было очень тяжелымъ, она жила подъ нависшей надъ ней угрозой, а мы знаемъ что значить такая угроза въ «добродѣтельной» Англии. Единственнымъ щитомъ между нею и этою опасностью была Лэди Байронъ, дружескія отношенія съ ней. Три задачи были передъ Аннабеллой: вопервыхъ не дать распространиться слухамъ объ Августѣ, спасти ее внѣшне. Во вторыхъ, спасти ее нравственно, укрѣпить на пути раскаянія и добродѣтели. И какъ соединеніе обѣихъ задачъ, — не дать Байрону снова овладѣть ея душой, не дать ей вить его мольбамъ, поѣхать къ нему и открыто соединить свою судьбу съ братомъ. Ловелась, какъ стра-

стный сторонникъ своей бабки, жалѣеть, что не произошло именно послѣдняго, чему она такъ сопротивилась. Тогда для всѣхъ явственно возсіяла бы ея правда.

Можетъ быть, это было бы лучше и для Августы. Можетъ быть... Но у нея не хватило рѣшимости и она униженно и покаянно переписывалась съ золовкой, особенно настаивая на томъ, что послѣ женитьбы между нею и братомъ больше «ничего не было». Лэди Байронъ склонна была этому вѣрить. Тяжело читать, какъ она, не называя вещей своимъ именемъ, особенно настаиваетъ на «этомъ пунктѣ» и какъ счастлива она, что Аннабелла ей въ этомъ вѣритъ. «Этотъ пунктъ» подтверждаютъ и письма Байрона къ Августѣ, гдѣ онъ вспоминаетъ, напирямъ, какъ онъ былъ «разстроены и измучены» въ годъ своей свадьбы ея «новымъ рѣшеніемъ». Это твердое новое рѣшеніе сестры повидному и было причиной его бѣшеныхъ вспышекъ противъ нея и, главное, противъ жены. Онъ не ожидалъ этого сопротивленія отъ любящей, покорной и робкой сестры. У Аннабеллы не было причины для непримиримой вражды.

«Не думайте, что когда я требую довѣрія, я хочу вынудить васъ на исповѣдь» пишетъ она. «Если бы у меня было малѣйшее предположеніе о вашихъ подозрѣніяхъ—я бы не

переступила порога вашего дома» отвѣчаетъ Августа. Когда, дождавшись, чтобы минули роды Августы, Лэди Байронъ впервые написала ей «естъ причины, основанныя на обстоятельствахъ вашего поведенія которыя (хотя я абсолютно убѣждена въ нихъ) я хочу храпить въ молчаніи, по заставляющія меня сократить отношенія съ вами...», Августа отвѣчаетъ не возмущеннымъ, а униженнымъ письмомъ. Такъ много лѣтъ тянется эта кошмарная переписка намеками. «Вы не вѣрите въ силу и глубину его дурныхъ намѣреній по отношенію къ вамъ. Но развѣ опытъ ничего не значить» подчеркиваетъ Лэди Байронъ. Когда Байронъ напоминаетъ Августѣ о завѣщаніи составленномъ имъ въ пользу ея и ея дѣтей — Аннабелла пишетъ: «онъ оскорбительно напоминаетъ вамъ о денежныхъ интересахъ, какъ будто вамъ можно дать взятку за порочность»...

Такъ героически и жестоко, годы и годы, Лэди Байронъ была «ангеломъ хранителемъ» Августы. Нравственное спасеніе заблудшей отвѣчало душевной потребности, этого «добродѣтельнаго чудовища», по выраженію Байрона. Августа покаялась ей всѣ письма брата («совершенно любовныя письма!» ужасалась Аннабелла) Байронъ умолялъ сестру пріѣхать. «Данте болѣе человѣченъ въ своемъ Аду» — писалъ онъ

объ ихъ разлукѣ, — когда помышляетъ вмѣстѣ своихъ несчастныхъ любовниковъ (Франческу де Римини и Паоло, чей случай былъ далеко позади нашего, хотя тоже достаточно скверный) и они, хоть и мучаются, но по крайней мѣрѣ вмѣстѣ... Когда этотъ мерзкій дьяволъ выгналъ меня изъ моей страны и покушался на мою жизнь, пытался лишить меня всего, что дѣлаетъ ее цѣнной, вспомни что и тогда ты была единственнымъ, что стоило мнѣ слезъ — и какихъ слезъ! помнишь вѣдь нашу разлуку!» Сколько любви къ сестрѣ и ненависти къ другой, къ женѣ въ противорѣчіе къ трогательнымъ стихамъ «Прощай» ей посвященнымъ. Эта ненависть наполняетъ всѣ письма, онъ не перестаетъ говорить о своемъ «погребальномъ», «проклятомъ» братѣ! Немудрено что Аннабелла, когда онъ объявилъ, что самъ ѣдетъ въ Англію для свиданія съ сестрой, всѣми силами старалась ее отъ этого свиданія удержать, грозя ей полнымъ разрывомъ. Кто знаетъ, не входило ли въ ея старанія и немного ревности? Но Августа во что бы то ни стало хотѣла увидѣть брата и искала предлога не послушаться своего ментора: «что скажетъ свѣтъ, если они не увидятся? что скажетъ, наконецъ мужъ!» Байронъ умеръ, не успѣвъ осуществить своей поѣздки. Но Лэди Байронъ не простила золовкѣ этого ослуша-

ния. Августа умерла много лѣтъ спустя въ старости и въ такой нищетѣ, что была вынуждена продавать изъ-за куска хлѣба безцѣнные письма своего брата.

VII.

Письма Байрона послѣ переписки двухъ несчастныхъ жещинъ — словно вольный вѣтеръ послѣ душевой камеры суднаго слѣдователя. И какой вѣтеръ: морской, соленый, озонированный! Удивительно, что въ обширной перепискѣ его почти нѣтъ любовныхъ писемъ. Нѣсколько писемъ къ невѣстѣ, одно письмо къ графинѣ Гвиччиоли, написанное на языкѣ, котораго та не знала, скорѣе лирической отрывокъ для себя, чѣмъ письмо. И только одни письма къ Августѣ горятъ и волнуютъ, ужъ не потому ли что она была его единственною любовью?

Письма Байрона очаровательны! открытыя, веселыя, жизнерадостныя, — они стоятъ его стиховъ. Вообще мастерство бесѣды, устной и письменной перешло, кажется въ 19 вѣкѣ отъ французовъ къ англичанамъ. Духъ *sausage* (хотя само это слово, созданное французами, осталось непереводимымъ) изъ французскихъ салоновъ 18 вѣка перекочевалъ въ Англiю и принялъ тамъ особую англійскую окраску у Уайльда, Черстертонна, Шоу. А высшіе образцы эпистолярной литературы — письма Байрона.

Коренная, глубокая двойственность природы Байрона рѣзко проявилась въ томъ, какъ непохожи эти письма на его стихи. Словно они писаны двумя разными людьми. Все что мы привыкли считать типично байроновскимъ, все «байроновское» естественно нашло свое выраженіе въ поэзіи. Письма являютъ веселаго, бодрого, умнаго человѣка, весьма замѣчательнаго, но совершенно не похожаго на того, который создалъ «Манфреда», «Каина» и даже «донъ-Жуана». До нѣкоторой степени несходство «человѣка» и поэта естественно. Пушкинъ говорилъ о «Ничтожествѣ» поэта, пока молчитъ его святая лира. Ни Пушкинъ, ни Байронъ не были «ничтожными» людьми. Но томъ пушкинкой прозы созвученъ его поэзіи. Стихи же и проза Байрона написаны въ разныхъ тональностяхъ.

Когда читаешь письма Байрона, невольно является мысль: да не былъ ли и Байронъ тоже только «байронистомъ» въ томъ дурномъ значеніи этого слова, какое мы примѣняемъ ко многимъ писателямъ? У сколькихъ писателей, подражавшихъ Байрону, былъ привкусъ поэмы и лиги. Байроновскія настроенія словно искушали возможностью красивой поэмы и красивой лиги. Но еще гораздо больше было искреннихъ, но литературныхъ, надуманныхъ «байронистовъ». Таковы и Мюссе, и Марлинскій и даже въ наши

дни можно прослѣдить элементы «байронизма» у Андреева и Сергѣева-Ценскаго. Не отличается ли отъ нихъ Байронъ только силой гения, тѣмъ, что онъ по рвы и напелъ, создалъ красивую литературную позу?

Такия сомнѣнія быстро разсѣиваются. И болѣе чѣмъ что либо способна разсѣять ихъ исторія его любви. Нѣтъ, Байронъ былъ воистину «печальный демонъ, духъ сомнѣнья», и не только въ тиши кабинета съ поромъ въ рукахъ бросалъ онъ вызовъ людямъ и Богу. Въ немъ было подлѣнное «богоборчество». Настоящую кровью загораются мрачныя страницы его стиховъ. Здѣсь онъ «преступилъ законъ», какъ этого требовалъ таинственный внутренний законъ его личности. Вотъ онъ рѣзкій диссонансъ, нужный для внутренней ея гармоніи. Здѣсь была точка взрыва, ускользающаго всѣ медленные процессы развитія его личности, великое и необходимое душевное переживаніе. Но, кромѣ огромнаго внутреннего опыта, и вся внѣшняя его жизнь опредѣлилась и направилась по инымъ путямъ въ связи съ этимъ основнымъ фактомъ его биографіи. Онъ порвалъ всѣ связи съ Англійей, сталъ изгнанникомъ и изгоемъ, человекомъ безъ семьи и родины. Рѣзкое непримиримое столкновение со всѣми условностями дало ему небывалую духовную свободу. И только теперь, на опытѣ столкнувшись съ законами мо-

рали, могъ онъ въ лучшей своей поэмі вмѣстѣ со своимъ героемъ поставить подъ сомнѣнье въ иронической панорамѣ «Донъ-Жуана» всю условную мораль людей. И не только къ внутренней свободѣ, но и къ героической борьбѣ за свободу внѣшнюю вела его судьба. Страна его изгнанія, Италия, связавшая его съ карбонаризмомъ, была необходимымъ этапомъ на пути въ Грецію, къ торжественной смерти — апофеозу. Какъ безъ этой героической смерти, такъ и безъ его трагической любви нѣтъ Байрона, какъ личности. А только его личность создала ту психологическую бурю байронизма, волны которой видны еще до сихъ поръ. Въ стихахъ Байрона многое устарѣло, по нимъ создано нѣчто новое въ мірѣ. Можно по разному опѣивать, но польза отрицать новизны переживанія имъ міра и Бога. Творческій подвигъ всегда несетъ жертву и страданіе искупленія. Намъ бы хотѣлось, чтобы это страданіе было красивымъ, благороднымъ. Но часто оно приходится къ творцу въ неожиданной, непонятной, некрасивой, ираціональной формѣ.

VIII.

Но не одно только духовное наслѣдіе оставилъ Байронъ на землѣ. Двѣ дочери были еще дѣвочками когда онъ умеръ. Судьба старшей изъ нихъ, Мелодора Ли, была ужасна: ее жада-

ла не грозная красота рока греческих трагедій, а долгая жизнь въ нищетѣ и позорѣ. Теперь біографы не сомнѣваются въ томъ, что она была дочерью Байрона и тѣ, которые строятъ безпочвенную гипотезу о томъ, что тайной любовью Байрона была Мэри Чавортъ, (какъ, напримѣръ и русскій біографъ его Алексѣй Воселовскій) — принуждены прибѣгать къ совершенно фантастическому предположенію, что Августа, чтобы спасти Мэри, выдала ее ребенка за своего. Черты вырожденія явственны въ жалкой судьбѣ Медоры. Въ 16 лѣтъ, когда она гостила у своей старшей сестры, въ то время беременной, она была соблазнена своимъ шуриномъ. Связь ихъ длилась долго и въ ней было много тяжелого и позорнаго.

Августа была къ пей то крайне добра, то жестока. Домъ сумасшедшихъ, бѣгство съ шуриномъ во Францію, монастырь, новое бѣгство, судебная денежная тяжба съ матерью, шантажъ противъ лэди Байронъ, когда Медора узнала тайну своего рожденія. Въ большемъ позорѣ не могла жить дочь бли-

стательнаго поэта и фрейлины англійскаго двора.

Другая дочь, Ада, «единственная дочь моего рода и сердца», какъ звалъ ее Байронъ, жила обычной жизнью англійской аристократки и умерла молодой женщиной. Вѣроятно, вокругъ нея въ дѣтствѣ не упоминали даже имени ее отца. Бабушка, умирая, завѣщала ей показывать ей до ее совершеннолѣтія портрета Байрона. Она росла незаурядной женщиной, много читала, переводила серьезные книги. Байронъ предсказывалъ, что она еще будетъ когда-нибудь сильно его любить. Поэтъ оказался пророчествомъ, по любовь эта пришла къ нему, когда онъ самъ былъ уже давно въ могилѣ. Это послѣдняя побѣда его надъ женскою душой. Передъ смертью, хотя это было, вѣроятно большимъ ударомъ для матери, она завѣщала похоронить себя рядомъ съ отцомъ. Такъ они и покоятся вмѣстѣ, далекіе другъ отъ друга при жизни и соединенныя безответной и горькой любовью, которая жила въ душѣ отца къ отвятому ребенку и въ душѣ Ады къ потерявшему отцу.

Мих. Цетлингъ

НА РОДИНѢ.

I. Большевицкая власть и Европа. — Уходъ Россіи изъ Европы. — Отъ стараго Брестъ-Литовска къ новому. — Итоги «новаго курса» въ экономикѣ. — Деноминація совѣтскаго строя. — Живой пещь или мертвый левъ? — II. Европа и большевицкая власть. — Уходъ Европы изъ Россіи. — Послѣвоенная дезорганизація и европейскія противорѣчія. — Отъ «санитарнаго кордона» къ мирной конференціи. — Экономическое возстановленіе. — Кэйпсъ, Радскъ, Штиниссъ. — Возвращеніе въ Россію. — III. Каннская резолюціи. — Ея противорѣчія, лицемерію, непрактичность. — Интервенція безъ интервенціи. — Соглашеніе безъ признанія. — Позиція російской демократіи. — Признаніе большевицкой власти есть не признаніе русской революціи, а ея отрицаніе! Непоколебленное убѣжденіе!

Новый годъ принесъ сенсацію: Ллойдъ Джорджъ съ Брианомъ пригласили Ленина на свиданіе въ Геную.

Что сулитъ это свиданіе? Европѣ? Россіи? Большевикамъ?

Пусть Брианъ уже не ѣдетъ въ Геную!

Пусть программа генуэзской конференціи претерпитъ измѣненія!

Вопросъ все же остается: какъ могло случиться, что не только Ленинъ сталъ искать Ллойдъ Джорджа, но и Брианъ Ленина?

I.

Брестъ-Литовскій миръ вывелъ Россію изъ сферы международнаго общенія. Не достигнувъ сближенія съ центрально-европейскими государствами — оккупация Украины германско-австрійскими войсками врядъ ли можетъ быть названа «сбли-

•

женіемъ», — брестъ-литовскій миръ порвалъ связь Россіи и съ западно-европейскими странами. По представленію творцовъ «соціалистическаго оазиса» въ Россіи, самый фактъ его существованія долженъ былъ вызвать сочувственное отвѣтное движеніе въ другихъ странахъ. Какъ извѣстно, общая «детонація» не удалась. Въ томъ же частичномъ видѣ, въ какомъ она произошла въ сравнительно второстепенныхъ, претерпѣвшихъ поражение Баваріи и Венгріи, — «детонація» только отягчила положеніе Россіи подъ большевиками. Послѣ быстрой ликвидаціи баварскаго и венгерскаго очаговъ, Россія была признана страдающей опасной, заразной и для Европы, болѣзнью и окружена «санитарнымъ кордономъ». Выйдя раньше другихъ изъ международной войны, Россія и послѣ «замиренія» Европы продолжала оставаться изолированной отъ Европы и лишенной вну-тренняго и внѣшняго мира.

Прогнозъ международныхъ событій, опредѣлявшій дѣйствія большевиковъ въ Россіи, не оправдался. Не только «детонація» не произошла, но и общій миръ не былъ миромъ «въ ничью», «безъ побѣдителей и побѣжденныхъ». Оказались налицо и побѣдители, и побѣжденные. Миръ былъ продиктованъ «Карѳагенскій». Въ такихъ условіяхъ большевикамъ приходилось думать уже не о распространеніи совѣтской системы на другія государства Европы, а о томъ, какъ бы самимъ «продержаться» и сохранить режимъ «рабоче-крестьянской диктатуры», хотя бы въ ущербленной Россіи. Пришлось перейти отъ нападенія къ оборонѣ, отъ стратегическаго наступленія къ дипломатической изворотливости, отъ революціонно-коммунистической непримиримости къ «буржуазно-соглашательскимъ» экономическимъ уступкамъ. Наступленіе на Варшаву было послѣдней по времени вспышкой наступательнаго большевизма. Кронштадскими событіями опредѣляется моментъ поворота большевиковъ въ сторону приобщенія Россіи къ буржуазно-капиталистическому обороту. Дни кронштадскаго возстанія совпадаютъ съ заявленіемъ Ленина на X съѣздѣ коммунистической партіи о томъ, что «международное положеніе отличается необыкновенной медленностью въ развитіи мірового революціоннаго движенія и наша политика не можетъ больше основываться на вѣрѣ въ его торже-

ство». Превозглашается «новый курс»—ходъ назадъ, возвращеніе къ старому докоммунистическому строю отношеній: продналогъ», свободная торговля, частная аренда, концессіи иностранцамъ, переходъ на «коммерческій расчетъ», «трестоманія, подрядоманія, тысячи другихъ буржуазныхъ маній», — какъ выразился недавно нѣсколько неуважительно къ тому, что онъ самъ въ теченіе года прославлялъ, Стекловъ (Извѣстія» № 281).

Вишняя политика медленнѣе, но тоже перестраивалась на новый ладъ. Она строится на томъ, чтобы такъ или иначе, формально или фактически, но связаться съ буржуазной, капиталистической Европой, приобщиться, прильнуть къ ея сосцамъ и оживить, продлить существованіе изнемогающей, обреченной на медленное умираніе власти. Пробиваясь въ Европу, большевики, по обыкновенію, не задумывались надъ путями и средствами. Угрожая Европѣ, они наступаютъ въ Азіи, на ближнемъ и среднемъ Востокѣ. Соблазняя Европу, они играютъ одновременно и на корыстныхъ, и на гуманныхъ чувствахъ. Добиваясь «подъ голодающихъ» кредитовъ для возстановленія Россіи, а попутно съ кредитами и связаннымъ съ ними признаніемъ существующей 4 года власти, большевики не останавливались ни предъ расточеніемъ остатковъ золотого запаса, ни предъ посулами «жирныхъ кусковъ» или признаніемъ царскихъ долговъ. Правда, нѣкоторое значеніе большевистскимъ словамъ и обѣщаніямъ могла придавать лишь Европа. Сами большевики неоднократно заявляли, а, устами Ленина на только что закончившемся IX-омъ Съѣздѣ Совѣтовъ, лишь снова подтвердили: — «Для насъ признать долги не такъ трудно, мы проходили и не такія трудности . . . Мы предъ формальностями останавливаться не будемъ, на то мы и революціонеры» (См. рѣчь Ленина въ «Новомъ Мирѣ» № 5 за 1922 г.).

Новый курсъ во внутренней политикѣ, насчитывающій уже годовую давность, не вызвалъ ни подъема производительныхъ силъ страны, ни смягченія взаимоотношеній власти и народа. Всѣ безъ исключенія «реформы» не привели къ желанному результату. Продукція страны не увеличилась. Увеличилось лишь число оборотовъ, совершаемыхъ обращающимися въ странѣ товарами. Производства нѣтъ. «Процвѣтаетъ» лишь мелкая тор-

говля и натуральный обмѣнъ. Изъ всѣхъ предложенныхъ, начиная съ декабря 1920 г., концессій иностранцамъ, — реализованы лишь двѣ. Предсѣдатель В. С. Н. Х. (выш. совѣта народнаго хозяйства) Богдановъ имѣлъ всѣ основанія заявить на IX сѣздѣ совѣтовъ, что «въ области концессіоннаго дѣла мы не продвинулись съ прошлаго года почти совершенно». Аренда не имѣющихъ государственнаго значенія предпріятій, предоставленная отечественнымъ капиталистамъ насчитываетъ на протяженіи всей Россіи только сотни случаевъ. Изъ этихъ «случаевъ» большая половина падаетъ на аренду сельскихъ мельницъ. Самая же реформа даже въ высоко-официальныхъ большевистскихъ изданіяхъ именуется не иначе, какъ «аренднымъ авантюризмомъ».

Органъ Сибирскаго Губернскаго Экономическаго совѣщанія «Экономическій Путь» устававливаетъ, что «арендный авантюризмъ есть явленіе двойкой формы, взятіе предпріятія въ аренду съ намѣреннымъ обманомъ или неоднократная несправедливость арендатора, запутавшагося въ исполненіи взятыхъ имъ на себя обязательствъ».

Отчетъ о дѣятельности Вердичевскаго райсовпархоза (Кіевской губерніи) отмѣчаетъ «случай, когда арендаторъ, только что взявшій предпріятіе въ аренду, неожиданно спасается бѣгствомъ отъ непосильныхъ условий аренды.»

Отчетъ Петроградскаго У. Э. С. (уѣзднаго экономическаго совѣщанія) въ Сто (совѣтъ труда и обороны) на 1 октября 1921 г. указываетъ: «Серьезныхъ предложеній, созидательнаго труда, хотя бы и на капиталистическихъ началахъ, почти нѣтъ, все больше стремленія урвать кушъ, воспользоваться еще почти полной неналаженностью налогового аппарата.»

То же явленіе въ Смоленской, Курской, Новороссійской губерніяхъ (См. «Правда» № 278).

Не лучшіе результаты дало и примѣненіе «коммерческаго расчета» въ государственныхъ предпріятіяхъ, сведеніе нѣсколькихъ такихъ предпріятій въ «тресты». Конкурирующія закупки лишь усугубили неустойчивость цѣнъ и внесли полное разстройство въ то, что въ Совѣтской Россіи называется вольнымъ рынкомъ. Но главное и опредѣляющее существованіе большевистской власти — «продналогъ», съ которымъ связывались такія радужныя надежды годъ тому назадъ, — явно и, теперь можно сказать, безповоротнo провалился.

Мнѣ приходилось уже приводить слова официальныхъ большевистскихъ изданій и ораторовъ, сказанныя ими въ нача-

лѣ продовольственной кампаніи нынѣшняго года: «Соберемъ продналогъ, будемъ бороться дальше, — значитъ, есть надежда на побѣду; не соберемъ, — забьется въ агоніи весь хозяйственный организмъ страны». «Продналогъ нужно собрать въ 100% . . .» (См. «Современныя записки» № 7, стр. 371.). Тогда же нетрудно было предвидѣть, что никакія условія взиманія «продналога» «не дадутъ власти тѣхъ 100%, отъ которыхъ (по ея же собственнымъ словамъ) зависитъ ея дальнѣйшее существованіе», и что . . . «въ декабрѣ голодъ, конечно, приметъ еще худшія, еще болѣе неистовыя формы, а въ февралѣ будетъ еще хуже, чѣмъ въ декабрѣ» (тамъ же, стр. 372 и 367).

Согласно декрета сборъ продналога долженъ былъ быть законченъ къ 15-му декабря. Фактически поступленія шли, однако, такъ неудовлетворительно, что особымъ приказомъ — такъ и сказано: приказомъ — за подписью Ленина и Брюханова срокъ взиманія налога былъ продленъ.

«Боевой нажимъ долженъ быть произведенъ въ формѣ продовольственнаго двухнедѣльника, который долженъ начаться на мѣстахъ не поздне 10-го декабря... Тов. Ленинъ приказываетъ привести въ полную готовность принудительный аппаратъ, увеличивъ особенно количество выѣздныхъ сесій ревтриба (революціоннаго трибунала), задачи которыхъ особенно важны въ связи съ обложоніемъ скрытой пашни» («Извѣстія» № 270).

Если имѣть въ виду, что количество скрытой крестьянами пашни достигаетъ шести миллионъ десятинъ, изъ которыхъ, по даннымъ комиссаріата продовольствія на 10-ое января, власти удалось обнаружить 2,545 тыс. дес., станетъ очевиднымъ, что для «боевого нажима» и жизнеспособности «выѣздныхъ сесій ревтриба» всеблагой «продналогъ» далъ не меньше поводовъ и оснований, чѣмъ отвергнутая годъ тому назадъ, во имя примиренія съ крестьянствомъ, чудовищная «продразверстка» . . . Прошли всѣ сроки и отсрочки, и въ самомъ концѣ декабря, въ своей программной рѣчи IX-му Съѣзду Совѣтовъ Ленинъ снова, какъ до провала «продналога», твердитъ свое: «Крестьянство должно выполнить полностью продналогъ . . . Мы можемъ въ нашемъ положеніи рассчитывать только на то, чтобы былъ выполненъ весь нашъ планъ цѣликомъ, чтобы продналогъ былъ выполненъ на 100 процентовъ». («Новый Миръ» № 5). А комиссаръ земледѣлія, докладывая Съѣзду, что «сельское хо-

зайство стоитъ передъ крахомъ», видитъ единственное средство для его устраненія въ традиционныхъ «героическихъ мѣрахъ».

О какихъ «Heroica» можно говорить, когда транспортъ, во главѣ котораго уже давно сталъ «самъ» Дзержинскій, не въ состояннн по свидѣтельству прикомандированнаго къ Американской Администраціи Помощи чекиста Эйдука доставить на мѣста даже продукты, уже поступившіе на узловыя пункты; когда сами же большевики вынуждены констатировать

Въ Самарской, Уфимской, Симбирской и Царицынской губерніяхъ голодающіе составляютъ отъ 60—80 проц. всего населенія, — исчисляеть въ «Правдѣ» членъ большевнстскаго Комитета Помощи Винокуровъ. «Положеніе въ голодающихъ губерніяхъ ухудшается съ каждымъ днемъ», «Извѣстія» и «Правда» помѣщаютъ страшныя сообщенія своихъ корреспондентовъ и ноголовномъ уничтоженіи дѣлхъ волостей. Опустошаются цѣлыя деревни и городки. Населеніе умираеть съ тупымъ отчаяніемъ. Установлены случаи людодѣства.

Не мѣже ужасно положеніе въ нѣкоторыхъ районахъ Украины: въ Херсонѣ, Одессѣ и Екатеринославѣ.»

«Мы стоимъ въ настоящее время передъ грозной опасностью эпидеміи тифовъ, гораздо болѣе сильной, нежели эпидемія 1919—1920 гг., — отмѣчаетъ общегородская конференція врачей, созванная «профсоюзомъ Всесмердискалтруда» въ Москвѣ. «Мы сейчасъ имѣемъ гораздо болѣе высокой процентъ смертности, что объясняется, главнымъ образомъ, голодомъ.»

«Сыпной тифъ, съ которымъ, казалось, мы уже окончательно раздѣлались, занесенный теперь съ Поволжья, снова угрожающе развивается въ Петроградѣ и губерніи.» (См. «Новый Миръ» № 12 отъ 15. I. 1922).

«Въ Царицынской губ... учащаются случаи самоубійства среди дѣтей на почвѣ голода... Въ Казанской губ. (деревня Пылинка) нѣсколько дѣтей бросились въ колодезь вслѣдствіе холода» («Новый Миръ» отъ 5. I.).

По сообщенію петроградской «Правды» отъ 18. XII въ с. Мокша Самарской губ. Имѣло мѣсто убійство восьмилѣтняго ребенка съ дѣлю антропофаги. То же въ Андреевкѣ, дер. Есиновкѣ... то же въ Пугачевѣ, Большовѣ, Славянкѣ, Благодаровкѣ...

«Въ январѣ намъ суждено быть свидѣтелями массовой голодной смерти, — удостовѣряеть предсѣдатель Самгубисполкома небезызвѣстный по взятію Зимняго Дворца Антоновъ-Овсѣенко. Милліоны пудовъ хлѣба нужны Самарѣ... («Извѣстія» отъ 16—XII). А по даннымъ Нансена, сообщеннымъ на послѣднемъ засѣданнн международной организаціи Кр. Креста въ Женевѣ, ближайшіе же мѣсяцы дадутъ отъ 12 до 15 миллионвъ челоувѣкъ, погибшихъ отъ голода...

Такъ вотъ «милліоны пудовъ» нужны одной Самарѣ! А «Татреспубликѣ»? А Крыму, Кавказу, а центральной и сѣверной Россіи!.. Гдѣ достать хлѣба? Какъ его доставить? «Собственными средствами мы не въ состояніи возродить страну», — категорически заявляетъ Красинъ лондонскому корреспонденту «L'information» (23—XII). И онъ правъ. Остатки золотого запаса таютъ неудержимо. По вычислениямъ весьма заинтересованныхъ и освѣдомленныхъ англичанъ изъ 150 милл. фунтовъ стерлинговъ, коими располагали большевики послѣ октябрьскаго переворота, сейчасъ осталось всего 9 милліоновъ. Ихъ хватитъ не дольше мая. О возможности же внутри-россійскаго кредита даетъ нѣкоторое представленіе справка В. Смирнова, устанавливающая въ «Экономической Жизни», что высота ссуднаго процента колеблется въ Россіи отъ $\frac{3}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ въ день, т. е. достигаетъ 270% годовыхъ.

При такомъ крахѣ, глубококомъ и всестороннемъ, всей совѣтской экономики — продовольствія, промышленности, финансовъ — *единственный* шансъ, который остается у большевиковъ, это — помощь со стороны, извнѣ, сотрудничество Европы и кредиты Америки. И эта помощь нужна немедленно, безъ проволочекъ, въ большихъ масштабахъ и на долгій срокъ. Никакими экономическими маневрами внутри Россіи уже не спасти дѣла. И это отлично сознали сами большевики. Въ этомъ объясненіе того сосредоточеннаго упорства, съ которымъ работаетъ въ нужномъ для нея направленіи большевистская дипломатія: вмѣсто «экспансіи» на Востокъ она нынѣ демонстрируетъ Западу миролюбие и кротость. Въ этомъ объясненіе и тѣхъ, любыхъ экономическихъ уступокъ Европѣ, на которыя готова пойти большевистская власть, лишь бы Европа и Америка согласились оплодотворить своимъ трудомъ и капиталомъ обреченный гибели, съ каждымъ днемъ все больше увядающій «оазисъ».

Въ своей аудиторіи, на съѣздѣ оппозиціонно-настроенныхъ (слѣва) профессиональныхъ союзовъ Ленинъ еще можетъ позволить себѣ роскошь завѣренія: «мы предпочтемъ скорѣе погибнуть, чѣмъ отступить отъ основъ коммунистической програм-

мы. Вы можете быть совершенно спокойны и относиться съ добѣремъ къ нашей политикѣ». Во внѣ, фасомъ къ Европѣ теперь звучать инья рѣчи. Зиновьевскій «Коминтернъ» предпочитаетъ или отмалчиваться, или говорить уже о необходимости «единого рабочаго фронта», — конечно, не въ Россіи, а въ Европѣ и Америкѣ. Авансцену же занимаютъ агенты «Коминдѣла». Чичеринъ на всю Европу — черезъ корреспондента «*Berliner Tageblatt*» Шеффера — и сѣтуетъ и зазываетъ. «столь уже давно накрытъ, но приглашенные не являются» . Другой же, болѣе умный агентъ, Радекъ, вмѣсто упрощеннаго хлѣбосольнаго потчиванія Россіей силится реабилитировать самый большевизмъ въ глазахъ европейскихъ заимодавцевъ. Вслѣдъ за Ларинымъ, онъ доказываетъ, что большевизмъ вообще не такъ «страшенъ», какъ его малевали раньше сами же большевики. Ленинъ первоначально вовсе не былъ «немедленнымъ коммунистомъ». Онъ высказывался за рабочій контроль, но отнюдь не требовалъ отмѣны частной собственности. Только «саботажд буржуазии привелъ къ тому, что противъ воли большевиковъ рабочіе на мѣстахъ стихійно перешли отъ рабочаго контроля къ национализаци фабрикъ и заводовъ» (берлинское «*Rote Fahne*» отъ 14 и 15—XII). Ту же идею развиваетъ и европейскій органъ русскихъ большевиковъ «Новый Миръ». Передовикъ въ № 259 утверждаетъ, что «и безъ большевиковъ рабочія массы прошли бы тѣмъ же путемъ»; «націоналізація была совѣтской власти навязана саботажемъ цензовыхъ элементовъ»; она стала «единственнымъ предохранительнымъ средствомъ какъ отъ полной безхозяйственности и хаоса, такъ и отъ неорганизованныхъ и анархическихъ захватовъ рабочими отдѣльныхъ предпріятій» .

Когда читаешь эти строки, невольно вспоминается послѣдняя по времени финансовая реформа большевистской власти — *деноминація*. Въ условияхъ совѣтскаго строя деноминація, или счетная девальвація, приравнивающая десять тысячъ совѣтскихъ рублей къ новой бумажно-денежной единицѣ, — не имѣетъ, конечно, никакого практическаго значенія. Зато *символически* она выходитъ далеко за предѣлы чисто-счетныхъ операций. Можно сказать, что весь, такъ на-

Зываемый «новый курсъ», возвѣщенный годъ тому назадъ, былъ сплошной «деноминаціей». Считать ли старый курсъ — коммунистическимъ, а новый — «государственно-капиталистическимъ»; или, по Радеку, — что «новый курсъ» и есть, собственно, подлинно-большевистскій, а старый, только случайно и по независящимъ отъ большевиковъ обстоятельствамъ былъ курсомъ коммунистическимъ; безразлично — по существу новый курсъ такъ же далекъ отъ удовлетворенія нуждъ Россіи, какъ и старый. Именно потому, что въ коммунистическомъ, и въ капиталистическомъ вариантѣ русскій большевизмъ равенъ самому себѣ, онъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не вызвалъ — и не могъ вызвать — ни подъема производительныхъ силъ, ни примиренія власти и народа. Вопреки увѣреніямъ ясновидѣвшихъ оптимистовъ, «новый курсъ» не примирилъ крестьянство съ большевистской властью и не смягчилъ террористическаго режима. Для него также характерны безпричинныя вспышки ожесточенныхъ расправъ и казней, какъ и въ періодъ «старого» коммунистическаго режима. Въ отношеніи же антибольшевистскаго народа жгучая ненависть къ фанатически-жестокой и губительной власти осложнилась безмѣрнымъ презрѣніемъ къ лжепророкамъ революціи и фальсификаторамъ социализма. Чувства обманутыхъ энтузіастовъ изъ рабочихъ, вѣроятно, многимъ напоминаютъ чувства петербургскихъ рабочихъ къ Гапону послѣ того, какъ выяснилось причастность героя 9-го января къ Департаменту Полиціи . . .

Большевистская власть прочно усвоила мудрость Еклезіаста: «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, такъ какъ и псу живому лучше, нежели мертвому льву»... Но помимо голаго инстинкта самосохраненія, помимо соображеній чисто хозяйственнаго бытія, — ей вовсе не такъ чужды и «буржуазныя предрасудки» современнаго международнаго общенія. У всѣхъ мѣщанъ во дворянствѣ одна психологія... Къ тому же вопросъ о международномъ признаніи большевистской власти является для нея не только вопросомъ необходимости, связаннымъ съ полученіемъ кредитовъ и вообще дальнѣйшимъ ея бытіемъ — онъ является и не послѣднимъ вопросомъ морально-политическаго порядка. Признаніе большевиковъ, почитавшихъ

ся не такъ давно «шайкой убійцъ и воровъ» какъ разъ тѣми, кто сейчасъ приглашаетъ ихъ, «какъ равный равнаго», сѣсть за общій столъ на международной конференціи, призванной возстановивать экономическую жизнь Европы, не можетъ не дать того высшаго удовлетворенія, которое даетъ капитуляція врага, публично отрекающагося отъ своихъ прежнихъ утвержденій по адресу противника. Имѣются соображенія и болѣе высокаго и далекаго порядка. Если в с я Европа идетъ на соглашеніе съ большевистской властью, не очевидно ли, что у этой власти есть будущее? Не очевидно ли, что, по мнѣнію Европы, только у этой власти и есть будущее въ Россіи? И не въ интересахъ ли Европы въ такомъ случаѣ эту власть поддержать и укрѣпить?!..

Такое предположеніе можетъ снова вселить вѣру въ извѣрившихся и отчаявшихся; оно можетъ придать новую силу тѣмъ, кто уже самъ пересталъ считать себя жизнеспособнымъ.

II.

Тяготѣніе коммунистической власти къ капиталистическому міру встрѣтилось съ обратнымъ тяготѣніемъ капиталистическаго міра къ Россіи, какъ къ источнику сырья и рынку для сбыта. Ибо если отрывъ Россіи отъ Европы самымъ пагубнымъ образомъ отразился на Россіи, — онъ не могъ не 'отозваться болѣзненно и на экономическомъ положеніи Европы. И каждый новый годъ, протекавшій послѣ «увода» Россіи изъ Европы, приносилъ съ собою новый проектъ международнаго рѣшенія русскаго вопроса, точнѣе — проектъ новаго отношенія Европы къ пребывающей подъ властью большевиковъ Россіи.

«Санитарное окруженіе» большевистской Россіи практически не столько ограждало Европу отъ большевистской заразы, сколько изолировало російское населеніе отъ небошевистской Европы. Другимъ практическимъ слѣдствіемъ того же плана искусственнаго «окруженія» явилось благопріятствованіе Европы образованію самостоятельныхъ государствъ, «лимитрофовъ», на окраинахъ бывлой Россіи. Этотъ планъ находился въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ разумомъ и искусствомъ творцовъ Версальскаго мира.

Въ своей, получившей мировую извѣстность, книгѣ объ «Экономическихъ послѣдствіяхъ мира» Джонъ Мейнардъ Кейнсъ еще 2½ года тому назадъ писалъ: «Договоръ не содержитъ въ себѣ ни одного мѣропріятія, могущаго способствовать экономическому, возсозданію Европы... Передъ нами необычайный фактъ: основная экономическая проблема Европы, голодающей и разваливающейся на ихъ (Совѣтъ Четырехъ) глазахъ, была единственнымъ вопросомъ, къ которому въ Четырехъ нельзя было пробудить интереса». То, что проницательному экономисту было ясно еще до подписанія Версальскаго договора и что побудило его отказаться отъ официального представительства британскаго министерства финансовъ на Конференціи, — въ послѣдующемъ приобрѣтало все большее признаніе. Сами авторы договора не замедлили ощутить послѣдствія того, что они обошлись съ проблемой экономическаго возстановленія Европы, «какъ съ проблемой теологій, политики или выборныхъ махинацій», по выраженію Кейнса.

И мѣсяца не прошло послѣ ратификаціи Версальскаго трактата (въ январѣ 1920 г.), какъ обнаружилось расхожденіе въ его пониманіи и толкованіи даже въ средѣ державъ-побѣдителей. Каждая изъ нихъ по своему и для себя стала искать путей для возвращенія въ Россію. Установивъ фатальность неудачъ военной интервенціи, осуществлявшейся великими и малыми державами на свой страхъ и рискъ, разрозненно и независимо другъ отъ друга, Британія, менѣе другихъ связанная общими судьбами съ европейскимъ континентомъ и быстрѣе другихъ выработавшая въ своемъ организмѣ противоядіе противъ большевистской «заразы», — рискнула первая, не дожидаясь другихъ, вернуться въ Россію. Она рѣшила пробраться туда безъ шума, почти тайкомъ, прикрываясь, по возможности, чужимъ именемъ: чрезъ органы «санитарнаго кордона», создавшіеся на Балтійскомъ морѣ, и при посредствѣ политически нейтральной русской кооперации. Когда ни тотъ, ни другой путь не привели къ ожидавшимся результатамъ, Британія, опять таки первая заключила формальный договоръ съ совѣтской Россіей.

Франція пошла другимъ путемъ. Продолжая попытку возвращенія въ Россію съ юга, она официально признала крым-

ское правительство ген. Врангеля; вмѣстѣ съ тѣмъ въ связи съ польскимъ наступленіемъ на Кіевъ новыя перспективы открывались для нея и на западномъ направленіи. Италія'шла черезъ Грузію. Японія черезъ Дальній Востокъ, Приморье и Забайкалье. Изъ великихъ державъ-побѣдительницъ одна только атлантическая республика по ряду спеціальныхъ причинъ, среди которыхъ немалую роль играла и ея географическая отдаленность отъ «Евразіи», — осталась внѣ сферы этого неудержимаго, почти стихійнаго тяготѣнія къ Россіи. Здѣсь сказалась вся экономика и психологія послѣвоенной Европы, оказавшейся гораздо ближе — матеріально и духовно — къ истощенной, подпавшей подъ власть большевиковъ Россіи, нежели къ Соединеннымъ Штатамъ, экономически и психически устоявшимъ въ мировой войнѣ и оставшимся вѣрными былымъ традиціямъ. Кэйнсъ правильно характеризовалъ положеніе, говоря, что Россія лишь дальше ушла по тому пути, который открывается и передъ Европой, — «непроизводящей, безработной, дезорганизованной, раздираемой внутренней борьбой и международной ненавистью, воюющей, умирающей съ голоду, грабящей и лгущей», если она во-время не пойметъ опасности и не измѣнитъ своей политической психологіи.

Не найдя выхода ни въ Версалѣ, ни въ послѣдующихъ безчисленныхъ засѣданіяхъ Верховнаго Совѣта, ни въ Лигѣ Націй въ Женевѣ, ни на конференціи въ Вашингтонѣ, — Европа снова оказывается передъ такими же, если не тѣми же, трудностями, передъ которыми она стояла три года тому назадъ. Снова обращаются взоры ея къ загадочному Востоку, къ странѣ съ неограниченными возможностями, въ прошломъ и будущемъ сказочно богатой, а сейчасъ нищей и голодной, въ надеждѣ именно въ Россіи найти источникъ силы для экономическаго возстановленія всей Европы и всего міра. По прежнему Европу раздираютъ противорѣчивые, частью — противоположные интересы. Не приходится поэтому говорить о единствѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ различными европейскими государствами въ ихъ стремленіи въ Россію. Каждое изъ нихъ по своему, но всѣ они одинаково заинтересованы въ Россіи. И «интересъ» къ Совѣтской Россіи тѣмъ острѣе, чѣмъ безопаснѣе для того или иного

государства микробъ большевизма. «Если большевистская пропаганда представляет нѣкоторыя опасности, то неудача въ экономической реконструкціи міра можетъ вызвать подлинную катастрофу. Надо умѣть выбирать». Автору этихъ словъ, сказанныхъ на Каннской Конференціи, — главѣ правительства, имѣющаго дѣло съ высоко-развитымъ рабочимъ классомъ Британіи, можно было «выбирать» безъ колебаній. И онъ это сдѣлалъ еще задолго до пріѣзда въ Каннъ.

Раскритиковавъ Версальскій договоръ и мрачными красками обрисовавъ настоящее и будущее Европы, Кэйнсъ въ заключительной главѣ своей книги намѣтилъ «Средства борьбы со зломъ». Онъ насчиталъ четыре такихъ средства: «1. Пересмотръ договора. 2. Ликвидация международной задолженности. 3. Международный заемъ и реформу денежнаго обращенія. 4. Взаимоотношенія Центральной Европы и Россіи». Непреодолимое сопротивленіе Франціи и Бельгіи дѣлаютъ неосуществимымъ и по сей день первое «средство борьбы со зломъ», воспринимаемое нынѣ, какъ зло, всѣми. Реализация второго и третьяго средства продолжаетъ еще встрѣчать препятствія со стороны Соединенныхъ Штатовъ, единственно способныхъ осуществить практически эти мѣропріятія. За вычетомъ другихъ, — измѣненіе «взаимоотношеній Центральной Европы и Россіи» оказывалось единственно-возможнымъ средствомъ борьбы съ послѣвоенной разрухой. Устремляясь по линіи наименьшаго сопротивленія, европейская дипломатія рѣшила испробовать, если не всѣ четыре средства борьбы со зломъ сразу, то хотя бы одно четвертое. Она начала съ конца, взявъ послѣднее средство изолированно отъ другихъ, ему предшествующихъ. Такой подходъ, предопредѣлялъ заранѣе неуспѣхъ предпринятаго дѣла. Въ общаго измѣненія всего «духа» послѣ-версальскихъ международныхъ отношеній, никакое измѣненіе отношеній между Центральной Европой и Россіей, само по себѣ, конечно, не въ силахъ возстановить экономическую жизнь міра.

Отмѣчая рѣзкій упадокъ производительности Европы, развалъ транспорта и денежнаго обращенія и невозможность для нея получать въ привычныхъ размѣрахъ снабженіе изъ-за

океана, Кейнсъ въ такихъ выраженіяхъ начерталъ планъ реконструкціи Центральной и Восточной Европы.

«Я не вижу никакого способа возмѣстить эту потерю производительности въ сколько-нибудь разумный срокъ, иначе чѣмъ черезъ посредство германской предпринимчивости и организаціи.

...Германія имѣетъ оный, побудительныя причины и въ значительной степени матеріалы для снабженія русскаго крестьянина тѣми товарами, по которымъ онъ изголодался за эти пять лѣтъ, для реорганизаціи транспорта и концентраціи — для привлеченія, такимъ образомъ въ міровой котель, къ всеобщему благу, — тѣхъ запасовъ, отъ которыхъ мы сейчасъ столь трагически отбѣааны. Въ нашихъ интересахъ ускорить пришествіе дня, когда германскіе агенты и организаторы окажутся въ состояніи пробудить въ каждой руссокой деревни импульсъ обычныхъ экономическихъ движеній. Этотъ процессъ совершенно независимъ отъ правящей власти въ Россіи; но мы можемъ предсказать съ извѣстной долей вѣроятія, что, независимо отъ того, окажется ли форма коммунизма, представляемая совѣтскимъ правительствомъ, въ неизмѣнномъ соотвѣтствіи съ русскимъ темпераментомъ или нѣтъ, — возрожденіе торговли, возвращеніе удобствъ жизни и обычнаго экономического движенія врядъ ли будутъ содѣйствовать крайнимъ формамъ тѣхъ доктринъ насилія и тирании, которыя суть дѣти войны и отчаянія.

...будемъ, ободрять Германію и поможемъ ей снова занять мѣсто въ Европѣ къ качеству творца и организатора благосостоянія для ея восточныхъ и южныхъ сосѣдей.

...Если мы запретимъ Германіи обмѣнивать продукты съ Россіей и тѣмъ кормить себя, она неизбежно станетъ конкурировать съ нами изъ-за продуктовъ Новаго Свѣта.»

Здѣсь, какъ въ зернѣ, дано схематически все существо того плана, который нынѣ провозглашается единоспасающимъ символомъ вѣры возрождающейся новой жизни Европы. . . . Что этотъ планъ радостно подхватили непосредственныя жертвы «караеагенскаго мира», въ частности Германія, гдѣ идеи Кейнса съ самаго начала встрѣтили всеобщее сочувствіе, — это естественно и понятно. Болѣе неожиданнымъ оказалось то, что этотъ планъ, въ гораздо менѣе мягкомъ и ретушированномъ вариантѣ, нынѣ усвоенъ и вдохновителями «караеагенскаго мира», не видѣвшими прежде во взглядахъ Кейнса ничего кромѣ элементарнаго «бошофильства». Между тѣмъ, если примѣненіе «четвертаго» изъ предложенныхъ Кейнсомъ средствъ и могло бы дать удовлетвореніе чѣмъ-либо специальнымъ интересамъ, то, конечно, не сейчасъ, а 2½ года тому назадъ, до полного ис-

тощенія російскихъ запасовъ и охватившихъ страну паралича голода и мора.

Руководители экономической политики Германии отлично понимаютъ, что любой планъ, исходящій изъ Германии, пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ нѣкоторую одіозность и непріемли-вость для Франціи. Поэтому въ той же мѣрѣ, въ какой Радекъ и Красинъ силились прежде всего «заинтересовать» въ своемъ экономическомъ возстановленіи Германию, въ лицѣ Ратенау, Штиннеса, Дейтча, — послѣдніе стремились въ своемъ возста-новленіи «заинтересовать» прежде всего Англию — Ллойдъ-Джорджа и Горна, а затѣмъ Лусера. Одна изъ статей, помѣ-щенныхъ въ „Berliner Tageblatt“ въ защиту проекта такъ и озаглавлена: «Путь на Востокъ черезъ Лондонъ». (22. XI.). Инициаторамъ и вдохновителямъ «англо-германскаго сотрудни-чества на поприщѣ эксплуатаціи русскихъ сырьевыхъ бо-гатствъ», какъ формулировалъ впоследствии существо плана сочувствующій ему «Новый Путь» (5. XII.), — удалось соблюсти полную конспиративность въ стадіи предварительной разработ-ки своего плана и сношенія съ заинтересованными сферами. Изъ матеріаловъ, опубликованныхъ позднѣе въ экономическомъ приложеніи къ „Manchester Guardian“ отъ 8. XII и „Neue Frei Presse“ отъ 13. XII, видно, что уже въ сентябрѣ германскіе промышлен-ники придали общему плану обращенія Россіи въ «краеуголь-ный камень всей политики какъ въ отношеніи репарацій, такъ и въ отношеніи общаго возстановленія Европы» форму конкрет-наго проекта. Въ октябрѣ состоялся въ Берлинѣ съѣздъ одного изъ отдѣловъ организованнаго Августомъ Мюллеромъ «Эконо-мическаго Комитета по возстановленію транспорта, промы-шленности и торговли на Востокъ». На съѣздѣ приняли участіе 78 представителей германской индустріи. Въ результатѣ съѣзда образовалась группа первоклассныхъ фирмъ различныхъ отря-слей промышленности, объединившихся въ особые союзы (ринги). Эта группа признала первѣйшей задачей для возстано-вленія Россіи возстановленіе ея путей сообщенія трудомъ нѣ-мецкихъ рабочихъ и предпринимателей, кредитуемыхъ амери-канскими финансистами. И только въ началѣ декабря, послѣ долгой и настойчивой работы, послѣ ряда съѣздовъ и свиданій въ

Берлинѣ, Висбаденѣ, Лондонѣ, тайное стало яснымъ. Нѣмецкія, англійскія, французскія газеты одновременно опубликовали, такъ называемый планъ Штиннеса о созданіи международнаго консорціума изъ Англии, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, привлекающихъ Германію для дѣла экономическаго возстановленія Россіи.

Существо этого наиболѣе грубаго варианта возстановленія Россіи путемъ лишенія ея всякой возможности экономическаго преуспѣянія въ будущемъ, въ изложеніи, *Journal des Debats* отъ 4. XII, «*Manchester Commercial Edition*» отъ 7 XII и другихъ, сводится къ слѣдующему. Англія, Франція и Соединенные Штаты снабжаютъ Германію капиталами, сырьемъ и транспортными средствами и обезпечиваютъ ей монополію въ области снабженія Россіи готовыми издѣліями. Россія ограничивается добычей сырья и производствомъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, коими расплачивается за германскіе товары. Текстильная, металлургическая и инныя отрасли промышленности не возстанавливаются въ Россіи, — чтобы не нарушить монополію Германіи. Выгоды, полученныя отъ экономической дѣятельности Германіи въ Россіи, распредѣляются между участниками Консорціума такъ, чтобы была обезпечена уплата военныхъ репараций и русскихъ государственныхъ долговъ. Германіи временно предоставляется мораторій.

О тѣхъ мотивахъ, которые даже противниковъ Радекъ-Штиннесовскаго варианта стараго Кэйнсовскаго плана заставили отнестись къ нему болѣе чѣмъ снисходительно, можно составить себѣ яркое представленіе по статьѣ «Консорціумъ для Россіи», помѣщенной въ новогоднемъ номерѣ французскаго оффиціоза.

«За отсутствіемъ покупателей Англія страдаетъ отъ безработицы. Реорганизованная Россія откроетъ ей отличные рынки для сбыта. Кроме того, реорганизация Россіи обогатитъ также нѣмцевъ. Они легче займутъ снова то мѣсто, которое они занимали — въ первомъ ряду — среди клѣпцовъ Англии... По правдѣ говоря, при всемъ желаніи работать въ Россіи, англичане могли бы подождать болѣе подходящаго случая. Но нѣкоторые основанія заставляютъ ихъ торопиться. Они думаютъ, что наилучшее правительство Россіи — то, которое предлагаетъ имъ больше всего выгодъ. Они опасаются, что паденіе болѣ

невозможа будоць сопровождатъся полной анархій. Быть можетъ, имъ нежелательнѣе также приходъ къ власти правительства, при которомъ Россія угрожала бы стать очень сильной.

... Англія — и кто ее за это упрекнетъ? — не хочетъ, чтобы нѣмцы захватили русскую клиентеллу. Видя или считая, что нѣмцы добиваются этой монополіи, Англія спѣшитъ создать, въ свою очередь, организацію, которая могла бы дѣйствовать въ Россіи.

А съ момента, когда вопросъ о такой организаціи подлежить разсмотрѣнію, — Франція не можетъ болѣе отъ него уклониться. Отсутствующіе всегда неправы. У насъ слишкомъ много интересовъ въ Россіи, не только въ формѣ старыхъ долговъ, а и въ формѣ грядущихъ возможностей, — чтобы исключить себя изъ международной группы, у которой сконцентрируются русскія дѣла. Отрицаніе, обструкція насъ ни къ чему не приведутъ. Но потребуемъ ради общаго дѣла гарантій, которыя охраняютъ одновременно и наши интересы, и интересы другихъ народовъ.» («Temps» отъ 1. 1. 1922).

И въ заключеніе экономическихъ соображеній — совершенно необычная для французскаго оффиціоза политическая нота:

«Советское правительство, каковы бы ни были его преступленія, все же единственная власть, которая можетъ въ настоящее время осуществлять русскую національную политику. Поскольку оно осуществляетъ эту политику, поскольку оно охраняетъ независимость государства отъ соревнованийъ и враждебныхъ дѣйствій иностранцевъ, оно говоритъ отъ имени всего русскаго народа, и его требованія не могутъ ни отвергать, ни отрицать ни одинъ народъ, считающій себя другомъ грядущей Россіи.»

Это говорилось до конференціи въ Каннѣ... Наиболее непримиримая къ соглашенію съ большевистской властью французская дипломатія вынуждалась перемѣнить свою точку зрѣнія. Она вынуждалась къ тому соображеніями внутренней политики: давленіемъ справа матеріально-заинтересованныхъ группъ, сопрягшихъ свои усилія съ домогательствами сочувствующихъ большевикамъ политически лѣвыхъ круговъ. Она, болѣе того, вынуждалась и соображеніями внѣшняго порядка. Съ отходомъ Америки отъ европейскихъ дѣлъ; съ уклономъ Италии въ орбиту Англии; съ рѣзкимъ обостреніемъ отношений съ Англіей и охлажденіемъ отношений съ Соединенными Штатами, Италией, Испаніей и т. д. Франціи угрожаетъ полная международная изоляція. Въ такихъ условіяхъ, передъ угрозой конфликта съ Англіей по вопросу о возмѣщеніи военныхъ убытковъ Германіей, французскій премьеръ въ Каннѣ не могъ не

стать безъ боя всѣхъ позицій по вопросу о соглашеніи съ большевиками и приглашеніи ихъ на конференцію въ Геную. «Французскій министръ — писалъ каннскій корреспондентъ «Temps» отъ 8-го января — думалъ, что если онъ обезпечитъ себѣ англійскую поддержку въ практическомъ вопросѣ о репараціяхъ цѣною благосклоннаго пріятія того, что можетъ быть химерой безъ будущаго, — это, послѣ всего, выгодное дѣло».

Вопросъ о соглашеніи съ большевиками былъ предрѣшенъ до Каннской Конференціи. Каннская Конференція сыграла на руку большевикамъ лишь въ томъ отношеніи, что сдѣлала для нихъ совершенно безболѣзненнымъ включеніе въ международное общеніе. Превзошли всѣ ожиданія только каннскія условія, поставленныя большевистской власти. Здѣсь противники большевистской власти, вѣроятно, не въ большей мѣрѣ были возмущены, нежели сторонники ея — пріятно изумлены. Занявшись вплотную экономическимъ возстановленіемъ Европы, союзная дипломатія повторила ошибку Версаля: и съ экономической проблемой она обошлась «какъ съ проблемой теологіи или wyborныхъ махинацій». Намѣренно обходя острые вопросы, она думала выйти изъ положенія, оторвавъ экономику отъ политики.

III.

Каннская резолюція относительно «экономическаго возстановленія центральной и восточной Европы» составлена въ самомъ общемъ видѣ. Формально она одинаково обращена и къ «наиболѣе мощнымъ государствамъ» и къ «наиболѣе немощнымъ», къ участникамъ конференціи въ Каннѣ и къ «Германи, Австріи, Венгрии, Болгаріи и Россіи». Только заключительный пассажъ, касаясь специально «развитія торговли въ Россіи», внѣ всякой связи съ предыдущимъ, содержитъ условное признаніе большевистской власти. «Если бы Русское правительство потребовало своего официальнаго признанія въ цѣляхъ обезпеченія условій необходимыхъ для развитія торговли въ Россіи, то союзныя державы могли бы согласиться на такое

признание *) только въ случаѣ, если русское правительство приняло бы всё указываемая выше обязательства («stipulation»)

Вся резолюція — и по своей формулировкѣ, и по назначенію — двулична. Она говоритъ о Европѣ, а думаетъ о Россіи; когда же говоритъ о Россіи, — думаетъ о Европѣ; думая о Россіи, говоритъ о русскомъ правительствѣ, а обращается къ большевистской власти; говоритъ о возстановленіи, а предполагаетъ эксплуатацію; говоритъ о всеобщемъ сотрудничествѣ (cooperations de tous), а имѣетъ въ виду опеку и интервенцію «болѣе мощныхъ» въ дѣла «болѣе слабыхъ»; говоритъ о финансовой и экономической помощи слабымъ, а думаетъ объ обезпеченіи матеріальныхъ интересовъ болѣе сильныхъ; говоритъ о возобновленіи торговыхъ сношеній, а рассчитываетъ на политическое перерожденіе; говоритъ о правѣ каждого народа выбирать для себя такой экономической и государственной режимъ, какой для него предпочтительнѣе (п. 1), и въ то же время ставитъ опредѣленные требованія нѣкоторымъ народамъ, говоритъ о капитуляціяхъ въ пользу иностранцевъ (п. 2) и въ то же время требуетъ установленія «законной и правовой системы, обезпечивающей безпристрастное выполнение всѣхъ договоровъ, торговыхъ и иныхъ» (п. 13). Говоритъ о предоставленіи значительныхъ кредитовъ наиболѣе слабымъ странамъ и въ то же время требуетъ наличности «финансовыхъ и денежныхъ условий, представляющихъ достаточныя гарантіи для торговли» (п. 4.) и т. д.

Эти вольныя и невольныя умалчиванія и подстановки — несоотвѣтствія съ элементарными требованіями логики и политической морали — могли бы имѣть совершенно второстепенное значеніе съ точки зрѣнія, такъ называемой, реальной политики, — если бы основная задача — возстановить экономическую жизнь дезорганизованной и оскудѣвшей Европы силами разоренной Россіи, была бы практически разрѣшима Канинскими мѣропріятіями. Но вѣдь не 20-ью же милліонами фунтовъ стерлинговъ можно разсчитывать оздоровить финансы и восстано-

*) «... les puissances alliées ne pourraient accorder cette reconnaissance que si»... etc. („Temps“ 8. I.). — Англійскій текстъ болѣе положителенъ:

«... the Allied Powers will be prepared to accord such recognition only if» ... ect.

вить экономику всей Центральной и Восточной Европы! Какъ извѣстно, Каннская конференція сочла даже этотъ проектъ Киндерсли непосильнымъ для западно-европейскихъ державъ, бременемъ и остановилась на болѣе скромномъ проектѣ Лусера объ организаціи частнаго международнаго синдиката съ капиталомъ въ 2 мил. фунт. стерлинговъ въ валютѣ тѣхъ странъ, коимъ оказывается международная помощь. Надо признать, что большевики гораздо реальнѣе представляютъ себѣ размѣры помощи, которая должна быть имъ оказана. Красинъ справедливо замѣтилъ, что капиталъ въ 20 мил. фунт. стерлинговъ не достаточенъ для консорціума; что частному консорціуму задача возстановленія Россіи — одной Россіи, а не только всей Центральной и Восточной Европы! — вообще не по силамъ; что для этого необходимы международные кредиты. („Times" отъ 5. 1.).

Но и съ кредитами въ тѣхъ размѣрахъ, которые могутъ быть найдены въ одной только Америкѣ, — не приходится рассчитывать не только на возможность возстановленія Центральной Европы за счетъ Россіи или хотя бы частичной уплаты ея репарацій за счетъ Германіи, — не приходится рассчитывать сейчасъ даже на оплату Россіей своимъ сырьемъ и продовольствиемъ предполагаемыхъ къ ввозу въ Россію иностранныхъ товаровъ. Достаточно напомнить, что при довоенномъ потребленіи Россіей промышленныхъ издѣлій на сумму въ 6.750 милл. рубл. весь русскій вывозъ исчислялся въ 1.423 милл. рубл. Въ условіяхъ, въ которыхъ сейчасъ находится сельское хозяйство и добывающая промышленность въ Россіи, доведеніе русскаго вывоза сырья и продовольствія даже до довоеннаго уровня совершенно исключено. Одно это дѣлаетъ практически неосуществимыми всѣ планы возстановленія экономической жизни, исходящіе изъ разчета на быстрое снабженіе Европы русскими «излишками» въ обмѣнъ на европейскіе фабрикатъ. Въ ближайшіе годы Россія не подспорье для Европы. Россія нуждается и въ ближайшіе годы будетъ продолжать нуждаться во всемъ даже въ хлѣбѣ (ср. „Rapport de la section financière et économique au Comité Exécutif de la Conférence des Membres de la Constituante de Russie.“)

Несмотря на весь свой цинизмъ, Стекловъ въ существѣ правъ, когда наканунѣ Каннской конференціи писалъ:

«Мы полагаемъ, что никакихъ политическихъ требованій ни Франція, ни тѣмъ болѣе Англія выдвигать не станутъ, за рѣше понимая безцѣльность такого непроизводительнаго занятія, а ограничатся изыскашемъ технико-экономическихъ, обеспеченій уплаты по старымъ долгамъ и по тѣмъ новымъ займамъ, которые, какъ она прекрасно понимаютъ, имъ придется предоставить Советской Россіи именно для того, чтобы она въ ближайшемъ будущемъ стала платежеспособной. Но и измысленіе такихъ гарантій также будетъ въ значительной степени праздымъ занятіемъ. Основная гарантія, которую мы можемъ дать нашимъ кредиторамъ и контръ-агентамъ, — это наше горячее желаніе и твердое рѣшеніе возстановить хозяйственную жизнь страны. И этого довольно: лучшей «гарантіи» не придумаешь.» («Извѣстія» отъ 23. XII.).

Стекловъ совершенно правъ, говоря о «новыхъ займахъ», которые придется Европѣ теперь же предоставить большевикамъ въ расчетѣ на ихъ будущую «платежеспособность». Стекловъ, увы, оказался правъ и въ томъ, что «ни Франція, ни тѣмъ болѣе Англія никакихъ политическихъ требованій выдвигать не стануть»... Каннская конференція обошла, самымъ тщательнымъ образомъ завуалировала всѣ внутри — политическіе вопросы Советской Россіи. Англія и Франція въ данномъ случаѣ не только отступили отъ прецедентовъ ими же созданныхъ въ отношеніи къ Германіи и Венгріи, когда «Антанта» обусловила заключеніе мира и соглашеніе требованіемъ демократизаціей государственнаго строя и отреченія Вильгельма Гогенцоллерна и Карла Габсбургскаго; онѣ не потребовали даже того, чтобы участники грядущей мирной конференціи въ Генуѣ предварительно установили миръ въ предѣлахъ своихъ внутреннихъ границъ. Конференція въ Каниѣ не удовлетворила, въ частности, спеціального ходатайства, направленнаго ей б. председателемъ признаннаго Европой грузинскаго правительства Н. Жорданія, о томъ, чтобы въ число условій допущенія большевистскаго правительства на мирную конференцію было включено требованіе о выводѣ войскъ, оккупировавшихъ Грузію 11 мѣсяцевъ тому назадъ...

Пуанкарэ, смѣнивъ Бриана, можетъ теперь заднимъ числомъ въ своей министерской деклараціи придавать Каннскимъ

постановленіямъ тотъ смыслъ, что «условія, установленныя Каннскимъ протоколомъ должны быть приняты или отвергнуты делегатами (на Генуэзской конференціи) до всякаго обсужденія». („Temps“ отъ 20. 1.). Но какъ обойти тотъ фактъ, что заключительная часть Каннской резолюціи опредѣленно связываетъ всѣ формулированныя ею условія не съ приглашеніемъ на Генуэзскую Конференцію, а съ тѣмъ случаемъ, что «русское правительство потребовало бы своего officialнаго признанія»?.. А если «русское правительство» не потребовало бы?.. Officialное приглашеніе большевистскому правительству вѣдь уже послано и останется въ силѣ!..

Европа, го́довая на экономическую интервенцію въ дѣла Совѣтской Россіи, но съ исключительной щепетильностью воздерживающаяся отъ, упаси Боже, вмѣшательства въ политическія условія большевистскаго быта, — мы говоримъ, конечно, не о вооруженномъ вмѣшательствѣ; Европа, готовая признать и, частью, уже признавшая власть коммунистической партіи въ Россіи за правительство русскаго народа и въ то же время укрывающаяся за схоластическимъ различіемъ *ad hoc* созданныхъ понятій фактическаго и юридическаго признанія; — какъ будто всякое признаніе, признаніе, какъ таковое, каковъ ни былъ бы его объектъ, по формѣ можетъ быть инымъ, нежели юридическимъ? — Европа не находитъ выхода изъ своихъ противорѣчій и непоследовательности.

Такого выхода не находятъ не только двучинные сторонники экономическаго возстановленія Россіи, но и подлинныя друзья русскаго народа. Премьеръ чехо-словацкой республики Бенешъ незадолго до Каннской конференціи говорилъ:

«Серьезнаго наблюдателя русскіихъ отношеній въ настоящее время уже мало интересуютъ вопросы о томъ, пойдетъ ли совѣтскій режимъ или нѣтъ, останутся ли у власти Ленинъ и Троцкій или нѣтъ, подвинутся ли быстро или медленно событія вправо. Теперь мы продвинулись дальше. Теперь мы въ интересахъ миллионновъ тяжело страдающихъ людей поднялись надъ этими событіями и хотимъ ввести всю Россію въ рамки мировой политики и мирового хозяйственнаго сотрудничества. Съ того момента, когда дѣло подойдетъ къ соимѣстной работѣ, всѣ вопросы, касающіеся режима и людей, найдутъ благополучное разрѣшеніе сами собой... Это не означаетъ признанія

того или иного режима. Это означает подготовку по медленному активному проникновению всей международной общественности въ политическое и хозяйственное развитие Россіи.» („Prager Presse“ № 270.)

И въ другомъ мѣстѣ той же рѣчи:

«Намъ ясно и всегда было ясно, что единственный возможный путь для возстановленія Россіи — это пребываніе Европы въ Москвѣ, контроль русскаго хозяйства, русской политикѣ, русской совѣтской арміи, русской пропаганды, русской чрезвычайки и совѣтскаго террора вообще, осуществляемый Европой одновременно съ интенсивнымъ хозяйственнымъ проникновениемъ въ Россію со всѣхъ сторонъ. Другой помощи нѣтъ и быть не можетъ. Возможное паденіе совѣтскаго режима ничего бы не спасло, если бы оно не сопровождалось тѣмъ, о чемъ я говорилъ выше. Такова наша цѣль въ русской политикѣ. Мы желали, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла Россіи, содѣйствовать сокращенію русскаго мученичества и скорому возстановленію Россіи». (Тамъ же).

Конечно, только эвфемически и весьма условно можно контроль за русскимъ хозяйствомъ, арміей, чрезвычайкой и т. д. называть «невмѣшательствомъ во внутреннія дѣла»...

Россійская демократія не можетъ не отдавать себѣ яснаго отчета въ реальныхъ намѣреніяхъ какъ большевистской власти, такъ и Европы. Ей не дано — ни психологически, ни политически — смѣшивать чаемаго Европой съ сущимъ въ Россіи, желаемаго союзной дипломатіей съ возможнымъ для большевистской власти и, обратно, — чаемаго и желаемаго Россіей съ сущимъ и возможнымъ для Европы. Еще годъ тому назадъ, поэтому, собравшееся въ Парижѣ частное совѣщаніе Учредительнаго Собранія обращало вниманіе международнаго общественнаго мнѣнія

«на грозную опасность, заключающуюся въ томъ, что при возстановленіи хозяйственныхъ связей родины нашей съ внѣшнимъ міромъ, стремленія большевиковъ любой цѣной отсрочить дѣль незавѣжной своей гибели, можетъ легко встрѣтиться съ попытками извнѣ сдѣлать большевистскую власть орудіемъ политическаго и экономическаго закрѣпощенія Россіи.»

Она тогда же протестовала противъ плана

«воспользоваться возобновленіемъ экономическихъ связей съ Россіей для хозяйственнаго ея закабаленія или для искусствен-

наго, вопреки волѣ народной, укрѣпленія власти большевистскихъ узурпаторовъ, должествующихъ сыграть роль туземной полицейской силы для охраны интересовъ иностраннаго хищническаго капитала». («Бюллетень Совѣщанія» № 2, стр. 5.)

Въ связи съ практической постановкой вопроса, возникшаго еще годъ тому назадъ, Исполнительная Комиссія, выдѣленная совѣщаніемъ членовъ Учредительнаго Собранія, предвидитъ теперь въ своемъ постановленіи отъ 5. 1. с. г., что

«всякая, вырванная иностранцами у большевиковъ уступка неизбежно приведетъ къ тому, что ради сохраненія и защиты ожидаемыхъ выгодъ и преимуществъ имъ придется защищать и охранять большевистскую власть въ ея борьбѣ противъ угнетаемыхъ ею народовъ. Въ поддержкѣ извнѣ власти большевиковъ таится источникъ глухой борьбы и грозныхъ столкновений, которыя и послѣ неминуемаго паденія большевиковъ затруднятъ на долгіе годы установленіе мирнаго международнаго сотрудничества съ Россіей».

Россійская демократія отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что экономическое возстановленіе Россіи необходимо не только для Россіи, но и для всего міра. Возстановленная — экономически и политически — демократическая Россія, конечно, съ готовностью приметъ участіе въ общихъ и солидарныхъ усиліяхъ по реорганизации разрушеннаго войной международнаго уклада. Для достиженія этихъ цѣлей Россіи не обойтись безъ помощи иностраннаго капитала. Но эту помощь россійская демократія мыслитъ не въ формѣ расхищенія достоянія Россіи, не путемъ обращенія Россіи въ земледѣльческую колонію Европы, всецѣло зависимую отъ нея и вынужденную весь свой трудъ отдавать на развитіе промышленности и мощи другихъ странъ. Политическая самостоятельность Россіи и возможность экономического ея развитія, использование русскихъ и иностранныхъ капиталовъ, свободная иностранная конкуренція на русскомъ рынкѣ, — все это предполагаетъ наличность свободнаго гражданскаго правопорядка и власти, признанной народомъ и страной.

Отсутствіе такого признанія большевистской власти изнутри, въ Россіи, — конечно, не можетъ быть восполнено тѣмъ, что большевистская власть признана за «русское прави-

тельство» извинѣ, иностранными державами. Но и помимо этого фактъ международнаго признанія большевистской власти, самъ по себѣ, не можетъ не вызвать самаго отрицательнаго отношенія со стороны російской демократіи.

Международное признаніе большевистской власти, кромѣ самихъ большевиковъ, представляется явленіемъ положительнымъ только органу заграничной Делегации Россійской Соціально-Демократіи. «Соціалистическому Вѣстнику», продолжающему видѣть въ большевикахъ революціонеровъ и социалистовъ, только — «плохихъ» («Соціал. В.» № 21. стр. 4.), — естественно было и въ признаніи большевиковъ усмотрѣть международное «признаніе русской революціи» («Соц. В.» № 22. стр. 3.).

Но, не раздѣляя этой исключительной точки зрѣнія, — а, особенно, считая большевиковъ худшей разновидностью контръ-революціонеровъ и отступниками социализма*), — можно ли относиться къ факту признанія большевиковъ Европой безразлично?

Въ конечномъ счетѣ, съ исторической точки зрѣнія можно, конечно, говорить о томъ, что «судьбы русской демократіи не зависятъ отъ того, будутъ или не будутъ аккредитированы при Кремлевскомъ дворѣ сѣверо-американскій, великобританскій, французскій и др. послы». Но можно ли это сказать политически, съ точки зрѣнія ближайшихъ судебъ Россіи въ связи съ положеніемъ большевистской власти, попавшей окончательно въ тупикъ, изъ котораго ее теперь временно выводитъ международное вмѣшательство? Не преувеличивая значенія внѣшняго признанія, можно ли все-таки довольствоваться историко-философскимъ размышленіемъ, что «когда наступитъ часъ» ничто «не помѣшаетъ свергнуть» большевистское правительство, какъ это въ свое время случилось съ царскимъ правительствомъ, пользовавшимся «всеобщимъ признаніемъ»?

*) Въ этомъ отношеніи между различными отгѣнками с.-р.-овскаго направленія нѣтъ никакого различія: Черновъ, какъ и Авксентьевъ или Керенскій, одинаково опровергаютъ тезисъ меньшевиковъ — „оппозиціи его Величества большевизма“ — о томъ, что „большевизмъ это революція, пусть плоховатая, пусть не очень разумная, но все-же революція“. (См. приложеніе № 1 „Революціонной Россіи“ ст. Чернова противъ меньшевиковъ какъ „оппозиціи его Величества большевизма“.)

Мало сказать: «не наше дѣло хлопотать» о томъ, чтобы большевики были признаны. И уже совершенно невозможно мотивировать свою позицію неустойчиваго нейтралитета — ни за, ни противъ — тѣмъ, что «не наше дѣло давать имъ (коммунистамъ) бой на этой столь далекой отъ социализма аренѣ». О «боѣ» въ данномъ случаѣ говорить можно, конечно, лишь фигурально. Что же касается «арены» для боя, то можно ли вообще когда-нибудь очутиться на «близкой къ социализму аренѣ для боя», если до того уклоняться и не принимаютъ «боя» на болѣе отдаленныхъ аренахъ?..

Поэтому, обратно тому, что высказываетъ В. В. Сухомлинь въ еженедѣльникѣ «Воля Россіи» № 1, мы полагаемъ, что признаніе и связанное съ нимъ финансово-экономическая поддержка большевистской власти опредѣленно затруднить и повредить дѣлу русской демократіи, — а, слѣдовательно, и дѣлу «русской социалистической демократіи». Только недооцѣнивая значенія международнаго фактора или рокового значенія большевизма для судебъ русской и мировой демократіи, — можно смотрѣть «поверхъ» признанія большевиковъ Европой, и не видѣть, что вопреки намѣреніямъ, объективно оно идетъ на пользу большевикамъ, а стало быть, во вредъ Россіи!

Сочетаніе европейскаго имперіализма съ азіатскимъ деспотизмомъ грозитъ болѣе всего ударить по неимущимъ. Капиталъ, незнающій отечества, можетъ почувствовать себя хорошо и въ большевистской Россіи. Но для труда, для творческаго труда, его интересы всегда связаны съ интересами родины, — прежде всего съ ея политической и экономической независимостью. Это дѣлаетъ для російскаго демократа — социалиста сугубо неприемлимымъ международное признаніе большевистской власти.

Судьба не балуетъ російскую демократію. Къ ея голосу, призывамъ или протестамъ прислушиваются не слишкомъ внимательно. Какъ и въ дореволюціонную, царскую пору, къ ея предостереженіямъ относятся какъ къ предвѣщанію безумной Кассандры, провидѣвшей грядущія бѣды, но безсильной ихъ предупредить. Конечно, можно было бы, напомнить, что проклятіе Кассандры было не менѣе пагубно, чѣмъ для нея для тѣхъ, кто

отказывался внимать голосу проклятой Богомъ и проклинаемой людьми пророчицы. Но нынѣшнихъ «троянцевъ» этимъ не смутить. Ориентируясь на факты, на осязаемые штыки, а не на потенциальную силу, — они легко и беззаботно скидываютъ со счетовъ русской исторіи, какъ факторъ ирреальный, російскую демократію. Сейчасъ мало кому — даже во Франціи — импонируетъ примѣръ «бордосскихъ протестантовъ», 47 лѣтъ ожидавшихъ, пока ихъ протестъ противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи былъ «уваженъ» исторіей. Но развѣ передъ тѣми, кто предпочитаютъ любые факты морально-благороднымъ, принципиально-истиннымъ, но «безжизненнымъ» протестамъ, — развѣ передъ ними нѣтъ и аморальнаго примѣра? Развѣ нынѣшніе властители Россіи въ зарубежныхъ скитаніяхъ не сумѣли взростить въ себѣ такую вѣру въ свою, и только свою, правду, такую волю къ ея утвержденію въ жизни, что когда пришелъ часъ, въ обстановкѣ всеобщаго одичанія и развала войны, они привели въ движеніе Ахеронъ не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ?

Или это не фактъ?..

Тотъ же, кто съ перваго дня прихода большевиковъ къ власти, ни разу, ни на минуту не усомнился въ неизбывной обреченности большевистской власти, — тому и сейчасъ — и сейчасъ больше, чѣмъ когда-либо — нѣтъ основанія отступить отъ избраннаго пути. Весь опытъ четырехъ кошмарныхъ лѣтъ, несмотря на жестокіе удары судьбы, только укрѣпляютъ въ убѣжденіи нереальности побѣды большевиковъ и неминуемаго торжества демократіи. И не иллюзіи о возстановленіи мира всего міра чрезъ соглашеніе съ героями гражданской войны поколебать такое убѣжденіе!

Маркъ Вишнякъ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ

Творчество Тургенева. Сборникъ статей подъ редакціей И. Н. Розанова и Ю. М. Соколова. „Задруга“. Москва. 1920. Стр. 234. Цѣна 120 руб.

Общее устремленіе авторовъ сборника направлено прежде всего на выявленіе художественной стороны произведеній Тургенева (В. М. Фишеръ: Повѣсть и романъ у Т-ва; И. Н. Розановъ: Цѣвощъ модчаниа (о стихотвореніяхъ Т-ва); С. В. Шуваловъ: Природа въ творчествѣ Тургенева; Б. Е. Лукьямскій: Эпитетъ у Тургенева). Много вниманія удѣлено ирраціональнымъ элементамъ (М. А. Петровский: Тайнственное у Тургенева; Ч. Вѣтринскій: Муза-вампиръ; К. Г. Локсъ: Вѣра и сомнѣнія Тургенева). Тому, что можно было бы назвать «общественной» стороной произведеній Тургенева, посвящены два хорошихъ очерка: М. М. Клевенскаго, Общественно-политическіе взгляды И. С. Тургенева, и В. М. Соколова, Мужики въ изображеніи Тургенева.

Сборникъ этотъ возникъ, надо полагать, въ связи съ недавнимъ Тургеневскимъ юбилеемъ. Интересны опъ, главнымъ образомъ, своими заданиями, хотя имѣются въ немъ и удачныя страницы. Авторамъ объединило стремленіе взглянуть на Тургенева по-новому, принять его нашей сегодняшней душой, въ которой уже нѣтъ больша мѣста традиціоннымъ расцѣнкамъ Тургенева, какъ «бытовика», «знатока народной жизни и пѣвца ея идеаловъ», «общественника», чуть ли не публициста. Многое въ дѣлѣ ликвидаціи устарѣлыхъ оцѣнокъ, выработанныхъ критикой 60-хъ—70-хъ годовъ, было уже сдѣлано, напомнимъ хотя бы книгу Д. Н. Овсянко-Куликовскаго; «Старую манеру Тургенева» — К. К. Истомина; статью Г. А. Грузинскаго въ «Исторіи русской литературы XIX в.»

(Изд. «Мір»), эту же Л. Гросмана — «Манюш Леско» и т. д. Однако, момент всеобщаго сотрясенія и сдвига явился наиболее подходящимъ для коренного пересмотра традиціонныхъ воззрѣній на Тургенева.

Сборникъ открывается статьей В. Фишера, посвященной анализу «сюжета» и нѣкоторыхъ, наиболее характерныхъ приемовъ Тургенева. Статья эта могла бы быть еще болѣе интересной. Но въ настоящемъ своемъ видѣ она производитъ впечатлѣніе схемы, довольно детальнаго, но не полнаго, плана, по которому когда-нибудь будетъ выполнена столь важная и столь трудная работа, какъ изученіе эстетики Тургенева, т. е. свойственной ему трактовки сюжета, композиціи, пропорціи и т. д., вплоть до выбора эпитетовъ. Все это, для художника, способы самовыраженія и, напр., изученіе эпитетовъ внѣ общей «эстетики» даннаго писателя ни къ чему не ведутъ, какъ это и явствуетъ изъ статьи Б. Лукьянскаго.

В. Фишеръ опубликовалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двѣ хорошія книжки о русскихъ писателяхъ XIX вѣка, гдѣ онъ разсматривалъ нашихъ классиковъ по-новому, не традиціонно, оставляя на второмъ планѣ ихъ «общественную» сторону и сосредоточивая главное вниманіе на архитектоникѣ классическихъ произведеній, на приемахъ творчества и т. д., словомъ, трактуя литературу, какъ искусство слова. И обѣ книжки быстро проложили себѣ дорогу въ школу. Настоящая статья будетъ чрезвычайно интересна для преподавателей, но она слишкомъ схематична и неполна. Главныя ея положенія сводятся къ слѣдующему: автобиографическій, бытовой и историческій элементы въ произведеніяхъ Тургенева не существенны; главный интересъ ихъ психологическій и философскій. «Приковать человека къ мѣсту, задѣлать его въ рамки хронологическихъ датъ и наблюдать за нимъ въ этомъ уголкѣ, забывъ о той безконечности (наводившей, къ слову сказать, ужасъ на Тургенева, — С. К.), что его окружаетъ — вотъ художественное заданіе Тургенева».

Чрезвычайно досадно, что В. Фишеръ, говоря о «музыкальной» сторонѣ Тургеневскаго романа, понимаетъ слово это какъ-то ужъ очень «прикладнымъ» образомъ и ограничивается перечисленіемъ тѣхъ сценъ, гдѣ описана игра на фортепьяно или гѣнне, въ то же время ни словомъ не упоминаетъ о музыкальной трактовкѣ самого сюжета. А между тѣмъ, однимъ изъ излюбленныхъ приемовъ Тургенева являются музыкальныя заключенія отдѣльныхъ главъ романа: напряженность внутреннихъ переживаній «разрѣшается» гармоничеки, и растворяется въ лирическихъ аккордахъ; ср. напр. заключенія главъ IV, VIII, XXVII и XXVIII въ такомъ, казалось бы, мало поэтическомъ произведеніи, какъ «Отцы и дѣти». Лири-

чоской резиньціей Тургеневъ отвѣчаетъ на безпощадное: *entbehren sollst du, sollst entbehren*.

Не менѣе досадно, что В. Фишеръ проходитъ молчаніемъ странную и страстную влюбленность Тургенева въ XVIII вѣкъ, особенно въ XVIII в. въ его русскомъ преломленіи: причудливости рококо среди русской корявой дѣйствительности. Эта сторона Тургенева тонко и красиво разсмотрѣна Л. Гросманомъ (Манонъ Леско; *Senilia* .Одесса. 1919) Въ этой влюбленности въ XVIII вѣкъ, остается абсолютно неоправдываемой сцена Фомушки и Фимушки, включенная въ столь ультра-злободневный романъ, какъ «Новь».

Много говорилось о мастерскихъ описаніяхъ природы у Тургенева. С. Шуваловъ анализируетъ роль этихъ описаній въ развертываніи сюжета. Въ большинствѣ случаевъ, картины природы не являются простой декорацией, кулиссой, но тѣсно связаны съ переживаниями персонажскй и съ общимъ настроеніемъ произведеній, являютъ извѣстную музыкальную символику, позволяютъ ощущать «таинственныя нити между космосомъ и душой. (Достаточно напомнить роль грозы въ «Вешнихъ ведахъ», въ «Фаустѣ», въ «Наканунѣ»; зимняя или осенняя буря въ «Рудинѣ», въ «Нещастной», въ «Перопискѣ» и т. д.)

Цѣлый рядъ произведеній Тургенева касается области ирраціональнаго («Собака», «Сопъ», «Пѣсь торжествующей любви», «Клара Миличъ» и т. д.). М. Петровский устанавливаетъ, что «таинственнымъ началомъ въ жизни, по часто и злымъ и страшнымъ, является Тургеневу любовь; началомъ таинственнымъ и всегда злымъ, и всегда страшнымъ — законъ смерти; наконецъ, объединяющимъ ихъ субъектомъ таинственного, столь же страшнымъ, столь же безпощаднымъ — судьба.» Ч. Вѣтринскій видитъ въ Элизѣ («Призраки»), образъ музы, какъ она представлялась перѣдко Тургеневу, музы-вампира, питающейся соками поэта. К. Локсъ справедливо отмѣчаетъ, что Тургеневъ «сквозь легкую дымку созорпанія, а не страстной любви или ненависти всматривался въ необозримое море народной жизни.» «Не меньше, чѣмъ Толстой и Достоевскій, увидѣлъ онъ въ народѣ, увидѣлъ и прошелъ мимо. Въ самомъ дѣлѣ, какой смерть поднялся бы въ душѣ Достоевскаго при встрѣчѣ съ «живыми мощами!» Тургеневъ спокойно и проникновенно рассказалъ и перешелъ къ другимъ темамъ, такимъ далекимъ и чуждымъ.» Пушкинская «свободная дорога» была наиболѣе близка ему. Не потому ли его такъ не любили Толстой и Достоевскій?

Кое гдѣ, у авторовъ сборника сквозитъ стремленіе измѣрять Тургенева по одному масштабу съ Толстымъ и Достоевскимъ. Объ этомъ можно только пожалѣть. Богоборчество, религіозное горѣніе,

темпераментъ пророковъ — все это было чуждо Тургеневу агностику, либералу на западный манеръ, поэту, влюбленному не столько въ Красоту («Красота спасетъ міръ!») восклицать Достоевскій), сколько въ красивое. И не совсѣмъ правда, что Тургеневъ нашелъ въ народѣ не меньше, чѣмъ Толстой и Достоевскій. Тѣ же типы, какъ Лукерья, Акимъ, Касьянъ не являются въ его глазахъ типичными для русской деревни, и авторъ бесконечно далекъ отъ того, чтобы увидѣть въ русскомъ народѣ «народа-богоносца» или чтобы пойти самому и насъ послать учиться у народа его «правдѣ».

Въ русской литературѣ уже отмѣчалось, насколько не соотвѣтствуетъ истинѣ ходячее представленіе о Тургеневѣ, какъ «пѣвицѣ идеаловъ народной жизни». Б. Соколовъ еще разъ возвращается къ этой темѣ и убѣдительно показываетъ, что Тургеневъ вообще мало говорилъ о деревнѣ, какъ таковой: большинство его крестьянъ — дворовые или люди, такъ или иначе, оторвавшіеся отъ земли; описаній полевыхъ работъ въ его произведеніяхъ совсѣмъ не встрѣчается; почти отсутствуютъ просто описанія внѣшняго вида деревни. Въ общемъ же, то, что онъ говоритъ о мужикахъ, очень печально. «Господствующій тонъ по отношенію къ мужику-землепашцу глубоко-пессимистическій». Не могутъ искупить этого мрачнаго изображенія крестьянской жизни ни «Бѣжинъ Лугъ», ни нѣсколько симпатичныхъ женскихъ образовъ (главнымъ образомъ, изъ дворовыхъ), ни рѣдкія изображенія религиозныхъ настроеній народа, которыя «интересовали Тургенева-писателя, но далеко, впрочемъ, его не захватили». «Свѣтлыя стороны мужицкаго міра... потонули въ безднѣ тьмы, ненависти, глупости, жестокости и пьянства».

Поэтому Тургеневъ звалъ интеллигенцію не учиться у народа его правдѣ, а напротивъ, — учить его: «возьмите науку, цивилизацію и лечите этой гомеопатіей мало-по-малу.» «Роль образованнаго класса въ Россіи быть передателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать или принимать»... Тургеневъ плохо вѣрилъ или, лучше сказать, совсѣмъ не вѣрилъ въ государственныя способности русскаго общества и всего русскаго народа. М. Кловенскій въ прекрасной статьѣ разсматриваетъ общественно-политическіе взгляды Тургенева, привлекая большой матеріалъ отчасти мало извѣстный до послѣдняго времени по цензурнымъ условіямъ. Вырисовывается обликъ политически воспитаннаго и образованнаго чловѣка, въ противность мнѣнію Герцена и др., отрицавшихъ за Тургеневымъ политическія способности, съ чѣмъ Тургеневъ всегда спѣшилъ согласиться, прибавляя имъ безъ досады: «Коли ужъ на то пошло, признаюсь, лучше быть неполитикомъ въ моемъ родѣ, чѣмъ политикомъ въ родѣ Огарева или Бакунина.» Это Тургеневъ неоднократно доказалъ и на дѣлѣ. —

Вспомнимъ исторію съ проектомъ адреса Александру II о необходимости созыва Земскаго Собора. Авторы проекта (Герцель, Огаревъ) составили его въ нарочито расплывчатыхъ, даже двусмысленныхъ выраженіяхъ, такъ чтобы подъ нимъ смогли подписаться даже самыя заядлыя крѣпостники. Но Тургеневъ отказался поставить свою подпись. Критиковать положеніе о крестьянахъ, сказалъ онъ, это значитъ поддерживать въ народѣ убѣжденіе, что царь далъ волю, а помѣщики и бары (т. е. вообще все образованные люди) хотятъ ее отнять. Последующія событія, въ томъ числѣ и I-ое Марта 1881 г., показали, насколько Тургеневъ былъ правъ, опасаясь этого грядущаго разрыва между деревней и интеллигенціей.

Необходимо отмѣтить печальную внѣшность книги: сърая бумага, тусклая, съ трудомъ читаемая печать, плохая брошировка.

Пр.-доц. **Сергій Карцевскій.**

Архивъ русской революціи, т. т. I II и III. Берлинъ. 1921 г.

2-й и 3-й т. т. «Архива» даютъ много матеріала для характеристики роли союзныхъ державъ въ русской борьбѣ съ большевистской властью. Это одна изъ очень тяжелыхъ страницъ въ исторіи Россіи послѣднихъ лѣтъ. Здѣсь много постыднаго но только для союзниковъ, но и для насъ. И трудно сказать для кого больше. Въ концѣ концовъ не въ этихъ моральныхъ оцѣнкахъ суть дѣла. Отъ взаимныхъ перекоровъ и предъявленія счета обидъ не можетъ быть выяснена та общественно-политическая обстановка, при которой въ самой основѣ отношеній между разнаго рода «бѣлыми» фронтами и союзниками скрывался безнадежный и неисцѣлимый порокъ. Сущность этого порока заключалась въ томъ, что недостатокъ въ массахъ гражданской стойкости и революціонной энергіи въ борьбѣ съ большевизмомъ думали замѣнить иностранными техническими средствами. Качественную, внутреннюю болѣзнь движенія думали излѣчить количественными, внѣшними аксессуарами иностраннаго вмѣшательства. Недостаточно сильныя въ борьбѣ за свое родное дѣло, дѣятели вооруженной или вѣрнѣе военной борьбы съ большевизмомъ думали спасти положеніе помощью людей, для которыхъ это дѣло было чужимъ.

И у этихъ чужихъ людей часто возникалъ вопросъ, вполнѣ резонный: да хотятъ ли тѣ, которымъ мы помогаемъ себя освободить, себя освободить? Когда американцы и англичане выходили на позиціи въ Бельгіи или во Франціи помогать французамъ

или бельгийцамъ, то не было никакого сомнѣнія въ томъ, что бельгийцы и французы хотятъ себя освободить. Этой ясности въ Россіи не было. И поэтому союзники были правы, когда въ самый неожиданный моментъ бросали все и уѣзжали. Такъ было на сѣверномъ фронтѣ.

Эта тяжелая и обидная эпопея рассказана въ III т. С. Добровольскимъ, находившимся во главѣ военно-судебнаго вѣдомства сѣверной области. Англичане покинули сѣверный фронтъ въ самый тяжелый моментъ борьбы. Но покинули они его послѣ ряда возстаній въ рядахъ бѣлыхъ, послѣ того, какъ обнаружилось, что въ области происходитъ яростная борьба противъ правительства, послѣ того, какъ безнадежность положенія стала ясна многимъ руководителямъ антибольшевистскаго движенія. И вотъ, несмотря на то, что у автора то и дѣло вырываются горькіе упреки по адресу англичанъ, наносившихъ простому человѣческому и національному чувству достоинства рядъ тяжелыхъ обидъ, несмотря на это авторъ все таки отмѣчаетъ и объективную сторону дѣла.

«Не слѣдуетъ забывать, пишетъ онъ, что англичанинъ не допускаетъ и мысли о постороннемъ вмѣшательствѣ въ его внутреннія дѣла. Отсюда съ неумолимой логикой вытекаетъ то положеніе, что избавленіе Россіи отъ большевиковъ можетъ быть произведено лишь руками самого русскаго народа. Вмѣшательство въ наши дѣла вооруженной рукой могло быть произведено первоначально лишь на базисѣ продолженія войны съ Германіей, которая въ это время черезъ Финляндію протягивала свою руку къ нашему сѣверу, а затѣмъ на предоставленіи по м о щ и русскому народу, большинство котораго путемъ вооруженнаго возстанія выявило свою волю къ освобожденію отъ большевиковъ»...

Но война съ Германіей была кончена, а внутри вмѣсто «строительства» происходила склока и анархія. Лопнули всѣ остальные фронты. «Ставка на оздоровленіе русскихъ народныхъ массъ и изжитіе ими большевизма считалась проигранной». Англичане ушли, понимая, что безнадежно помогать тѣмъ, кто не хочетъ и не можетъ самъ себя помочь. И, загубивъ очень много людей, очень много имущества, вызвавъ раздраженіе радикальныхъ элементовъ въ самой Англій, англичане теряли всякое равновѣсіе духа, становились грубыми и неприличными, не испытывая моральнаго отпора со стороны русской среды, которая сама была больна всѣми явленіями общественно-политическаго разложенья.

Уходя, они на глазахъ всего населенія среди бѣлдня уничтожили массу цѣннаго военнаго имущества, которое очень могло бы пригодиться антибольшевистскимъ войскамъ сѣвера. «Въ защиту такого поведенія англійскаго командованія — рассказываетъ авторъ — приводилось указаніе, что всѣмъ необходимымъ мы были снаб-

жены и что уничтожалось лишнее имущество, чтобы оно не попало въ руки большевиковъ.» Увы, мы знаемъ, что во многихъ случаяхъ объективно вся роль союзниковъ сводилась къ тому, что они накапливали огромное военное имущество и массу продовольствія въ такихъ рукахъ, черезъ которыя значительная часть всёхъ этихъ богатствъ попадала въ руки большевиковъ. Большевики этимъ жили и, пѣтъ сомнѣнія, ихъ военная сила и сейчасъ еще опирается въ значительной мѣрѣ на добычу, оставленную имъ Колчакомъ, Деникинымъ, Врангелемъ и т. п. Что на этой почвѣ отношенія союзниковъ къ намъ не могли быть хорошими — понятно безъ всякихъ доказательствъ.

Въ рецензируемыхъ двухъ томахъ работа С. Добровольскаго является наиболѣе интересной. Политическій кругозоръ автора весьма не широкъ. Его оцѣнки и сужденія порою слишкомъ ярко свидѣлствуютъ о непониманіи тѣхъ трагическихъ фактовъ, которые онъ сообщаетъ. Слишкомъ во всемъ этомъ чувствуется военный прокуроръ, для котораго рамки его профессіи — это предѣлы дѣйствительности. Слишкомъ мною криминализма тамъ, гдѣ должна господствовать политика. Но въ такихъ случаяхъ важны не сужденія, а факты. Фактовъ же дано много и наконѣцъ самыя сужденія автора тоже фактъ — фактъ изъ исторіи политическаго міросозерцанія тѣхъ людей, которые стояли во главѣ антибольшевистскаго движенія. Будущій историкъ долженъ будетъ разсмотрѣть и факты такого порядка.

Во II томѣ интересенъ «журналъ засѣданія совѣта министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апрѣля 1919 года»: это тоже страница, большая тяжелая страница изъ исторіи отношеній къ намъ союзниковъ. То же безсиліе русскихъ, та же распоясанность людей высокой цивилизаціи, которые потеряли не только всякое терпѣніе, но въ придачу къ нему и элементарные принципы культурнаго чловѣка.

Надо отмѣтить, что въ «Архивѣ» начинаетъ появляться матеріалъ совсѣмъ не того стили, который причисляется такому изданію. Появляется много публицистики и беллетристики, или какія то ихъ смѣсь. Все это иногда читается съ интересомъ, порою любопытно, но такого рода матеріалъ можно находить въ газетахъ и журналахъ, гдѣ онъ гораздо болѣе умѣстенъ. Характеръ же «Архива» отъ этого сильно страдаетъ. Здѣсь должно быть собраніе матеріаловъ серьезнаго значенія, освѣщающихъ мало извѣстныя стороны революціонной эпохи. Если же загружать «Архивъ» тѣмъ, что принято называть «бытовыми очерками», то получится можетъ быть «занимательное чтеніе», но не тотъ источникъ познанія революціи, главнымъ образомъ ея политической стороны, который имѣетъ наибольшее значеніе. Тысячи людей рассказываютъ и могутъ

разсказывать о житьѣ-бытьѣ въ Совѣтской Россіи, но только десятки или сотни — участники крупнѣйшихъ событій послѣднихъ лѣтъ — могутъ разсказать, какъ это все происходило. Намъ нужны эти десятки, а не тысячи. То, что является достояніемъ тысячъ, то для исторіи не пропадетъ. А вотъ показанія этихъ десятковъ, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ легче могутъ затеряться. Мы были бы очень рады, если бы указанное нами измельчаніе типа изданія было явленіемъ случайнымъ и временнымъ. Ибо въ основѣ своей «Архивъ» задуманъ хорошо.

Въ заключеніе практической совѣтъ редакціи. Было бы очень желательно, чтобы «Архивъ» регистрировалъ всю литературу по исторіи революціи 1917—1921 г. Тутъ умѣстно не только описаніе всѣхъ вышедшихъ книгъ, но и краткіе рефераты обо всемъ историческомъ матеріалѣ, появляющемся въ журналахъ и газетахъ. Нужно эти иногда мелкіе, — иногда очень важные матеріалы охранить отъ забвенія, такъ чтобы каждый желающій зналъ, что и гдѣ онъ можетъ найти.

Ст. Ивановичъ.

А. Финнъ-Еногаевскій. Современное положеніе мірового хозяйства Государственное издательство. Петербургъ. 1920 г. стр. VIII 87. Цѣна 70 руб.

Книжка эта, сданная въ печать въ сентябрѣ 1920 г., составляетъ извлеченіе изъ изслѣдованія автора о вліяніи міровой войны на судьбы капитализма и является продолженіемъ его очерковъ на ту же тему, печатавшихся въ 1916 г. въ «Современномъ Мірѣ». Исходная точка зрѣнія автора не потерпѣла большихъ измѣненій: буржуазія загнана войной въ тупикъ, но пролетаріатъ еще не созрѣлъ и «поверхностней оцѣнкой нынѣшнихъ силъ буржуазнаго строя, который обнаружилъ до сихъ поръ удивительную живучесть, который на протяженіи всей своей исторіи въ критическіе для него моменты сумѣлъ проявить высокую степень разносторонней приспособляемости и достаточную способность къ сопротивленію, — легковѣстной оцѣнкой его рессурсовъ ничего кромѣ вреда интересамъ мірового пролетарскаго движенія принести пельзы (стр. VII).»

Иллюстраціи этихъ положеній посвящена книжка. Она состоитъ изъ трехъ частей: обзора мірового хозяйства въ его цѣломъ, обзора отдѣльныхъ странъ и общихъ выводовъ. Конечно, что либо исчерпывающее на столь маломъ количествѣ страницъ дать трудно, но нужно признать, что Финнъ довольно точно опредѣ-

лель важнѣйшія черты положенія мірового хозяйства. И основная характеристика послѣвоеннаго мірового хозяйства правильна: сильнѣйшій торгово-промышленный и сельско-хозяйственный кризисъ недостаточнаго производства и обмена, обостряемый спеціальною денежнымъ кризисомъ перепроизводства фиктивного капитала и бумажно-денежнаго наводненія. Но конкретныя данныя, приводимыя авторомъ недостаточно убѣдительны и прагматичны, что, конечно, въ извѣстной степени зависѣло и отъ недостатка матеріаловъ.

Особенно же чувствуется отрывочность изложенія въ обзорѣ отдѣльныхъ странъ: дать состояніе 26 странъ на 23 страницахъ можно только, въ свершенствѣ владѣя источниками. Недостаточность ихъ особенно и чувствуется здѣсь, гдѣ требуется детальное изложеніе. Изъ очерковъ отдѣльныхъ странъ выдѣляется неправильною описаніе положенія Украины, какъ авторъ почему то называетъ всю территорию, которую занимала Деникинская армія. (стр. 61).

Разочаровывасть и обзоръ положенія Совѣтской Россіи. Авторъ пытается доказать, что дѣйствія большевиковъ по имѣютъ того опредѣляющаго значенія, которое имъ приписывается. Въ моментъ окончанія книги (сентябрь 1920 г.) Финнъ не считалъ Россію вышедшей изъ катастрофическаго состоянія: «основныя факторы: топливный, сырьевой, транспортный и, въ особенности, продовольственный продолжаютъ находиться въ критическомъ положеніи. Это усиливается острымъ положеніемъ рабочаго вопроса: недостаткомъ рабочихъ, въ особенности квалифицированныхъ, и значительнымъ паденіемъ работоспособности, что поддерживается съ одной стороны продолжающимися военными дѣйствіями, а съ другой — недостаткомъ необходимыхъ средствъ къ жизни» (стр. 64). Врядъ ли, однако, можно сказать, что на эти факторы большевики не имѣли никакого воздѣйствія.

Совершенно необоснованно мнѣніе Финна, что «Соединенные Штаты являются для насъ наиболѣе безопаснымъ контрагентомъ. Посредничество Афганты, Германіи и Скандинавскихъ странъ въ нашей влѣбной торговлѣ должно быть исключено» (стр. 68). Почему — неизвѣстно.

Третья часть книжки носить названіе «Мѣры буржуазіи. Соціализмъ. Общія выводы.» Мѣры буржуазіи заключаются въ проектахъ, выдвигавшихся въ послѣднее время для улучшенія финансоваго положенія міра. Нѣкоторые изъ нихъ (Виссеринга, Касселя, положенія Брюссельской конференціи) кратко реферированы Финномъ, относящимся къ нимъ скептически. Болѣе благожелательно Финнъ относится къ проектамъ государственной регуляции и социализации, хотя считаетъ, что «всѣ иллюзіи на счетъ

постепеннаго востанія началъ социализма въ капиталистическѣй строй путемъ военнаго государственнаго веденія хозяйства те- перь вездѣ исчезли» (стр. 78.).

Констатируя наличность кризиса въ области социалистиче- ской мысли въ Европѣ, Финнъ одинаково отрицательно относится и къ эволюціонному социализму и къ лѣвому большевизму Пан- некука, считающаго совѣты «всемогущими фетишами, призван- ными замѣнить все и вся» (стр. 81). Финнъ остается вполнѣ на почвѣ старой марксистской догмы, въ томъ видѣ, конечно, какъ онъ ее понимаетъ. Но все-же, по его мнѣнію, взрывъ капитализма на Западѣ въ ближайшее время «возможенъ, но не неминуемъ». Общій-же выводъ его, что «Совѣтской Россіи не грозитъ сейчасъ экономическая опасность отъ капиталистическаго міра. Побѣда надъ Совѣтской властью путемъ внѣшней торговли, что крайне важно для высокаго капитализма на Западѣ, призрачно, особенно при условіи рациональной организаціи внѣшняго обмѣна Совѣт- ской Россіи. Съ другой стороны, вліяніе совѣтскаго строя на уско- реніе крушенія на Западѣ буржуазнаго зависитъ отъ успѣшности экономической политики Совѣтской власти въ дѣлѣ возстановленія и развитія производительныхъ силъ Россіи. Большевизмъ Великой Россійской Революціи въ политическомъ и экономическомъ отно- шеніи выполняетъ историческую задачу расчищенія почвы для по- ваго социальнаго строительства, задачу аналогичную Якобинской времянь Великой Французской Революціи, но въ международныхъ и національныхъ условіяхъ отличныхъ по степени развитія мате- ріальныхъ силъ и общественныхъ классовъ. Побѣда большевизма обезпечена лишь въ условіяхъ: міровой пролетарской революціи и здоровой планомерной политики государственно-организованнаго хозяйства внутри.» (стр. 87).

Резюмируя, можно признать нѣкоторую цѣнность за описаніемъ положенія Европы: для читателей въ Россіи оно можетъ быть по- лезно, но и только для нихъ. Вообще-же книжка интересна по- столку, поскольку интересно все доходящее оттуда.

Г. Лунцъ.

K. Kautsky. Von der Demokratie zur Staats-Sklaverei. Eine Aus- einandersetzung mit Trotzki. Berlin, Verlag „Freiheit“ 1921.

Написанная по частному поводу — для «выясненія отношеній» съ Троцкимъ — работа К. Каутскаго касается нѣкоторыхъ основ- ныхъ проблемъ такъ называемаго научнаго социализма и потому

представляет гораздо болѣе общій интересъ, нежели только отповѣдь Троцкому на его «Анти-Каутскій».

Книга преисполнена пѣтета по отношенію къ Марксу; она избилудеть обычными для марксизма трафаретами и шаблонами. Тѣмъ не менѣе она представляетъ авторитетный образецъ самокритики. Съ характерной для подлиннаго ученаго и политическаго мыслителя независимостью сужденій Каутскій во многихъ случаяхъ свидѣтельствуетъ на страницахъ своей послѣдней книгѣ и противъ Маркса и противъ былого... Каутскаго.

Каутскій проводитъ различіе между двумя Марксами: социалистически юнымъ Марксомъ, періода вліянія на него изученія французской революціи, когда его воззрѣніе во многихъ пунктахъ соприкасалось съ якобинскимъ и бланкистскимъ (стр. 41), и Марксомъ социалистически зрѣлымъ, умудреннымъ опытомъ жизни и результатами своихъ собственныхъ научныхъ изысканій. Но даже въ 1850 г. «когда Марксъ былъ еще близокъ къ бланкистскому ходу идеи и усматривалъ борьбу классовъ преимущественно въ формѣ гражданской войны, онъ взывалъ къ своимъ противникамъ въ Коммунистическомъ Союзѣ «пучистамъ»: въ то время какъ мы говоримъ рабочимъ — вамъ предстоитъ 15, 20, 25 лѣтъ гражданской войны и международной борьбы для того, чтобы не только измѣнить вѣщныя отношенія, но и себя самихъ и сдѣлаться способными къ политическому господству, — вы говорите наоборотъ: намъ необходимо сейчасъ придти къ господству или намъ нужно идти спать.» (стр. 15).

По нѣсколько упрощенной, на нашъ взглядъ, интерпретаціи Каутскаго, — «Марксъ учитъ методу постановки, и въ революціонное время, только такихъ практическихъ задачъ, которыя разрешимы для данныхъ средствъ и силъ и которыя такимъ образомъ даютъ возможность избѣжать пораженій.» (стр. 16). Существуютъ два пути развитія рабочаго движенія. Путь органическаго развитія и роста въ мѣру развитія объективныхъ вѣщныхъ условий и внутренняго роста самосознанія и организованности рабочаго класса; это путь англійскаго и германскаго широкаго и легальнаго рабочаго движенія. И есть путь заговоровъ, путь якобинскій и бланкистскій, на который вступили съ фатальными результатами и для себя, и для всего международнаго движенія русскіе рабочіе, увлекаемые большевиками. Противорѣчіе европейскаго рабочаго движенія 19-го вѣка обнаруживается при сопоставленіи англійскаго чартизма съ французскимъ близкизмомъ. Въ Англии — «смыканіе всѣхъ рабочихъ, готовыхъ бороться за свой классъ, въ единое крупное тѣло безъ различія въ отгѣнкахъ, которые ихъ раздѣля-

ють. Эти оттънки не уничтожаются единствомъ организаціи, а выравниваются въ своей средѣ, отнюдь не въ противоположеніи одной организаціи другой... Во Франціи, наоборотъ, мы встрѣчаемъ заговоръ. Онъ не долженъ состоять изъ большого числа участниковъ, иначе велика опасность къ его обнаруженію. Онъ можетъ удался только при неограниченномъ довѣріи сочленовъ къ вождямъ.» (стр. 75).

Каутскій напоминаетъ слова Розы Люксембургъ, написанныя ею еще въ 1904 гъ «Die Neue Zeit» по поводу ленинской брошюры: «Шагъ впередъ, два назадъ»: — «мы говоримъ совершенно откровенно, — порочные шаги, дѣлаемые подлиннымъ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, исторически неизмѣримо болѣе плодотворны и цѣнны, нежели попорочность наилучшаго «Центральнаго Комитета.» (стр. 67). Соответственно съ этимъ Каутскій ратцѣиваетъ и нынѣшнее «революціонное рабочее движеніе» въ Россіи. «Если въ Россіи большевизмъ представляетъ собою диктатуру надъ пролетаріатомъ, то въ Интернаціоналѣ онъ является заговоромъ противъ пролетаріата. Съ заговорщичествомъ вновь возникаетъ старая тактика «путчей», которая еще никогда такъ легкомысленно и неосторожно не использовала массы въ качествѣ простого пушечнаго мяса, какъ теперь подъ водительствомъ Москвы... Девизъ I-го и II-го Интернаціоналовъ — освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самаго рабочаго класса — нынѣ совершенно отвергается практикой III-го Интернаціонала, дѣйствующаго согласно положенія — освобожденіе всемірнаго рабочаго класса можетъ быть произведено только черезъ диктатуру Центрального Комитета коммунистической партіи Россіи.» (стр. 70). «Не то ставимъ мы въ упрекъ Ленину и его братіи, что они считаютъ капитализмъ неизбѣжнымъ для того уровня развитія, на которомъ стоятъ Россія, а то, что они только сейчасъ пришли къ такому признанію послѣ того, какъ почти четыре года съ неослабной энергіей шествовали въ противоположномъ направленіи, клеймя измѣнникомъ и ренегатомъ всякаго, кто до этого обладалъ правильнымъ взглядомъ; для образованнаго социалиста было нетрудно имѣть правильный взглядъ, ибо марксисты десятилѣтіями раньше опредѣляли грядущую русскую революцію, какъ революцію буржуазную.» (стр. 72).

Каутскій напоминаетъ, что для него, какъ и для всякаго марксиста, демократія никогда не была принципомъ этического долженствованія или «естественно-правовымъ» «категорическимъ императивомъ». «Въ нынѣшнихъ экономическихъ и техническихъ условіяхъ демократія — историческая необходимость, необходимость для пролетаріата такъ же, какъ и для самого государства.» (стр. 27). «За демократіей стоитъ гораздо большая сила нежели за

социализмомъ.» (стр.34).. «Чѣмъ болѣе укрѣплялась социаль-демократія въ демократіи и чрезъ демократію, даже при неполной свободѣ, тѣмъ больше занималъ насъ вопросъ о средствахъ защиты демократіи. Эта проблема была для насъ одной изъ самыхъ важныхъ уже за десять лѣтъ до войны. Не въ вооруженномъ возстаніи, а въ массовой забастовкѣ видѣли мы лучшее средство. Мы считали, однако, и его дѣйствительнымъ только тамъ, гдѣ имъ пользуются въ борьбѣ противъ правительства, примѣняющаго насилія надъ демократіей. Мы считали безразсуднымъ примѣнять его для низверженія правительства, опирающагося на выраженное большинство населенія. Если же вздумали бы произвести опытъ насильственного принужденія крестьянскаго большинства въ аграрной странѣ при помощи массовой забастовки, то отъ такого опыта пришлось бы отказаться. Специфически пролетарскія средства приспособлены къ охранѣ демократіи, а не къ насилію надъ нею.» (стр. 32/3).

Эту точку зрѣнія Каутскій противопоставляетъ утвержденію Троцкаго о томъ, что война «минировала» современный строй. «По сравненію съ демократіей Троцкому представляется «варварская школа войны» лучшей воспитательницей пролетаріата. Къ сожалѣнію, однако, у войны имѣются двѣ различныя формы — побѣда и пораженіе. Не война вызвала революцію, а пораженіе... Одновременно съ тѣмъ война расщепила рабочий классъ на враждебныя фракціи, понизила моральный, интеллектуальный и физическій уровень многихъ его слоевъ, невѣроятно повысила преступность и ожесточеніе, слѣпую вѣру въ насиліе и безсмысленныя иллюзіи. Въ самомъ дѣлѣ, видѣтъ въ войнѣ социалистическаго воспитателя — идея достойная военнаго министра, но не социалиста.» (стр. 29).

Каутскій и сейчасъ продолжаетъ держаться того мнѣнія, что выдвинутое Марксомъ требованіе диктатуры лучше всего передается понятіемъ «нераздѣльнаго господства (Alleinherrschaft), осуществляемого большинствомъ въ демократическомъ государствѣ» (страница 39). Тѣмъ не менѣе послѣ опыта «диктатуры пролетаріата», продѣланнаго большевиками, «несмотря на то, что это выраженіе приняли Марксъ и Энгельсъ», — Каутскій находитъ, что это выраженіе «потеряло очень много». «Лозунгъ диктатуры пролетаріата съ самаго начала страдалъ тѣмъ, что онъ имѣлъ нѣсколько смысловъ. Марксъ и Энгельсъ никогда его не выдвигали, а употребляли его лишь между прочимъ. Его нѣтъ ни въ одной изъ ихъ программныхъ работъ, въ томъ числѣ и въ Коммунистическомъ Манифестѣ, хотя они ко времени его составленія во многомъ стояли еще ближе къ бланкистскому образу мыслей, чѣмъ то было позднѣе. Въ Коммунистическомъ Манифестѣ они всегда говорятъ только о «господствѣ» (Herrschaft) про-

летаріата... Политическіе лозунги черпають свой смыслъ гораздо больше изъ исторіи, нежели изъ лексикона. Исторія сдѣлала выраженіе диктатуры пролетаріата отличительнымъ признакомъ большевизма. Оно въ глазахъ массъ также неразрывно связано съ большевизмомъ, какъ и обозначеніе коммунизма. Марксъ и Энгельсъ называли себя коммунистами. Тѣмъ не менѣе это наименованіе отклоняетъ нынѣ всякій, — даже если онъ клянется Марксомъ, — кто призналъ вредъ большевистскаго воззрѣнія. Также всѣ основанія у насъ за то, чтобы отказаться отъ лозунга диктатуры пролетаріата, который всегда былъ полонъ недоразумѣній и до 1917 г. игралъ роль только въ полемической, а не агитаціонной литературѣ марксиста. Языкъ Коммунистическаго Манифеста, который говорить не о диктатурѣ, а о господствѣ пролетаріата на основѣ демократіи, завоеванной путемъ революціи, можетъ и долженъ насъ полностью удовлетворять.» (стр. 83 и 84).

Если въ рядѣ случаевъ въ своей послѣдней работѣ Каутскій свидѣтельствуетъ противъ Маркса, — я бы сказалъ: въ пользу Лассалля, — то въ вопросѣ о диктатурѣ пролетаріата Каутскій свидѣтельствуетъ противъ самого себя — въ пользу Эд. Бернштейна... Уступая «диктатуру» и замѣняя ее «господствомъ», Каутскій стремится сохранить букву, вѣрность традиціи и тексту «Коммунистическаго Манифеста». Но по существу въ спорѣ, имѣющемъ свыше чѣмъ двадцатилѣтнюю давность, ортодоксъ Каутскій вынужденъ былъ капитулировать передъ ревизионистомъ Бернштейномъ.

И въ этомъ не только литературно-научный, но и политическій интересъ книжки.

М. В.

Содержаніе предыдущихъ книжекъ журнала „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“

КНИГА I.

Отъ Редакціи. — Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ* (Романъ). Главы XI—XIII. — К. Бальмонтъ: *Изъ ночи* (Стихотвореніе). — Софья Федорченко: *Сказки*. — Марина Цвѣтаева. Стихотворенія. — К. Бальмонтъ: *Мысли о творчествѣ*. — В. Крандіевская: Стихотвореніе. — Амари: Стихотвореніе. — В. Зензиновъ: *Русское Устье*. (Изъ дневника ссыльнаго). — Л. Шестовъ. *Откровенія смерти* (Послѣднія произведенія Л. Н. Толстого). — Тихонъ Полнеръ: *О толстомъ* (Клочки воспоминаній). — Николай Авксентьевъ: *Patriotica*. — С. Загорскій: *Соціально-экономическая реакція въ Совѣтской Россіи*. — Э. Ленскій: *Положеніе русской коопераціи*. — В. Рудневъ: *Лига націй и международное рабочее законодательство*. — С. А. Корфъ. *Федерализмъ и централизація въ современной Америкѣ*. — М. В. Вишнякъ: *На Родинѣ*. — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Проф. бар. Б. Э. Нольдо: *Лига народовъ и международный судъ*. — С. П. Тюринъ: «*Guild - Socialism.*» — М. Цетлинъ: *Анри Барбюссъ*. — А. Койранскій: *Театръ въ Англии*. — ПРИЛОЖЕНІЕ. Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ* (Романъ), Гл. 1-X.

КНИГА II.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ* (Романъ). Гл. XIV—XVI. — К. Бальмонтъ: *Змѣй* (Стихотвореніе). — В. Зензиновъ: *Русское Устье* (Изъ дневника ссыльнаго). (Окончаніе). — Н. Крандіевская: Стихотвореніе. — Л. Шестовъ: *Откровенія смерти* (Окончаніе). — Г. Ловцкій: *Музыка и діалектика* (О творчествѣ А. Н. Скрябина). — И. И. Бунаковъ: *Пути Россіи*. — А. М. Михельсонъ: *Америка противъ Англии*. — А. Сѣверовъ. *Кризисъ международного социализма*. — М. В. Вишнякъ: *На Родинѣ*. — Н. Авксентьевъ: *Сложеніе силъ*. КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Проф. М. И. Ростовцевъ: *Поминки*. — С. Поляковъ-Литовцевъ: *Объ искусствѣ благословляющемъ*. — А. Н. Мандельштамъ: *Постоянный международный судъ и начало равенства государствъ* — П. Н. Апостоль: *Вопросы денежнаго обращенія на Брюссельской финансовой конференціи*. — С. Загорскій: *Экономическія проблемы мира*.

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS

13, Rue Bonaparte, PARIS (VIe) - Tel.: Gobelins 53-62

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- А. И. Деникинъ.** — Очерки Фр. русской смуты. Томъ I: "Крушение власти и арміи" (въ 2 выпускахъ) 30.—
- В. Плехановъ.** — "Годъ на родинѣ". Полное собраніе статей и рѣчей 1917-1918 года. 2 тома 40.—
- Б. Соколовъ.** — На поворотѣ Діонео. — Англія 5.—
- Заблудовская.** — Франція *Д-ръ Бортовскій.* — Какъ сохранить своездоровье 3.75
- Ив. Назимовъ.** — Осени поздней цвѣты запоздал. 2.—
- К. Д. Бальмонтъ.** — Свѣтлый часъ. (Стихи) . . . 2.—
- Б. А. Лазаревскій.** — Птицы ночныя и др. разск. 2.—
- Сем. Юшкевичъ.** — Вышла изъ круга (Повѣсть) 2 выпуска 5.—
- Г. Д. Гребенчиковъ.** — Въ нѣкоторомъ царствѣ. (Очерки) 3.—
- А. Островскій.** — Гроза (Драма) 3.—
- Л. А. Крестовская.** — Русск. волонт. во Франціи . . . 7.50
- А. Блокъ.** Двѣнадцать. Стихи 10, 30 и 40
- Дети дѣтляжъ.** — Сборники разсказовъ, написанныхъ и иллюстр. дѣтми. Два выпуска. 2.50 и 3.00
- Русскія сказки,** иллюстрированы дѣтми, выпуски по . . . 1.25, 1.75 и 2.50
- "Родное".** — Сборникъ стихотв. для русскихъ дѣтей, состав. Л. А. Коварской. 4.50

Иллюстрирован. библіотека французскихъ писателей:

- Бурже.** — Преступленіе 5.—
- Житъ.** — Романъ котика 5.—
- Мериме.** — Графиня Діана 5.—
- Мирбо.** — Аббатъ Жюль 5.—
- Превю.** — Около любви . 5.—
- Ришпэнъ.** — Тина . . . 5.—
- Родъ.** — Мишель Тесье . 5.—
- Золя.** — Избранные разск. 5.—

Художественныя изданія на французскомъ языкѣ

- N. Gontcharova et Lariovov.** — L'art decoratif théâtral et moderne (Album) 200 frs. et. 75.—
- A. Blok.** — Les douze (poème) 25.—
- A. Gleizes.** — Du cubisme et des moyens de le comprendre 6.—
- I. Roche.** — Demi-Cercle (Album) 25.—
- G. Lukomski.** — Le Musée de Kiev 200.—
- Marie de la Hire.** — Francis Picabia 100.—
- V. Parnak.** — Motdynamo 20.—

Русскіе классики

Полныя собранія сочиненій Боборыкина, Вересаева, Гаршина, Гарина, Гоголя, Гончарова, Данилевскаго, Достоевскаго, Жуковскаго, Загоскина, Кольцова, Короленко, Куприна, Лермонтова, Лѣскова, Мамина-Сибиряка, Никитина, Мея, Писемскаго, Помяловскаго, Пушкина, Станковича, А. К. Толстого, Тургенева, Успенскаго, Фета, Чехова и др.

Учебники

по всѣмъ предметамъ среднихъ и начальныхъ школъ; по счетоводству, механикѣ, воздухоплаванию, шофферному дѣлу, сельскому хозяйству.

Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. На складѣ имѣются крымскія и кавказскія газеты конца прошлаго года.

Книги по русскимъ вопросамъ на французскомъ и др. языкахъ. Медицинскія книги. Научно-популярныя. Энциклопедическіе словари (Павленкова, Граната, Брокгауза), Календары.

Выдаются справки и принимаются заказы на русскія и иностранныя книги. Принимаются порученія по печатанію книгъ. Книжные магазины, общественныя учрежденія и военнопленнымъ — скидка. Каталоги бесплатно.

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS

13, Rue Bonaparte, PARIS (VIe) - Tel.: Gobelins 53-62

Книги о Россіи на французскомъ языкѣ:

LÉNINE, par Landau-Aldanov	6.50
TERRORISME ET COMMUNISME, par Karl Kautsky .	8 fr.
LE VOYAGE DE CACHIN ET DE FROSSARD DANS LA RUSSIE DES SOVIETS, par le Dr. Boris Sokolov	6.50
LES TRÉSORS D'ART EN RUSSIE SOUS LE RÉGIME BOLCHEVISTE, par Alexandre Polovtsoff	5 fr.
DEUX RÉVOLUTIONS: La Révolution Française. — La Révolution Russe, par Landau-Aldanov	4.—
LE BILAN DU BOLCHEVISME EN RUSSIE, par Dimitri Gavronsky	3.50
DANS LE ROYAUME DE LA FAMINE ET DE LA HAINE, par S. Volsky	4 fr.
LE RÉGIME SOVIÉTIQUE, par Marc Vichniac	3.50
L'ŒUVRE ÉCONOMIQUE DES SOVIETS, par Alexan- dre Axelrode	6 fr.
MES TRIBULATIONS DANS LA RUSSIE DES SOVIETS, par V. Tchernov	5.—
L'ÉVOLUTION ACTUELLE DU BOLCHEVISME RUSSE, par Simon Zagorsky (Préface de M. Emile Vandervelde)	6.50
LES JUIFS DANS LA RÉVOLUTION RUSSE, par Boris Mirsky. (Avec préface de M. Salomon Reinach) . .	5 fr.
LA PROTECTION DES DROITS DES MINORITÉS DANS LES TRAITÉS INTERNATIONAUX DE 1919- 1920, par Marc Vichniac	4.—

Разныя книги на французскомъ языкѣ:

M. A. ALDANOV. Sainte-Hélène petite ile. Roman histo- rique. Un volume in-8 ^o écu. Prix.	7 fr.
L'Inconnu sur les Villes, roman des foules modernes, par Marcello-Fabri. Prix	6.50
V. TH. TOTOMIANTZ. Anthologie coopérative. Avec préface de M. Charles Gide	15 fr.

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИЖКА

ДѢТИ—ДѢТЯМЪ

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ

написанныхъ и иллюстрированныхъ
дѣтьми въ возрастѣ 10 до 13 лѣтъ.

Выходятъ неперіодически, подъ редакціей: И. и Л. КОВАРСКИХЪ

Цѣна 1-го выпуска 2 фр. 50

Цѣна 2-го выпуска 3 фр. —

Заброшенные на чужбину русскія дѣти быстро отвыкаютъ отъ всего русскаго. Цѣль редакціи — содѣйствуя мысленно и творчеству дѣтей на русскомъ языкѣ, поддержать въ нихъ любовь къ родной рѣчи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

J. POVOLOZKY et Cie
13, RUE BONAPARTE, PARIS (6^e)

Тургеневская Общественная Библіотека

9, Rue du Val-de-Grâce, 9 - Paris (V^e)

Открыта: по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ
отъ 6-ти до 9-ти часовъ;

по Вторникамъ. Четвергамъ и Субботамъ отъ 3 до 6.

Занять 15 фр. за книгу, чтеніе 2 фр. въ мѣсяцъ, для неограниченъ 2 фр. 50 с.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТЪ АБОНЕНТА.

С 1-го января 1922 года

в Праге выходит большой общественно-политический,
экономический и литературный

Е Ж Е Н Е Д Е Л Ь Н И К

„ВОЛЯ РОССИИ“

В еженедельнике принимают участие сотрудники и
корреспонденты газеты „Воля России“.

Постоянные отделы:

Статьи по вопросам русской и международной политики, -
Материалы и корреспонденции из России. - Статьи по на-
циональному вопросу. - Экономическая жизнь. - Обзор
иностранной жизни. - Россия и Чехословакия. - Хроника
социалистического и рабочего движения. - Литературно-
художественный отдел. - Вопросы культуры, искусства, лите-
ратуры и науки. - Русская и иностр. печать. - Критика и
библиография. - Русские за-границей. - Казачество. - Жизнь
студенчества.

Принимается подписка на 1922 год.

Цена № в 24 стр. в Чехословакии — 6 крон.

Адрес конторы и редакции:

„Volja Rossii“, Uheľný trh 1, Prague, Tchécoslovaquie.

Ежемесячный журнал общественной агрономии,
земледельческой кооперации и аграрной политики

„Земледѣліе“

подъ редакціей И. В. Емельянова, С. В. Маракужева
и проф. Г. К. Шиндлера.

В Ы Ш Е Л Ь № 2

С О Д Е Р Ж А Н І Е :

ЗЕМСКІЙ АГРОНОМЪ. О направлѣніяхъ и методахъ
общественно-агрономической работы. — Проф. В. Ѳ.
ТОТОМІАНЦЪ. Матеріальные и моральные успѣхи
кооперативнаго движенія въ Ирландіи. — И. В.
ЕМЕЛЬЯНОВЪ. Гранжъ. — Н. МАЛИЦКІЙ. Коопе-
рація среди земледѣльцевъ въ Болгаріи. — Проф.
В. Ѳ. ТОТОМІАНЦЪ. Очередныя задачи коопераціи.
— Н. С. ВОРОБЬЕВЪ. Медово-фруктовое винодѣліе.
— Положеніе земледѣльческаго населенія въ Россіи.
(По докладу С. С. МАСЛОВА). — Совѣтская Россія
и англійскіе концессионеры. — Хроника. — Библиографія.

Изданіе „Славянскаго Издательства“ въ Прагѣ

Русскій книжный магазинъ „МОСКВА“ въ Берлинѣ

Адресъ: Russische Buchhandlung Heinrich Sachs,
Berlin SW 48, Wilhelmstr. 20 (тел. Lützow 567)

Библиотека и отд. „Вестень“: W 62, Nettelbeckstr. 15
(тел. Lützow 2847)

Въ скоромъ времени выходятъ въ собственномъ изданіи
(по старой орфографіи)

А. Н. Толстой, Хожденіе по мукамъ
и его же, Любовь — Книга золотая
Двѣ пасхальныхъ дѣтскихъ книги

1-го Марта выходитъ и рассылается бесплатно,

№ 1 „Вѣстникъ Русскаго Книжнаго Рынка“,

цѣль котораго освѣдомлять быстро и аккуратно зарубежные
и русскіе магазины и читающую публику о всѣхъ новыхъ
книгахъ и о всѣхъ — столь частыхъ — измѣненіяхъ въ цѣнахъ
на книги ранѣе вышедшія (чему служилъ отчасти журналъ
„Русская Книга“).

Вѣстникъ будетъ выходить перваго числа каждаго мѣсяца.

Изъ содержанія перваго номера:

Отъ издательства — Переходъ на новую орфографію —
Русская книгоиздательская дѣятельность за рубежомъ —
Издательская хроника.

Прибавленія:

Каталогъ маг. „МОСКВА“ № 9 „Февраль 1922 г.“
Каталогъ акц. о-ва Вальтера и Рапа въ Ригѣ.
Объявленія зарубежныхъ и русскіихъ издательствъ.

Вышелъ и поступилъ въ продажу первый номеръ

НОВОЙ РУССКОЙ КНИГИ

Ежемесячнаго критико - библиографическаго
журнала подъ редакціей проф. А. С. Яценко.

Издательство И. П. Ладыжникова.

СОДЕРЖАНИЕ :

Статьи Андрея Бѣлаго „Культура въ современной Россіи“, Алексѣя Ремизова „Крюкъ“, И. Эренбурга „Новое искусство въ Россіи“, П. Гальцова „Русская наука и ученые въ Крыму“ (1917—1920) и др. — Рецензіи. — Книгоиздательская хроника. — Судьба и работы писателей. — Пресса. — Книжная летопись.

Цѣна номера 25 марокъ

Адресъ редакціи: Berlin W. 50, Augsburgers StraÙe 33

Адресъ конторы: Berlin W. 50, RankestraÙe 33.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1922 г. на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

„ЗА СВОБОДУ!“

ВЫХОДИТ В ВАРШАВѢ

ДЕВИЗ ГАЗЕТЫ: „ЗА РОДИНУ и СВОБОДУ!“

В 1921 г. в газетѣ помѣщались статьи: Б. В. Савинкова, Д. В. Философова, А. А. Дикгоф Деренталя, В. В. Уляницкаго, М. Н. Гнилорыбова, В. В. Португалова, Е. С. Шевченко, Л. Станиславскаго, В. М. Корчемнаго, А. Л. Бема, А. Г. Мигкова, И. Л. Соколова, П. Варра, В. Бранда, О. Воинова и др.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: В Польшѣ в мѣсяц 800 марок, за границу 900 марок. Цѣна номера 30 марок. Въ Болгаріи 1 л. 50 зл., Сербіи пол дин., Германіи 3 м. 20 пф. Румыніи 1 л. 20 б., Австріи 20 кр., Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и Константинополѣ 50 с.

ЦѢНЫ ОБЪЯВЛЕНІЙ: За одну миллиметровую строку на первой стр. 80 марок, среди текста 150 марок, на 4 стр. 50 марок. Объявленія о розыскѣ и ищущим занятія 20 марок за слово.

АДРЕС: WARSZAWA, NOWY ŚWIAT Nr. 22

« . . . Каждый граммъ высланнаго лѣкарства
будетъ служить спасеніемъ жизни ближняго.»

(Выдержка изъ одного полученнаго письма.)

Письма, извѣщ. о полученіи посылокъ въ Россію—можно
видѣть въ бюро.

ДОМАШНІЯ АПТЕЧКИ ВЪ РОССІЮ

составл. Г. СЕГАЛЬ, быв. фармацев. Русск. Госп. въ Парижѣ.
Pharmacie d'urgence «Segal» (Marque déposée).

Аптечки содержатъ необходимые медикаменты 1-й помощи:

1. Таблетки Аспирина по 0,5.	9. Зубныя капли.
2. « Пирамидона по 0,2.	10. Антисептич. порошокъ.
3. « Солян.-кисл. хин. по 0,5.	11. Іодъ.
4. « Салолъ съ бисмутомъ по 0,25 кажд.	12. Гоменоловый вазелинъ.
5. Пиллюли отъ кашля (Терпинъ 0,2 и Кодеинъ 0,01).	13. Помада противъ экземы и прыщей.
6. Таблетки Бертолетовой соли.	14. Таблетки Марганцево-кислаго калия по 0,25.
7. Слабительныя пиллюли.	15. Горчичники.
8. Пил. прот. гриппа и инфлюэнцы (были употребл. въ Русск. Госпиталѣ въ Парижѣ) Камф. 0,1 и бензой. натръ 0,2.	16. Индивидуальн. перевязки.

—
Всѣ этикетки и способъ
пріема лѣкарствъ на русск. яз.

Посылки отправл. во всѣ г. Россіи, Украйны,
Кавказа и Крыма. Стоимость посылки, вклю-
чая почтовые расходы и упаковку

24 fr. 50.

Кромѣ аптекъ отправляются слѣд. посылки:

- 1 = 3 куска медицин. мыла (Карболовое, сулемовое и борное)
съ упаковкой и пересылкой 8 фр.
- 2 = 3 куска туалетнаго мыла съ упаковкой и пересылкой
9 фр. 50 с.
- 3 = 1 трубка зубной пасты. 2 куска медиц. мыла. 2 куска
туалетн. мыла. 1 зубная щетка. Съ упаковкой и
пересылкой 15 фр.

Заказы съ точнымъ указаніемъ адресата принимаются:
G. SEGAL, 3, rue d'Anjou, Paris (8-e).
Телефонъ: Elysées, 62-90, 62-91.